

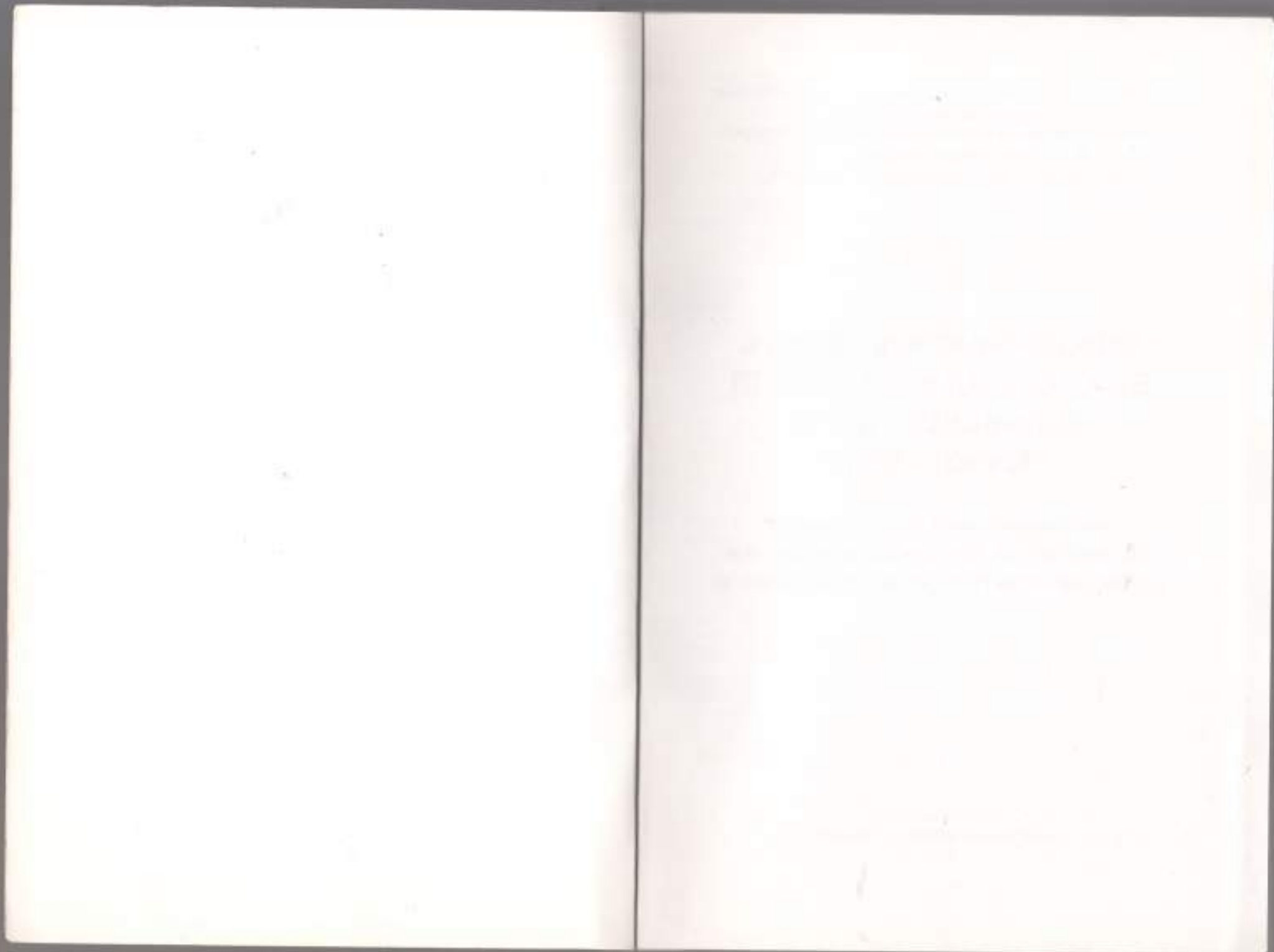

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Материалы V Международной
научно-практической конференции

2003

МАЛАЯ АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. С. АМАНЖОЛОВА
НИИ ДЕМОГРАФИИ ВКУ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

*Материалы V Международной
научно-практической конференции
(г. Усть-Каменогорск, 20-21 октября 2003 г.)*

Усть-Каменогорск
Издательство «Медиа-Альянс»
2004

ББК 60.54
Э 90

Под редакцией: Алексеев А.Н.,
Владимирова В.Н.,
Тарасовой Е.В.,
Калиевой К.С.

Э 90 **Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях:** Матер. V Межд. науч.-практич. конф. Усть-Каменогорск, 20-21 октября 2003 г. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс. – 2004. – 364 с.
ISBN 9965-704-00-7

В сборнике представлены материалы докладов и сообщений, включенных в программу V Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». В них рассмотрены дискуссионные вопросы демографии, этнологии, географии, социологии, истории Казахстана, Кыргызстана, России, Украины, Беларуси, Молдовы. Выявлен круг проблем, характерных как для государств в целом, так и отдельных регионов, широко представлены различные точки зрения.

Э 0302010000
00(05)-03

ББК 60.54

ISBN 9965-704-00-7

© Издательство «Медиа-Альянс», 2004

Х. Абышева

Ресурсный центр гражданского образования «Сана Сезім», г. Шымкент

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

В 1990-е годы в Казахстане резко увеличилась незаконная миграция. Основные причины имеют геополитический, внутривнутриполитический и социально-экономический характер, что обусловлено объективными процессами глобализации мировой экономики, трудовой иммиграции бедных стран юга и юго-востока (стран Африки и юго-восточной Азии) на север и северо-запад: в США, Канаду, западно-европейские страны. Само геополитическое положение республики между Европой и Азией делает ее транзитной страной для стран исхода незаконных мигрантов. Региональная нестабильность и вооруженные конфликты в Афганистане и Таджикистане привели к появлению потока беженцев и вынужденных переселенцев в страны Центральной Азии, в том числе Казахстан. Огромная протяженность границ Республики Казахстан, оказавшаяся без серьезного пограничного контроля после распада СССР и приобретения независимости, – одна из причин роста нелегальной миграции. Другая причина, по которой так трудно происходит борьба с нелегальной миграцией, – слабая правовая и институциональная база, необходимость развития национального законодательства и межведомственной кооперации в вопросах управления миграционными процессами. Так, в Уголовном кодексе Республики Казахстан отведено всего три статьи в отношении частичного трафика и одна статья в отношении торговли несовершеннолетними. Нет мер государственной защиты от трафика, что также создает условия для процветания работорговли. Уголовный кодекс не предусматривает ответственность не только за организацию трафика женщин, но даже за организацию нелегальной миграции в целом. При вовлечении несовершеннолетних максимальное наказание составляет 5 лет тюремного заключения. Если эксплуатируемое лицо вывозится за рубеж, максимальное наказание составляет 8 лет лишения свободы. В феврале 2002 года в Уголовный кодекс была введена ст. 330, которая устанавливает запрет на организацию незаконной миграции через предоставление услуг транспорта и проживания или подготовку поддельных документов, а также предоставление других видов услуг для незаконного въезда, выезда или перемещения по территории страны. Указанная статья

также охватывает деятельность туристических фирм в целях незаконной миграции. Уголовный кодекс (ст. 133) запрещает торговлю детьми. Уголовные преследования по указанным статьям Уголовного кодекса проводились редко. Однако работники прокуратуры применяли другие статьи Уголовного кодекса для привлечения к ответственности лиц, участвовавших в торговле людьми, включая ст. 270 (незаконное вовлечение в проституцию), предусматривающую наказание до трех лет тюремного заключения, а также ст. 271 (проституция, связанная с организованной преступностью), предусматривающую наказание до пяти лет тюремного заключения. Данные официальной статистики расходятся с количеством расследований по ст. 271, которая, по мнению властей, наиболее часто использовалась для принятия мер борьбы против торговли людьми. Трудно определить, какой процент расследований по ст. 271 имел отношение непосредственно к торговле людьми, поскольку правительство не ведет специальной статистики по трафику. Ст. 125 Уголовного кодекса предусматривает наказание за похищение людей в виде лишения свободы на срок до 7 лет. По делу, которое расследовалось в конце прошлого года, несколько лиц, ставших жертвами торговли людьми, подали в гражданский суд иск на туристическую фирму за нарушение условий контракта.

На уровне правительства в борьбе с торговлей людьми наиболее активно участвуют Национальная комиссия по делам женщин и семьи, правоохранительные органы, КНБ и Генеральный прокурор. Прокуроры уполномочены давать указание на проведение следствия. В течение прошлого года проводились расследования по делам, непосредственно относящимся к торговле людьми, включая множество сообщений о трафике, которые появились в средствах массовой информации.

Казахстан является страной, из которой производится вывоз, транзит и ввоз лиц, ставших жертвами трафика. Внутренний трафик также является проблемой для страны. Точных статистических данных о ежегодной численности жертв торговли людьми нет, однако по мнению специалистов эта цифра составляет менее 5000 человек. Лица, ставшие жертвами трафика, вывозились в Объединенные Арабские Эмираты, Южную Корею, Турцию, Грецию, Кипр, Францию, Италию, Португалию, Швейцарию, Бельгию, Израиль и Албанию из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Организаторы трафика в основном стремятся к вывозу молодых женщин в возрасте от подросткового до 20 лет. По нашим данным организаторы тра-

фика обещают большинству женщин хорошую работу или оказание брачных услуг за рубежом. Туристические агентства, службы занятости и брачные агентства зачастую используют объявления о престижной работе за рубежом для привлечения женщин, которые впоследствии становятся жертвами трафика. Также используются предложения об участии в международных конкурсах красоты. По некоторым сообщениям женщины, ставшие жертвами трафика, лично вербовали других женщин. Существуют также свидетельства вывоза молодых мужчин или мужчин среднего возраста в целях сексуальной или трудовой эксплуатации. Создается впечатление, что многие жертвы трафика знают или, по крайней мере, подозревают, что им придется заниматься проституцией, однако они не предполагают, что будут работать в рабских условиях. Большинство жертв трафика выезжают по паспортам, полученным за границей, чаще всего в России или Кыргызстане.

Сегодня правительство в сотрудничестве с НПО оказывает поддержку программам по обучению для судей, прокуроров и работников правоохранительных органов на местном уровне по вопросам, связанным с трафиком. В 2001 году вновь было установлено требование обязательного лицензирования туристических фирм с целью выявления агентств, вовлеченных в трафик. Работники Генеральной прокуратуры провели несколько проверок в конце прошлого года и обнаружили, что многие туристические фирмы не смогли обеспечить возврат своих клиентов в страну. Генеральный прокурор заявил, что большинство туристических фирм добровольно прекратили свою деятельность после проверки.

В 1990-е гг. было принято значительное число постановлений, указов и других нормативных актов, регламентирующих положение иностранных граждан в республике, однако в целом законодательную базу по борьбе с незаконной миграцией нельзя признать адекватной современной ситуации. В законодательстве Казахстана не только нет специального закона, но даже отсутствует юридически корректное определение «незаконного мигранта» и «незаконной миграции».

В законе «О миграции населения» дано определение лишь нелегальным иммигрантам. «Это иностранцы и лица без гражданства, прибывшие на территорию Республики Казахстан самостоятельно, без соответствующего разрешения уполномоченного органа или получившие его обманным путем». В действительности понятие незаконной миграции шире, поскольку между большинством стран СНГ

существует безвизовый режим, и многие прибывают в страну «самостоятельно», без специального разрешения, и это не является нарушением закона. Но когда прибывшие нарушают правила регистрации внутри страны или остаются работать в Казахстане без лицензии, то это уже приобретает характер нелегальной трудовой миграции.

Так, одна из самых серьезных проблем незаконной миграции заключается в том, что многие потенциальные нарушители закона первоначально прибывают в Казахстан легально, по туристическим визам или деловым приглашениям, и лишь потом, по истечении срока визы, остаются в стране, нарушая закон.

В 1991 г. была разрушена монополия государства на трудоустройство наших граждан за рубежом. Из одной крайности мы кинулись в другую — полную свободу в трудоустройстве за границей. Но оказалось, что на зарубежном рынке труда нас никто не ждет. Идет жесткая борьба за каждое рабочее место, и мы в этой международной очереди последние. Серьезной проблемой становится организованная деятельность транснациональных групп по вызову мигрантов. Эта деятельность обусловлена стремлением населения бедных или транзитных стран юга переехать на постоянное место жительства или найти работу в относительно богатых странах Запада. Сложность борьбы с этим явлением заключается в том, что криминальные группы используют развитую инфраструктуру, передовые технологии и коммуникации, которые порой отсутствуют у силовых органов, ответственных за предупреждение трафика мигрантов. Женщины трудоспособного возраста, и особенно в границах 18-45 лет, предпринимают попытки обеспечить себе заработок за рубежом. Однако существует достаточное количество проблем с оформлением документации, легальным въездом, легализацией и правами деятельности туристических фирм, организующих выезд. Практика деятельности большинства таких туристических фирм показала целый ряд нарушений законодательства и в связи с этим печальный опыт многих обманутых людей.

Повлияло на рост миграции и приобретение государством Казахстана суверенитета; и под флагом бывших Республик Советского Союза появилась возможность возвращения этнических групп на свою историческую родину. Но надо сказать, что за последние 10 лет отрицательное сальдо миграции не только поглотило весь естественный прирост, но и превысило его более чем в два раза. Надо отме-

тить, что именно первые годы перехода к рыночным отношениям были годами очень большого экономического спада.

Уже отмечено, что оценка численности незаконных мигрантов является одной из сложных задач в исследовании этого вида миграций ввиду новизны самого явления, отсутствия единой системы учета и контроля и в связи со спецификой самого явления, т.е. незаконным характером въезда-выезда или пребывания иностранных граждан в Казахстане. Например, данные департамента КНБ по Южно-Казахстанской области и ГУВД г. Чимкента таковы: всего за десять дней июля 2002 года зарегистрировано более 20 фактов незаконного перемещения иностранцев по территории области и задержано более 100 человек. С начала 2000 года спецслужбы области задержали свыше двухсот нелегалов. Среди задержанных — граждане Узбекистана, Афганистана, таджики по национальности, прилетевшие из Ирана.

Специфика Казахстана в области миграции прежде всего связана с существованием многонациональной общности населения. Она обусловлена историческими особенностями государства. До 1968 г. для республики было характерно положительное сальдо миграции, потому что число прибывших в страну намного превышало число уезжавших. За периоды 1950-1959 гг. и 1960-1967 гг. в среднем за год на 1 тыс. населения миграционный прирост составлял примерно 12 и 5 человек. Однако уже с 1968 г. и по настоящее время в миграционном процессе складывается обратная ситуация, то есть: внешняя миграция отличается более высокой эффективностью убывания населения, чем пребывания в стране.

Об актуальности проблем внешней миграции можно также говорить по результатам исследований, регулярно проводимых статистическими органами. В качестве основной причины, побуждающей к выезду, называется неудовлетворенность положением на рынке труда (это ставится на первое место). Затем называются жилищно-бытовые условия и семейные обстоятельства. Изучение публикаций средств массовой информации показывает, что поддельные документы, придуманные «легенды», транснациональные криминальные структуры, незаконная поддержка граждан Казахстана, зарабатывающих на этом деньги, — характерные составляющие этого опасного социального явления.

Нас часто спрашивают, легально ли работает та или иная фирма, если ее нет в списке лицензионных. В день раздается несколько таких звонков. Мы говорим, что это нелегальная фирма, и просим

сообщить ее телефон и адрес, а затем всю информацию передаем в Департамент социальной защиты населения Южно-Казахстанской области. Основной лозунг нелегальных фирм таков: за рубежом – рай. Это стереотип советского периода, когда заграница была недостижимой мечтой. На эту удочку попадаете или совсем еще юная молодежь, или старшее поколение, которое по-прежнему верит средствам массовой информации. Сейчас сезон на Кипре, в Греции, Турции: на временную работу требуются официантки, горничные и т.д. Молодежь, чуть-чуть знающая язык, едет по туристическим визам; если находит работодателя, остается работать. Она же и пополняет категорию так называемых «белых рабынь».

Представьте себе: вы хотите найти работу за рубежом. Значит, вам нужна рабочая виза. Рабочую визу дает работодатель. Чтобы найти работодателя, вы должны заявить о себе. Как это сделать? Процент в поиске работодателя по вашей непосредственной специальности через фирмы есть, но весьма низкий. В некоторых странах – традиционных поставщиках рабочей силы на международный рынок труда – трудоустройство за рубеж осуществляется через государственные биржи. Фактически, во многих странах государство само ищет рабочие места за границей, чтобы ликвидировать социальную напряженность в стране. В Турции после второй мировой войны была целая государственная программа: турки в больших количествах выезжали на работу в США, а затем государство содействовало их трудоустройству в Германии. Сегодня в Посольстве Турции в ФРГ дипломаты в ранге атташе ищут для турок новые рабочие места. Что дает турку работа за рубежом? Во-первых, он материально обеспечивает себя и свою семью; во-вторых, часть этих денег через банковскую систему попадает в казну родного государства; в-третьих, он приобретает связи; в-четвертых, повышает квалификацию; в-пятых, у него меняется мышление: из ортодоксального мусульманского оно становится европейским. А самое главное для турка – возможность, вернувшись, открыть свою лавочку. Это его голубая мечта. И он ее открывает, потому что теперь у него есть все: контакты, связи, финансы; его бизнес будет развиваться.

Хотелось бы отдельно остановиться на миграции женщин Республики Казахстан. Хочу заострить внимание на некоторых экономических аспектах миграции. Сама проблема миграции была всегда, но в последнее время в потоках внешней миграции может наблюдаться такая уродливая форма, как эксплуатация и рабство женщин. Наряду с другими причинами тенденции миграции существен-

но сказываются на общей численности женщин. Сегодня мы имеем такой расклад: если за период переписи с 1989 до 1999 гг. общая численность населения снизилась на 1,2 млн, то численность женщин снизилась на 7,2% и составила 7,8 млн женщин. В возрасте от 15 до 59 лет насчитывается 4,6 млн женщин – это примерно 60% от всего женского населения. В возрасте от 25 до 39 лет численность снизилась на 228 тыс., то есть на 11%, и составила 1,8 млн. В возрасте 40-59 лет наблюдается увеличение численности женщин: есть небольшая тенденция увеличения их доли в более зрелом возрасте. Для международной миграции женщин характерна та же тенденция, как и для общей миграции. В период с 1994 по 1999 гг. из страны эмигрировало 886,2 тыс. женщин или почти 52% от общего числа выехавших за пределы Казахстана. В указанные годы в международной миграции женщин также наблюдается отрицательное сальдо миграции. В 1999 г. оно было почти в три раза меньше, чем в 1994 г. Это произошло в основном за счет уменьшения числа эмигрантов в страны СНГ со 184 тыс. до 62 тыс. в 1999 г., а за последние шесть лет отрицательное сальдо миграции сложилось до 743 тыс. В сравнении с 1995 г. число женщин-эмигранток сократилось почти в 2 раза. В эти годы сохраняется положительное сальдо миграции женщин из Монголии, Китая, Афганистана и Ирана, а отрицательное – из Германии, Израиля, США, Греции. Миграционные потери женщин приходится на самый репродуктивный возраст – 15-49 лет. В 1995 г. доля женщин-эмигранток репродуктивного возраста составляла 47%, а в 1999 г. – более 61% (несмотря на то, что из общего числа эмигранток с 1995 г. за пределы республики в этом возрасте выбыло 38,3 тыс. женщин). Несмотря на снижение (в возрасте 18-30 лет женщины подвергаются трафику) – удельная величина снижается с 10 тыс. до 6 тыс., – удельный вес возрастает с 20 до 26%.

Ресурсный центр гражданского образования «Сана Сезим» провел за последние 2 месяца мониторинг звонков «Горячей линии» консультирования по проблемам трафика. Картина выглядит следующим образом: цели выезда, особенно девушками и женщинами, раскрываются неохотно, неопределенно. В связи с этим существует реальная угроза стать жертвами сексуального рабства. Проблема доверия и искренности ответов респондентов в социологии, психологии является достаточно деликатным вопросом, поэтому при гарантированной анонимности неохотно или вообще не раскрываются вопросы сексуального рабства, которые завуалированы под общие вопросы о трудоустройстве за рубежом. Специфика работы ано-

нимой «Горячей линии», определенная популярность для начальных этапов существования определилась достаточно широким спектром вопросов, по которым были проконсультированы респонденты. За 2 месяца своего существования поступило 402 звонка, из которых 220 — от женщин, 180 — от мужчин. Практически все звонки связаны с проблемами заработка. Консультант дал рекомендации по соблюдению мер предосторожности при оформлении документов непосредственного пребывания за границей и устройства на работу. На первый взгляд семейные проблемы трудоустройства в ряде случаев связаны с проблемами потери связи с ними. То есть, потенциально существует проблема как попадания в зависимость (не обязательно сексуальную), так и непосредственно сексуального рабства, если это молодые люди. Первые этапы деятельности «линии» являются показателем необходимости ее существования. Профессиональное консультирование по вопросам трудоустройства и последствий трафика заполнит вакуум, имеющийся между общественным мнением и органами, призванными заниматься непосредственно вопросами миграции, трудоустройства в республике и за рубежом. Длительная практика существования «Горячей линии» определит доверительное отношение к ней, в связи с этим и вопросы, не затронутые респондентами, но имеющиеся в статистических данных по области, такие, как заключение и расторжение брака с иностранцами, конкретные случаи трафика, коммерческого секса, здоровья, станут менее завуалированы. Расширение сферы информированности населения по вопросам трудоустройства за рубежом, особенно молодежи, является актуальной социальной проблемой нашего региона и республики в целом. Но для Южно-Казахстанского региона, как транспортного центра нелегального осуществления трафика, она является проблемой № 1. Надо сказать, что среди потенциальных мигрантов женщины по сравнению с мужчинами характеризуются более высокой готовностью к внешней миграции. В этой связи одной из причин трафика представляется незнание женщинами условий, с которыми они могут столкнуться в стране, куда они выезжают. Еще мы бы хотели сказать, что одной из причин трафика являются экономические проблемы: если характеризовать состояние дел на рынке труда, то следует отметить, что почти 60% от общего числа безработных составляют женщины. Мы можем сказать, что у безработицы женское лицо. Официально в органы трудоустройства обратилось 34,6 тыс. женщин, то есть почти каждая пятая, а почти каждая вторая находится в поисках работы. Когда зада-

вался вопрос на предмет того, «почему вы хотите выехать за границу», то большинство отвечали, что они хотели бы иметь хорошо оплачиваемую работу.

Достаточно проблематично пребывание наших соотечественников непосредственно за рубежом. Незнание элементарных прав, законодательства той страны, куда они выезжают, предпочтение «более легких путей» (без оформления соответствующих документов, страховки) определяют большей частью бесправность существования. Одним из проявлений «легких денег» считается проституция и сутенерство за рубежом. Девушки и женщины предпочитают нелегальным путем в кратчайшие сроки заработать приличные деньги, но попадают в сети достаточно налаженной системы сексуального рабства, где предусмотрены все меры сохранения стабильности и недопущения получения сверхприбылей.

Наше общество еще мало информировано об этой проблеме, и в данной области по сути не сформировалось общественное мнение. По оценкам экспертов в 1997 году более 175 тысяч женщин и девушек были контрабандным путем вывезены из Центральной и Восточной Европы и СНГ в другие государства. В Казахстане выезд и незаконный вывоз женщин с целью их последующей трудовой и сексуальной эксплуатации становится все более заметным явлением, при этом информации о нем явно недостаточно. Жертвы трафика обычно живут и работают без виз и паспортов или по поддельным паспортам, превращаясь в незаконных мигрантов.

Правоохранительные органы достаточно глубоко изучают систему нелегальной отправки, которая до настоящего времени является хорошо отлаженной. Борьба с такой сетью трудно, т.к. ее представители оперируют в нескольких странах и пользуются передовыми виртуальными коммуникациями. Уровень межгосударственного сотрудничества в Центральной Азии и СНГ в этой области не настолько высок, чтобы силовые органы могли оперативно реагировать и предупреждать случаи трафика мигрантов. Отсутствие как в официальной статистике показателей по трафику женщин из Казахстана, так и среди населения представления об этой проблеме создает наилучшие условия для процветания трафика в Казахстане в современной форме насилия и рабства.

Предупреждение потоков незаконной миграции требует также международного сотрудничества, в первую очередь в рамках СНГ, которое сейчас находится на начальном этапе своего развития. В некоторых случаях недоработки в правовой сфере являются причи-

ной сохранения потока нелегалов из той или иной страны. Например, существование безвизового режима между Киргизией и Китаем с одной стороны и Казахстаном и Киргизией с другой стороны приводит к тому, что незаконные мигранты из Китая проникают в нашу республику через соседнюю Киргизию.

Сотрудничество с международными организациями способствует решению некоторых проблем незаконной миграции: укреплению потенциала местных организаций, развитию консультативной помощи при разработке законодательства и т.д. Например, Международная организация по миграции в Казахстане инициировала проект по совершенствованию системы пограничного контроля в южных регионах республики. УВКБ ООН консультирует при разработке законодательства в области беженцев, оказывает практическую помощь беженцам и лицам, находящимся в ситуации, сходной с ситуацией беженца. Международная программа ООН по контролю за наркотическими средствами (МПКНСООН) разработала программу помощи Центрально-Азиатским государствам в борьбе с распространением наркотиков. В рамках программы подготовлена база данных о наркопутьях и регионах потребления наркотиков, проводится подготовка кадров. Недавно МПКНСООН стал осуществлять социально-ориентированные программы по борьбе с бедностью, а в Казахстане с 1999 г. проводится образовательная программа против потребления наркотиков. Международные организации могли бы сыграть свою позитивную роль в налаживании конструктивного сотрудничества между странами Центральной Азии, СНГ, дальнего зарубежья в борьбе с незаконной миграцией.

Распространение незаконной и транзитной миграции привлекает в настоящее время все больше и больше общественного внимания. Следует также проводить научные исследования по незаконной трудовой миграции, законодательному и институциональному развитию в этой области. Необходима пропаганда правовых знаний, процедур юридически правильно оформленной иммиграции в любую страну, которую граждане определяют для себя в качестве страны достижения.

У государства нет программ профилактики трафика, однако неправительственные организации продолжают начатые усилия, направленные на борьбу с трафиком людей, и правительство поддерживает сотрудничество с этими организациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобальные проблемы. Борьба с торговлей людьми // Электронный журнал Государственного департамента США, 2003. — Т. 8. — № 2.
2. Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже 21 века: основные тенденции и перспективы. — Алматы, 2001.
3. Тлегунова Г., Шеденова Н. Проблемы трафика казахстанских женщин: факторы риска и предупреждение. — Алматы, 2000.

Е.Н. Авдеев

Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Трудовая миграция в конце XX-начале XXI в. стала одним из самых широкомасштабных видов миграции населения на постсоветском пространстве. Столь значительные перемещения людей с целью получения материального дохода были вызваны социально-экономической дифференциацией как между отдельными государствами, так и внутри них.

По степени благополучности социально-экономического положения Ставропольский край в рамках Южного федерального округа отнесен нами в число территорий с потенциально высокой интенсивностью трудовой миграции населения (как в край, так и за его пределы).

Как показали первые исследования этого явления (в первую очередь, проводившиеся Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН под руководством Ж.А. Зайончковской), в трудовую миграцию вовлечено до 8-12% домохозяйств в российских городах, в том числе в Ставрополе — 12% [1].

Нами проведен социологический опрос трудовых мигрантов, совершающих свои поездки как на территории Ставропольского края, так и выезжающих за его пределы. Исследование осуществлялось по аналогичной вышеуказанной программе, где объектами изучения были домохозяйства, поиск которых производился методом «снежного кома» (через родственников, знакомых, коллег и т.д.). Всего было опрошено 192 человека. Целью анализа в данной рабо-

те стало выявление гендерных особенностей трудовой миграции населения в Ставропольском крае, осуществленное с использованием автоматизированного комплекса обработки результатов социологических исследований «Анкета», созданного авторским коллективом географического факультета Ставропольского государственного университета.

Соотношение опрошенных мужчин и женщин составило 5:3. Данное неравенство позволяет предположить существование высокой роли психологических, физических и моральных нагрузок при осуществлении трудовых миграций, отражающееся на половой структуре данного вида перемещений населения.

Все опрошенные находятся в трудоспособном возрасте (15-60 лет), большинству из них – 30-49 лет (60% мужчин и 70% женщин). В молодом возрасте (до 29 лет) более активны мужчины (почти 1/4 против 1/10 у женщин).

Большинство мужчин женато и является главами домохозяйств (80%). Доля замужних женщин меньше (60%), а разведенных довольно значительна (около 1/5). Четвертая часть женщин возглавляет домохозяйства.

Трудовые мигранты имеют высокий образовательный уровень, причем у женщин он выше. Почти половина из них имеет высшее и незаконченное высшее образование (против 40% у мужчин), почти 40% – среднее специальное (мужчин – 1/4). Распределение профессионального состава по секторам экономики (первичному, вторичному и третичному) тоже имеет отличительные особенности. У мужчин соотношение составляет 10:40:50, у женщин – 5:10:85.

40% трудовых мигрантов (и женщин, и мужчин) имели и опыт переселения на новое постоянное место жительства (большинство внутри края и региона). Лишь 3% приобрели статус беженца или вынужденного переселенца.

География проживания опрошенных домохозяйств мужчин и женщин приблизительно одинакова: около 1/3 – в городской, около 1/2 – в сельской местности Ставрополья, остальные – в субъектах Северного Кавказа (главным образом, в Карачаево-Черкесии).

Большинство домохозяйств состоят из 4 человек (около 40%), но среди небольших (1-3 человека) преобладают «женские» (более 40% против 1/3 «мужских»), а среди больших (5-9 человек) – «мужские» (1/4 против 1/6 «женских») домохозяйства.

Абсолютное большинство домохозяйств проживают в собственных квартирах (около 40%) и домах (более 50%) средней площадью

51-75 м² (около 40%) или более 76 м² (около 40%) с преобладанием полного благоустройства (2/3). 1/8 «мужских» и почти 1/6 «женских» домохозяйств имеют во владении и другое жилье. Но при этом более 1/2 мужчин считают, что жилищная проблема у них решена (против 44% женщин), а 30% женщин не удовлетворены благоустроенностью своих жилищ (против 1/6 мужчин).

По постоянному месту жительства работает половина мужчин и почти 40% женщин (из них 2/3 и почти 60% соответственно имеют собственный бизнес). Из неработающих лишь 1/6 часть имеет статус безработного (хотя для них выездная работа по найму может считаться противозаконной).

Материальное положение семей трудовых мигрантов-женщин менее благополучно. Так, 80% мужчин считают, что живут они хорошо или приемлемо (против 2/3 женщин), а 1/4 женщин живет очень скромно или бедствует (против 1/6 мужчин). Аналогичная ситуация и с оценкой домашнего имущества. Более 80% мужчин имеют практически все необходимое (против 2/3 женщин), а 30% женщин считают свое имущество старым и плохим (против 1/6 мужчин). Но при этом владение дорогостоящими предметами в домохозяйствах мужчин и женщин приблизительно одинаково: видеоманитонами – около 85%, легковыми автомобилями – почти 2/3, стиральными машинами-автоматами – около 60%, мотоциклами – 2/3 и 1/5, сотовыми телефонами – 30% и 1/4, компьютерами – 1/4 и 30%, СВЧ-печами – 27% и 19% соответственно. Дачу имеют почти 40% мужчин и женщин.

Оценки того, как питаются и одеваются семьи трудовых мигрантов, совпадают с предыдущими. Мужчины более удовлетворены своими возможностями (около 40% – в наибольшей степени), около 45% женщин могут позволить себе не все.

Основным источником доходов для домохозяйств трудовых мигрантов является работа на выезде (около 60%). Для половины «женских» – это еще и работа на предприятиях («мужских» – 1/3). Около 30% «мужских» домохозяйств зарабатывают собственным бизнесом (как и около 1/5 «женских»).

В подтверждение наших предположений анализ полученных результатов показал, что главной причиной трудовой миграции опрошенные считают надежду на хорошие заработки (более 40% мужчин и более 1/3 женщин), а вынуждает их искать выездную работу низкая зарплата на прежнем месте (более 1/3) и ее нерегулярные выплаты (1/5 и 1/6 соответственно), а также невозможность найти работу в своем населенном пункте (около 1/6).

Большая часть опрошенных трудовых мигрантов начала свою выездную деятельность в период 1992-1998 гг. (более 1/2). После 1998 г. стали совершать поездки почти 30% мужчин и более 1/5 женщин. Менее 1/5 опрошенных начали работу еще в советское время. Поиск последнего места работы на выезде большинство опрошенных осуществляли самостоятельно (45%) или через родных, знакомых (45% мужчин и 1/3 женщин).

Впервые мужчины выехали в Москву (1/4) или субъекты Северного Кавказа (более 1/5), женщины – в Ставрополь или дальше зарубежье (1/5). В дальнейшем их внимание переключалось на Пятигорск (более 40% мужчин и женщин). К наиболее посещаемым местам в пределах края можно отнести Пятигорск, Ставрополь, Минеральные Воды, из субъектов Северного Кавказа – Ростовскую область и Краснодарский край, также Москву, страны Европы и Юго-Западной Азии.

Преобладающим занятием трудовых мигрантов является челночная торговля (половина опрошенных), работой по найму заняты более 1/3 мужчин и более 40% женщин. Ремонтно-строительными работами занимаются 1/5 мужчин и всего 7% женщин. Те, кто занимались разными видами деятельности, считают наиболее выгодной и легкой – торговлю.

Материальное положение своих семей в результате трудовых миграций мужчины улучшили значительно, чем женщины (30% против 20%). Почти не изменилось оно у 26% женщин против 13% мужчин. Тем не менее улучшение в целом почувствовали почти 80% мужчин и 2/3 женщин. Соответственно, и выездные заработки вполне устраивают 60% мужчин (против 1/2 женщин), а малы они у почти 1/2 женщин (против 30% мужчин).

Спектр решенных с помощью выездных заработков проблем очень широк, но общая тенденция заключается в превосходстве мужчин над женщинами: 1/6 из них проблем вообще не решила (против 8% мужчин). В целом рейтинг выглядит следующим образом (мужчины и женщины соответственно):

- хорошее питание: 2/3 и 1/2;
- хорошая одежда: 2/3 и 60%;
- бытовая техника: 2/3 и 55%;
- новая мебель: 1/2 и 1/3;
- платные медицинские услуги: 45 и 40%;
- материальная помощь родственникам: более 40% и 1/3;
- легковая машина: 40 и 30%;

- капитальный ремонт жилища: около 40%;

- отдых на хорошем курорте: 30% и 1/8.

Обращает на себя внимание то, что 43% женщин оказывают значительную материальную помощь своим близким родственникам (против 33% мужчин). Женщины помогают родственникам найти работу на выезде (32% против 21% мужчин) и открыть свой бизнес (16% против 13% мужчин).

В результате оценки положительного влияния выездной деятельности несколько разнятся. Значительный материальный эффект указывают более 45% мужчин (против 40% женщин). Более 20% женщин работа на выезде позволяет сводить концы с концами (против 1/6 мужчин), а 1/10 женщин вообще не видит никакого положительного эффекта (против 6% мужчин).

В свете всего вышесказанного закономерными выглядят ответы на вопрос о том, устраивает ли их «мигрантская» жизнь (мужчин и женщин соответственно):

- устраивает вполне: 15% и 1/10;
- в основном устраивает: 35 и 14%;
- отчасти устраивает: 32 и 47%;
- совершенно не устраивает: 8% и 1/8.

Соответственно, и настроение опрошенных трудовых мигрантов выше у мужской части. Хорошее оно у почти половины мужчин (против 39% женщин), а напряжение, раздражение и страх испытывают 30% женщин (против 1/5 мужчин).

Понятно, что доля прекративших выездную деятельность выше у женщин (23% против 11% мужчин). Причем десятая часть женщин не собирается больше заниматься работой на выезде (против 8% мужчин), хотя бросить в ближайшее время 15% (против 11% мужчин). Будут продолжать заниматься выездной деятельностью только 42% женщин (против почти 60% мужчин).

Среди негативных факторов, отрицательно влияющих на совершение трудовых миграций, более половины женщин (прекративших работу) называют личные причины, а десятая их часть – экономический кризис августа 1998 г. Кстати, этот процесс повлиял на снижение выгодности поездок у почти 40% и мужчин, и женщин (но почти не повлиял на половину опрошенных). Интересен тот факт, что жалеют о начале выездной деятельности лишь 7% женщин и 3% мужчин.

Среди отрицательных последствий трудовой миграции большинство опрошенных указывают их отсутствие (более 40%); 30% отмечают сокращение времени на воспитание детей. Почти 30% женщин говорят об ухудшении здоровья (против 1/4 мужчин).

Таким образом, исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что трудовая миграция мужчин более эффективна и носит более меркантильный характер. Выездная деятельность женщин менее эффективна и направлена в основном на поддержание материального положения домохозяйств.

Далее приводится сравнительный обобщающий портрет (по преобладающим вариантам ответов) трудовых мигрантов (мужчин и женщин), занимающихся различными видами выездной деятельности.

Как уже отмечалось, доля занятых челночной торговлей выше у женщин (более 50% против 47% мужчин). Выезжают за товаром раз в месяц: мужчины — одни, женщины — с членами семьи. На выезде чаще всего живут в автобусе (машине) или в гостинице. Поездка длится 5-7 дней, товар покупается оптом, а продается в розницу. Мужчины имеют своих поставщиков (главным образом в Москве), а женщины — нет. Покупателей-заказчиков имеет большинство опрошенных (приезжают они из различных городов Ставропольского края). Приобретенный товар грузится без посторонней помощи и вывозится своим автотранспортом. Реализация осуществляется самостоятельно на постоянном торговом месте на рынке своего населенного пункта. Главные проблемы в торговом бизнесе: у мужчин — с милицией, транспортировкой и реализацией товара, у женщин — с реализацией и транспортировкой товара, с питанием.

Доля работающих по найму тоже выше у женщин (более 40% против 36% мужчин). Мужчины заняты в промышленности, женщины — в сфере услуг. Оформлены по официальному договору. Место работы на выезде не меняли. Работают не по специальности, но женщины более уверены в том, что эта работа соответствует их образованию, знаниям, опыту. На выезде живут одни: мужчины общаются с семьей раз в месяц, женщины — очень редко. Мужчины зарегистрированы (без внесения дополнительных средств), а женщины — нет (в связи с отсутствием необходимости). На выезде проживают в снимаемом жилье. Из социальных гарантий и льгот предоставляются оплачиваемые отпуск, больничный и медицинские услуги, а также бесплатное питание. Местное население относится к ним нормально, дружелюбно, а главными проблемами трудовые мигранты считают проблемы с регистрацией и оплатой труда, а также неустойчивость быта.

Доля мужчин, выполняющих ремонтно-строительные работы, выше, чем женщин (более 1/5 против 7% женщин). Последнее место работы у них — Москва, где мужчины работают круглый год, а жен-

щины — только в сезон. Проживают на выезде одни, очень редко общаясь с семьей. Выезжают бригадами, но объявлений о своих услугах не делают. Живут у работодателей, главными проблемами считают расчет с заказчиком, прописку, неполноценные медицинские помощь и питание.

Таким образом, на основании всего вышесказанного мы считаем, что одним из главных направлений оптимизации процессов трудовой миграции должно стать рассмотрение гендерного аспекта, а также необходимость помощи женщинам, осуществляющим выездную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России». — М., 2001. — С. 10.

А.Б. Адыльбекова, Е.Г. Долгов

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА НА ХАРАКТЕР ДОНОЗОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Изучение изменений в состоянии здоровья населения в связи с воздействием факторов окружающей среды представляет собой актуальный аспект современных медико-демографических исследований. Важной задачей такого рода работ является выяснение характера неспецифических изменений физиологического статуса организма человека, находящегося в неблагоприятной экологической среде обитания.

Накопленные к настоящему времени научные данные свидетельствуют, что воздействие негативных факторов окружающей среды вызывает донозологические изменения состояния здоровья людей, предшествующие развитию различных заболеваний или являющиеся их скрытыми стадиями [1-3].

Показано, что возникающие при воздействии неблагоприятных факторов природной и антропогенной среды донозологические состояния характеризуются мобилизацией функциональных резервов и приспособительных реакций организма, направленных на нормализацию процессов жизнедеятельности [4-6]. Вместе с тем установлено, что эти сдвиги не всегда обеспечивают полное сохранение здоровья, в связи с чем немало людей, считающихся практически здоровыми, на протяжении длительного времени находятся в промежуточном состоянии между здоровьем и болезнью, из которого и происходят различные заболевания [7].

Вышеизложенное послужило основанием для проведения исследования функционального состояния организма у 24 юношей и 61 девушки – студентов ВКГУ, в возрасте 17-24 лет, постоянно проживающих на эколого-депрессивной территории г. Усть-Каменогорска. У данного контингента обследуемых определяли комплекс показателей, отражающих функции сердечно-сосудистой и легочной систем, играющих, как известно, весьма важную роль в осуществлении нормального уровня процессов жизнедеятельности, участвующих в защитно-приспособительных реакциях и являющихся ключевым блоком энергетического обеспечения деятельности всех систем организма.

У обследуемых студентов регистрировали частоту сердечных сокращений, измеряли систолическое и диастолическое артериальное давление. По индексам Старра и Скибинской рассчитывали систолический объем крови (СО) и функциональное состояние дыхательной системы [8]. По систолическому объему и частоте сердечных сокращений определяли минутный объем кровообращения (МОК). Рассчитывали также величину сердечного индекса (СИ), вегетативного индекса Кердо (ВИК), коэффициента выносливости Кваса (КВ) и индекса Робинсона [8, 9]. Полученные значения исследуемых показателей сопоставляли с их средними величинами.

Исходя из того, что лишь применение нагрузочных проб позволяет выявить скрытые дефекты или проявления декомпенсации [10], исследование функций кардиореспираторной системы проводили не только в покое, но и после применения физической нагрузки в 20 глубоких приседаний за 30 с.

Результаты обследования показали (табл. 1 и 2), что у большинства испытуемых имело место снижение показателей систолического объема крови (СО), минутного объема кровообращения (МОК) и сердечного индекса (СИ) в покое.

Таблица 1

Показатели гемодинамики юношей (в %)

Уровень	СО	МОК	СИ
Выше среднего	12,5	41,7	29,2
Равен среднему	41,7	-	8,3
Ниже среднего	45,8	58,3	62,5

Таблица 2

Показатели гемодинамики девушек (в %)

Уровень	СО	МОК	СИ
Выше среднего	11,5	31,1	47,5
Равен среднему	42,6	-	8,2
Ниже среднего	45,9	68,9	44,3

Как видно из табл. 1, низкие показатели СО отмечались у юношей в 45,8%, МОК – в 58,3% и СИ – в 62,5% случаев. У девушек (табл. 2) такие показатели наблюдались в 45,9%, 68,9% и 44,3% соответственно.

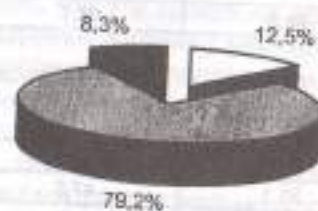
Результаты исследований функции сердца в условиях дополнительных нагрузок представлены на рис. 1. Учитывая частоту сердечных сокращений (ЧСС) и артериальное давление (АД) в покое, изменения их сразу после нагрузки, длительность и характер восстановительного периода, была оценена реакция ЧСС и АД на функциональную нагрузочную пробу в целом по группе.

Рис. 1. Распределение реакции ЧСС и АД на функциональную пробу в целом по группе

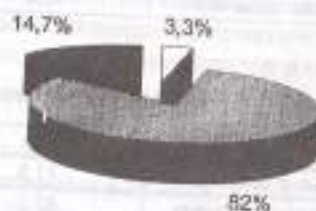
В большинстве случаев (81,2%) у студентов наблюдалась лишь удовлетворительная реакция на функциональную пробу.

На рис. 2, 3 представлены реакции ЧСС и АД на использованную функциональную пробу у обследуемых юношей и девушек.

□ хорошая реакция
■ удовлетвор. реакция
■ неудовлетвор. реакция

Рис. 2. Распределение реакции ЧСС и АД на функциональную пробу у юношей

□ хорошая реакция
■ удовлетвор. реакция
■ неудовлетвор. реакция

Рис. 3. Распределение реакции ЧСС и АД на функциональную пробу у девушек

У юношей хорошая реакция отмечалась в 12,5%, удовлетворительная реакция наблюдалась в 79,2%, неудовлетворительная — в 8,3%. У девушек эти виды реакций регистрировались соответственно в 3,3; 82,0 и 14,7% случаев.

Исследование функции сердца в условиях дополнительных нагрузок выявило как в целом по группе, так и отдельно у юношей и девушек в подавляющем большинстве случаев преобладание удовлетворительных реакций ЧСС и АД. Неудовлетворительные реакции (в 14,7% случаев) чаще наблюдались у девушек.

При оценке функции легких выявлено, что в большинстве случаев (78,8%) она также характеризовалась удовлетворительной оценкой. Показатели хорошей функциональной деятельности легких составляли всего 18,8%. В 2,4% случаев работа легочной системы оценивалась неудовлетворительно (рис. 4).

Состояние вегетативной нервной системы оценивалось по вегетативному индексу Кердо (ВИК). В большинстве случаев (54%) у обследуемых наблюдалась гиперсимпатикотония. Парасимпатические влияния были зарегистрированы в 39% случаев. Отсутствие сдвигов равновесия в вегетативной регуляции отмечалось лишь у 7% студентов.

Рис. 4. Результаты оценки функции легких

Функциональное состояние сердечно-сосудистой системы характеризуется также коэффициентом выносливости Кваса (КВ). Увеличение его указывает на ослабление деятельности сердечно-сосудистой системы, уменьшение — на усиление. У 49% обследуемых было выявлено увеличение КВ, у 45% — уменьшение. Лишь в 6% случаев этот показатель был в пределах нормы.

Величина «двойного произведения» (ДП), или индекса Робинсона, достаточно точно отражает уровень потребления кислорода миокардом. При достижении величины ДП в 2,2 раза больше исходных на ЭКГ регистрируются смещения сегмента ST, свидетельствующие о патентных формах заболевания [11]. Такие же значения ДП наблюдались у 20% обследуемых.

Результаты наших исследований свидетельствуют о том, что у большого числа обследуемых имеют место существенные нарушения регуляторных и адаптационных механизмов системы кровообращения и дыхания, выражающиеся в низком уровне функциональной деятельности сердечно-сосудистой и легочной систем, являющихся важнейшими системами жизнеобеспечения организма.

Итоги проведенных исследований свидетельствуют, что физиологическое состояние организма студентов, проживающих в г. Усть-Каменогорске, характеризуется недостаточным уровнем адаптации кардиореспираторной системы к условиям окружающей среды.

Из полученных фактов вытекает, что исследование донологических изменений здоровья людей, проживающих в неблагоприятных экологических условиях, является тонким индикатором состояния окружающей среды.

Полученные данные указывают на необходимость разработки и применения мер, направленных на сохранение здоровья и улучшение адаптационных потенциалов организма молодежи, находящейся в сфере воздействия неблагоприятных факторов жизненной среды обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казначеев В.П. Дензозологическая диагностика в практике массовых обследований населения / В.П. Казначеев, Р.М. Баевский, А.П. Берсенев. - Л.: Медицина, 1980. - 208 с.
2. Прокопенко Ю.И. Итоги изучения начальных изменений в состоянии здоровья населения, связанных с действием неблагоприятных факторов окружающей среды / Ю.И. Прокопенко // Состояние и перспективы развития гигиены окружающей среды. - М., 1985. - С. 12-19.
3. Баевский Р.М. Проблемы здоровья и нормы: точка зрения физиолога / Р.М. Баевский // Клиническая медицина. - 2000. - № 4. - С. 59-64.
4. Азцын А.П. Патология человека на Севере / А.П. Азцын, А.А. Жаворонков, А.Г. Марачев. - М., 1985. - 378 с.
5. Сидоренко Г.И. Современные проблемы гигиены окружающей среды и ее место в системе наук о биосфере. Обзорная информация / Г.И. Сидоренко. - М. - Вып. 1. - С. 35.
6. Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации / В.П. Казначеев. - Новосибирск, 1986.
7. Брехман И.И. Человек и биологически активные вещества / И.И. Брехман. - Л., 1976.
8. Дубровский В.И. Спортивная медицина: Учеб. для студ. вузов / В.И. Дубровский. - М., 1998. - С. 144-146.
9. Маршалл Р.Д. Функция сердца у здоровых и больных / Р.Д. Маршалл, Д.Т. Шеферд. - М., 1972. - С. 16-19.
10. Малов Ю.С. Адаптация и здоровье / Ю.С. Малов // Клиническая медицина. - 2001. - № 12. - С. 61-63.
11. Аникин В.В. «Двойное произведение» и особенности изменений сегмента ST ЭКГ при физической нагрузке у больных стенокардией / В.В. Малов // Клиническая медицина. - 1981. - № 4 - С. 102-103.

З.Н. Айтказина

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ (по данным социологического обследования)

Человечество возобновляется путем естественной смены поколений в рамках биологически заданной видовой популяции, при этом

люди контролируют и воздействуют на собственное воспроизводство в соответствии со своими потребностями. Так, сокращение числа рождений в большинстве случаев объясняется прежде всего не исчерпывающимися возможностями потенциальной плодовитости и даже не отсутствием желания иметь детей, а изменением направленности потребностей и ценностей в современном обществе. Поэтому в изучении процесса воспроизводства и, в частности, проблем рождаемости важным является исследование репродуктивных установок — психологического регулятора поведения, предрасположенности личности, определяющей согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей.

Сотрудниками НИИ демографии ВКГУ в 2003 г. проведено исследование репродуктивных установок женщин Восточно-Казахстанской области.

Обследование включило в себя рассмотрение таких проблем, как выявление региональных особенностей современного процесса воспроизводства населения Восточно-Казахстанской области, оценка обусловленности и характеристика структуры репродуктивных установок женщин Восточно-Казахстанской области.

Массив выборочной совокупности составил 2000 женщин. Сбор информации осуществлялся на основе многоступенчатой выборки. Опрашивались женщины казахской и русской национальности в возрасте 15 лет и старше. Все респонденты делились на 5 равнопредставленных типических групп, в зависимости от мест расселения: 1) большие города (людность от 100 тыс.ч. и выше), 2) средние и полусредние города (людность от 20 до 100 тыс.ч.), 3) малые города (людность до 20 тыс.ч.), 4) крупные села (более 1000 жителей), 5) средние и малые села (от 1000 и менее).

Основное содержание данной работы заключается в рассмотрении установок на детность и контрацепцию городских и сельских женщин Восточно-Казахстанской области по данным социологического обследования (рис. 1).

Характеристика установок на детность выражается в представлениях об идеальных, ожидаемых и планируемых показателях рождений.

Идеальное число детей фиксирует «наилучшую» детность и характеризует общественное мнение, воспринятое сквозь призму личностных позиций.

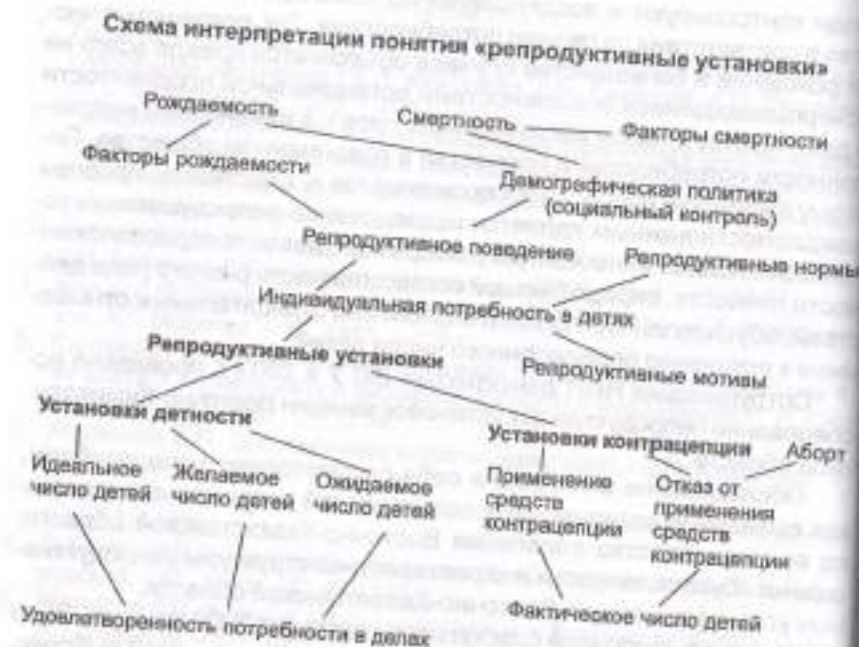

Рисунок 1

Мнение городских женщин об идеальном числе детей существенно отличается от сельских, что объясняется наличием различий в общественных идеалах городских и сельских жителей.

При рассмотрении данного вопроса по этническому признаку можно выявить следующее: большинство русских женщин, проживающих в городе, в идеале предполагают наличие двух и трех детей, показатели которых фактически равны, а проживающие в селе – прежде всего четырех, а затем уже трех и двух; казашки как города, так и села отдают предпочтение двум детям (рис. 2).

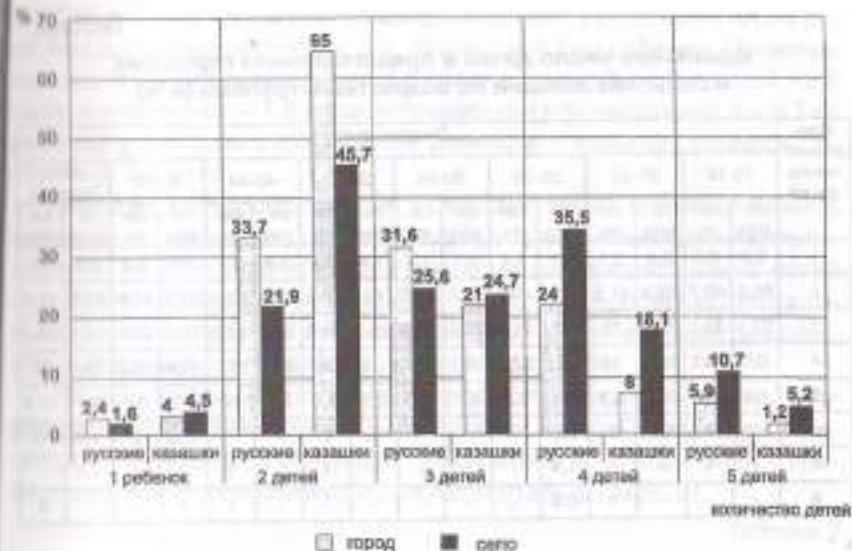

Рис. 2. Идеальное число детей в представлениях городских и сельских женщин в разрезе национальностей (в %)

Следовательно, изменения, происходящие в общественных представлениях о наилучшем числе детей в сторону малодетности, у казахов происходят гораздо быстрее, чем у русских, несмотря на наличие единого территориального, экономического, политического пространства и процесс урбанизации. Объяснение данному явлению можно найти в наличии обширных родственных связей между городскими и сельскими казахами, а следовательно, и обмена информации и опыта, в отличие от несколько замкнутых русских семей.

По возрастным когортам в городе женщины всех возрастных групп отдают явное предпочтение двум детям, а в селе – двум, трем и четырем. При этом у молодого поколения (15-24 года) представление о «наилучшей» детности в селах приближается к мнениям городских женщин. Таким образом, по возрастным группам дифференциация мнений об идеальном числе детей у городских и сельских женщин возрастает с увеличением возраста женщин (табл. 1).

Планирование детей осуществляется, как правило, с позиции наличия тех или иных условий жизни. Одним из важных условий является наличие или отсутствие брака, т.е. брачное состояние (рис. 3).

Идеальное число детей в представлениях городских и сельских женщин по возрастным группам (в %)

Таблица 1

Идеальное число детей	Возраст, лет															
	15-19		20-24		25-29		30-34		35-39		40-44		45-49		50 и старше	
	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло
1	3,5	6,3	3,4	2,1	4,1	3,1	4,7	1,1	1,4	3,1	3,4	2,2	2,1	3,3	3,4	3,1
2	65,5	42,7	55,8	41,5	51	40,6	50,3	38,3	51	28,6	47,6	32,2	38,9	32,6	34,5	14,6
3	21,1	33,3	27,9	33	31	21,9	29,3	23,4	23,1	24,5	24,8	12,2	29,9	23,9	24,1	28,1
4	8,5	13,6	10,2	16	9	27,1	15,2	27,7	21	34,7	20,7	40	21,5	29,3	22,1	28
5	1,4	2,1	1,7	5,3	2,1	7,3	2,1	5,3	3,5	6,1	3,4	10	4,9	6,7	9,7	18,8
6	-	1	1,7	1	0,6	-	-	-	-	2	-	1	2,8	2	4,8	7,3
7	-	1	-	-	1,4	-	-	-	-	1	-	1	-	-	1,4	-
8	-	-	-	1	0,6	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	2

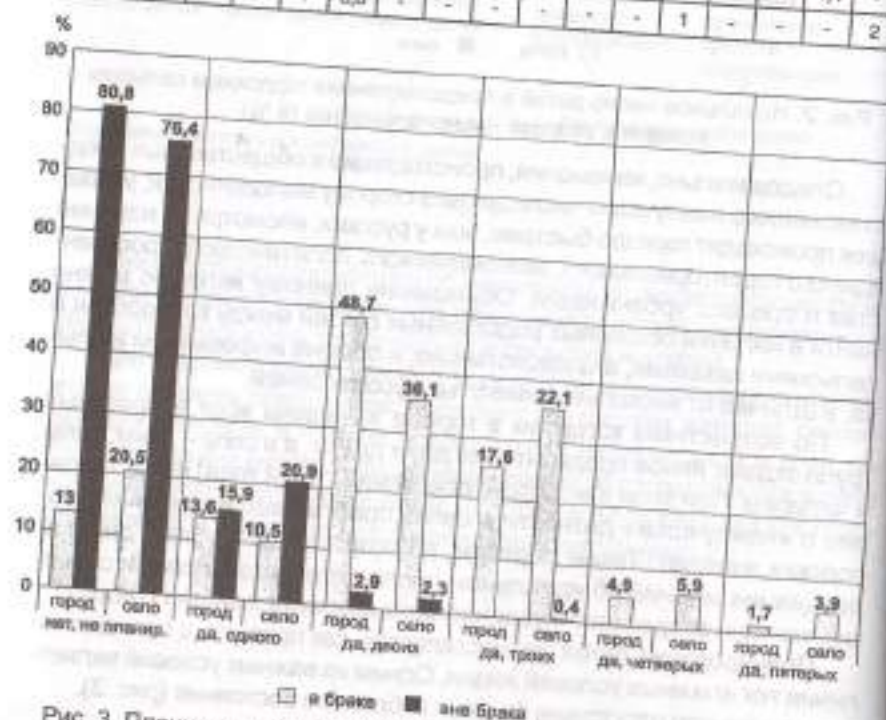

Рис. 3. Планирование городскими и сельскими женщинами рождения детей в браке и вне брака

Так, в браке женщины независимо от мест расселения планируют иметь преимущественно 2-х, затем 3-х и 1-го ребенка. Примечательно, что у городских разница в предпочтении 2-х и 3-х детей - 2,8 раза, а у сельских - 1,6 раза; и показатели планирования 3-х и 1-го ребенка у городских фактически равны, а у сельских разница составляет 2,1 раза.

Вне брака как городские, так и сельские если и планируют иметь детей, то, как правило, одного, максимум двух и лишь единицы трех. В целом из всех планирующих иметь детей ожидают иметь детей вне брака не более 10%. Следовательно, традиционные стереотипы о том, что рождение ребенка возможно только в семье, оказывают существенное влияние на установки детности.

По возрастным когортам по вопросу о планировании детей у городских и сельских женщин наблюдается схожая тенденция. Планируют иметь детей в основном 15-30-летние, а не планируют - преимущественно женщины от 30-ти лет и старше (табл. 2).

Таблица 2

Планирование рождений детей городскими и сельскими женщинами по возрастным группам (в %)

Возраст, лет	Да, планирую		Нет, не планирую		Учитывая мой возраст (состояние здоровья и т.д.), меня это не касается	
	город	село	город	село	город	село
15-19	85,6	78,1	3,6	14,8	10,8	9,1
20-24	87,5	81,5	9,7	15,2	2,8	3,3
25-29	76,6	68,8	18,4	28,1	5	3,1
30-34	43,4	40,7	46,2	47,3	10,3	12,1
35-39	22,4	20,6	47,6	57,6	29,9	24,7
40-44	4,1	9,6	52,4	59,6	43,5	30,9
45-49	3,4	4,2	36,7	41,7	59,9	54,2
50 и старше	2,1	-	30,1	23,2	67,8	-

В разрезе национальностей в планировании детей можно выделить, что в городе как русские, так и казашки предпочитают планировать детей, а в селе у женщин высок показатель отсутствия планирования рождений детей, что свидетельствует, вероятно, либо о слабой просвещенности в вопросе планирования детей, либо об удовлетворении потребности в детях (рис. 4).

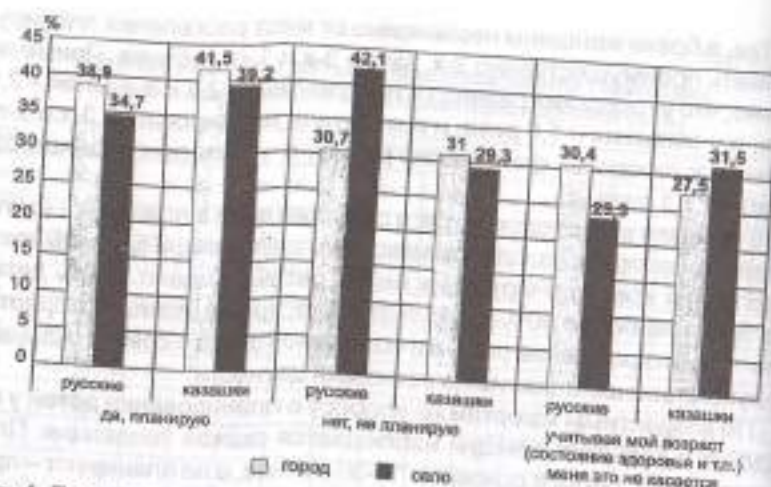

Рис. 4. Планирование рождения детей городскими и сельскими женщинами в разрезе национальностей (в %)

Установки на контрацепцию выражаются в применении средств контрацепции и искусственном прерывании беременности.

В выборе средств контрацепции 40,7% городских и 36,5% сельских женщин предпочитают внутриматочные спирали, которые по степени защиты уступают лишь хирургической стерилизации (по общепринятой в медицине классификации по степени надежности контрацептивов первое место занимает хирургическая стерилизация, второе – внутриматочные спирали, третье – гормональные средства, четвертое – презервативы, пятое – биологический метод). По числу рождений спирали предпочитают в основном двухдетные женщины. В свою очередь, по количеству хирургических стерилизаций наблюдается минимальное количество женщин.

На втором месте по показателям применения контрацептивов стоит ответ «не использовала» – 23,0% сельских и 25,3% городских женщин; на третьем – «презервативы» – 11,3% сельских и 13,4% городских; на четвертом – «гормональные средства» – 6,0% сельских и 10,2% городских. Следовательно, в городе женщины предпочитают более надежные средства контрацепции, нежели в селе, за исключением внутриматочных спиралей.

Отказ или применение контрацепции напрямую отражается на фактической рождаемости и количестве аборт у женщин, о чем свидетельствуют результаты обследования.

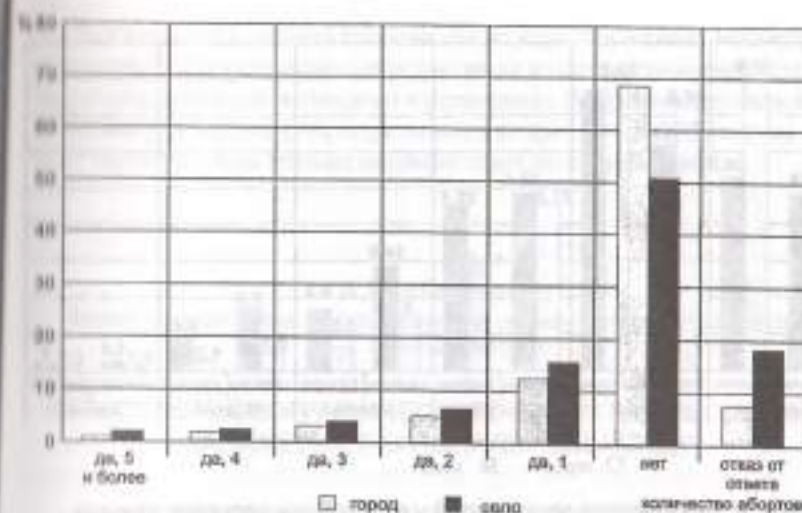

Рис. 5. Количество аборт у городских и сельских женщин (в %)

Итак, по количеству аборт у городских значительно больше число женщин, не делавших аборт, и, соответственно, меньше показатели по числу аборт, чем у сельских женщин (рис. 5).

Таблица 3

Фактическое число детей у городских и сельских женщин по возрастным группам (в %)

Число детей	Возраст, лет													
	15-19		20-24		25-29		30-34		35-39		40-44		45-49	
	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло	го-род	се-ло
1	100	92,3	93,9	75	71,1	48,8	44,4	26,8	29,7	9,8	21,9	9,8	14,4	11,7
2	-	7,7	4,1	22,2	28,7	45,5	40,7	41,5	49,3	37,2	48,9	38,6	43,9	31,9
3	-	-	2	2,8	2,2	5,2	11,8	23,2	15,9	29,8	20,4	29,7	30,9	35,1
4	-	-	-	-	-	2,6	3	6,1	4,3	19,1	8	12,1	6,5	12,8
5	-	-	-	-	-	-	2,4	0,7	2,1	0,7	5,5	2,2	8,5	7,8
6	-	-	-	-	-	-	-	-	2,1	-	3,3	1,4	-	2,8
7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,1	0,7	-	3,5
8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,4

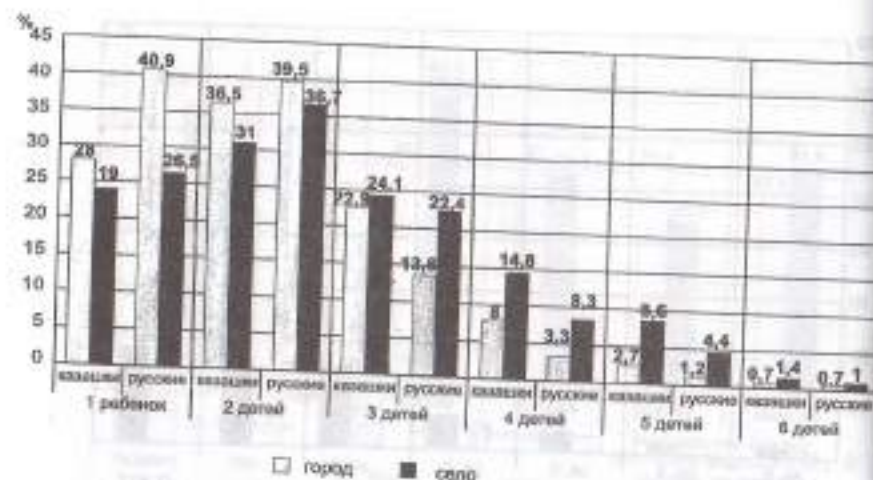

Рис. 6. Фактическое число детей у городских и сельских женщин в разрезе национальностей (в %)

При когортном анализе фактической рождаемости респондентов у городских и сельских женщин наблюдаются схожие тенденции, явное отличие состоит лишь в показателях начала процесса деторождения (табл. 3).

В разрезе национальностей по фактической рождаемости у русских, проживающих в городе, преобладают однодетные, затем двухдетные, и у проживающих в селе однодетные следуют за двухдетными женщинами. А у казахов как города, так и села максимальные показатели относятся к двухдетным, с разницей в том, что на втором месте у городских однодетные, а у сельских трехдетные (рис. 6).

Сопоставление количества аборт с фактической рождаемостью у городских и сельских женщин представляет собой схожую картину, а именно, по частоте абортов на первом месте двухдетные, на втором – трехдетные, на третьем – однодетные женщины, независимо от количества абортов.

Таким образом, рассмотрев полученные результаты обследования, можно предположить, что:

1. Репродуктивный потенциал в установках на среднететность (3, 2 детей) у русских сосредоточен в селе, значительная часть которых находится в молодом репродуктивном возрасте – 15-24 года. При этом у городских русских переход к малодетности (1, 2 детей) уже произошел.

2. У казахов в равной степени как города, так и села, несмотря на изменения в репродуктивных установках в направлении малодетности, репродуктивный потенциал в установках на среднететность есть у поколений среднего репродуктивного возраста – 25-35 лет, на которых, вероятно, еще велико влияние старшего поколения.

А.Н. Алексеев

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

СТРАТЕГИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Демографический фактор играет все большую роль в государственном развитии Республики Казахстан. Проблема в том, что государство обладает значительной территорией и малой численностью населения, которое при этом и сокращается. Огромную негативную роль в данном процессе играет эмиграция. Естественный прирост хотя и сохраняется на положительной отметке, быстро снижается. Тенденции демографического развития таковы, что Казахстан может попасть в ситуацию «демографического креста» (смертность начнет превышать рождаемость), о чем упоминал президент РК Н. Назарбаев. В этом случае численность населения будет уменьшаться под влиянием как отрицательного сальдо внешней миграции, так и депопуляции. Разработка реальной демографической стратегии, таким образом, одно из важнейших направлений в государственном строительстве.

Попытки разобраться в демографической ситуации неоднократно предпринимались учеными Казахстана. В основном они касались вопросов миграционного движения населения, прежде всего эмиграции. Процессы воспроизводства долгое время оставались в тени миграционной тематики, так как тем для дискуссии, казалось бы, нет. Мнения специалистов (как от науки, так и от политики) совпадали – проблему решит быстрый рост рождаемости. Данная точка зрения заслуживает внимания, остается узнать, за счет чего может случиться этот рост. Авторы «Программы демографического развития Республики Казахстан на 2001-2005 годы» считают, что ставка должна быть сделана на сельских жителей республики. Убедило их в

таким выборе то, что суммарный коэффициент рождаемости (СКР) сельских женщин в два раза выше городских: «Это говорит о том, что наиболее ощутимый вклад в демографическое развитие Казахстана могут внести именно женщины, проживающие в сельской местности, а также о том, что в условиях экономических ограничений этой группе населения должна быть оказана существенная государственная и общественная поддержка» [1]. В связи с этим предполагается активная пропаганда традиционной семьи в организациях образования и средствах массовой информации.

Вне всякого сомнения, государство должно оказывать помощь многодетным семьям, и можно только приветствовать уже принятые решения о выплате пособий за рождение ребенка (13080 тенге или около \$86) и обсуждаемые – выплате пособий женщинам, родившим третьего и более детей (около 100000 тенге или \$660). Но вышеперечисленные предложения – вопрос дня сегодняшнего. Критерии стратегического развития, на взгляд автора, должны быть иными.

Выправление демографической ситуации в Казахстане объективно возможно через призму казахского этноса, наиболее многочисленного и оказывающего существенное влияние на демографические процессы в государстве. Автор придерживается точки зрения, что демографическое поведение в значительной мере детерминировано социальными явлениями. Демографические процессы – звено в цепи государственного развития, и оно не может существовать самостоятельно. Все звенья цепи (социальные, экономические, идеологические, политические и т.д.) взаимосвязаны. Демографическую ситуацию, таким образом, необходимо рассматривать в контексте со всеми компонентами, имея в виду, что она (демографическая ситуация) в значительной мере является следствием социально-экономических явлений.

Важной особенностью демографического развития казахов является ускоренное прохождение демографического перехода. Первый этап демографического перехода, характеризующийся перестройкой типа смертности (сокращение экзогенной смертности, перемещение смертности из детских в старшие возрастные группы и т.д.), происходил у казахов в конце 1950-х – 1960-е годы. Общий коэффициент смертности существенно сократился, рождаемость несколько повысилась, коэффициент естественного прироста достигает наибольшего значения, в результате чего наблюдается ускоренный рост населения (так называемый демографический взрыв). Демографический взрыв в большой степени был следствием государ-

ственных мероприятий. Под влиянием программы освоения целинных и залежных земель в Казахстане получила развитие совхозная система. Значительное число казахстанских семей попало в сферу действия государственной системы социального обеспечения. Бесплатное образование, медицинское обслуживание, различные пособия значительно уменьшили для семьи расходы на содержание и воспитание детей, что, в сочетании с сельским образом жизни, способствовало сохранению высокого уровня рождаемости. В то же время улучшение медицинского обслуживания вело к сокращению смертности (прежде всего младенческой), большей выживаемости детей. Растет не только общий, но и суммарный коэффициент рождаемости. В целом по Казахстану в 1958-1959 гг. он составил 4,4, а у казахов вообще был самым высоким в СССР – 7,4. Многодетные семьи стали распространенным явлением, социальные гарантии советского государства до конца 1980-х годов давали право на жизнь именно такому типу демографического поведения.

Тем не менее происходит плавное изменение типа рождаемости, все более четко проявляются тенденции снижения. Основной причиной являлись изменения социально-экономического характера (растущие темпы урбанизации, появление новых потребностей, изменение роли женщины в обществе и т.д.). Критериями определения тенденции не могут быть общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста и уж тем более абсолютные данные, так как возрастная структура подвержена существенным колебаниям. Так, например, в конце 1970-х – 1980-х годах она испытывала серьезное влияние первой демографической волны, порожденной демографическим взрывом. В репродуктивный возраст начали вступать многочисленные поколения родившихся в конце 1950-х – 1960-е годы. Рост абсолютного числа браков, рождений в этот период отнюдь не свидетельствует о росте рождаемости. Более адекватны ситуации иные критерии. Так, наиболее быстрыми темпами идет сокращение рождаемости в старших группах фертильного возраста. Все большая часть рождений концентрируется в возрастной группе 20-29 лет. Возрастные коэффициенты рождаемости в городах и сельской местности все меньше отличаются друг от друга, особенно в старших группах, когда на смену появляются третьи, четвертые и более дети. Среднедетная семья получает все большее распространение. У казахов темпы снижения рождаемости были несколько ниже, чем у европейских этносов, но видны довольно четко: если в конце 50-х годов СКР казахок равнялся 7,4, то в конце 1970-х – 4,8, а в 1989 г. – 3,6. Таким образом, в

конце 1970-х – 1980-е годы происходит изменение типа рождаемости казахского этноса от традиционного к современному.

В 1990-е годы данное явление стремительно набирает обороты, так как кардинально изменились основные детерминанты демографического поведения: образование, медицина практически полностью становятся платными, материальная поддержка семей (в том числе многодетных) свелась к минимуму. Политический, социально-экономический кризис затронул все слои населения, особенно сельское. В результате рождаемость у казахов в 1990-1995 гг. снизилась на 17,6%, смертность увеличилась на 14,3%, естественный прирост сократился на 26,1%. Происходило это на фоне молодой возрастной структуры этноса, что реально выявило глубину демографического кризиса.

В конце XX-начале XXI в. социально-экономическая ситуация в Казахстане существенно изменилась в лучшую сторону. По многим экономическим, социальным показателям республика впереди Новых Независимых Государств. Государство выходит на новый рубеж развития. По словам президента страны Н. Назарбаева: «Казахстан в основном завершил основной этап политических и экономических реформ. На повестке дня – модернизация страны, «астроинвание» на приемлемых для нас условиях в мировую экономику...» [2]. Таким образом, в настоящее время формируются (и в значительной мере уже сформированы) новые детерминанты демографического поведения. Безусловна приоритетность экономической стратегии, предполагающей мощное социально-экономическое ускорение, развитие капиталоёмких и наукоемких производств, урбанизацию, что, в свою очередь, невозможно без высокого образовательного и профессионального уровня населения. Новые стратегические приоритеты государства почти не оставляют возможностей для расширенного традиционного воспроизводства. Следствие известно: сокращение рождаемости, воспроизводства в целом, постепенное старение населения. Исключений почти не бывает. Такие страны, как Кувейт, ОАЭ, – не показатель, так как они стремительно достигли благополучия благодаря богатейшим сырьевым запасам, традиционные прокреационные нормы не были разрушены индустриализацией, урбанизацией и т.д. Гораздо ближе Казахстану по приоритетам социально-экономического развития азиатские «тигры». Тридцатилетний путь социально-экономического ускорения привел их к следующим демографическим последствиям: суммарный коэффициент рождаемости уменьшился в Филиппинах в 2 раза, в Таиланде в 2,4 раза, Сингапуре в 2,6 раза, Гонконге в 2,8 раза, Малайзии в 2,9 раза.

Таким образом, надежды на то, что на фоне преодоления кризиса и экономического роста резко увеличится рождаемость, вряд ли оправдаются. Некоторый рост абсолютного числа рожденных и общего коэффициента рождаемости, увеличение числа заключенных браков в начале XXI века, совпавшие с макроэкономическими успехами, не должны вводить в заблуждение – это следствие второй демографической волны. В репродуктивный возраст вступают многочисленные поколения родившихся в конце 1970-х – 1980-е годы. Не следует думать, что это начало глобального демографического выздоровления. Налицо объективные изменения возрастно-половой структуры населения. Реального роста рождаемости не наблюдается, так как суммарный коэффициент рождаемости продолжает оставаться на низком уровне.

Демографические тенденции, сформировавшиеся в советском прошлом, способны еще некоторое время положительно воздействовать на ситуацию, но скоро их инерция иссякнет. Постсоветская демографическая система начнет функционировать на эндогенной основе. В детородный возраст начнут вступать малочисленные поколения рожденных в 1990-е годы (число родившихся в 1990-е годы намного меньше числа рожденных в конце 1980-х), при этом они будут ориентированы отнюдь не на многодетную семью. Отношение к рождению детей очень быстро меняется в наиболее перспективной в этом плане возрастной группе 20-24-летних. Если в 1995 г. еще не рожали 44% женщин этого возраста, то в 1999 г. – 54%. Значительная часть замужних женщин (55%) и женатых мужчин (66%) заявили, что они не хотят иметь больше детей [3]. В перспективе естественный прирост населения может еще более снизиться.

Демографическое будущее Республики Казахстан формируется в детерминантах, не предполагающих широкого распространения традиционной многодетной семьи. У казахов быстрыми темпами происходит изменение типа рождаемости (от традиционного аграрного к современному индустриальному). Процесс этот, как известно, необратим. Поэтому призывы к возврату традиционной многодетности у казахского этноса вызывают удивление. Любая традиция появляется на базе определенных социально-экономических, политических, правовых и т.д. отношений. Многодетность в свое время была характерна практически для всех народов мира, но постепенно, с изменением основных детерминант демографического поведения, она сходит на нет. Далеко за примерами ходить не надо, достаточно вспомнить демографическую историю казахстанских

русских. В середине 20-х годов XX века среднее количество детей в семье почти вдвое превышало детность казахских семей. Но урбанизация, индустриализация (несмотря на всю специфику данных процессов) привели к появлению новых детерминант прокреационных установок. В настоящее время уже говорят о традициях малодетности русских. Подобный путь в последние десятилетия проделали многие этносы, чтущие обычаи и традиции не менее казахов: японцы, итальянцы, корейцы и другие. Казахи уже более 20 лет идут в том же направлении. Ситуация 1990-х годов лишь ускорила обозначившиеся тенденции. Возврат в традиционное прошлое маловероятен (если вообще возможен). Тому масса примеров, и не только из системы демографических показателей. Так, в 2002 г. был проведен социологический опрос, целью которого являлось выявление социально-статусных приоритетов основных этносов Казахстана. «Стать частью большого и уважаемого семейства» мечтают 24,9% казахов, 16,1% русских, 16,9% представителей других этносов. «Стать почтенным и влиятельным человеком среди широкого круга родственников и земляков» желают 15,5% казахов, 11,8% русских, 11,6% представителей других этносов. Основной приоритет следующий: «стать хорошим, высококвалифицированным, высокооплачиваемым специалистом в любой области» мечтают 55,6% казахов, 66,7% русских, 66,1% представителей других этносов [4]. Как видно, лишь небольшая часть людей, независимо от этнической принадлежности, делают ставку на традиционные ценности. Цель жизни — образование, карьера, высокооплачиваемая работа и т.п., что очень редко сочетается с многодетной семьей. В настоящее время прошлые репродуктивные установки, сформированные в одних социально-экономических условиях, проецируются совсем в иное социально-экономическое будущее. Демографический процесс фактически исключается из исторического контекста, что приводит к неадекватным реальностям выводов. Общеизвестно, например, что в высокоразвитых государствах доля населения, занимающаяся сельским хозяйством, очень невелика. В Казахстане, согласно стратегическим планам, она вскоре должна установиться на столь же низкой отметке. Достаточно вспомнить слова президента РК Н. Назарбаева об аграрном перенаселении, слишком большом количестве сельских жителей в стране: «Один европейский крестьянин сегодня кормит в среднем 32 человека. В США — около 100 человек, причем 70 своих и 30 за рубежом. В развитых странах в сельскохозяйственном производстве занято лишь 10% от общего числа работающих, а у нас в

три раза больше. И эту ситуацию нужно менять» [5]. «Урбанизация будет происходить... 40% населения на селе, как у нас, не должно быть. Такого нет нигде в мире. Может остаться 15-20%, и мы должны быть готовы к этому» [6]. Ставка на рост населения в сельской местности, таким образом, противоречит общегосударственной стратегии. В перспективе она может привести к мощным неконтролируемым потокам из сел в города, которые не в состоянии будут переварить эту массу. Проблема эта уже сейчас актуальна для крупных городов Казахстана.

Таким образом, демографическое поведение населения формируется сейчас под влиянием детерминант модернизационного свойства. Можно предположить, что широкого распространения многодетности не будет, одно-двухдетные семьи станут наиболее распространенным вариантом. Но Казахстану (точнее — казахам) предостановлен редкий шанс для существенного улучшения демографической ситуации даже в этих условиях. История распорядилась так, что демографический взрыв у казахов случился после демографических катастроф: события 1916 г., голод 1920-х и 1930-х годов, сталинские репрессии и Великая Отечественная война унесли жизни сотни тысяч людей. Но демографический взрыв (1950-60-е годы) компенсировал эти страшные потери, а демографические волны дают возможность значительного увеличения численности этноса. У русских, например, потенциал демографического взрыва, проходившего в конце 1920-х—1930-е годы, был фактически полностью уничтожен вышеперечисленными трагедиями 1930-1940-х годов. Прошлое не предоставило русским шанса для демографического выздоровления. У казахов он есть. Это — вторая демографическая волна, начавшая проявляться в начале XXI века (таблица). Представители этой волны — молодые люди 1970-80-х годов рождения, вступающие в брачный возраст. Из таблицы видно, что возрастные группы от 0 до 19 лет — самые многочисленные в возрастной структуре. Стратегическая задача состоит в использовании репродуктивного потенциала волны. Необходим тщательный учет особенностей именно этой возрастной группы. Обещания, например, платить солидные пособия за рождение третьего и более детей, на их репродуктивной активности фактически не отразятся. Предложения сделать ставку на сельское население, призывы пропаганды традиционной многодетной семьи в большей степени окажутся вне демографических интересов представителей волны. Эти молодые люди в значительной мере сформированы вне традиционных представлений о семье и детях, причем с каждым

новым поколением их (представлений) будет оставаться все меньше. Необходима разработка иных, соответствующих реалиям сегодняшнего и даже завтрашнего дня, рекомендаций.

Таблица

Возрастно-половая структура казахов
по данным переписи населения 1999 г. (в %) [7]

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
Всего	100,0	100,0
0 - 9	22,7	21,3
10 - 19	22,5	21,3
20 - 29	17,8	17,3
30 - 39	16,2	16,4
40 - 49	10,5	11,0
50 - 59	5,2	6,6
60 - 69	3,4	3,9
70 и старше	1,7	3,1

Репродуктивный потенциал имеется и в более старших репродуктивных группах (30 и более лет). Женщины этого возраста часто уже имеют нескольких детей, и государственная помощь этим семьям будет очень уместна. Кроме того, именно у 30-ти и более летних сейчас все более проявляется тенденция так называемых отложенных рождений. В свое время эти женщины не рожали (третьего, второго или даже первого ребенка), надеясь на лучшие времена. Сейчас возраст не позволяет откладывать рождение детей на более поздний срок, да и времена, в сравнении с началом 1990-х годов, наступили другие. Таким образом, ставка на семьи, обеспечивающие расширенное воспроизводство, даст определенный эффект, но он будет кратковременным, так как это поколение скоро перейдет в более старшие возрастные группы, рождаемость в которых очень невелика.

Демографические проблемы Казахстана все в большей мере приобретают региональный аспект. В настоящее время тенденции демографического, миграционного развития не могут уже быть одинаковыми для всего населения, так как государственно-политический фактор единообразного влияния себя почти исчерпал. В начале-середине 1990-х годов государственные решения напрямую отражались на миграционных (значительный рост эмиграции), репродуктивных (снижение рождаемости, естественного прироста в целом) настроениях. В начале XXI века диапазон демографического реагирования значительно сузился. Формирование демографичес-

кого поведения все в большей степени происходит под влиянием регионального уровня. Таким образом, необходим анализ формирующихся региональных детерминант, особенностей региона (этнических, экономических и т.п.) и создание на этой базе региональных программ демографического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казахская правда. – 2001. – 8 ноября.
2. Казахская правда. – 2002. – 27 ноября.
3. Медико-демографическое исследование Казахстана. 1999. – Ноябрь 2000. – С. 9.
4. Казахская правда. – 2002. – 29 июня.
5. Казахская правда. – 2002. – 14 ноября.
6. Рудный Алтай. – 2003. – 4 ноября.
7. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 4, ч. 1. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. – Алматы, 2000. – С. 17-23.

Н.В. Алексеенко

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КАЗАХСТАНЕ

Короткий хронологический отрезок 1914-1917 гг. насыщен событиями, существенно повлиявшими на развитие населения как всей Российской Империи, так и ее национальных окраин. Это прежде всего первая мировая война. Призыв казахов на тыловые работы, крестьян и казахов на фронта мировой войны нарушил семейные связи, что привело к резкому сокращению естественного прироста населения. Сократилось переселенческое движение. Это связано как с правительственными запретами переселений, так и с условиями военного времени. Рассмотрим влияние мировой войны на развитие казахского крестьянского и казачьего населения.

Казахи. К началу первой мировой войны казахское население шести административных областей составляло 3845,2 тыс. человек обоего пола (Акмолинская – 489,3 тыс., Семипалатинская – 692,1

тыс., Семиреченская – 609,9 тыс., Сырдарьинская – 1058,0 тыс., Тургайская – 486,6 тыс., Уральская – 509,3 тыс.) [1, с. 46].

Для определения численности казахского населения на 1916 г. исходным статистическим материалом служат данные сельских хозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Отметим, перепись 1916 г. не учла сельское население Туркестана, куда входили Семиреченская и Сырдарьинская области, и население войсковой территории Уральской области. Перепись 1917 г. не учла население Тургайской области и так называемого гражданского населения Уральской области. Кроме того, перепись 1917 г. практически не учла изменений в численности казахского населения в результате мобилизации на тыловые работы. Перепись учитывала не только наличное, но и постоянное население. Все временно отсутствующие регистрировались особыми в местах своего постоянного проживания. Таким образом, погибшие и бежавшие в результате восстания 1916 г. казахи не были учтены в числе отсутствующих [2].

В источниках нет прямых сведений о численности призванного на тыловые работы казахского населения. Нет сведений и о численности уклонившихся от призыва и бежавших за пределы своих областей. И в том, и в другом случае необходима реконструкция.

30 июня 1916 г. генерал-губернатор Степного края объявил о порядке мобилизации казахов на тыловые работы. Отмечалось: «Приему в ближайшую очередь подлежат киргизы, родившиеся между 1897 и 1855 годами, то есть в возрасте от 19 до 31 года» [3, с. 25]. Прежде всего нам необходимо определить численность казахского мужского населения, подлежащего призыву. По нашим подсчетам доля мужского населения призывного возраста составляла 38,1%. В абсолютных показателях численность мужского населения указанных возрастов по областям составила: Акмолинская – 48,8 тыс., Семиреченская – 70,5 тыс., Сырдарьинская – 108,4 тыс., Тургайская – 48,5 тыс., Уральская – 51,2 тыс. [1, с. 81]. Определенное число призывников освобождалось по болезням и согласно объявленным льготам.

Не сообщая никаких сведений о численности призванных на тыловые работы, официальные документы (в основном донесения в высшие инстанции с мест) приводят абсолютные цифры неявившихся на призывные пункты, что позволяет определить их долю от общей численности подлежащих призыву. Она составила по Степному краю 60% [3, с. 503]. Это позволяет нам, в свою очередь, определить численность призванных на тыловые работы.

Из Туркестана намечалось отправить 200,5 тыс. человек. К дебрю 1916 г. было отправлено 92,4 тыс. [3, с. 48], что составляло 46% от заданного. Этот коэффициент мы распространяем на Семиреченскую и Сырдарьинскую области (их казахстанские части).

Военный отход казахского населения представлен в табл. 1.

Таблица 1

Распределение явившихся и неявившихся на призывные пункты по области

Области	Подлежало мобилизации, тыс. чел.	Явилось, тыс. чел.	Не явилось	
			тыс. чел.	%
Акмолинская	48,8	20,6	28,2	58,6
Семиреченская	70,5	35,0	35,5	50,4
Сырдарьинская	61,7	28,0	33,7	54,6
Тургайская	108,4	49,9	58,5	54,0
Уральская	48,5	29,0	19,5	40,2
Итого:	51,2	18,3	32,9	64,2
Итого:	389,1	180,8	208,3	53,57

Мы вправе предположить, что неявившиеся на призывные пункты вынуждены были покинуть местожительство. Демографические последствия призыва на тыловые работы представлены в табл. 2.

Таблица 2

Динамика численности казахского населения 1914-1917 гг. (тыс. чел.)

Области	1914 г.			1917 г.			Прирост, уменьшение 1917 г. к 1914 г.	
	м	ж	общая численность	м	ж	общая численность	тыс. чел.	%
Акмолинская	257,1	232,2	489,3	219,1	241,5	460,6	-28,7	-5,9
Семиреченская	371,0	321,1	692,1	300,3	333,9	634,2	-57,9	-8,4
Сырдарьинская	325,0	284,9	609,9	299,9	246,9	546,8	-63,1	-10,3
Тургайская	570,7	487,3	1058,0	485,1	506,8	991,9	-66,1	-6,2
Уральская	255,5	231,1	486,6	217,2	240,3	457,5	-29,1	-6,0
Итого:	269,4	239,9	509,3	299,9	249,5	549,4	40,1	7,9
Итого:	2048,7	1798,5	3845,2	1821,5	1818,9	3640,4	-285,0	-7,4

Увеличение казахского населения в Уральской области в сравнении с 1914 г. объясняется самой большой долей неявившихся и призывные пункты (64,2%), с одной стороны, и возвращением в родные места откочевывавших в свое время в Хиву, с другой стороны.

Русское крестьянское население. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. учла крестьянское население Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Из 549,2 тыс. мужчин этих областей было мобилизовано 129,3 тыс., что составляло 24% от всего мужского населения [5]. Этот коэффициент мы распространяем на мужское крестьянское население необследованных Сырдарьинской, Тургайской и Уральской областей.

Таким же образом устанавливаем численность трудоспособного мужского населения (табл. 3).

Таблица 3
Численность трудоспособного мобилизованного мужского населения (тыс. чел.)

Области	Общая численность	Мобилизовано	%
Акмолинская	150,3	91,2	60,7
Семипалатинская	53,1	23,7	44,6
Семиреченская	28,4	14,4	50,7
Сырдарьинская	13,4	7,6	56,7
Тургайская	49,5	28,3	57,2
Уральская	23,7	13,5	56,9
Итого:	318,4	178,7	56,1

За период войны в Российской Империи было мобилизовано свыше 15 млн человек. Общее число потерь (рядовые и офицеры) — 8 млн человек [6]. Потери составили 53,3% от всех мобилизованных. Распространим этот коэффициент на мобилизованных крестьян из Казахстана. По шести административным областям потери составили 95,3 тыс. человек (Акмолинская — 48,6 тыс., Семипалатинская — 12,7 тыс., Семиреченская — 7,7 тыс., Сырдарьинская — 4,1 тыс., Тургайская — 15,1 тыс., Уральская — 7,1 тыс.).

Казаки. Сведения об общей численности казаков по Акмолинской, Семиреченской и Уральской областям представлены в материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г. По Семипалатинской области мы берем данные на 1914 г. с прибавлением естественного прироста (табл. 4).

Таблица 4

Численность мобилизованного трудоспособного казачьего населения (тыс. чел.)

Области	Общая численность	Мобилизовано	%
Акмолинская	27,7	8,9	32,1
Семипалатинская	13,1	3,5	26,7
Семиреченская	15,7	4,5	28,7
Уральская	57,9	14,1	24,3
Итого:	114,4	31,0	27,1

Потери мобилизованного мужского казачьего населения составили 16,5 тыс. человек (Акмолинская область — 4,7 тыс., Семипалатинская — 1,9 тыс., Семиреченская — 2,4 тыс., Уральская — 7,5 тыс.).

В своем анализе мы остановились на характеристике населения, составлявшего абсолютное большинство в регионе (казахи, крестьяне, казаки). Вне поля зрения остались городское население, составлявшее к 1914 г. 7,54%, и малочисленные этносы. Нам представляется, что это исключение не искажает общую картину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана. — Алма-Ата, 1981.
2. Брук С., Кабузак В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма // История СССР. — 1980. — № 3. — С. 89.
3. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане // Сборник документов. — М., 1960.
4. РГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 755, л. 456 (об).
5. Поездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям // Труды УСУ РСФСР. — М., 1923. — Т. V. — Вып. 2.
6. Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (В цифрах). — М., 1925, табл. 6.

ОПЫТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ КАЗАХСТАНА

Учеными применяется практика изучения демографических процессов по экономическим регионам. Традиционно их на территории Казахстана выделяется пять. Как известно, экономическое районирование основывается на производственной специализации и географическом разделении труда. В данном случае предлагается осуществить попытку демографического районирования, основываясь на изучении и сравнении демографических показателей.

Необходимость демографического районирования республики связана с тем, что общедемографические процессы, характерные в целом для республики, не дают объективной картины и резко отличаются от региональных. Поэтому для внедрения более качественной демографической политики изучение демографической ситуации в период с 1979 по 1999 гг. видится более целесообразным и научно обоснованным с точки зрения ее дифференциации.

Для осуществления районирования республики предлагается введение понятия «этнодемографическая зона». Выделение этнодемографических зон — нелегкая задача в связи с неоднозначностью и многовариантностью ее решения. Понятие «этнодемографическая зона» будет объединять территории с относительно однородной демографической ситуацией и отличающимся режимом воспроизводства населения.

При осуществлении ранжирования областей используется метод кластерного анализа, как один из методов региональной демографии, суть которого заключается в объединении сходных по своим демографическим характеристикам регионов в сравнительно однородные группы.

При выявлении региональных различий в уровнях и характере динамики основных демографических процессов важное значение приобретает показатель, который будет положен в основу дифференциации.

В то же время невозможно ранжировать на основе анализа вариации только одного показателя, даже если он будет носить синтетический характер. Более того, обоснование демографического районирования нельзя ограничивать анализом только демографических материалов, поскольку демографические показатели фиксиру-

ют результаты влияния на эти процессы определенных этнических, социальных, экономических, исторических и других факторов.

Следует также отметить, что возникает объективная необходимость применить демографическое районирование к административно-территориальному делению республики на области. Хотя такое деление ограничивает возможности точного ранжирования, основанного на реально существующих территориальных особенностях демографических процессов. Так, в некоторых случаях приходится относить территорию всей области к какой-нибудь одной демографической зоне, хотя заведомо известно, что определенная ее часть по особенностям демографической ситуации больше соответствует иной этнодемографической зоне. Таким образом, формирование предполагаемых совокупностей можно произвести на основе статистического анализа территориальных единиц, из которых будут формироваться демографические зоны.

Кластеризацию можно произвести, используя суммарно такие показатели, как удельный вес населения области в 1999 г. к 1979 г., динамика численности населения в период с 1979 по 1999 гг., естественный прирост в 1999 г. к 1970 г., удельный вес этносов к общей численности населения области в 1999 г., удельный вес этносов в 1999 г. к 1979 г., удельный вес городского и сельского населения в 1999 г., удельный вес городского и сельского населения в 1999 г. к 1979 г., удельный вес возрастной группы старше 65 лет («молодая» или «старая» возрастная структура населения), увеличение или уменьшение естественного прироста, рождаемости и смертности населения в 1999 г. по отношению к 1970 г. (в %), естественный прирост в 1970 г., 1999 г. в промилле, изменение общего коэффициента рождаемости, смертности и естественного прироста в 1999 г. по сравнению с 1970 г., сальдо миграции в 1995 г., 1999 г., коэффициент интенсивности международной миграции в 1999 г. в промилле, сальдо межобластной миграции в 1999 г., сальдо международной миграции со странами СНГ в 1999 г. Всего было проанализировано 24 различных демографических показателя.

Хронологические рамки данного исследования будут определены 1979-1999 гг. Это время двух межпереписных периодов (1979-1989 гг., 1989-1999 гг.). Можно сказать, что именно к 70-м гг. XX века население республики в своем демографическом развитии пережило ряд крупных социальных экспериментов и потрясений, в целом оказавших сильное воздействие на его демографические характеристики, и вошло в русло относительно спокойного естественного

движения, самостоятельного, без вмешательства со стороны государства. А значит, это демографическое состояние населения представляет научный интерес с точки зрения изучения закономерностей его развития, определения качественных и количественных характеристик и, безусловно, выявления этнорегиональных особенностей.

С точки зрения демографической истории 70-е гг. XX в. можно считать переломными. Именно в это время намечаются основные тенденции, которые затем ярко проявляются в 1990-е гг.: начало падения темпов роста населения, начало оттока населения из Казахстана, установившиеся различия в темпах урбанизации и расселения этносов предопределили формирование ряда других особенностей демографического развития Казахстана.

Сравнительное изучение основных демографических показателей предполагает выделение пяти этнодемографических зон на территории Казахстана: Юго-Западную, Южную, Западную, Центральную и Северо-Восточную.

Юго-Западную этнодемографическую зону составляют две области: Южно-Казахстанская и Мангистауская. Южную этнодемографическую зону образуют три области: Алматинская, Жамбылская и Кызылординская. Западная этнодемографическая зона объединит также три области: Актюбинскую, Западно-Казахстанскую и Атыраускую. Центральная этнодемографическая зона состоит из Карагандинской и Акмолинской областей. А Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская и Костанайская области будут принадлежать к Северо-Восточной этнодемографической зоне.

В Южно-Казахстанской и Мангистауской областях удельный вес населения в 1999 г. к 1979 г. является самым высоким по республике: 126,1 и 126,5% соответственно. Если рассматривать естественный прирост населения в этих областях, то он также отличается высоким уровнем. Например, в 1970 г. в промилле он составил 24,3 и 25,4. В 1999 г., при абсолютном снижении этого показателя по всей республике, Южно-Казахстанская и Мангистауская области лидируют по темпам сохранения естественного прироста (15,8 и 11,4%).

Что касается такого показателя, как удельный вес естественного прироста в 1999 г. к 1979 г., то он приобретает в этих двух областях также самый высокий уровень: 190,2 и 87,8% соответственно.

Одним из главных демографических показателей для районирования является этнический состав населения. Поскольку особенностью казахстанского общества является его полиэтничность при

абсолютной выраженности биэтнической структуры населения, когда из более чем 130 этносов преобладающими являются казахи и русские, то этнический состав будет рассматриваться из трех компонентов: удельного веса казахского этноса, русского этноса и других этносов в Казахстане.

Что касается рассматриваемых областей, то их объединяет высокий удельный вес казахского компонента в этноструктуре населения (67,8 и 78,7% соответственно) и низкий удельный вес русского этноса (8,2 и 14,2%). Следует особо подчеркнуть, что эти области являются единственными в республике, где рождаемость за период с 1970 по 1999 гг. сохраняет тенденцию, направленную на ее увеличение, и составляет в Южно-Казахстанской 115,8%, а в Мангистауской 123,0%, безусловно, за счет доминирования казахского этноса в этнической структуре. В то время как во всех остальных областях республики рождаемость за этот период резко снижается.

Согласно международным критериям население с демографической точки зрения считается старым, если удельный вес лиц старше 65 лет в возрастном составе населения превышает 7%. Исходя из этого были произведены расчеты и соответственно кластеризация областей по «молодой» либо «старой» возрастной структуре населения.

Для Южно-Казахстанской и Мангистауской областей данный показатель соответственно составил 4,1 и 3,2%. Это самые низкие показатели по Казахстану, а значит именно в этих двух областях живет самое молодое население республики.

Безусловно, при осуществлении районирования республики невозможно надеяться на получение абсолютно одинаковых кластеризуемых показателей. Поэтому приходилось учитывать наиболее приближенные друг к другу. Например, самые высокие, самые низкие, наиболее приближенные, не характерные для других областей, характерные только для этих областей и т. д. Исходя из этого следует подчеркнуть определенную относительность, которую необходимо учитывать при формировании данных совокупностей.

Дальнейшее сравнительное изучение основных демографических показателей привело к выделению Южной этнодемографической зоны, которую образовали такие три области, как Алматинская, Жамбылская и Кызылординская.

Удельный вес населения в 1999 году к 1979 году в них составил соответственно 107,3; 106,4 и 106,1%. Удельный вес казахского этноса в 1999 г. к 1970 г. увеличился в этих областях на приблизительно

одинаковые показатели — 143,5; 146,9 и 123,8%. Удельный вес же русского этноса за данный период резко снизился в Кызылординской области и составил 19% (это самый высокий отрицательный показатель по республике), в результате чего Кызылординская область стала практически моноэтнической, т.к. 94,2% населения в 1999 г. составили представители казахского этноса. В других областях снижение русского этноса произошло на уровне показателей 61,6 и 59,5%. В целом Кызылординскую область можно отнести к этой демографической зоне и по другим показателям. Например, эти три области объединяет «молдая» возрастная структура населения (5,8; 5,0 и 3,9% в 1999 г.). Динамика численности населения в Южной этнодемографической зоне приобретает амплитуду от +34,1 тысяч человек в Кызылординской до +105,1 тысяч человек в Алматинской областях, а естественный прирост — от 29,1 до 64,5%. Рождаемость в этих областях за период 1970-1999 гг. одинаково снижается. Однако по сравнению с другими областями данный показатель является одним из минимальных в республике. Так, в Алматинской области рождаемость упала на 30,4%, в Жамбылской — на 27,4%, а в Кызылординской — на 11%. Смертность соответственно увеличилась на 74,4; 70,9 и 69,3%. Как мы видим, показатели максимально приближены друг к другу.

Миграция — один из важнейших демографических процессов, под влиянием которого формируется демографическая ситуация. Сальдо миграции в этих областях в 1999 году составило -5,4; -6,3; -2,6 тысяч человек, а коэффициент интенсивности международной миграции в 1999 г. в промилле составил соответственно -2,6, -3,4 и 2,0.

Западная этнодемографическая зона будет состоять из Актюбинской, Атырауской и Западно-Казахстанской областей. Удельный вес населения в этих областях в 1999 г. к 1979 г. идет на снижение, но еще носит положительный показатель. Так, он составил в Кызылординской области 117,8%, в Актюбинской — 108,3%, в Западно-Казахстанской — 105,4%. Динамика численности населения за последние два межпереписных периода также уменьшается. Если сравнить области между собой, то этот показатель колеблется от +66,5 тыс. человек в Атырауской до 31,3 тыс. человек в Западно-Казахстанской областях. Если рассматривать этническую структуру, то удельный вес казахского этноса в 1999 г. составил в Западно-Казахстанской области — 64,7%, Актюбинской — 70,7%, Атырауской — 89%; русского этноса соответственно 28,2; 16,7; 8%. Исторически западная часть Казахстана является регионом преимущественного проживания казахов. Показатель удельного веса в 1999 г. к 1979 г. со-

ставил у казахов соответственно 125,6; 135,7; 116,6% и у русских соответственно 75,8; 66,5 и 47,3%. Как мы видим, увеличение численности населения этих областей произошло за счет высокой доли казахов в этнической структуре. Численность русских и других этносов в Западной этнодемографической зоне идет на снижение.

Центральная этнодемографическая зона объединяет две области: Карагандинскую и Акмолинскую. За 1979-1999 гг. динамика численности населения этих областей приобретает отрицательный характер и устанавливается соответственно на уровне -303,0 тысячи человек и -158,6 тысяч человек. Удельный вес населения в 1999 г. к 1979 г. составляет приблизительно одинаковые показатели: 82,4 и 84,1%. Если рассматривать этноструктуру, то налицо преобладание русского и других этносов в этих областях. Так, в Карагандинской области доля русских и других этносов в 1999 г. составила 62,5%, а в Акмолинской — 70,4%. Доля казахов соответственно 37,5 и 29,6%. Если рассматривать этот показатель в динамике, то получаются также идентичные между собой данные. Так, удельный вес казахов в 1999 г. к 1979 г. приобретает тенденцию на увеличение в Карагандинской области и составляет 172,0%, в Акмолинской области — 163,0%, в то время как русского этноса — на уменьшение и составляет 86,9 и 87,9% соответственно. Таким образом, численность русского и других этносов в данной зоне является преобладающей, но в этот же период устанавливается новая тенденция, направленная на увеличение казахов в этническом составе этих областей.

Удельный вес городского и сельского населения в период 1979-1999 гг. составил в Карагандинской области 81,1 и 83,4%, в Акмолинской — соответственно 88,9 и 80,5%. Полученные данные дают возможность объединить их в одну, отличающуюся от других, этнодемографическую зону. В отличие от других объектов кластеризации эти области отличаются «старой» возрастной структурой. Доля лиц в возрасте 65 лет и старше в Карагандинской области составляет 7,7%, а в Акмолинской — 7,9%. Это объясняется, безусловно, этническим составом населения. Преобладание русских и других этносов дает «старую» возрастную структуру.

Естественный прирост в Центральной этнодемографической зоне носит минимальный уровень но тем не менее еще сохраняет положительный показатель и составляет в Карагандинской области 1,8%, а в Акмолинской — 1,4%. Рождаемость в период с 1970 по 1999 гг. сокращается в Карагандинской области на 45,8%, в Акмолинской — на 67,9%. Однако смертность возрастает довольно резко в Кара-

гандинской области на 110,3%, чего нельзя сказать об Акмолинской, где уровень увеличения смертности устанавливается на 17,3%. По естественному приросту на 1000 человек в 1970 г. и в 1999 г. эти области от других отличаются абсолютно одинаковыми показателями, что, безусловно, также является основанием для их кластеризации в одну этнодемографическую зону. Так, естественный прирост в 1970 г. (в промилле) в Карагандинской области равнялся 16,1, в Акмолинской — 16,7 и в 1999 г. соответственно 0,3 и 0,3.

Если рассматривать области с точки зрения миграционной подвижности населения, то возьмем такой показатель, как сальдо миграции. Он составил в 1999 г. в Карагандинской области 16,1 тыс. человек, а в Акмолинской — 17,8 тыс. человек. Этот же показатель в предыдущее время, например, в 1995 г., носит схожее содержание, в Карагандинской — 30,0%, в Акмолинской — 39,5%. Кстати говоря, эти области были и остаются лидерами среди областей, больше всего теряющих свое население за счет высокой миграции. Сальдо международной миграции со странами СНГ в 1999 г. составило в Карагандинской области 8,9 тыс. человек, в Акмолинской — 11,3 тыс. человек. Это один из самых высоких показателей по республике.

Северо-Восточную этнодемографическую зону будут составлять Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, Костанайская и Павлодарская области. Эти области кластеризуются по большинству основных показателей, характеризующих состояние демографической ситуации в них. Так, удельный вес населения в 1999 г. к 1979 г. составляет в Северо-Казахстанской области 82,2%, Восточно-Казахстанской — 92,4%, Костанайской — 93,5%, Павлодарской — 100%. Численность населения во всех этих областях за период с 1979 по 1999 гг. сократилась от -0,2 тыс. человек в Павлодарской до -158,3 тыс. человек в Северо-Казахстанской области.

Эти четыре области отличаются от других примерно одинаковым удельным весом русских и казахов в их этнической структуре. Например, в Восточно-Казахстанской области удельный вес этих этносов соответственно составил 48,5 и 45,4%, а в Павлодарской области эти показатели устанавливаются на уровне 38,6 и 41,9%.

Однако, если рассматривать численность этносов в динамике, то удельный вес казахов в 1999 г. к 1979 г. составил в Северо-Казахстанской области 145,5%, Восточно-Казахстанской — 134,7%, Костанайской — 146,4%, Павлодарской — 144,0%. Как мы видим, за 20 лет произошло увеличение численности казахов, и причем увеличение шло примерно одинаковыми темпами. В то время как для русского этноса

этот показатель соответственно составил 95,2; 83,8; 95,3; 91,3%. Исходя из полученных данных следует отметить небольшое сокращение русского этноса в этих областях.

Если рассматривать структуру населения, то в 1999 г. горожан одинаково больше, чем сельчан в Восточно-Казахстанской (58,2 и 41,8%), Костанайской (54,2 и 45,8%) и Павлодарской (63,4 и 36,6%) областях. Только Северо-Казахстанская область не подходит по этому показателю. Там значительно больше сельского населения (62,2%) в результате влияния известных событий. По этому показателю Северо-Казахстанская область тяготеет к Кызылординской области. Однако нет смысла их объединять, так как по всем остальным показателям они характеризуются совершенно разной демографической ситуацией. А вот удельный вес городского населения в 1999 г. к 1979 г. у всех четырех областей находится на примерно одинаковом уровне: в Северо-Казахстанской — 96,5%, Восточно-Казахстанской — 99,5%, Павлодарской — 97%, и сельского населения соответственно 75,3; 83,9; 78,5; 84,3%. Это дает основание на их группировку по уровню урбанизированности населения.

Эти области можно объединить и по «старой» возрастной структуре. Удельный вес группы 65 лет и старше одинаково больше 7% во всех рассматриваемых четырех областях (в Северо-Казахстанской — 8,6%, Восточно-Казахстанской — 7,8%, Костанайской — 8,6%, Павлодарской — 7,3%). Естественный прирост в 1999 г. к 1970 г. в трех из четырех областей носит отрицательный характер и составляет в Северо-Казахстанской области -11,2%, Восточно-Казахстанской -8,5%, Костанайской -3,7%. Только Павлодарская область отличается пока еще положительным показателем (3,1%) и больше тяготеет к Центральной этнодемографической зоне. Рождаемость и смертность — это следующие два показателя, по которым можно объединить данные области. В период с 1970 по 1999 гг. рождаемость снизилась в Северо-Казахстанской области на 30,4%, Восточно-Казахстанской — на 62,6%, Костанайской — на 57%, Павлодарской — на 47,9%. Смертность соответственно увеличилась на 117,5; 68,2; 91,7; 133,4%. Если естественный прирост в 1970 г. (в промилле) имел амплитуду от 12,9 до 20,3, то этот же показатель в 1999 г. приобрел следующие значения: в Северо-Казахстанской области -1,2, Восточно-Казахстанской — также -1,2, Костанайской области -0,7, что дает возможность кластеризовать их также в одну группу.

Эти же области отличаются высоким отрицательным сальдо миграции. В 1995 г. оно составило соответственно -17,2; -29,4; -27,7;

-18,0 тыс. человек. Для сравнения возьмем другой год, например, 1999 г., здесь следующие данные: -12,3; -5,7; -24,3; -20,1 тыс. чел. В межобластной миграции в 1999 г. одинаково активно участвует население трех областей: Северо-Казахстанской (1,7 тыс. человек), Восточно-Казахстанской (-3,6 тыс. человек), Костанайской (-2,5 тыс. человек). Сальдо межобластной миграции в Павлодарской области отличается и составляет 0,5, но это еще не дает основания выделять ее из Северо-Восточной этнодемографической зоны, так как по всем остальным показателям она вполне кластеризуется в данную зону.

Таким образом, проанализировав основные демографические показатели, характеризующие демографическую ситуацию в Казахстане в 1979-1999 гг., можно произвести предварительную типологизацию:

Юго-Западная этнодемографическая зона:

- высокая плотность населения (особенность: Южно-Казахстанская область — самая густонаселенная область республики (17,0 человек на км²), а Мангистауская область — самая малонаселенная область республики (1,9 человека на км²). Превышает плотность населения республики в 1,5 р.;

- низкая урбанизированность населения;
- расширенное воспроизводство населения;
- «молодая» возрастная структура населения;
- высокий удельный вес казахского этноса;
- низкий удельный вес русского этноса;
- низкая миграционная подвижность населения;
- высокие темпы естественного прироста населения;
- высокая рождаемость населения;
- высокая смертность населения;
- высокие темпы роста населения.

Южная этнодемографическая зона:

- средняя плотность населения (5,3 человека на км² — на уровне республиканского);
- низкая урбанизированность населения;
- расширенное воспроизводство населения;
- «молодая» возрастная структура населения;
- высокий удельный вес казахского этноса;
- низкий удельный вес русского этноса;
- низкая миграционная подвижность населения;
- средние темпы естественного прироста населения;

- относительно высокая рождаемость населения;
- высокая смертность населения;
- средние темпы роста населения.

Западная этнодемографическая зона:

- низкая плотность населения (3,1 человека на км²);
- средняя урбанизированность населения;
- «молодая» возрастная структура населения;
- высокий удельный вес казахского этноса;
- низкий удельный вес русского этноса;
- средняя миграционная подвижность населения;
- средние темпы естественного прироста населения;
- средний уровень рождаемости населения;
- средний уровень смертности населения;
- средние темпы роста населения.

Центральная этнодемографическая зона:

- низкая плотность населения (3,9 человека на км²);
- высокая урбанизированность населения;
- суженное воспроизводство населения;
- «старая» возрастная структура населения;
- низкий удельный вес казахского этноса;
- высокий удельный вес русского и других этносов;
- высокая миграционная подвижность населения;
- низкие темпы естественного прироста населения;
- низкая рождаемость населения;
- высокая смертность населения;
- высокие темпы сокращения населения.

Северо-Восточная этнодемографическая зона:

- средняя плотность населения (5,8 человека на км² — на уровне республиканского);
- высокая урбанизированность населения;
- суженное воспроизводство населения;
- «старая» возрастная структура населения;
- низкий удельный вес казахского этноса;
- высокий удельный вес русского и других этносов;
- высокая миграционная подвижность населения;
- отсутствие естественного прироста населения (депопуляция населения);
- низкая рождаемость населения;
- высокая смертность населения;
- зона, теряющая население.

Центральную и Северо-Восточную этнодемографические зоны можно отнести к зонам критического и неблагоприятного демографического развития. Южную, Юго-Западную и Западную – к зонам относительно благополучного демографического развития.

Таким образом, этнодемографическая зона включает территорию, отличающуюся от других особенностями своей демографической ситуации и обладающую взаимосвязанностью и целостностью составляющих ее элементов (этнический состав, численность населения, естественный прирост и др.). Причем эта целостность – объективное условие и закономерный результат демографического развития населения данной территории.

В.С. Бойко

Барнаульский государственный педагогический университет, г. Барнаул

КОРЕЙСКАЯ ОБЩИНА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Целью данного сообщения является обзор краткой и «прерывной» истории корейской диаспоры в Западной Сибири, причем основной фактический материал локализован г. Омском и Алтайским краем, так как обстоятельства миграции и оседания корейцев в этих регионах документально подтверждены достоверными архивными и другими источниками [1].

Первые корейцы поселились в Омске в конце XIX в. Их миграция в Азиатскую Россию явилась результатом экономических трудностей на родине, а позднее – и установления в Корее японского колониального режима. Большинство корейских мигрантов были объединены в национальные общества, ставившие своей целью освобождение родины от японского ига. В Омске такая организация возникла сразу после аннексии Кореи Японией в 1910 г.

В 1917 г. на волне октябрьских событий в Омске было создано общество корейской молодежи**. Здесь же некоторое время формально существовала также организация Красного Креста, создан-

* Данное исследование проведено при частичной поддержке Корейского фонда (Республика Корея) – Korea Foundation.

** В июне 1921 г. на съезде корейских эмигрантских организаций в Пекине оно было объявлено самозванным и распущено.

ная по инициативе «корейского временного правительства», базировавшегося в Шанхае [2].

Еще до Февральской революции 1917 г. корейские активисты установили связи с омскими большевиками. Буквально через несколько дней после освобождения города от колчаковцев здесь возникла корейская коммунистическая ячейка [3]. Корейцы наладили выпуск газеты на родном языке, но по техническим причинам это издание, именуемое «Утренний набат», было прекращено.

По данным на конец апреля 1920 г. общая численность корейцев в Омске достигала 238 человек [4]. В 1920-е гг. большая часть корейцев стремилась перебраться на Дальний Восток или даже возвратиться на родину. Рядовые корейцы предпочитали состоять в рядах Корейского рабочего союза – таких союзов были подразделениями иностранных отделов губернских исполкомов в России, а потом в СССР. Но организации такого рода так и не получили окончательного юридического оформления, они действовали фактически автономно, в отрыве от местных профсоюзов и других общественных объединений.

Корейцы пытались по-современному наладить экономическую жизнь своих соотечественников в Омске: в сентябре 1921 г. они планировали создать сельскохозяйственную коммуну. Для этой цели в Москву был командирован Ким Николай, он должен был посоветоваться с тамошними корейцами и раздобыть материалы на корейском языке [5].

В социально-демографическом отношении корейцы Омска в изучаемый период представляли собой довольно малочисленные, но компактно проживающие, преимущественно мужские городские общины (в Омской губернии за пределами собственно Омска в 1920 г. проживало всего 4 корейца). В дальнейшем численность корейцев в Омском Прииртышье, главным образом в самом Омске, несколько возросла, но никогда не превышала 1 тыс. человек. В годы перестройки, благодаря своей активной общественно-политической деятельности, достиг известности преподаватель Омского госуниверситета Ким Ен Ун – впоследствии он возглавлял Ассоциацию корейцев СНГ.

На Алтае корейцы появились на рубеже XIX–XX вв., но их община многие годы оставалась крайне малочисленной: так, в начале 1920-х гг. в Барнаульском уезде насчитывалось всего 7 корейцев, в Рубцовске – 12, в Бийске – 8 [6]. В 1928 г. в Рубцовской степи, на границе русского и казахского этнических анклавов СССР было за-

ложено первое корейское поселение, хозяйственно оформившееся как коммуна «Новая Корея». Ее руководителем был Ким Чергон, а некоторые другие корейцы взяли в жены русских девушек. В начале 1930-х гг. в «Новой Корее» насчитывалось около 15 семей. Коммунары предприняли смелую, но, по понятным причинам (суровый климат), неудачную попытку рисосеяния, однако в целом их небольшое хозяйство развивалось успешно. Оно считалось передовым — корейские колхозники собирали высокий для тех мест урожай пшеницы — до 15-27 центнеров с гектара [7]. Столь же продуктивно они занимались овощеводством, подумывали о закладке фруктового сада.

В марте 1929 г. Рубцовский окружной комитет РКП(б) принял решение объединить корейскую коммуналку с российской, «сохранив автономию в их работе и быте»*, однако корейцы категорически отказались выполнять эту директиву партийного органа — смелый шаг в условиях нарастания политико-административного прессинга сталинского режима.

20 апреля 1938 г. стало последним днем спокойной жизни для большинства корейских поселенцев — органы НКВД арестовали всех мужчин. После кампании этнических чисток конца 1930-х гг. уцелели только два бывших коммунара-корейца из Рубцовского района — Ли Чан Себ и Тен Пенниор, но в послевоенные годы на Алтай стали прибывать корейские спецпоселенцы, и в результате здесь сформировалась небольшая корейская община, в отдельные моменты достигавшая 500 и более человек. Ее небольшой прирост произошел после распада СССР за счет притока корейцев из центрально-азиатских республик. Несмотря на чрезвычайные усилия по налаживанию связей с исторической родиной и попытки самоорганизации, корейская община не добилась каких-либо ощутимых результатов — ее ассимиляция зашла слишком далеко, а единичные носители родного языка и культуры оказались не в состоянии переломить эту тенденцию. Такая задача пока не под силу и Корейскому краевому национальному культурному центру.

Изучение истории корейской диаспоры в Западной Сибири показывает, что, несмотря на трудолюбие и настрой на постоянное жительство в Сибирском крае, очевидную активность ее политичес-

*Например, в г. Барнауле в середине 1930-х гг. предпринимались попытки организации воскресной школы для изучения корейского языка и культуры. Доцент Барнаульского государственного педагогического университета Г.А. Пак (востоковед по образованию) подготовил учебник корейского языка, который так и остался в рукописи.

кого ядра, патронаж (и в худшем, и в лучшем смысле этого слова) советских административных и партийных органов, она, в силу своей малочисленности и небольшого опыта проживания вдали от родины, не смогла преодолеть многочисленных трудностей переходного периода и не стала сколько-нибудь заметным элементом этнокультурной структуры Омска и других крупных городов западносибирского региона, не говоря уже о сельской местности. Ее уделом становится неуклонная ассимиляция и статус национального меньшинства с неопределенными перспективами сохранения национальной культурной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Партийный архив Омской области (далее — ПАОО), ф. 58, оп. 1, д. 214, л. 3.
2. ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 214, л. 7-8.
3. ПАОО, ф. 1, оп. 2, д. 71, л. 11.
4. ПАОО, ф. 1, оп. 2, д. 471, л. 16.
5. Алтайский ежегодник за 1921-1922 хоз. год. Барнаул, 1923, с. 64-65.
6. Из воспоминаний Ли Чан Себа (записаны 31 марта 1992 г.). — Архив автора.
7. Государственный архив Алтайского края, ф. П34, оп. 1, д. 544, л. 1.

Л.А. Бургарт

Восточно-Казахстанский немецкий культурный центр, г. Усть-Каменогорск

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА В КОНЦЕ XIX-XX вв.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (по материалам всеобщих переписей населения)

Изучение этнодемографических процессов является прерогативой не только демографии или этнографии, сегодня к ним активно обращаются историки, социологи, политологи, психологи, что вполне закономерно и обусловлено масштабностью и многогранностью темы, а также ее историческим, теоретическим и общественно-практическим значением.

Отрадно, что в последние годы научный интерес к этой теме в Казахстане значительно возрос [1]. Особое значение сегодня приоб-

рета исследование процессов этнодемографического развития отдельных населяющих Казахстан этносов, в том числе и немецкого.

Анализ современных исследований российской и германской историографии также свидетельствует о постепенном росте интереса к отдельным проблемам и аспектам темы этнодемографического развития немцев в России, СССР и на территории «постсоветского» пространства [2].

Некоторые шаги сделаны в этом направлении и в Казахстане [3]. Однако разработка этой темы находится пока еще на начальном этапе, многие ее аспекты затронуты очень слабо. Попытки целостного, комплексного исследования пока еще малочисленны.

В нашей работе мы попытаемся на основе материалов всеобщих переписей населения представить основные этнодемографические характеристики и выделить этапы этнодемографического развития немецкого населения Казахстана в конце XIX–XX вв.

Опираясь на данные переписей как мощный статистический источник, необходимо четко осознавать и учитывать присущие переписям недостатки: неточности, недочеты, искажения, неполнота и несопоставимость отдельных данных [4]. Обработанные нами материалы всеобщих переписей населения представлены в виде таблиц, диаграмм, пирамид в сборнике «Немецкое население Казахстана в конце XIX–XX вв.» [5].

Рассматривая изменения ряда этнодемографических характеристик немецкого населения (численность, размещение в разрезе «город-село», распределение по областям, половозрастная структура, владение немецким языком, образовательный уровень, занятость, место в этнодемографической структуре Казахстана и др.) как в частности, так и в сравнении с другими крупными этносами, мы можем выделить четыре основных периода этнодемографического развития.

Период: конец XIX–30-е годы XX вв. С этим периодом связан мощный миграционный приток немцев-колонистов на территорию Казахстана, положивший начало их истории в регионе как группы населения. На смену единичным фактам миграции отдельных представителей городской немецкой диаспоры (ученые-исследователи, представители военной и гражданской администрации, горные инженеры, мастеровые и т.д.), имевшим место в XVIII–XIX вв. [6], пришел качественно новый процесс массовой миграции сельского немецкого населения, достигший своего пика в начале XX века и сопровождавшийся основанием десятков немецких поселений – «дочерних колоний» [7]. С этим периодом связано постепенное фор-

мирование и развитие структуры «немецкого села». По данным Карла Шумппа, по состоянию на 1928 год на территории Казахстана насчитывалось порядка 150 немецких поселений [8].

В течение четырех десятилетий (начиная с конца XIX века) общая численность немецкого населения в Казахстане увеличилась более чем в 10 раз. По данным I Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года на территории Казахстана проживало порядка 7000 немцев. Перепись населения 1920 года зафиксировала увеличение общей численности немецкого населения Казахстана до 62760 человек. По данным ВПН 1926 года она составила 52102 человека. «Репонсированная» перепись 1937 года зафиксировала общую численность немцев в 80568 человек. По данным ВПН 1939 года на территории Казахстана проживало 92571 немцев [9]. На протяжении данного периода немецкое население понесло значительные потери в результате эмиграции 20-х годов, репрессий 30-х годов. Увеличению численности немцев в Казахстане, помимо естественного прироста, способствовали ссылка «политически и социально опасных элементов» в период коллективизации и депортации 1936 года.

Удельный вес немцев в составе всего населения Казахстана увеличился с 0,2 до 1,5%.

Период в целом можно обозначить как время относительно обособленного внутреннего демографического развития немецкого населения, сохранявшего, несмотря на натиск властей, свои традиционные этнодемографические характеристики. Сформировавшись изначально как аграрное население, немцы продолжали оставаться таковым практически на протяжении всего периода. Доля городского населения у немцев увеличивалась относительно медленно. В 1926 году доля сельских жителей составляла у немцев 94,7%, к концу периода доля сельских немцев по-прежнему оставалась высокой и составляла по данным ВПН 1939 г. 85,1% [10].

Уже в этот период наметился ряд особенностей в формировании структуры и демографическом развитии немцев в сравнении с русским, казахским населением и населением Казахстана в целом. Снижение доли сельского населения у немцев первоначально происходило медленнее, чем у населения Казахстана в целом и казахского населения. Значительные отличия отмечались в сравнении с русским населением, у которого к 40-м годам XX века доля сельских жителей лишь немного превосходила долю городских (56,4 и 43,7% соответственно) [11].

Изменения в границах и административно-территориальном устройстве Казахстана усложняют сопоставление данных переписей в разрезе размещения немецкого населения. В конце XIX века основным регионом размещения немцев была Акмолинская область (более 60% немецкого населения). На протяжении 1920-х годов основная масса немецкого населения размещалась в Акмолинской (41,4%), Семипалатинской (23,2%) губерниях и Кустанайском округе (21,1%) [12]. ВПН 1939 года показывает размещение немецкого населения по 14 областям Казахстана с наибольшей концентрацией в Северо-Казахстанской (24,8%), Карагандинской (16,0%), Акмолинской (10,9%), Кустанайской (10,6%) областях [13]. В разрезе экономических районов почти 50% немецкого населения было размещено на территории Северного Казахстана.

Следует подчеркнуть, что на протяжении всего периода немецкому населению удалось сохранить высокую степень владения родным языком (около 90%). Это прежде всего связано с преобладанием долей сельских жителей, сохранявших родной язык в большей степени, чем городские. По данным ВПН 1926 года доля лиц, владеющих родным немецким языком, составила у сельских немцев 98,2%, у городских – 78,6% [14]. Для немецкого населения был характерен относительно высокий (в сравнении с другими этносами) уровень грамотности (45,5% – по данным на 1926 год). При этом следует подчеркнуть довольно высокий уровень грамотности (в смысле переписи 1926 г.) сельского немецкого населения (44,9%), а также женщин немцев (35,7%). По этому показателю немцы опережали русских, украинцев и тем более коренное население Казахстана в целом. Довольно высокой была доля грамотных среди немцев (89,7% от общего числа грамотных) [11, с. 46].

В течение большей части периода немцам удавалось в далеко не однозначных условиях сохранять традиционную систему этноконфессионального образования.

Несмотря на существенные удары, нанесенные советской властью по основам хозяйственно-экономического и культурного уклада жизни немецкого населения, и прежде всего его сельской части, «демографическая ткань» немецкого населения продолжала оставаться относительно целостной.

II период: 40–50-е годы XX века. С этим небольшим по продолжительности периодом связаны мощные демографические процессы, имевшие значительные последствия как для населения Казахстана в целом, так и для немцев.

В течение выделенного периода произошел мощный рост общей численности немецкого населения Казахстана (как сельского, так и городского). В ходе массовой депортации в Казахстане было выселено порядка 400 тысяч немцев. Таким образом численность «привычного» немецкого населения почти в 5 раз превысила численность местного немецкого населения, и последние стали составлять меньшинство по отношению к депортированным. Многочисленные перемещения немецкого населения в результате депортации, мобилизации в «трудовую армию», демобилизации, воссоединения семей, «репатриации» и т.п. вызвали значительные колебания численности немцев в регионе в военные годы и первое послевоенное десятилетие.

С периодом 1940–50-х гг. связано расширение географии размещения немцев в Казахстане. ВПН 1959 года свидетельствует о значительном увеличении численности немецкого населения в 12-ти областях из 15-ти. Наиболее высокая численность немцев отмечалась в Карагандинской (16,8% от всего немецкого населения), Акмолинской (14,6%), Кустанайской (12,1%), Кокчетавской (10,3%), Павлодарской (8,4%) областях [12].

Удельный вес немцев в составе всего населения Казахстана также резко вырос и составил 7,1%. В результате немецкое население по этому показателю переместилось с 7-го места на 4-е [9]. По региону наиболее высокий удельный вес немецкого населения отмечался в Акмолинской (15,2%), Кокчетавской (13,7%), Павлодарской (12,1%), Кустанайской (11,2%) областях [14].

Общий прирост численности немецкого населения составил по отношению к 1939 г. 567,2 тыс. человек (612,7%) [15].

Именно в 1940–50-е годы произошли кардинальные изменения не только в количественном, но и прежде всего в качественном составе немецкого населения, в первую очередь его сельской части. Мощные изменения претерпела прежде всего демографическая структура немецкого села. Многочисленные факты размещения «привычного» немецкого населения без учета места первоначального жительства привели к тому, что значительная часть городских жителей оказалась в селах, а сельских – в городах. В результате состав населения немецких сел оказался довольно разнородным. Наряду с увеличением населения немецких сел, существовавших в Казахстане еще с конца XIX–начала XX в., увеличилось количество сельских населенных пунктов со значительной долей немецкого населения, выселенного из других регионов. В то же время доля сельского населения в

составе всего немецкого этноса Казахстана в течение 1940–50-х гг. снизилась, однако оставалась, так же как и казахского населения, преобладающей (69,1%). У населения Казахстана в целом наблюдалось уравнивание долей городских и сельских жителей, тогда как у русского населения стала преобладающей [10].

Существенные изменения в рассматриваемый период претерпели основные этнодемографические характеристики немецкого населения Казахстана. С 1940–50-ми гг. связаны резкие колебания в уровнях рождаемости и смертности, жесткая регламентация миграционных движений, значительные изменения в половозрастной структуре немецкого населения, его образовательном и профессиональном уровне.

Перепись населения 1959 года лишь отчасти отражает сложившиеся демографические процессы, имевшие место в течение 20 лет прошедших с момента последней предвоенной переписи.

К концу 1950-х годов доля немцев, владеющих немецким языком, оставалась еще относительно высокой (83,5%). В то же время наблюдалось ее постепенное снижение. Сельское немецкое население по-прежнему владело родным языком лучше городского (85,1% и 78,1% соответственно). Однако особенности размещения депортированного немецкого населения значительно повлияли на темпы снижения доли владеющих родным языком (у городского населения доля осталась почти такой же, как в 1926 г., тогда как у сельского снизилась на 12,4%) [13].

Период 1940–50-х годов имел мощные последствия в проекции на дальнейшее развитие и состояние «этнодемографической типологии» немецкого населения и стал в этом смысле переломным этапом.

III период: 60–80-е годы XX века. Период относительно стабильного (в сравнении с предшествующим) демографического развития немецкого населения Казахстана. О мощных демографических потрясениях 1940–50-х годов напоминали лишь их последствия («демографические волны» и т.п.). В течение периода наблюдалось постепенное нарастание тенденций, берущих свое начало еще в предшествующем периоде. На протяжении 1960–80-х гг. наблюдался рост общей численности немецкого населения (1970 г. – 858,1 тыс. чел.; 1979 г. – 900,2 тыс.; 1989 г. – 957,5 тыс.), однако удельный вес немцев в составе населения Казахстана постепенно снижался и составил к концу периода 5,8% [10]. В то же время немцы стали 3-м по численности этносом Казахстана. Темпы общего прироста численности немецкого

населения на протяжении периода снижались. У сельской его части темпы общего прироста стало отрицательным уже в 1970-е годы. У городского населения еще отмечался некоторый рост.

К концу периода доля сельского населения у немцев перестала быть преобладающей и практически сравнялась с долей городского.

Отличительные черты в развитии различных этносов Казахстана стали еще более явными (табл. 2). Существенных изменений в размещении немецкого населения по областям Казахстана не произошло. Наиболее высокой численность немцев была в Карагандинской, Целиноградской, Кустанайской, Кокчетавской, Джамбульской областях.

Сельское население преобладало над городским в 11–12-ти областях из 19-ти. Следует отметить существование на протяжении всего периода определенной компактности размещения сельского немецкого населения, что позволяло, несмотря на целый ряд сложностей и неоднозначных демографических процессов, сохранять традиционную структуру немецкого села.

Даже к 1989 году почти половина сельского немецкого населения размещалась в селах с преобладающей или значительной долей немцев. Всего по Казахстану насчитывалось более 600 таких сел.

На протяжении выделенного периода у немцев наблюдалось постепенное снижение доли лиц, владеющих немецким языком (85,9% в 1959 г. – 60,0% в 1989 г.) [13]. Сельское население по-прежнему владело родным языком в большей степени, чем городское. В то же время исторические последствия предшествующего периода и отсутствие условий для полноценного этнокультурного развития способствовали росту ассимиляционных тенденций не только среди городского немецкого населения, но и среди сельского.

В течение 1960–80-х гг. отмечались лишь некоторые незначительные изменения в характеристиках немецкого населения Казахстана по уровню образования и структуре занятости. Несмотря на некоторый рост показателей немцы значительно уступали как населению Казахстана в целом, так и русскому, и казахскому населению в частности. Составляя значительную долю среди всего занятого населения (прежде всего сельского), немцы внесли мощный вклад в развитие экономики Казахстана в 1960–80-е годы.

В условиях постепенного роста ассимиляционных тенденций немецкое население Казахстана все же пока еще сумело сохранить ряд традиционных этнодемографических характеристик, прежде всего, за счет своей сельской части, продолжавшей составлять основу этноса.

IV период: последнее десятилетие XX века. Самый короткий по продолжительности, но самый масштабный по последствиям период этнодемографического развития немцев Казахстана.

Результатом прошедшего десятилетия стало «катастрофическое» сокращение абсолютной численности немецкого населения Казахстана (почти в 3 раза). Отрицательное сальдо прироста составило у немцев 62,7%. Их удельный вес в составе населения Казахстана сократился до 2,4% [10]. Значительные потери понесло городское и в еще большей степени сельское немецкое население.

Впервые доля городского немецкого населения стала меньше доли сельского. В рамках нового административно-территориального деления сельское немецкое население преобладало на городским лишь в 6-ти областях из 14-ти.

Практически все области понесли огромные потери немецкого населения. Согласно данным переписи населения РК 1999 года на более высокое отрицательное сальдо отмечалось в Южно-Казахстанской, Жамбылской, Алматинской, Кызыл-Ординской областях.

Основными областями проживания немцев в Казахстане остаются Костанайская, Карагандинская, Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская. Прошедшее десятилетие было неоднозначным не только для немецкого населения, но и населения Казахстана в целом и отдельных населяющих его этносов.

Однако следует отметить, что по абсолютным потерям немцы уступают только русским, превосходя в то же время последних по величине отрицательного сальдо прироста.

За цифрами стоит не просто мощное сокращение численности немецкого населения, но прежде всего проблема исчезновения этноса. В основе ее лежит проблема исчезновения немецкого села. В результате эмиграции в Германию и Россию и оттока в города Казахстана значительные потери понесли прежде всего немецкие села и села с преобладанием немецкого населения. Произошли серьезные и необратимые изменения внутренней структуры и «качественного» состава сельского немецкого населения. Это самым непосредственным образом отразилось на этнодемографических характеристиках немецкого населения в целом.

Впервые за 100 лет доли немцев, владеющих немецким языком, среди городского и сельского населения стали практически равными. «Языком своей национальности» владеет лишь 21,8% немцев [13].

Значительные изменения претерпели семейно-брачные характеристики и установки немецкого населения [16].

Немцы, в результате последствий «советского периода», эмиграции и неоднозначных процессов первых лет «независимости» Казахстана, по-прежнему продолжают уступать по уровню образования другим этносам [17].

Целый ряд негативных изменений произошел в структуре занятости немецкого населения, и прежде всего, его сельской части [18].

Спад рождаемости и миграционный отток вызвали мощные изменения в половозрастной структуре как городского, так и сельского населения. Составленные по итогам переписи 1999 года половозрастные пирамиды немецкого населения, а также населения Казахстана в целом, русского и казахского населения позволяют выделить целый ряд особенностей в демографическом развитии этносов [19].

Итоги десятилетия, подведенные переписью 1999 г., позволяют с полным правом говорить о необратимых изменениях «этнодемографической ткани» немецкого населения Казахстана и мощном подорыве основ существования этноса.

Данное исследование является попыткой выделить на основе анализа основных тенденций этнодемографического развития населения наиболее крупные этапы этого развития. Безусловно, требуется еще более глубокий анализ этой проблемы, привлечение более широкого круга статистических источников с целью более развернутой характеристики этнодемографических процессов, имевших место в истории немецкого населения Казахстана на протяжении столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литература по народонаселению Казахстана. Библиографический указатель // Сост. М.К. Козыбаев, А.Н. Алексеев. - Усть-Каменогорск, 1995; Алексеев Н.В., Алексеев А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997). - Усть-Каменогорск, 1999; Алексеев А.Н. Население Казахстана. 1920-1990 гг. - Алматы, 1993; История Казахстана: народы и культуры: Учебное пособие / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева, А.Н. Алексеев, Г.С. Баратова. - Алматы, 2000, а также сборники материалов четырех Международных научных конференций «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». - Усть-Каменогорск, 1998, 1999, 2001, 2002 и др.
2. Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект // Матер. Межд. науч. конф. - М., 1998; Обердирфер Л. Демографическое положение немецкого населения в Новосибирской области в 1940-е гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941-1955 гг. // Матер. седьмой Межд. науч. конф. - М., 2001. - С. 321-345; Славина Л. Немцы в Красноярском

крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях режима спецпоселения) // Там же. - С. 503-517; Крылов И. Трансформация расселения менонитов в Молоканском регионе // Науч. конф. - М., 2002. - С. 440-446; Славин Л. Немцы Сибири в 1920-е годы (статистический анализ на материалы переписи населения) // Там же. - С. 449-463; Кригер В. Некоторые аспекты демографического развития немецкого населения 1930-1950 годов // Там же. - С. 470-494; Busch M. Deutsche in St. Petersburg, 1800-1914. - Essen, 1995. - S. 17-48; Dönninghaus V. Die Deutschen in der Moskauer Gesellschaft. Symbiose und Konflikte (1494-1941). - München, 2002. - S. 35-138; а также библиографические указатели Brandes D., Busch M., PAVLOVIĆ K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. Band I. - München, 1994; Brandes D., Dönninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. Band 2. - München, 1999; Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991-2000 гг. - М., 2001 и др.

3. Алексеев А.Н. Расселение немцев на территории Казахстана (по данным Всероссийской 1897 г. и Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959 гг.) // История немцев Центральной Азии: Матер. Межд. науч. конф. - Алматы, 1998. - С. 205-209; Назарова З.Ж. Немецкое население Центрального Казахстана в 1929-1939 гг. (демографический аспект) // Там же. - С. 210-215; Калышева А.Б. Структура и типы семьи у немцев Семиречья // Там же. - С. 165-171; Бургарт Л.А. Особенности демографического поведения немцев Восточного Казахстана в условиях режима спецпоселения (1941-1955 гг.) // Там же. - С. 129-139; Алексеев А.Н. Немцы Казахстана в XX в. (демографический аспект) // Культура немцев Казахстана: история и современность: Матер. Межд. науч.-практ. конф. - Алматы, 1999. - С. 51-59; Сакенова К.А. Социально-демографическая характеристика немецкой диаспоры Казахстана (1939-1993 гг.) // Там же. - С. 60-68; Бруль В. Влияние второй мировой войны на численность, географию расселения и образовательный уровень немцев в Казахстане // Там же. - С. 94-111; Бургарт Л.А. Оперативно-агентурный контроль НКВД в отношении миграционных движений немцев-спецпоселенцев в ВКО в 1945-начале 50-х гг. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Матер. Межд. науч.-практ. конф. - Усть-Каменогорск, 1998. - С. 68-71; Она же. Миграционные процессы среди немецкого населения Казахстана в условиях режима спецпоселения в 1949-1955 гг. (на примере Восточного Казахстана) // Миграционные процессы среди российских немцев... - С. 350-358; Ерофеева И.В. Типы миграций немцев в Казахстане в дореволюционный период // Там же. - С. 159-172; Бургарт Л.А. Демографические проблемы истории немцев в современной отечественной историографии: состояние и перспективы // Этнодемографические процессы в

Казахстане и сопредельных территориях. - Усть-Каменогорск, 1999. - С. 12-16; Она же. Демографические процессы среди немецкого населения Казахстана (конец XIX в.-30-е годы XX века). Историография проблемы // Этнодемографические процессы... - Усть-Каменогорск, 2001. - С. 14-18; Сидовская Е.Ю. Эмиграция этнических немцев из Казахстана в 1990-е годы: причины и прогноз // Германия - Центральная Азия - Восточный Кавказ: история, современность, перспективы. - Алматы, 2002. - С. 100-132; Немецкое население Казахстана в конце XIX-XX вв. (по материалам Всесоюзных переписей населения 1897-1999 гг.): Сборник / Сост. Л.А. Бургарт. - Усть-Каменогорск, 2002 и др.

4. Основная литература по переписям населения. Библиографический указатель. - М., 1997; Исупов А.А. Перепись как ценный источник информации о населении // Вестник статистики. - 1980. - № 7. - С. 29-37; Алексеев А.Н. Статистические источники по демографии Казахстана. - Усть-Каменогорск, 1999 и др.

5. Немецкое население Казахстана в конце XIX-XX вв. (по материалам Всесоюзных переписей населения 1897-1999 гг.): Сборник / Сост. Л.А. Бургарт. - Усть-Каменогорск, 2002. Использованы материалы: Первая Всесоюзная перепись населения Российской Империи 1897 г.; Общий свод из материалов результатов разработки данных Первой Всесоюзной переписи населения, проведенной 28 января 1897 г. - Т. 1-2. - СПб., 1905; Календарь-справочник на 1924 год. - Оренбург, 1926; Всесоюзная перепись населения 1926 г. - М., 1928. - Т. VIII; Об основных показателях ВПН 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. - Алма-Ата, 1991; Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной Переписи населения на 15 января 1959 г. - Алма-Ата, 1960; Возрастная структура, состояние в браке, национальный состав, уровень образования и обучение населения по СССР, республикам, краям и областям, по данным ВПН на 15 января 1960 г. - М., 1960; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Казахской ССР. - Алма-Ата, 1974; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Казахской ССР. - Алма-Ата, 1982; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. - Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку. Книга 2. - М., 1989; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. - Т. 1-3. - Алма-Ата, 1991-1992; Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги Переписи населения 1999 г. в РК. - Алматы, 2000; Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 2. Население РК по национальностям и владению языками. - Алматы, 2000; Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 3. Занятое население РК по национальностям и занятиям. - Алматы, 2000; Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 4. Ч. 1. Население РК по национальностям, полу и возрасту. - Алматы, 2000; Национальный состав населения Республики Казахстан. Население РК по национальностям и уровню образования. - Алматы, 2000;

- Национальный состав населения Республики Казахстан. Население по национальностям и состоянию в браке. - Алматы, 2000; Миграция населения. Итоги Переписи населения 1999 г. в РК. - Алматы, 2000.
6. Ерофеева И.В. Типы миграции немцев в Казахстан в дореволюционный период // Миграционные процессы среди российских немцев. - 159-172.
 7. Кригер В.Э. Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период). АКД. - Алматы, 1991.
 8. Karl Stumpp. Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Nord-Sibirien und Mittelasien. Stand 1928 // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. - 1928. - S. 87-99.
 9. Приложение. Таблица 1.
 10. Таблица 2.
 11. Данные ВПН 1926 г. - М., 1928.
 12. Данные ВПН 1939 г.
 13. Приложение. Таблица 8.
 14. Немецкое население Казахстана в конце XIX-XX вв...
 15. Приложение. Таблица 3.
 16. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 4, Ч. 3. Население РК по национальностям и состоянию в браке. Итоги Переписи населения 1999 г. в РК. - Алматы, 2000.
 17. Там же. Т. 4, Ч. 2. Население РК по национальностям и уровню образования. - Алматы, 2000.
 18. Там же. Т. 3. Занятое население РК по национальностям и занятиям. - Алматы, 2000.
 19. Приложение. Таблица 7 и рисунки 1, 2.

Динамика общей численности немецкого населения Казахстана (1897-1999 гг.)

	1897	1920	1926	1937	1939	1959	1970	1979	1989	1999
Численность немцев (чел.)	7049	62760	61094	80586	92571	65971	856077	900207	946855 (957518)	353441
Доля в составе населения Казахстана (%)	0,16	1,3	0,78	1,6	1,50	7,08	6,59	6,13	5,85	2,38
Место в составе всего населения	9	7	7	6	7	4	4	3	3	5

Примечание: составлена по данным переписей населения 1897, 1920, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 1999 гг.

Численность и размещение немецкого населения Казахстана
в сравнении с наиболее крупными этносами (1926-1999 гг.)

	1926			1939			1959			1970			1979			1989			1999		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Нации в целом:	58,7	100	0,9	93,6	100	1,5	659,6	100	7,1	858,1	100	40,4	900,2	100	6,1	957,5	100	5,8	353,4	100	2,4
городские	2,5	4,3	0,5	14,5	15,5	0,8	204,7	31,0	5,0	346,3	59,6	45,0	404,5	55,0	5,1	469,8	49,1	5,0	181,6	51,4	2,2
сельские	56,2	95,7	1,0	79,1	84,5	1,9	455,7	69,0	8,7	511,8	100	59,6	495,7	100	7,2	487,7	50,9	6,9	171,8	48,6	2,6
Население Казахстана в целом:	6229,9	100	100	6384,6	100	100	9294,7	100	100	13008,7	100	100	14584,3	100	100	16464,5	100	100	14953,1	100	100
городские	528,9	8,5	100	1940,5	30,3	100	4087,2	43,8	100	6538,6	50,3	53,5	7856,2	53,5	53,5	9402,6	57,1	100	8377,3	56,0	100
сельские	5703,0	91,5	100	4464,1	69,7	100	5227,5	66,2	100	6470,1	49,7	46,5	6829,1	46,5	46,5	7061,9	42,9	100	6575,8	44,0	100

	1926			1939			1959			1970			1979			1989			1999		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Казахи:	3627,6	100	58,2	100	100	36,4	2787,3	100	30,0	4234,1	100	32,5	5288,3	100	36,0	6534,6	100	39,7	7985,0	100	53,4
городские	74,8	2,1	14,2	15,4	18,6	43,7	576,5	21,0	40,3	1115,3	26,3	17,0	1634,8	30,9	20,8	2506,3	38,4	28,6	3615,5	45,3	43,2
сельские	3552,8	97,9	62,3	83,6	81,4	19,6	2198,8	75,6	16,7	48,2	48,2	48,2	3654,5	69,1	53,5	4028,3	61,6	57,0	4369,5	54,7	66,4
Русские:	1274,9	100	20,5	100	100	41,2	3972,0	100	42,7	5521,9	100	42,4	5991,2	100	40,8	6227,5	100	37,8	4479,6	100	30,0
городские	281,0	22,0	53,3	43,8	58,4	58,4	2343,3	59,0	57,6	3818,3	69,1	58,4	4426,5	73,9	66,3	4823,2	77,5	51,3	3443,6	76,9	41,1
сельские	993,9	78,0	17,4	56,2	41,6	33,3	1628,7	41,0	31,1	1703,6	30,9	26,3	1564,7	26,1	22,9	1404,3	22,5	19,9	1036,0	23,1	15,8

Примечание: 1 - абсолютная численность (тыс. чел.); 2 - доля в составе этноса (%); 3 - доля в составе всего населения (%). Составлена и рассчитана по материалам Всесоюзной переписи населения 1926-1999 гг., а также А.Н. Алексеева. Население Казахстана 1920-1990 гг. - Алматы, 1993.

Изменение численности населения (прирост, уменьшение) отдельных этносов Казахстана в 1926-1999 гг.

Таблица 3

	1926 к 1926		1959 к 1959		1970 к 1959		1979 к 1970		1989 к 1979		1999 к 1989	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Население Казахстана в целом:	164,7	2,6	2900,1	45,4	3714,0	40,0	1676,6	12,8	1780,2	12,1	-1511,4	-8,2
городское	1413,6	268,3	2126,7	109,6	2471,4	60,8	1316,6	20,1	1547,4	19,7	-1026,3	-10,9
сельское	-1248,9	-21,9	773,4	17,4	1242,6	23,8	359,0	5,5	232,8	3,4	-486,1	-8,9
Казах:	-1300,0	-35,8	459,7	19,7	1448,8	51,9	1055,2	24,9	1245,3	19,1	1450,4	22,1
городские	306,6	409,9	295,1	77,4	438,6	84,9	519,5	46,6	871,5	63,3	1109,2	44,3
сельские	-1606,6	-45,2	162,6	8,4	1010,1	47,9	535,6	17,2	373,8	10,2	341,2	8,5
Русские:	1360,7	106,7	1338,4	50,7	1549,9	39,0	489,3	8,5	236,3	3,9	-1747,9	-28,1
городские	872,2	310,4	1190,1	103,2	1475,0	62,9	608,2	15,9	388,7	9,0	-1379,6	-28,6
сельские	488,5	49,1	146,3	9,9	74,9	4,6	-139,9	-8,2	-160,4	-10,3	-368,3	-28,2
Немцы:	41,5	81,6	567,2	612,7	198,3	30,1	42,1	4,9	57,3	6,4	-604,4	-63,1
городские	12,0	48,0	189,6	1307,6	142,2	69,7	56,2	16,8	65,3	16,1	-288,2	-61,3
сельские	22,9	40,7	378,6	476,1	56,1	12,3	-16,1	-3,1	8,0	1,6	-315,9	-64,8

Примечание: рассчитано по данным табл. 1.

Размещение сельских населенных пунктов с преобладающим немецким населением по областям Казахстана, 1989 год

Таблица 4

Области	Количество сельских населенных пунктов	Численность населения в них (чел.)	Удельный вес немцев ко всему населению (%)	Численность немцев (чел.)*
Актюбинская	11	9678	27	2613
Алма-Атинская	18	42851	26	10712
Восточно-Казахстанская	13	6619	31	2051
Восточно-Казахстанская	14	37673	28	10548
Восточно-Казахстанская	5	4475	28	1253
Восточно-Казахстанская	50	52984	39	20133
Восточно-Казахстанская	106	105984	39	40274
Восточно-Казахстанская	113	116889	30	35006
Восточно-Казахстанская	79	75264	34	25590
Восточно-Казахстанская	52	33856	37	12527
Восточно-Казахстанская	36	29885	30	8966
Восточно-Казахстанская	11	18424	35	6448
Восточно-Казахстанская	2	1954	36	703
Восточно-Казахстанская	126	91845	35	32146
Восточно-Казахстанская	12	28905	32	9250
Итого по Казахстану:	647	657286	33,2	218280

Примечание: составлена по: Национальный состав населения Казахской ССР. - Алматы, 1990. - С. 28.

*Данные рассчитаны по удельному весу.

Изменение численности немецкого населения
по областям Казахстана в 1970-1999 годах

Таблица

Области	1970	1979	1989	1999
Акмолинская				
Все население	959729	994932	1084408	836271
Немцы:	124906	127948	139032	52334
городские	34291	37829	47714	17976
сельские	90615	90119	91318	34358
Актюбинская				
Все население	550582	630383	732653	682558
Немцы:	31473	300084	31628	10721
городские	16374	16837	19360	5731
сельские	15099	13247	12268	4990
Алматинская				
Все население	1272492	1453401	1642917	1558534
Немцы:	84364	93170	94123	18927
городские	37548	41697	44433	8724
сельские	46816	51473	49690	10203
Атырауская				
Все население	340343	373706	424708	440286
Немцы:	1872	1684	1401	687
городские	1714	1534	1238	626
сельские	158	160	163	61
Вост.-Казахстан.				
Все население	1563874	1657403	1767225	1531024
Немцы:	69136	65610	66924	32141
городские	21571	23581	28353	15954
сельские	47565	42029	38571	16187
Жамбылская				
Все население	792321	929983	1038667	998840
Немцы:	68356	69427	70150	11394
городские	25152	30188	32717	6871
сельские	41204	39239	37433	4723
Зап.-Казахстан.				
Все население	513077	585501	629494	616800
Немцы:	4135	4722	4550	2434
городские	923	1591	2003	1534
сельские	3212	3131	2547	900
Карагандинская				
Все население	1560486	1713208	1745448	1410218
Немцы:	147233	154602	159208	57229
городские	115188	124447	125069	46438
сельские	32045	30155	34139	10791

Продолжение табл. 5

Области	1970	1979	1989	1999
Костанайская				
Все население	985571	1089068	1223844	1017729
Немцы:	91456	97284	110440	57410
городские	20166	29823	42021	25766
сельские	71290	67461	68419	31644
Кызылординская				
Все население	484352	562191	574464	596215
Немцы:	3116	2236	1980	376
городские	2449	1678	1696	331
сельские	667	358	284	45
Мангистауская				
Все население	158234	248842	324243	314669
Немцы:	618	1081	1136	554
городские	611	1017	1130	554
сельские	7	64	6	-
Павлодарская				
Все население	697947	807224	942313	806983
Немцы:	73614	81487	95342	43835
городские	21810	32000	45983	21732
сельские	51804	49487	49359	22103
Сев.-Казахстан.				
Все население	874986	884345	912065	725980
Немцы:	86028	84485	86716	41157
городские	7927	10084	12426	7253
сельские	78101	74401	74290	33904
Юж.-Казахстан.				
Все население	1299068	1568985	1823528	1978339
Немцы:	46382	50742	44526	5261
городские	15336	19439	17761	3341
сельские	31046	31303	26765	1920
г. Астана				
Все население	181322	232322	261262	319324
Немцы	10584	14436	18913	9691
г. Алматы				
Все население	777569	968817	1071927	1129356
Немцы	16824	21219	20806	9390

Примечание: данные по: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 года в РК. - Алматы, 2000.

Изменение численности немецкого населения областей Казахстана
1970-1999 г. (прирост, уменьшение)

Области	Прирост, уменьшение (-) 1999 г. к					
	1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Акимовская						
Все население	-123458	-12,9	-158861	-15,9	-228135	-21,4
Немцы:	-72527	-58,1	-75614	-59,1	-86698	-82,4
городские	-18315	-47,6	-19853	-52,5	-29738	-62,3
сельские	-54257	-62,1	-55761	-61,9	-56960	-62,4
Актюбинская						
Все население	131976	24,0	52175	8,3	-50095	-6,8
Немцы:	-20752	-65,9	-19363	-64,4	-20907	-66,1
городские	-10643	-65,0	-11106	-66,0	-13629	-70,4
сельские	-10109	-67,0	-8257	-62,3	-7278	-59,3
Алматинская						
Все население	286042	22,5	105133	7,2	-84383	-5,1
Немцы:	-65437	-77,8	-74243	-79,7	-75196	-79,9
городские	-28824	-76,8	-32973	-79,1	-35709	-80,4
сельские	-36613	-78,2	-41270	-80,2	-39487	-79,5
Атырауская						
Все население	99943	2,9	68580	17,8	15578	3,7
Немцы:	-1185	-63,3	-1007	-59,4	-714	-51,0
городские	-1088	-63,5	-908	-59,2	-612	-49,4
сельские	-97	-61,4	-99	-61,9	-102	-62,6
Вост.-Казахстан.						
Все население	-32850	-2,1	-126379	-7,8	-236201	-13,4
Немцы:	-36995	-53,5	-33469	-51,0	-34783	-52,0
городские	-5617	-28,0	-7827	-32,3	-12399	-43,7
сельские	-31378	-66,0	-25842	-61,5	-22384	-58,0
Жамбылская						
Все население	196519	24,8	58557	8,3	-49827	-4,8
Немцы:	-54962	-82,8	-58033	-83,6	-58756	-83,8
городские	-18481	-73,5	-23517	-77,9	-26046	-79,6
сельские	-36481	-88,5	-34516	-88,0	-32710	-87,4
Зап.-Казахстан.						
Все население	103723	20,2	31299	5,3	-12694	-2,0
Немцы:	-1701	-41,1	-2286	-48,5	-2116	-46,5
городские	611	66,2	-57	-3,6	-469	-23,4
сельские	-2312	-72,0	-2231	-71,3	-1647	-64,7
Карагандинская						
Все население	-150250	-9,8	-302990	-17,7	-335230	-19,2
Немцы:	-90004	-61,1	-97373	-63,0	-101979	-64,1
городские	-68750	-59,7	-78009	-62,7	-78631	-62,9
сельские	-21254	-68,3	-19364	-64,2	-23348	-68,4

Продолжение табл. 6

Области	Прирост, уменьшение (-) 1999 г. к					
	1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Костанайская						
Все население	32158	3,3	-71339	-6,6	-208115	-16,8
Немцы:	-34048	-37,2	-38874	-41,0	-53030	-48,0
городские	5600	27,8	-4057	-13,6	-16255	-38,7
сельские	-39648	-55,6	-35815	-53,1	-36775	-53,7
Кызылординская						
Все население	101863	20,6	34024	6,1	21751	3,8
Немцы:	-2740	-87,9	-1880	-83,2	-1584	-80,8
городские	-2118	-86,5	-1547	-82,4	-1385	-80,5
сельские	-622	-93,3	-313	-87,4	-219	-83,0
Мангистауская						
Все население	155435	97,8	65827	26,5	-6574	-3,0
Немцы:	-64	-10,4	-527	-48,8	-582	-51,2
городские	-57	-9,3	-463	-45,5	-576	-51,0
сельские	-7	-100,0	-64	-100,0	-6	-100,0
Павлодарская						
Все население	109036	15,8	-241	0,0	-135330	-14,4
Немцы:	-29779	-40,5	-37652	-46,2	-51507	-54,0
городские	-78	-0,4	-10288	-32,1	-24251	-52,7
сельские	-29701	-57,3	-27364	-55,3	-27256	-55,2
Сев.-Казахстан.						
Все население	-149006	-17,0	-158365	-17,9	-186085	-20,4
Немцы:	-44871	-62,2	-43308	-51,3	-45559	-52,5
городские	-674	-8,5	-2811	-27,9	-5173	-41,6
сельские	-44197	-56,6	-40497	-54,4	-40386	-54,4
Юж.-Казахстан.						
Все население	689251	53,5	409354	26,1	154811	8,5
Немцы:	-41121	-88,7	-45481	-89,8	-39285	-88,2
городские	-11995	-78,2	-18096	-82,8	-14420	-81,2
сельские	-29126	-93,8	-29383	-93,9	-24865	-92,8
г. Астана						
Все население	138002	76,1	87002	37,4	38072	13,5
Немцы	-973	-9,2	-4845	-33,6	-9322	-49,3
г. Алма-Аты						
Все население	351787	45,2	172339	18,0	57429	5,4
Немцы	-7434	-44,2	-11829	-55,7	-11416	-54,9

Примечание: данные по: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 года в РК. - Алматы, 2000.

Таблица 7
Структура немецкого населения по возрасту в сравнении с другими этносами Казахстана, 1999 год (%)

	В том числе в возрасте, лет									
	0-9	10-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше		
Немцы:										
всего	14,2	22,9	16,1	13,2	16,0	6,0	7,1	4,6		
мужчины	15,1	24,1	16,6	13,6	15,8	5,8	6,3	3,0		
женщины	13,3	21,8	15,6	12,8	16,2	6,3	7,9	6,2		
Население Казахстана										
всего	17,8	20,0	16,0	15,4	12,7	7,3	6,5	4,3		
мужчины	18,8	21,1	16,7	15,6	12,5	6,8	5,8	2,7		
женщины	16,6	19,0	15,6	15,2	12,9	7,7	7,1	5,7		
Казахы:										
всего	22,0	21,9	17,6	16,3	10,7	5,4	3,7	2,4		
мужчины	22,7	22,5	17,8	16,2	10,5	5,2	3,4	1,7		
женщины	21,3	21,3	17,3	16,4	11,0	5,6	3,9	3,1		
Русские:										
всего	11,6	17,8	14,4	13,7	15,7	9,8	10,0	7,0		
мужчины	12,9	19,7	15,3	14,3	15,7	9,2	8,8	4,1		
женщины	10,5	16,2	13,5	13,3	15,7	10,4	11,1	9,3		

Примечание: рассчитана по: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 4. Ч. 1. Население РК по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в РК. - Алматы, 2000.

Рис. 1. Половозрастная пирамида городского немецкого населения, 1999 год

Рис. 2. Половозрастная пирамида сельского немецкого населения, 1999 год

Таблица
Сельское и городское немецкое население Казахстана по владению немецким языком в 1926-1999 гг.

	Доля владеющих немецким языком, %					
	1926	1959	1970	1979	1989	1999
Сельское население:	98,2	85,9	78,6	69,5	60,0	22,2
мужчины	97,9	83,9	80,4	86,5	57,5	19,5
женщины	98,4	87,6	76,6	72,3	62,5	23,9
Городское население:	78,6	78,1	69,7	53,8	48,6	21,6
мужчины	80,2	75,2	66,7	55,3	45,8	19,0
женщины	77,4	79,9	72,3	61,2	51,1	23,8

Примечание: составлена по материалам всеобщих переписей населения СССР 1926, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и Переписи населения РК 1999 г.

Е. Бурдельный, П. Кабаченко
Молдавский государственный университет, г. Кишинев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Проблема миграции является одной из самых актуальных для современного развития Республики Молдова. По многозначности своего воздействия на количественный и качественный состав человеческого потенциала страны миграция занимает особое место среди факторов воздействия.

Проблематика трудовой миграции в Республике Молдова. Значительный рост миграционных потоков, важнейшей составляющей которых на современном этапе стала трудовая миграция, обусловлен комплексом социально-политических и экономических причин.

В этой связи можно выделить две доминирующие причины, которые в значительной мере определили качественные характеристики и векторы трудовой миграции в Республике Молдова: *распад Советского Союза и последовавший глубокий экономический кризис, затронувший практически все постсоветские государства.*

Это крайне негативное явление особенно отразилось на Республике Молдова. Так, в 2002 году ВВП Республики Молдова со-

ставлял лишь 42% от уровня 1991 года – самый низкий показатель, зарегистрированный в СНГ. К концу 1990-х годов реальные доходы населения составляли всего 15% по сравнению с 1991 годом. С 1991 года уровень жизни в Республике Молдова снизился на 609%. По сравнению с журналом «The Economist» Республика Молдова превратилась в «самую бедную страну Европы, экономика которой полагается на продаже незначительных объемов вина и денег, присылаемых эмигрантами из-за границы своим семьям». Согласно данным Мирового банка в конце 1990-х годов Молдова занимала 167-е место в мире по объемам ВВП после таких государств, как Бенин, Индия, Пакистан и Зимбабве. Такое катастрофическое снижение уровня жизни граждан Молдовы не могло не вызвать массовые потоки трудовых мигрантов за пределы республики в поисках «лучшей жизни». Так, «очень низкая и нерегулярная зарплата на промышленном рабочем месте» повлияла на решение покинуть пределы Республики Молдова в поисках работы у 40% женщин и у 48,4% опрошенных мужчин. «Надежда хорошо заработать» – соответственно у 33,3 и 26,1%. Причем полное отсутствие работы стало причиной выезда у сравнительно небольшого количества респондентов – у 6,7% женщин и 7,6% мужчин.

С другой стороны, геополитические изменения на постсоветском пространстве отразились и на миграционных процессах в Республике Молдова. Внутренние миграции в рамках СССР постепенно трансформировались в миграции между независимыми постсоветскими государствами, странами ближнего зарубежья. Кроме того, начало ряда внутренних конфликтов и этнических столкновений вызвало к жизни массовые потоки беженцев и перемещенных лиц, репатриацию людей на их историческую родину.

Становление открытого демократического государства. Становление Республики Молдова как независимого, демократического государства сопровождалось либерализацией процедур въезда и выезда, способствовало активному включению страны в мировые миграционные процессы. Однако, если в советское время трудовая миграция имела место в рамках одного государства и характеризовалась движением «Молдова – восток СССР», то сегодня, в условиях независимого государства, помимо трудовой миграции на восток появляется и западный вектор трудовой миграции. Молдавские трудовые мигранты осваивают как ближайшие соседние страны, так и государства, которые находятся на значительном расстоянии от нашей страны, и в которых отсутствует как молдавская диас-

пора, так и общность производственных, языковых и иных связей с Республикой Молдова.

Согласно данным Службы информации и безопасности Республики Молдова за пределами страны незаконно работают свыше 60 тысяч граждан. Экспертные оценки специалистов представительства Мирового банка исходят из того, что за пределами страны ежегодно работают не менее 150 тысяч человек. В летний период, в время сезонных сельскохозяйственных работ и в период реализации сельскохозяйственной продукции численность трудовых мигрантов практически удваивается, составляя 300-400 тысяч человек в год. Из них приблизительно 53% являются молодыми людьми в возрасте до 30 лет. По официальным данным российских специалистов в области трудовой миграции Республика Молдова входит в пятерку основных экспортеров рабочей силы в Российскую Федерацию (3,2% всех иностранных рабочих). Молдавские трудовые мигранты в России работают в основном в сельском хозяйстве, строительстве, промышленности и на транспорте. По территориальной структуре у молдавских трудовых мигрантов наиболее популярным является Центрально-Черноземный, Западно-Сибирский и Центральный экономический регион. При этом самая высокая доля молдавских гостевых работников в общей численности иностранных рабочих отмечается в Северо-Западном регионе России — 22,8% (в частности, Москва и Московская область).

Среди стран «западного направления» трудовой миграции из Республики Молдова можно отметить такие государства, как Греция, Израиль, Чехия, Германия, Италия, Португалия и др. Молдавские рабочие задействованы в строительстве, транспорте, добывающих отраслях, на сезонных сельскохозяйственных работах, ухаживают за престарелыми иностранцами, закупают и реализуют товары, ведут собственный бизнес, оказывают услуги (работа в казино, ресторанах, ночных клубах, домашней прислужкой).

В трудовой миграции задействованы все слои и категории населения Республики Молдова. По половой принадлежности наиболее активны в процессах трудовой миграции мужчины. Среди них преобладающей категорией являются молодые люди в возрасте до 30 лет (1/3). Второй группой, характеризующейся высокой активностью в сфере трудовой миграции, выступают люди в возрасте от 40 до 50 лет (2/5), в семьях которых есть студенты. Платное обучение в высших и средних учебных заведениях является бременем, вынуждающим выезжать из Молдовы в поисках дополнительного заработка.

По образованию трудовые мигранты являются в большинстве своем квалифицированными специалистами, людьми с высшим и незаконченным высшим образованием (каждый второй) или со средним и средним специальным образованием (46%). Наиболее многочисленно представлены безработные, рабочие, учителя, инженеры, врачи, строители, шофера, то есть работники социальной и бюджетной сфер. Однако, основная масса трудовых мигрантов не работает по специальности, в результате чего происходит их существенная деквалификация.

В рамках интеллектуальной миграции выделяется такая разновидность, как «утечка мозгов», что крайне негативно сказывается на состоянии научного потенциала Республики Молдова. С начала 1990-х годов сложилась устойчивая тенденция отъезда ученых из страны. Недовольство материальными условиями, уровнем жизни, уровнем материально-технического и информационного обеспечения деятельности, отсутствие надлежащего финансирования научной сферы, трудности реализации творческих потребностей — это основные причины миграции высококвалифицированных кадров из Республики Молдова. За период с 1990 по 1997 годы из более 1200 человек, покинувших Академию наук, 34% уехали на работу за границу, более 65% ушли из науки в другие сферы деятельности. Изменилась и профессионально-квалификационная структура занятых сотрудников. За период 1990-1997 годов численность исследователей со степенью доктора наук сократилась на 16,27%. Отток ученых специалистов существенно ухудшает качественные характеристики трудовых ресурсов, наносит урон интеллектуальному уровню общества в целом.

К сожалению, массовая неконтролируемая трудовая миграция несет ряд крайне негативных последствий. На основе проведенного социологического опроса было установлено, что у 4% опрошенных ухудшилось здоровье из-за тяжелых условий работы, последствий акклиматизации и других факторов. У 35% не стало хватать времени на воспитание детей. У 30% респондентов ухудшились семейные отношения, а 4,5% семей распались.

На общем уровне неконтролируемая трудовая миграция создает проблемы национальной безопасности Республики Молдова, ухудшает имидж государства на международной арене, обостряет множество социально-политических, экономических, демографических, медико-санитарных, научно-образовательных и иных процессов в республике. Нелегальные трудовые мигранты способствуют ужесточению

точению визового контроля, сведению на нет возможности свободного выезда на отдых, учебу и т.д. в другие страны мира.

Однако, следуя сегодняшним реалиям экономической жизни, надо признать и определенный оптимистический момент в оценке именно трудовой миграции, которая:

- дает многим шанс экономически самоутвердиться, выжить в непростой экономической ситуации;
- привлекает определенные дополнительные средства в национальную экономику;
- отчасти снимает напряженность на рынке труда республики;
- увеличивает мобильность населения Республики Молдова;
- способствует приобретению практического социального опыта организации жизни в условиях рыночной экономики (предпочтительные страны для трудовой миграции, как правило, с успешной экономикой – Германия, Канада, США и т.д.), раскрепощению менталитета.

Таким образом, можно прийти к выводу, что западный вектор миграции становится ведущим в Республике Молдова. Российские возможности для реализации планов трудовых мигрантов проигрывают по сравнению с западными.

Трафик женщин: основные объемы и направления. Волна траффинга* в Молдову пришла из стран Западной Европы. Спрос рождает предложение. И если до разрушения социалистического лагеря основной поток секс-рабынь на запад шел из развивающихся стран третьего мира («южное направление»), то после – трафик женщин с «восточного направления» стал более выгодным и простым бизнесом. Первыми попали под удар контрабандистов женщины из стран Центральной Европы [1]. Именно поэтому одна из первых международных неправительственных организаций по борьбе с траффингом «La Strada» была создана в Польше в первой половине 1990-х годов.

По оценкам ряда специалистов в Молдове трафик женщин начался в 1994-1995 годы. Этому способствовали несколько факторов. Во-первых, экономическое положение в странах Центральной Европы стабилизировалось, а деятельность правительства, неправительствен-

* Термин «трафик женщин» был впервые использован в конце XIX века, однако, несмотря на это, его точное значение еще до конца не определено. Чаще всего этот термин используют в случаях, когда женщина на территории другого государства или государства ее проживания используется третьими лицами против ее воли с целью получения финансовой выгоды. В данной статье термин «трафик женщин» используется в смысле принуждения женщин мигрантов к занятию проституцией.

ных организаций и международного сообщества в области борьбы с траффингом принесла свои плоды, и, соответственно, трафик из этих стран уменьшился. Во-вторых, экономический кризис в Молдове к тому же усугубился, а, следовательно, количество женщин, активно ищущих средства к существованию, резко возросло.

Помимо этого на увеличение траффинга женщин из Молдовы значительно повлиял балканский кризис. Присутствие большого количества миротворцев и коррумпированность правоохранительных органов в регионе создали спрос на живой товар и условия для безконтрольного осуществления трафика женщин. В результате, в течение нескольких лет Республика Молдова стала основным поставщиком женщин в такие балканские страны, как Босния-Герцеговина, Македония, Албания, Сербия-Черногория и Косово [2]. Помимо балканского региона среди стран, в которых оказывают услуги молдавские гражданки, отмечаем Италию, Германию, Турцию, Кипр, Японию, Россию и даже Афганистан. Сейчас численность молдавских секс-мигранток составляет от 20 до 30 тысяч человек. Более половины вовлеченных в трафик женщин (58,8%) в возрасте от 18 до 24 лет, 26,5% – в возрасте от 25 до 30 лет, 10,3% – от 15 до 17 лет [3]. Женщин заманивают с помощью предложений работы в качестве моделей, домработниц, официанток в баре и танцовщиц, скрывая от них истинный характер работы, которой им придется заниматься. Типичными жертвами трафика являются доверчивые молодые женщины и девушки в основном из сельской местности (52,9%) и небольших городов Молдовы (33,8%) [4], а также молодые женщины, отчаявшиеся в жизни, раздавленные безработицей, бедностью, отсутствием финансовых возможностей.

Роль неправительственных организаций в борьбе с траффингом женщин. Секс-трафик является выгодным бизнесом. В молдавских условиях вербовка одной женщины обходится в 150-200 долларов США. В пунктах назначения ее стоимость возрастает до 5000 американских долларов. Поэтому для борьбы с траффингом необходима мобилизация всего общества.

Ключевую роль в процессе борьбы с траффингом женщины играют неправительственные организации. В Республике Молдова именно НПО первыми обратили внимание на проблему трафика и привлекли к ней внимание широкой общественности и властных кругов. Неправительственные организации, начиная с 1998-1999 годов, осуществили целый ряд проектов, в рамках которых они: информировали население (особенно девушек и молодых женщин) о проблеме

трафика женщин; проводили социологические, психологические, экономические исследования траффинга; организовывали семинары и тренинги в области предотвращения трафика; осуществляли мониторинг и критику молдавского законодательства в области торговли людьми; проводили юридическое консультирование девушек и молодых женщин на этапе поиска работы; предоставляли правовую и социальную защиту перед лицом правоохранительных органов или работодателя в стране-реципиенте; обеспечивали социальную и психологическую поддержку жертвам трафика; оказывали помощь в поиске и транспортировке на родину умерших; обеспечивали связи с зарубежными НПО в целях объединения усилий нескольких стран в борьбе с трафиком* [5].

Самым удачным на сегодняшний день в Молдове можно считать проект, в рамках которого Ассоциацией женщин-юристов Молдовы был создан «Центр предотвращения трафика женщин». Центр был основан в 2001 г. и за первые два года своего существования открыл свои представительства в Унгенах и Бельцах. Также за этот период времени в сотрудничестве с МОМ в Молдове Центр реализовал 231 радиопрограмму, 9 документальных фильмов, 100 газетных статей, посвященных тематике антитрафика. Было организовано 400 семинаров для подростков, подготовлено более 100 добровольцев из всех регионов республики. Помимо этого Центр поддерживает работу трех горячих линий: в Кишиневе, Унгенах и Бельцах. Общее же число женщин, вернувшихся домой посредством Центра, более тысячи.

В целом деятельность НПО Молдовы в области борьбы с трафиком женщин можно считать успешной и приносящей реальные плоды. Так, именно под давлением неправительственных организаций в 2001 году появились первые законодательные акты, направленные на пресечение торговли живым товаром в Республике Молдова, а также была создана Национальная рабочая группа по борьбе с трафиком «живых существ». Группа призвана быть национальным партнером в реализации проекта МОМ по борьбе с трафиком людей в Республике Молдова. Ее основными целями стали: оценка проблемы и объемов трафика, определение причин и соци-

* В этом плане интересно мнение генерального директора Департамента миграции Республики Молдова В. Мунтяну, который отметил, что у молдавских государственных структур «по сотрудничеству с неправительственными организациями в странах Европейского Союза особых успехов нет». В то же время молдавские НПО успешно сотрудничают со своими коллегами в Европе.

ально незащищенных социальных групп, в наибольшей степени подверженных трафику, информирование общества об опасностях, которые несет трафик живых существ, обеспечение защиты жертвам трафика, приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами в проблеме противодействия трафику живых существ. Одновременно был разработан план действий по борьбе с трафиком живых существ, который делает акцент на сотрудничество и совместные действия государственных структур и гражданского общества, а в мае 2000 года была создана постоянно действующая рабочая группа, в которую вошли представители заинтересованных министерств, депутаты парламента, представители неправительственных организаций.

Совместная деятельность государственных институтов, неправительственных и международных организаций в области противодействия трафику привела к тому, что к концу 2002 года в Молдове график женщин удалось значительно снизить. Так, если в 2001 году количество молдавских женщин в Косово составляло 64%, то уже к середине 2002 года – 52% [4].

ВЫВОДЫ:

Несмотря на явный прогресс в области борьбы с трафиком женщин, необходимо отметить, что еще существует ряд проблем, способных «качнуть маятник» в обратную сторону. Во-первых, количество неправительственных организаций, активно борющихся с трафиком женщин, все еще незначительно, а их усилия носят временный и неорганизованный характер. На данный момент в Республике Молдова официально зарегистрировано более 2700 неправительственных организаций. Основными областями их деятельности являются: образование и научные исследования (26%), здоровье (11%), культура и искусство (10%), защита прав человека (6%), экономическое развитие (6%) и другие. В процесс борьбы с трафиком женщин вовлечены не более 1% НПО, зарегистрированных в Молдове [6]. Особенно сильно ощущается недостаток неправительственных организаций, работающих на местах. Во-вторых, молдавские НПО больше ориентированы на проведение лекций, семинаров, конференций, научно-исследовательскую работу, а для сокращения объемов трафика женщин этого явно недостаточно. На данном этапе больше необходима деятельность по реабилитации и реинтеграции жертв трафика. Известно, что только одна треть из возвращенных домой женщин начинает новую жизнь. Остальные либо становятся

добровольными секс-мигрантками, либо входят в криминальные структуры и сами занимаются вербовкой женщин. В-третьих, несмотря на то, что неправительственные организации приглашены к участию в работе Национальной рабочей группы и постоянно действующей рабочей группы по борьбе с трафиком «живых существ», взаимоотношения между НПО и государством в этой сфере еще не до конца налажены. Поэтому говорить о полном успехе борьбы с трафиком женщин еще рано, однако наметившиеся тенденции позволяют утверждать, что результат этой борьбы будет положительным.

Также следует отметить, что проблема трудовых мигрантов — это не проблема только самих мигрирующих, государства-донора или государства-приема. В этом свете видится разумным постепенный переход от только запрещающих мер со стороны государства к подписанию двусторонних договоров между Республикой Молдова и зарубежными государствами, регламентирующих трудовую миграцию, защищающих молдавских граждан, оказавшихся в роли гастарбайтеров за рубежом.

Требуется унификация законодательных и нормативных актов по вопросам трудовой и коммерческой миграции; информационное обеспечение в масс-медиа тематики трудоустройства, проблем пребывания и поведения в государствах приема; ознакомление с их законодательством, культурой, языком, традициями.

Решение проблем трудовой миграции должно быть комплексным, опираться на согласованные действия всех сторон, что позволит реально контролировать миграционные потоки и свести к минимуму их негативные последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trafficking and Prostitution: the Growing Exploitation of Migrant Women from Central and Eastern Europe // Migration Information Programme, The International Organization for Migration, 1995. — P. 5, 7.
2. Victims of Trafficking and Violence Protection Act of 2000: Trafficking in Persons Report — 2003 // Washington, 2003. — P. 3.
3. Мошняга В. Трафик женщин и меры противодействия ему в Республике Молдова // Миграция и рынок труда в странах Центральной и Восточной Европы: Докл. Межд. конф., 26-27 мая 2003 г. — Кишинев, 2003.
4. Ревенко Л. On-line интервью по вопросам читателей // Электронный журнал MOLDOVA AZI, 25 января 2003, <http://www.azi.md/iv?iv=50&lang=Ro>.
5. Мошняга В. Защита трудовых мигрантов Республики Молдова в свете конвенции международной организации труда: по результатам экспертно-

ного опроса // Миграция и рынок труда в странах Центральной и Восточной Европы: Докл. Межд. конф., 26-27 мая 2003 г. — Кишинев, 2003.

6. Mindru V., Niculita A., Godea M. Study on the Development of Non-Governmental Organizations in the Republic of Moldova // Chisinau: Arc, 2002. — P. 5.

В.Н. Владимиров, А.В. Демкин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

К СОЗДАНИЮ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОФЕССИЙ

Среди широкого круга задач, решаемых демографией (в том числе и исторической), есть и анализ тенденций развития профессиональной занятости населения*. Эта сфера, как и многие другие, характеризуется сегодня комплексным подходом, связанным с переплетением интересов разных наук (демографии, психологии, социологии, истории и др.). Сложилась даже соответствующая область знаний — профессиография (существует также близкий по значению термин «профессиоведение»), трактуемая как свод знаний обо всем, что касается профессий, либо как технология изучения предъявляемых профессией требований [1], в любом случае это особая междисциплинарная область, включающая и исторические знания.

В настоящей работе представлено исследование, связанное с созданием русскоязычного варианта исторического стандарта классификации и кодификации занятий населения (профессий). Сегодня такой стандарт уже функционирует на ряде языков (французский, португальский, шведский и др.), при этом базовой является англоязычная версия. В 2002 г. вышло фундаментальное издание на английском языке, включающее саму версию HISCO и методическое руководство к ней [2].

Идея этой работы впервые зародилась в рамках проекта HISMA (the Historical International Social Mobility group). За основу были положены существующие массивы исторических данных с указанием профессий из Бельгии, Великобритании, Германии, Канады, Нидер-

*Исследование поддерживается Российским гуманитарным научным фондом (грант № 02-01-00266).

ландов, США, Франции и Швеции. Новый проект получил название HISCO (Historical International Standard Coding of Occupations). Координатором его является сотрудник амстердамского Института социальной истории (Нидерланды) Марко ван Левин (Marco van Leeuwen).

Основной целью создания подобного стандарта стала представившаяся возможность создания высокой степени сравнимости исторических данных разных стран и территорий, а также их сопоставления с современными кодексами типа ISCO (the International Standard Classification of Occupations), разработанного Международной организацией труда. Возможна и перегруппировка профессий в стратификационные схемы по их престижности и прочим мотивам, предлагаемым конкретными исследователями. Отсюда вытекает необходимость создания такой информационной системы по занятиям населения, которая была бы одновременно международной и исторической, а также связанной с современными классификациями, используемыми в нынешних условиях. Не последнюю роль может сыграть создание такого стандарта и в исследованиях по социальной мобильности. Недаром большинством участников проекта HISCO важнейшим моментом признается его грядущая интеграция в проект HISMA.

Одновременно создается web-сайт HISCO [3], который вместе с классификацией включает разнообразные исторические материалы о занятиях населения, различного рода имиджи, связанные с профессиями, и многое другое. Разработан интерактивный web-сервис, который обеспечивает не только доступ к классификации, но и доведение до модератора предложений по улучшению сайта, сюда же включена информация об отдельных лицах и организациях, а также избранная библиография. При дальнейшей поддержке этого сервиса предполагается добавить ГИС-решения и программное обеспечение для конкретных исторических исследований.

При начале работы над русскоязычной версией классификации профессий необходимо ответить на закономерный вопрос: насколько можно использовать существующие современные классификации занятий населения, представленные сегодня как в виде национальных стандартов, так и в виде уже упомянутого ISCO? ISCO имеет три редакции (1958, 1968 и 1988 г.), причем последняя существует и на русском языке [4]. Однако ISCO не ориентирован на использование исторических данных. Поэтому для аккумуляции той информации, к которой ISCO не приспособлен, нужна несколько иная оболочка. При этом в процессе разработки HISCO за основу была взята версия ISCO 1968 г. (ISCO68), как наиболее удобная по ряду

моментов для использования ее в исторических целях. От этой версии ISCO унаследован, в частности, пятизначный код.

Методика работы заключается в анализе исторических источников типа переписных листов, в которых обозначена профессия (занятие) каждого переписываемого. При этом объединяются в одну категорию различные написания одной и той же профессии. Затем каждой из них присваивается соответствующий код согласно правилам HISCO. Таким образом, конечной значимой целью обязательно является присвоение тому или иному виду занятий населения стандартного пятизначного кода.

Проблемы, связанные с исторической классификацией профессий, нашли довольно слабое отражение в современной исторической литературе. Можно указать, пожалуй, лишь на статью барнаульских историков В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова [5], да на несколько небольших работ участников нашего проекта [6]. Значительно больше уделяется этому внимания в смежных науках, особенно психологии и социологии, где сложились собственные классификации, в той или иной степени оказывающие влияния и на разработки историков (эта проблема является темой отдельной публикации).

При создании национальной версии HISCO исследователи неизбежно встречаются с целой чередой проблем, которые в нашем случае можно разделить на «глобальные», связанные с генеральной версией стандарта, и «региональные», имея в виду под регионом территорию России. К первым относятся сложности понимания и кодировки устаревших профессий, проблемы перевода названий профессий с одного языка на другой и т.д. Вторая группа проблем значительно шире, главным образом, из-за принципиальной новизны исследования и полной неразработанности подходов.

Начать здесь следует с терминологических трудностей. Они включают как точное понимание основных терминов профессиографии («занятие», «профессия», «специальность», «квалификация» и пр.), так и подбор им адекватных соответствий в английском языке. Так, в качестве эквивалента английского термина «occupation» мы пока равнозначно употребляем русские слова «профессия» и «занятие», хотя ясно, что здесь есть некоторые различия, в том числе связанные с историческими эпохами.

Другая трудность связана с тем, что создание исторического стандарта кодификации профессий базируется, как уже говорилось, на достаточно большом опыте работы над подобными проблемами представителей различных наук. Понятно, что без рассмотрения

места исторической классификации и кодификации занятий населения в этой системе обойтись невозможно.

Следующая проблема (и на первом этапе работы она оказалась главной) связана с наличием и состоянием источников, что в данном случае является ничем иным, как следствием особенностей исторического развития России. Здесь не было, например, регулярного профессионального учета населения. Если на Западе в целях создания HISCO исследователи берут уже готовые электронные базы данных различных переписей, где указывались занятия населения, то у нас такие базы в основном предстоит создавать.

Похоже, что подобных данных в России сохранилось немного по крайней мере, это утверждение действительно относительно периода до начала XX в. Предварительный анализ содержимого сибирских архивов не настраивает на оптимистический лад. Одна из главных трудностей заключается в том, что абсолютное большинство первичных материалов, необходимых для классификационной работы, попросту не сохранилось, они были уничтожены сразу после проведения переписей и различного рода статистических обследований под предлогом достаточности агрегированных данных.

Именно поэтому информация о нахождении в Тобольском архиве огромного количества первичных переписных листов 1897 г. стала основополагающей в выборе источника [7]. Собственно говоря, выбора у нас не было. Именно эти материалы легли в основу пилотной версии русскоязычного HISCO. Следует отметить и тот факт, что переписные листы Всеобщей переписи населения 1897 г. даже безотносительно к нашим нынешним задачам представляют собой ценнейший исторический источник.

В основу созданной нами базы данных были положены переписные листы по г. Тобольску. Общее число записей составило 11773. Структура базы представляет собой 14 таблиц, в число которых входят основные таблицы и справочники*.

К основным таблицам относятся следующие:

- персональные сведения;
- домохозяйство;
- состав семьи;
- образование;
- занятия.

*Подробнее познакомиться с базой данных можно на кафедре архивоведения и исторической информатики исторического факультета Алтайского государственного университета.

Справочники включают в себя следующие:

- «Источники»;
- «Сословия, звания»;
- «Степени родства»;
- «Языки»;
- «Вероисповедания»;
- «Типы учебных заведений»;
- «Семейное положение»;
- «Сферы занятия»;
- «Профессии, занятия».

Как видно из структуры базы данных, она ориентирована не только на решение текущих задач, но и на более широкое использование, связанное с изучением населения г. Тобольска в конце XIX в.

При анализе терминов, связанных с видами занятий населения, выявляется несколько проблем. Прежде всего, часто одно и то же занятие описывается разными терминами, либо существуют различия (иногда весьма существенные) в написании одного и того же термина. Многие из обозначений являются устаревшими и не вполне понятными современному человеку, некоторые из них имеют два и более значений (например, «Объездчик» — тот, кто объезжает лошадей, и тот, кто объезжает определенную территорию), наконец, некоторые содержат такие «подводные камни», о которых трудно создать представление без проведения соответствующего анализа (например, «Акушер» — это обязательно дипломированный врач, специализирующийся по акушерству, а «Акушерка» — это медицинский персонал, имеющий навыки в приеме родов). Число таких примеров легко умножить.

При присвоении той или иной профессии кода HISCO используются специальные правила, на которых вряд ли есть смысл останавливаться в данной работе. Вместе с тем можно констатировать тот факт, что несмотря на существенную российскую специфику в целом набор тобольских профессий (занятий населения) с некоторым трудом, но все же укладывается в международную классификацию.

При классификации и кодификации профессий необходимо использовать максимально возможное число справочников, словарей, энциклопедий, причем не столько современных, сколько издания конца позапрошлого-начала прошлого века. Полезность каждого из вида таких изданий еще предстоит выяснить, однако уже сейчас ясно, что в плане трактовки профессий наиболее полезными из общих являются толковый словарь Ожегова (первое издание 1949 г.)

и толковый словарь Ушакова (1940 г.), впитавшие в себя, в частности, и лексику рубежа XIX-начала XX в.

Для подбора точного английского эквивалента русскоязычным терминам профессий используется как уже упоминавшееся руководство HISCO, так и энциклопедический словарь Уэбстера [9].

На сегодняшний день на основе анализа почти 12 тысяч записей базы данных нами выделено примерно 160-170 категорий, которые можно кодировать как профессии (занятия населения). Они весьма разнообразны и охватывают все сферы деятельности населения г. Тобольска в конце XIX в. — ремесло и сельское хозяйство, образование, здравоохранение и т.д.

Дальнейшая работа будет связана как с совершенствованием методики создания классификации профессий, так и с расширением источниковой базы. Однако последнее, скорее всего, будет возможно только за счет материалов XX в.

С ходом выполнения проекта можно познакомиться на соответствующих страницах Интернет-сайта исторического факультета Алтайского государственного университета [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбер Е.И., Козача В.В. Методика профессиографии. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. — 196 с.; Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учебное пособие для вузов. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 224 с.; Любимова Г.Ю., Паутов Л.В., Проскурин С.К. О современных проблемах отечественного профессиообразования // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. — 1996. — № 1. — С. 3-11 и др.
2. Marco H.D. van Leeuwen, Ineke Maas, and Andrew Miles. HISCO. Historical International Standard of Occupations. Leuven University Press, 2002. — 441 p.
3. <http://hisco.antenna.nl>.
4. Международная стандартная классификация занятий. МСКЗ-88. — М.: Финстатинформ, 1998. — 352 с.
5. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // Известия Алтайского государственного университета. — 1998. — № 3 (8). — С. 58-62.
6. Владимиров В.Н. К проблеме создания русскоязычной исторической классификации занятий населения (профессий) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Специальный выпуск: Матер. VIII конф. Ассоциации «История и компьютер», июнь 2002. — М., 2002. — № 30. — С. 12-14; Демкин А.В. Перепись 1897 г. как источник для создания исторической классификации профессий // Диалог культур и

- цивилизаций: Тез. IV науч. конф. молодых историков Сибири и Урала. — Тобольск, 2002. — С. 176-177; Киселева Е.А. Об исторической модели классификации профессий // Там же. — С. 184-186.
- Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. — Материалы переписи по г. Тобольску ф. 417, о. 2, д. 1-38.
- The New Webster's Encyclopedic Dictionary of the English Language. Gramercy Books. — New-York, 1997. — 1008 p.
- <http://hist.dcn-asu.ru/histdem/prog3.html>.

Е.В. Волосенкова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Проблемы миграции в Краснодарском крае невозможно понять в отрыве от исторических условий, их породивших, от специфических особенностей развития региона. Активные миграционные процессы всегда были характерны как для Северного Кавказа в целом, так и для Краснодарского края в частности. Анализируя современную миграционную ситуацию, нам хотелось бы проследить складывание конкретных путей миграционных потоков на Кубань. Согласно периодизации, предложенной Морозовой Е.В., можно выделить пять миграционных потоков на Кубань [1], мы позволим себе рассмотреть еще один поток — с 1950 по 1970 гг., не отмеченный автором.

1. Первый поток связан с началом освоения региона до середины XIX в. — это период военно-казахской колонизации и переселения «беглых людей».

2. Второй поток — с середины XIX в. до 1917 г. — максимально интенсивный, основу которого составляли русские и украинские крестьяне, получившие в 1832 г. разрешение переселяться на Кавказ.

В результате первых двух миграционных потоков на Кубань начал формироваться современный этнический состав населения края, причем процесс изменения этнической карты идет и сегодня. Особенности этого процесса чрезвычайно важны для анализа социально-политической ситуации на современном этапе. В конце XVIII-начале XIX века, в первый период заселения края русскими, первоначальное значение в освоении края царское правительство придает

государственной военно-казачьей колонизации и заселяет территорию Кубани русскими и украинскими казаками [2]. Стратегической целью российской администрации было включение в состав государства регионов с нерусским населением, чтобы «обеспечить управление и увековечить там свое господство» [3] путем увеличения численности русского населения как опоры имперского влияния. Причем следует отметить, что при присоединении нового региона социально-экономическая политика российской администрации строилась на прагматическом фундаменте. Экономическое освоение региона было сопряжено с миграцией различных этнических групп, с формированием этнокультурного разделения труда, с использованием иностранных колонистов как культур-треггеров, посылаемых на Кавказе для распространения «трудолюбия, ремесел, фабрик в крае» [4]. Мигранты заполняли ту производственную нишу, которая не была развита ни у автохтонного населения, ни у казаков и не грозила для них сужением сферы деятельности. Расселение новых этнических групп компактным образом среди казаков на территории края привело к стойкому сохранению этнических особенностей первых поселенцев края, что в значительной степени объясняет то, что в этот период закладываются основы для современных многочисленных этнических общин армян, немцев, греков, болгар, молдаван, грузин, евреев. С историей развития территории Краснодарского края неразрывно связана история развития, становления более чем десяти традиционных этнических групп. Несмотря на существование четкого водораздела между мигрантами и казаками, оформленного в том числе и законодательно, именно в этот период появляются первые симптомы дисгармонии или даже отторжения, связанные с конфессиональными, культурно-лингвистическими, этническими составляющими новых людских потоков, которые отличались от сложившейся магистральной миграционной доминанты. Например, Мельников Л.М. указывает на психологические и экономические причины «того, что отношение коренного казачьего населения к иногородним нельзя назвать особенно благосклонным», он показывает динамику изменения отношения к мигрантам от благосклонного (до 70-х гг. XIX века) до нетерпимого (в 80-е гг. XIX века). «Пока количество пришлого населения было невелико, взаимная антипатия выражалась в сравнительно легких формах, ограничиваясь частными столкновениями отдельных личностей»; сложности с восприятием новых волн мигрантов становились более очевидными пропорционально величине самой волны. К концу XIX века порт-

рет мигранта был весьма нелицеприятным: «огромное большинство иногородцев — это лица порочного поведения, нетерпимые в своих обществах, преследуемые твердой правительственной рукой, или же покидающие свою родину с целью легкой наживы незаконными путями» [5, с. 104]. Автор приводит два основных положения теории, обосновывавшей ограничение потока мигрантов в Кубанскую область. «Дальнейший приток иногородних поселенцев на казачьи земли признается крайне нежелательным и вредным в экономическом отношении в виду того, что размеры и производительные силы казачьей территории едва могут соответствовать потребностям существующего населения. Что же касается второго пункта, то сущность его заключалась в том, что отмечалось ослабление казачьего духа, древние обычаи и нравственность падали» [5, с. 105]. Таким образом, миграционный приток населения в Кубанскую область на протяжении первых двух этапов характеризовался тенденцией к возрастанию. Устойчивый миграционный прирост был связан, главным образом, с притягивающими факторами, чем выталкивающими. В исследуемый период на территории края формируется традиционный состав населения, в это же время складываются стереотипы массового сознания, связанные как с представлениями мигрантов о принимающем регионе, так и с набором представлений коренного населения о самих мигрантах, определяются болевые точки в субъективном восприятии друг друга и их зависимость, например, от роста численности мигрантов.

На современном этапе наличие на территории этнокультурной среды, сформировавшейся в результате первых двух миграционных этнических потоков, приводит к тому, что процесс подпитки этнических общин в регионе притяжения мигрантов новым контингентом является постоянным и нередко имеет нарастающий характер (даже при значительном ужесточении условий приема). Когда человек находится в своей группе, с которой разделяет общую культуру, ему не приходится обдумывать и проектировать свои слова и поступки, ибо «он» и «они» видят мир, в принципе, одинаково, знают, что ожидать друг от друга. А пребывая в чужом обществе, человек будет испытывать трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности, что можно назвать культурным шоком [6].

3. Особенностью третьего потока миграции (с 1917 по 1926 гг.) было то, что он не так велик по сравнению с предыдущим. По данным переписи 1926 г. рост населения (относительно 1897 г.) составил в Северо-Кавказском крае 159,3%, в Кубанском округе 184,4%,

в Черноморском округе 284,6% [7]. Причинами снижения переселения на Кубань являлись гражданская война и вызванная ей разруха. Население пополнялось за счет естественного прироста населения и за счет демобилизованных красноармейцев, а также рабочих, проводивших сельскохозяйственные кампании, организовывавших совхозы и колхозы.

4. Миграционные потоки 1920-1940-х годов носили принудительный характер: в результате расказачивания, массовых репрессий, ходе коллективизации, голода 1932-1933 гг., депортации немцев и представителей народов Кавказа коренное население заменялось пришлым.

5. Миграционные потоки с 1950 по 1970 гг. – это время постепенного роста населения края, а затем и его увеличение по сравнению с довоенным временем. По данным ЦСУ на 01.01.1939 года в Краснодарском крае числилось 3171605 человек, а на 01.01.1959 года – 3767499. Большой наплыв населения на Кубань был связан с интенсивным развитием промышленности, бурным развитием сельского хозяйства.

Анализируя миграционные процессы с 1917 по 1970 гг., следует отметить, что устойчивый миграционный прирост в регионе был связан с более благоприятными условиями жизни и труда в нем по сравнению с другими регионами. Краснодарский край играл роль аккумулятора населения, привлекая его не только из трудонизбыточных регионов, но и из трудонедостаточных. Сдвиг населения на данную территорию – тенденция, отмечаемая в советской литературе [8], она связывалась с лучшими природными условиями территории, ее транспортным положением и рекреационным значением.

6. С конца 1980-х – начала 1990-х гг. формируется поток вынужденных переселенцев и беженцев постсоветского периода из районов стихийных бедствий и этнополитических конфликтов.

С новым явлением вынужденной миграции Краснодарский край столкнулся одним из первых, переселение на российские территории армян и турок-месхетинцев началось после погромов в Сумгаите, Баку, Фергане. Три южных района – Краснодарский, Ставропольский края, Ростовская область – стали зоной активного оседания мигрантов. В Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области осело более 70% всех учтенных беженцев. На Кубани численность мигрантов достигла пятой части населения.

Субъективные и объективные факторы, влияющие на миграционные процессы в Краснодарском крае, весьма многообразны.

Во-первых, это географическая близость территории региона, куда расселяются беженцы, к «горячим точкам», откуда они прибыли. Ситуация в государствах Средней Азии, Закавказья, Казахстана такова, что вытеснение большей части «русскоязычного населения» из этих стран неизбежно. «Исход» не прекратится даже в случае прекращения вооруженных конфликтов и достижения политической и экономической стабильности.

Государства Средней Азии, Закавказья, Казахстана, северокавказские республики и, в особенности, Чечня являются зонами повышенной межэтнической конфликтности, их можно отнести к регионам «отторжения», население которых в результате миграций сокращается, именно эти регионы играют основную роль в раскручивании современных миграционных процессов на территории Краснодарского края.

Транспортно-географическое положение Краснодарского края таково, что он находится на пути основных миграционных потоков из Закавказья и конфликтных зон Северного Кавказа. Близость Краснодарского края к зонам конфликта приводит к огромному количеству беженцев, люди действительно больше мигрируют на короткие, а не на большие расстояния. Миграционные издержки возрастают с увеличением расстояния до пункта назначения. Теория человеческого капитала ясно предсказывает, что по мере возрастания миграционных издержек уменьшается поток мигрантов [9]. Миграционные издержки возрастают с расстоянием по двум причинам:

1) для людей получение информации о рынке труда и возможности получения работы в отдаленных районах может быть очень сложным (дорогим), в настоящее время не функционирует общероссийский банк данных о потребности в рабочей силе и условиях ее приема в различных регионах страны. Несомненно, для мигрантов гораздо легче выяснить перспективы занятости ближе к дому, чем в отдаленных местах, легче приобрести газеты, дешевле телефонная связь, друзья и родственники более полезны для контактов, а информация о работодателях – шире;

2) денежные затраты на переезд в связи с миграцией, а также расходы на поездки обратно для встреч с друзьями и родственниками и, следовательно, связанные с этим моральные издержки, несомненно, возрастают с увеличением расстояния.

Например, интервью с русскими мигрантами [10] из Казахстана, Таджикистана и др. отдаленных по отношению к Краснодарскому краю мест позволяет сказать, что одним из самых болезненных воп-

росов для них является невозможность поездки для встречи с дедушками и родственниками ввиду отсутствия денежных средств (было опрошено 68 чел.).

Вторая группа факторов, влияющих на миграционную ситуацию в регионе, обусловлена наличием на территории края этнокультурной среды, благоприятной для адаптации беженцев определенной национальности. Как упоминалось ранее, территориальное формирование края происходило на многонациональной основе. Естественно, что мигранты, имеющие родственников на территории края, стремятся на Кубань, в связи с этим происходит естественное увеличение состава всех этнических групп. Мотивация людей мигрировать в районы проживания их родственников вполне очевидна, она связана с желанием сократить моральные и информационные издержки. Адаптация мигрантов на новой территории при наличии этнокультурной среды, близкой им, происходит значительно быстрее.

Третья группа факторов, влияющих на миграции, — это экономическая стабильность региона. Теория человеческого капитала предсказывает, что люди будут перемещаться из регионов с относительно небольшими возможностями в регионы с более высокими возможностями. Дополнительное свидетельство в пользу этой точки зрения можно получить в России. Если поток миграции, направленный государственными органами в малоосвоенные районы, не сопровождался экономическим освоением и ростом благосостояния, то спустя время можно наблюдать массовый отток переселенцев из более обжитых, экономически стабильных районов.

Четвертый фактор — это благоприятные климатические условия. Отсутствие обобщающих характеристик природных условий и полной информации о них в разрезе отдельных областей и краев делает в настоящее время невозможной непосредственную количественную и качественную оценку этого фактора. Простое сопоставление данных одинаково показывает прямую и обратную зависимость миграции населения от природных условий, поскольку кроме природного фактора на миграционные процессы воздействуют и другие, сила которых может быть больше или меньше, чем влияние природных условий. Следует отметить, что природные условия существенно влияют на степень освоения территории — развитие сельского хозяйства и связанной с ним пищевой промышленности, дорожное строительство, организацию санаторно-курортного дела и др. Характер рельефа, заболоченность, наличие больших неосвоенных пространств — все это отражается на размещении производ-

ства и социально-культурных условиях жизни населения. Более того, природные условия воздействуют на социально-психологическое состояние населения. Такие явления, как землетрясения, наводнения, цунами, кровососущие насекомые, часто в большей мере способствуют оттоку населения, чем все остальные факторы.

Приезжее население в непривычных природных условиях должно пройти сложный процесс адаптации: природной, производственной, социально-психологической и т. д. Адаптационный процесс протекает тем дольше, чем сильнее отличаются природные условия в районах вселения от природных условий в районах выхода [11]. Естественно, что в Краснодарском крае, имеющем один из самых благоприятных климатических режимов, процесс природной адаптации будет протекать значительно быстрее, чем в районах с неблагоприятным климатом.

Отметим важные особенности постсоветского потока вынужденной миграции в Краснодарский край.

Во-первых, отличительной чертой миграционного потока в постсоветский период является то, что большой процент мигрантов, приезжающих на Кубань, — в основном горожане со специфическим менталитетом «среднеазиатских русских», проживавших в крупных городах и индустриальных центрах (Чеченская республика дает 42,1% всех вынужденных переселенцев на Кубани, примерно равные доли дают Средняя Азия и Казахстан (по 20%) [12], откуда возникновение социокультурных барьеров между «местными» и «приезжими», особенно заметных и болезненных в сельской местности. Кроме того, отмеченные обстоятельства обуславливают особую социально-профессиональную структуру мигрирующего населения, что затрудняет трудоустройство на новом месте жительства. Для русских возвращение на историческую родину, которое должно было стать входением в «свое» или воспринимаемое таковым общество, в котором нет языковых, этнических барьеров для интеграции репатриантов, таковым стало не везде. На начальных этапах переселения русскоязычных в Россию вряд ли кто-то ожидал, что дадут о себе знать, и зачастую в очень болезненной форме, серьезные социокультурные различия между местными жителями и «приезжими». Понадобилось время и серьезные исследования, чтобы очертания проблемы и ее корни были выявлены и подверглись убедительной концептуализации.

Вторая отличительная черта постсоветского миграционного потока, которую хотелось бы выделить, заключается в том, что пред-

лы и возможности регулирования его весьма ограничены. Роль законодательства как эффективного инструмента по сдерживанию напора миграционных волн весьма скромна. В результате целенаправленной политики краевых органов государственной власти, начиная с 1992 г., происходит снижение миграционного прироста и объемов въезда в край (по официальным данным). Например, число прибывших на Кубань по сравнению с 1996 г. уменьшилось на 12% и составило 133642 чел., а миграционный прирост уменьшился на 36,9% и составил 33295 чел. (речь идет только о контролируемых потоках миграции) (таблица).

Таблица
Динамика общей миграции населения в крае за 1996-2001 годы

Годы	Прибыло (чел.)	Выбыло (чел.)	Миграционный прирост (чел.)
1996	92477	39277	+ 53200
1997	76789	43494	+ 33295
1998	64983	43064	+ 21919
1999	68158	39578	+ 28580
2000	59154	38594	+ 20560
2001	51214	33092	+ 18122
6 мес. 2002	19987	13281	+ 6696

Следует отметить, что данные официальной статистики не вполне отражают реальное положение дел, т.к. многие переселенцы проживают нелегально и не регистрируются в органах внутренних дел и миграционных службах.

Так, по данным, приводимым официальными органами, численность армянской диаспоры в Краснодарском крае составляет 244 тысячи человек, зарегистрированных по месту постоянного проживания. По заключению независимых экспертов фактическая численность армянской диаспоры составила порядка 600 тысяч человек (11,5% – 2-е место в СНГ после самой Армении) [13]. При сопоставлении нововведений в миграционном законодательстве с динамикой и структурой самой миграции становится очевидным, что дополнительные барьеры проблемы как таковой не решают, но способствуют ее смягчению на отдельных направлениях. В большинстве случаев законодательство шло вслед за миграционными процессами, реагируя на негативные последствия и редко упреждая их.

Важными особенностями миграционного потока являются его многонациональный состав и компактное расселение [14]. В 1989-

1990 годах произошли существенные изменения в соотношении этносов, проживающих на территории Краснодарского края. Уменьшилась абсолютная численность немцев на 42,65%, евреев на 31,0%, адыгейцев на 5,58%, крымских татар на 0,77%, в основном за счет механического оттока. Вместе с тем численность греков увеличилась на 7,73%, русских – на 7,74%, украинцев – на 9,9%, молдаван – на 16,74%, армян – на 39,39%, грузин – на 43,60% [15]. Турки-месхетинцы, до недавнего времени не представленные как этническая группа на территории края, компактно расселены на юго-востоке и западе. Их численность около 16 тысяч человек.

Основная масса мигрантов тяготеет к крупным городам (Краснодар, Армавир, Кропоткин) и центральным районам края (Тимашевский, Крымский, Тихорецкий, Абинский, Новокубанский). Все это усиливается концентрацией в определенных секторах хозяйства и сферах деятельности. В этих обстоятельствах непосредственное окружение фактически сочетает в себе две различные функции. С одной стороны, оно представляет из себя переходный мост к принимающему обществу, с другой – является формой консервации принесенных с собой традиций, стереотипов, моделей поведения. Соотношение этих параллельных процессов приводит к своеобразному сплаву, что ставит под сомнение наличие «плавильного котла» на территории Кубани [16]. Автономность и дистанцированность этнических общин мигрантов ярко выражена и в сфере политических институтов и политических процессов. Это находит свое выражение и в вариантах сопряжения с местной политической инфраструктурой, и в способах выработки и формах собственной политической самоидентификации в условиях принимающего региона, и, естественно, в перенесении в регион проживания политических проблем из региона выхода.

Итак, современные миграционные процессы в Краснодарском крае отличаются по целому ряду качественных и количественных параметров, традиционные для региона процессы приобретают новое наполнение. Во-первых, кардинально меняется соотношение в пользу внешних миграций. Во-вторых, новый миграционный поток состоит из мигрантов, большинство которых является носителями иных культурных традиций, стереотипов, моделей поведения, которые попадают в родственное этнокультурное окружение. В-третьих, следует отметить также, что в случае постсоветских миграций отпускаящее и принимающее общества помимо различий имеют и множество общих черт, будучи носителями универсальной культуры

советского образца; даже в тех из бывших советских республик, этнокультурная дистанция между русскоязычными и титульными этносами особенно заметна (страны Центральной Азии), импринт привнесенные извне, из имперского центра, представления о советском обществе оказали свое влияние на традиционные нормы, способствуя их модернизации, а не наоборот.

Анализируя миграционные потоки на Кубань, мы в качестве новой методологической установки исследования предложили исторический анализ, поскольку миграционный процесс представляет собой продукт коллективного исторического опыта; и чтобы понять его, необходимо не только выявить взаимосвязи между субъектом и объектом, но и уяснить смысл и интерпретации, которые поддерживают данные связи. Необходимо использовать принцип постулатного движения: от прошлого к настоящему. Понимание и изучение истории предмета – один из верных способов проникновения в его сущность. В связи с этим понимание «механизмов» дореволюционной и советской переселенческой практики дает ключ к раскрытию механизма миграционных процессов на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова Е.В. Региональная политическая культура Юга России. – Краснодар, 1998.
2. Чижикова Л.Н. Заселение Кубани и современные этнические процессы // Советская этнография. – 1963. – № 6. – С. 25.
3. Крутов М. Технология власти. Мифы и реальность России. – М., 1991. – С. 5.
4. Кумпан В.А. Социально-экономические аспекты национальной политики России на Северо-Западном Кавказе в пореформенный период (1864–1917) // Голос минувшего. – 2000. – № 1-2. – С. 23.
5. Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. – 1900. – Т. 6.
6. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 1996. – С. 17.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М., 1930. – Т. 39.
8. Размещение населения в СССР. – М., 1988. – С. 123.
9. Эренберг Р.Д., Смит Р.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М., 1996. – С. 370.
10. Данные интервью с ВП за 2000 г.
11. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. – М., 1973. – С. 78.
12. Оберемко О.А., Кириченко М.М. Вынужденные переселенцы на Кубани: Институциональная перспектива управления. – Краснодар, 2001. – С. 74.

13. Яценко Л. Миграционные процессы как фактор этноконфессиональной ситуации на Юге России // <http://www1.aes.org.ru/rus/aes3.htm>.
14. Аризонская В.А. Феномен этнопрофессионализма и этнические процессы на Северном Кавказе // Проблемы населения и рынка труда России и Кавказского региона. – М., Ставрополь, 1996; Кормильченко В.В. Современные этнические миграции на Северном Кавказе: сущность и социальные детерминанты: Автореф. ... канд. соц. наук. – Ростов-на-Дону, 2000.
15. Гитров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Черный В.И. Мигранты в Краснодарском крае: Проблемы адаптации и формирования толерантной культуры. – Краснодар, 2002. – С. 62.
16. Колосов Н.И. Модель традиционной культуры кубанского казачества: история, этнография, фольклор. – М., 1995; Колосов В.А., Кридан А.Д. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политической культуры Юга России // Полис. – 1994. – № 6.

М.Ю. Высочин

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, г. Харьков

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА УКРАИНЕ

Среди многочисленных факторов, влияющих на развитие украинского государства, немаловажное значение стала приобретать международная миграция, которая включает в себя проблемы нелегальной и трудовой миграции, контрабанду людьми и репатриацию.

Особое внимание нам надо уделить легальной и нелегальной миграции. В условиях социально-экономического и финансового кризиса, а также стремительного роста безработицы в стране данные процессы провоцируют конфликтные ситуации: между местным населением и иммигрантами, между иммигрантами и властью, между представителями различных национально-этнических групп и конфессий.

Актуальность проблемы в значительной мере обусловлена: резким увеличением количества иностранных граждан, незаконно пересекающих границы Украины, заселением репатриантами своих исконных земель на ее территории, утечкой квалифицированных трудовых кадров.

Целью данной работы является постановка и рассмотрение вопроса о причинах возникновения пространственных перемещений населения и их последствий для Украины.

1. Репатриация крымских татар. В начале 90-х годов XX века Украина столкнулась с масштабным явлением репатриации этнических украинцев, выходцев из Украины других национальностей и их потомков, которые после распада СССР стремились переехать из мест депортации на историческую родину. Важнейшим законодательным актом, послужившим началом репатриации, стал Закон Украины «О гражданстве» (октябрь 1991 года). В соответствии с Законом выходцы из Украины, которые по разным причинам выехали с ее территории, их потомки получили право на украинское гражданство при условии, если они не являются гражданами других государств и постоянно проживают на Украине.

Количество репатриантов в 1992 году превысило 300 тыс. человек, что привело к резкому увеличению позитивного сальдо миграции между Украиной и странами бывшего СССР. К 1994 году экономика страны подошла к кризисной отметке. Следствием ее ухудшения стало замедление процесса репатриации и начало эмиграции русскоязычного населения Украины на территорию России.

Значительную часть прибывших из постсоветских государств на Украину составили крымские татары, которые были депортированы из Крыма еще в советский период.

С принятием в 1993 году Верховной Радой Украины закона «О беженцах» начался процесс оформления юридического поля, регулирующего статус репатриантов на территории Украины.

Третий законопроект – «Об иммиграции» – был принят только в январе 2001 года. Поэтому законодательным актом, регулирующим иммиграцию, долгое время выступал Закон Украины «О гражданстве». После внесения изменений и дополнений к этому Закону, которые вступили в силу 20 мая 1997 года, появились новые возможности для продолжения репатриации, обусловленные упрощением условий принятия гражданства. Поправки регламентировали процесс получения украинского гражданства людьми, которые до 13 ноября 1991 года находились за пределами территории Украины и не являлись гражданами других государств. Вышеупомянутые лица должны были подать заявку до 31 декабря 1991 года об определении своей принадлежности к гражданству Украины. Таким образом,

репатрианты имели возможность получить гражданство Украины без соблюдения процедур натурализации и выполнения связанных с ней требований. Ст. 16 основным моментом натурализации определено наличие доказательств, которые должен предоставить претендент на получение украинского гражданства. Предоставленные документы должны подтверждать украинское происхождение или наличие родившихся здесь родных и близких. Согласно этой статье владение украинским языком считается не обязательным.

Все вышеуказанные законы и поправки к ним обусловили появление на территории Украины многочисленного национального меньшинства – крымских татар.

Не менее благоприятным фактором, способствующим возвращению коренного населения, был низкий процент украинцев среди иммигрантов, которые поселились на территории АР Крым в период с 1991 по 2003 годы. Он составил 10% от общего потока переселенцев. Этим объясняется малочисленность украинского населения на полуострове. Возникшая ситуация стала почвой для всплеска сепаратистских настроений среди крымско-татарского населения. Местным выражением этих настроений стал Всеукраинский траурный митинг памяти жертв депортации, который состоялся 18 мая 2003 года в Симферополе. Участники митинга требовали от Верховной Рады Украины принятия закона «О возобновлении прав крымско-татарского народа» до мая 2004 года – 60-й годовщины депортации. По прогнозам аналитиков требования о создании национально-территориальной автономии могут радикализироваться и перерасти в стремление к восстановлению крымско-татарской государственности.

Несмотря на проблемы этнического, политического и социального характера Украина заинтересована в репатриации, так как в результате отрицательного естественного прироста количество населения уменьшается. После 2005 года прогнозируется ситуация, когда для обеспечения экономического роста необходимым будет привлечение дополнительных трудовых ресурсов. В этот период большая часть населения перешагнет верхний рубеж трудоспособного возраста. На его смену придет малочисленное поколение тех, которые родились в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, в период резкого падения рождаемости. Это вызовет заметное уменьшение количества трудоспособного населения, увеличение демографичес-

кой нагрузки на него за счет резкого возрастания числа людей пенсионного возраста.

Выходом из сложившейся ситуации может быть интенсификация репатриации этнических украинцев или использование иностранной рабочей силы со всеми социальными и этнополитическими последствиями, что приведет к ассимиляции коренного населения [1].

2. Нелегальная миграция. Второй, уже более новой проблемой для Украины является нелегальная миграция. Здесь подразумевается транспортировка и накопление нелегальных мигрантов из соседних стран в пределах государства.

Характер и динамика потока нелегалов зависят в основном от организации контроля на государственных границах. Особенно остро такой вопрос встал перед украинскими правозащитниками после событий 11 сентября 2001 года в США.

Наибольшие потоки нелегалов идут через границу на севере и востоке страны. Это связано с незавершенностью процесса договорно-правового оформления украинско-российских и украинско-белорусских участков границ. Такая же ситуация сложилась и на украинско-молдавской границе.

Согласно данным аналитической службы приграничного ведомства Украины в 2001 году около 90% задержанных нелегальных мигрантов являются выходцами из 8-ми стран Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока. На первом месте представители Афганистана – 34%, выходцы с Индии – 26%, Вьетнама – 15%, Ирака – 8%, Бангладеша – 7%, Китая – 4%, Шри-Ланки – 3%, Пакистана – 3%.

Масштабы незаконных пересечений границ Украины точно оценить очень трудно. По данным Министерства внутренних дел на территории страны без законных оснований находится от 20 до 30 тысяч иностранных граждан.

Первопричиной массовости нелегальной миграции послужили условия, сформировавшиеся еще в советское время. Помощь в обучении специалистов, обмен квалифицированными кадрами, трудоустройстве зарубежной молодежи привела к возникновению своеобразных колоний иностранцев в крупных городах СССР. После его распада большая часть иностранцев не захотела или не смогла возвратиться на родину и осталась на территории Украины без юридических оснований, перейдя в категорию нелегальных мигрантов.

Оставшись за долгий срок проживания на Украине, они часто помогают своим соотечественникам выехать незаконным способом в западную Европу. Организация нелегальной миграции для некоторых части этих людей стала прибыльным бизнесом.

Об остроте проблемы нелегальной миграции свидетельствуют данные, что ныне 90% нелегалов, пересекающих границы Украины, организованные группы. Они передвигаются по ее территории хорошо разработанными маршрутами с помощью криминальных структур. Динамика ежегодного задержания органами внутренних дел нелегальных мигрантов на территории Украины представляет собой такую картину, тыс. чел.: 1991 г. – 148; 1997 г. – 10,8; 1999 г. – 25,3; 2000 г. – 24; в том числе 3,6 тыс. чел. – в составе 254-х организованных групп. Такие тенденции говорят про общее уменьшение индивидуальных и увеличение групповых актов незаконного пересечения границ государства. Про миграционные намерения вышеупомянутых лиц нет достоверных данных.

В ближайшем будущем Украина может стать для большинства нелегалов страной конечной цели, чем страной транзита. Причиной этому может быть формирование на западных границах Украины нового «железного занавеса», после восточных границ Европейского Союза.

Умеренный климат, постепенное улучшение социально-экономических условий, отсутствие расовой дискриминации, большие возможности теневого бизнеса на Украине играют в этом процессе немаловажную роль.

Со стороны правовой сферы произошли большие изменения. На протяжении 2001 года были приняты многочисленные нормативные акты, которые законодательно регламентируют разные аспекты правового влияния как относительно контрабандой людьми, так и самих мигрантов. В январе 2001 года Указом Президента Украины утверждена «Программа борьбы с незаконной миграцией на 2001-2004 годы». Приняты законы «Об иммиграции», «О внесении изменений в некоторые законодательные акты по борьбе с нелегальной миграцией» и т.д.

Положительные веяния на Украине должны подкрепляться сотрудничеством правовой и информационной баз со странами транзита и странами, которые являются конечной целью нелегалов [2].

3. Трудовая миграция украинских граждан в РФ. Легальной трудовой миграцией в Россию считают такую миграцию, которая происходит согласно законам этого государства. Нелегальная миграция – миграция без учета порядка использования в данной стране рабочей силы и регистрации места пребывания.

Новые политические условия и острота современного экономического положения стали отправным пунктом для активного взаимодействия трудоспособного населения Украины в международный миграционный процесс. Трудовой потенциал Украины можно оценить лишь опираясь на выборочные социологические исследования, проведенные в 1996 году. По их результатам, постоянно работает лишь 5% трудоспособного украинского населения, поглощая свой бюджет поездками на временные работы за рубеж 20%, до 50% граждан Украины имеют желание работать в других государствах. Исходя из этих данных около 7 млн человек с большей или меньшей периодичностью работают за границей. В 1996 году на территории России работало 1,2 млн граждан Украины (учитывались только долгосрочные мигранты и вахтовики) [3].

По данным миграционной службы России среди официально зарегистрированных иностранных рабочих численность украинцев составила в 1994 г. 77,8%, в 1995 г. 70,1%, в 1996 г. 67,8% [4, с. 35]. Субъекты РФ, которые непосредственно граничат с Украиной, являются традиционными потребителями ее трудовых ресурсов.

Украинские мигранты работают в таких регионах России, как:

- 1) Районы Крайнего Севера. Основные сферы занятости – горнодобывающая промышленность, переработка минерального сырья, строительство. Срок контракта – не менее 1 года (как правило, 2-4 года). Контрактники из Украины составляют от 25 до 60% трудовых ресурсов Ямало-Ненецкого АО, среднемесячная зарплата – 1,2-4,5 тыс. рублей. Много украинцев работают сезонно в старательных артелях. Образование, как правило, среднее или специальное. Возраст – от 25 до 45 лет, не менее 80% – семейные, но с семьями приезжают только 3%. На Украину, как правило, не уезжают на время действия всего контракта. Регионы, из которых выезжают на работу, – села и города западных и восточных областей Украины.

- 2) Приграничные области Юго-Западной России (кроме Курской, Белгородской и Ростовской областей, где структура занятости наемных рабочих с Украины такая же, как и на Крайнем Севере). Ос-

новная сфера деятельности – строительство. Большая часть – «мажоранской» миграции (с возвращением домой на выходные). Преобладают краткосрочные контракты – на полгода. Для шахтеров и горняков характерна работа по специальности и квалификации. Образование чаще среднее или среднее специальное. Возраст – 23-40 лет, семейных не менее 70%, семьи практически никто не привозит. Регионы исхода – соседние области Украины, в меньшей степени – Западная Украина.

- 3) Москва, Подмосковье и другие мегаполисы России. Преобладают строители-сезонники (чаще с Прикарпатских и Закарпатских областей), как правило, семейные, возраст – 25-45 лет, образование среднее и среднее специальное. Семьи не привозят. Существуют два типа бригад: небольшие (3-5 человек с одного села, зарабатывают за сезон от 6 до 30 тыс. рублей) и большие (до 180 человек с техникой, зарплата за сезон составляет от 11 до 24 тыс. рублей). Из 23 опрошенных бригад 21 – украинская. Больше всего людей работают на транспорте. Среди московских водителей автобусов украинцы составляют до 65%, среди «питерских» – не менее 35%. Работают, чаще всего, вахтовым методом длительностью до полугодя, семьи с собой не привозят. Зарплата такая же, как и у россиян: 1,2-1,8 тыс. рублей в месяц. Регионы исхода, как правило, – крупные города разных областей Украины. Еще одна категория – малый и средний бизнес. Среди тех, кто торгует на лотках, украинцев не менее 20%, заработная плата – от 50 рублей до 150 долларов США в день. Около 80% составляют женщины со средним или неполным средним образованием, семьи не привозят, живут группами в арендованных квартирах. Регионы исхода – малые и средние города Юга и Юго-Запада Украины. И, наконец, научные работники, аспиранты и докторанты (5-7% украинских мигрантов), которые также работают в малом и среднем бизнесе. Возраст – 30-35 лет. Основная цель приезда – дальнейший выезд на Запад [5, с. 21].

Украинцы достаточно успешно конкурируют на российском рынке с местными рабочими, так как при одинаковой квалификации они характеризуются более высоким уровнем трудовой дисциплины, более качественным выполнением работы и при этом согласны работать за более низкую заработную плату. Кроме того, украинским рабочим приходится конкурировать с трудовыми мигрантами из стран так называемого «дальнего зарубежья», которые составляли в 1994 г.

45,12% официально зарегистрированной иноземной рабочей силой в 1995 г. 52,26%, а в 1996 г. более 42% [6].

Главными причинами трудовой эмиграции граждан Украины за границу, в том числе и в Россию, являются явная и скрытая безработица, низкий размер номинальной заработной платы (в 1995 году средний уровень заработной платы в РФ — 117\$ — вдвое превышал этот показатель по Украине — 56\$) и, что не менее важно, хронические задержки в ее выплате. В этой ситуации трудовые мигранты из Украины часто вынуждены соглашаться на работу не только без учета своей квалификации, но даже на условиях отсутствия какой-либо социальной защиты. Они часто становятся объектами мошенничества и других преступных посягательств [4, с. 37].

Отдельно следует сказать о чрезвычайно важной проблеме, связанной с получением украинскими трудовыми мигрантами медицинской помощи в России. Как известно, медицинскую службу этой страны еще в 1994 году перевели на страховую основу. Теперь иностранец, который временно пребывает на российской территории, должен купить полис в страховой компании. При отсутствии такового можно рассчитывать на бесплатное лечение только в экстренных случаях — при вызове «скорой помощи» [5, с. 21].

Несмотря на вышеупомянутые преграды и лишения, которые претерпевают трудовые мигранты, свои поездки за границу они сами оценивают в основном позитивно. Это связано с тем, что такие трудовые поездки дают возможность обеспечить семьи эмигрантов всем необходимым и поддерживать определенный жизненный уровень. Но в это же время нелегальная трудовая деятельность за границей их очень беспокоит, так как отсутствуют какие-то ни было гарантии социальной защиты.

Со стороны государства нелегальная трудовая миграция свидетельствует о неспособности Украины обеспечить своих граждан рабочими местами. Также усиливается политическая напряженность в межгосударственных отношениях. Государство теряет не только квалифицированные трудовые кадры, но и возможность пополнить бюджет валютными вливаниями от организованной трудовой миграции [7].

Оценивая pro и contra трудовой миграции граждан Украины в Россию с точки зрения обеих держав, можно сделать вывод, что по-

зитивом для последней является заполнение ниш на рынке тяжело- и немеханизированного труда, а негативом — обострение проблем безработицы собственных граждан.

«Для Украины, учитывая разницу в средней зарплате, очевидным плюсом есть повышение уровня жизни значительного контингента населения, уменьшение остроты проблемы безработицы, а к минусу — снижение социальной напряженности. Беря к сведению то, что миграция носит, как правило, долговременный характер, и выигрывают преимущественно мужчины в возрасте 25-40 лет, очевидным минусом является тяжелая ситуация в семьях мигрантов, которые выигрывают экономически, проигрывают социально, становясь по сути неполными», считает А. Кузьмин [5, с. 5].

«По всем прогнозам, негативный естественный прирост населения России на протяжении ближайших 10-20 лет является наиболее вероятным, нежели позитивный, или даже нулевой... Единственным источником роста населения или даже его поддержания на неизменном уровне может служить лишь иммиграция... С точки зрения соотношения возраста работающих и безработных Россия вошла в благоприятный период, который необходимо использовать для подготовки к более суровым временам... Приблизительно через десять лет «окно демографического благополучия» закроется, и если этот опущенный историей короткий период не будет использован в правильном русле, демографические сдвиги, на которые российское общество не привыкло обращать большое внимание, могут поставить его перед экономической, социальной, а возможно и политической катастрофой», — отмечается в выводах Пятого ежегодного демографического доклада «Население России, 1997» [8].

Для пополнения рабочей силы Россия будет вынуждена проводить иммиграционную политику, подобно той, которую проводила ФРГ, завозя «гастарбайтеров» из Турции и Югославии, или Франция и Великобритания, которые в недалеком прошлом набирали рабочих в своих бывших колониях. Поэтому, по мнению специалистов, правительству России следует позаботиться не о контроле трудовой миграции, а о создании цивилизованного рынка труда, что требует принятия пакета законодательных актов, направленных на легализацию трудовых мигрантов, их страхование, обеспечение временным жилищем, медицинским обслуживанием [9].

ВЫВОДЫ:

Геополитическое положение Украины, а также внутриэкономические процессы влияют на объемы и направления миграционных потоков. Несовершенство законодательной базы и неустойчивые межгосударственные связи с соседними государствами приводят к увеличению нелегальной миграции, что отражается негативно на их экономике. Поэтому возникает необходимость в разработке большого количества мероприятий, связанных с внедрением в жизнь международных стандартов прав человека в национальном праве. Это, в первую очередь, разработка мероприятий для приведения соответствия с международными стандартами прав человека, признанными Украиной. Такая систематическая работа должна вестись с привлечением всех научных сил государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малиновська О. Репатріація в Україну // Проблеми міграції / Український інформаційно-аналітичний журнал. – 1999. – № 4(11). – С. 17 – 26.
2. Нелегальна міграція // Проблеми міграції / Український інформаційно-аналітичний журнал. – 1999. – № 6(13). – С. 28-35.
3. Конференція СНГ по проблемам беженцев и мигрантов / Межд. орг. по миграции (МОМ); Упр. Верх. комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ). – 1996. – Т. 2 – № 1. – 229 с.
4. Сярий С. Трудова міграція громадян України до Російської Федерації та вплив її на українсько-російські відносини // Проблеми міграції / Український інформаційно-аналітичний журнал. – 1999. – № 1(8).
5. Кузьмин А. Трудовая миграция с Украины в Россию // Матер. семинара «Украина – Россия: перспективы сотрудничества в области миграции и гражданства». 30 сентября 1996. – М.: Моск. Центр Карнеги, 1996.
6. Федеральная миграционная служба / Информационный бюллетень. – М., 1997. – С. 53.
7. Петрова Т.П. Концепція державної міграційної політики України: цільова орієнтація і цільові напрямки. – К., 1996. – С. 7.
8. Пятый ежегодный демографический доклад «Население России». – 1997. – С. 138-40.
9. Айрапетова Н. Будет ли в СНГ общий рынок труда? // Независимая газета. – 1997. – 17 июля; Матер. семинара «Россия и новые диаспоры: приоритеты и направления политики», 31 января 1997 г. – М.: Моск. Центр Карнеги, 1997. – 45 с.

А.И. Гладких

г. Рубцовск

КАЗАХИ В РУБЦОВСКЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Юг Западной Сибири – своеобразный этнический рубеж славянского и азиатского анклавов бывшей Российской Империи, а затем СССР. Исторически этот регион формировался как многонациональный, динамичный в миграционном отношении форпост России в Азии. Анализ особенностей его этносоциальной и конфессиональной структуры, тенденций демографического развития в историческом и современном измерении приобретает особую значимость в условиях существования государственной границы между Россией и Казахстаном, делимитация которой была завершена в конце 2002 г. Имеющиеся источники позволяют выделить для исследования период 1920-1980-х гг. (советский период), когда в условиях формирующегося многонационального государства – СССР – активизировались миграционные процессы различного происхождения и масштаба. Их перипетии можно проследить по материалам всесоюзных переписей, другим источникам. К сожалению, эти данные не дают ответа на вопрос о наличии и численности этих этнических групп в конкретных населенных пунктах, особый интерес в этом отношении представляет город Рубцовск – одно из поселений раннесоветского периода в Азиатской России. Формирование этносоциальной структуры Рубцовска происходило на фоне изменений его экономического профиля, административного статуса и дальнейшей урбанизации южносибирского пояса Азиатской России.

В силу ряда обстоятельств к началу 1920-х гг. заметно повышается роль села Рубцовка Змеиногорского уезда Алтайской губернии. Этому способствовало наличие транспортной сети, в том числе железной дороги. В декабре 1921 г. на IV губернском съезде Советов село обретает статус уездного центра [1], а согласно Постановлению СНК РСФСР от 9.11.1922 г. за № 75 оно переименовывается в город Рубцов (впоследствии – Рубцовск). Рубцов-Рубцовск и его население за минувшие десятилетия в полной мере ощутили на себе зигзаги политики советского и постсоветского периодов, а также вызовы меняющейся региональной и даже, в какой-то степени, мировой политики. Сегодня – это ослабленный изменениями экономической конъюнктуры и разрывом хозяйственных связей, но посте-

ленно приобретающий все большее значение пограничный горный Азиатской России, ее форпост в Большой Центральной Азии.

Целью данного сообщения является анализ элементов этнической структуры Рубцовска (и, в меньшей степени, прилегающего к нему района), главным образом — особенностей формирования здешней казахской общины.

Исторически в пределах, ныне составляющих приграничную полосу алтайского приграничья России, казахи (в документах соответствующих ведомств Российской Империи, а потом и в раннесоветский период именуемые киргизами) появились достаточно давно. И, в частности, привлек район Коростелевской степи, имевший важное экономическое значение. Этот район до середины XIX века не имел никаких поселений, но именно сюда пригоняли свои стада казахи-кочевники. Выпасы скота на данной территории осуществлялись только летом. Впоследствии казахи перенесли свои «кстау» (зимовки) на правую сторону Иртыша, в Шульбинский бор [2]. Но в 70-е годы XIX столетия по распоряжению начальства Алтайского округа они были выселены из Шульбинского бора и поселились зимовками в соседних степях, частично — в Коростелевской [3].

В начале 80-х годов XIX века происходит оседание казахов в Коростелевской степи. В итоге в 1908 году по данным обследования Коростелевской степи, проведенного Переселенческим управлением, из 42 аулов 6 насчитывали время поселения от 1 до 8 лет; 15 — от 10 до 25 лет; 11 — от 26 до 45 лет; 1 — 60 лет; 9 — от 100 до 150 лет [4].

В 1904 году степь была разбита на восьмиверстные кварталы, средний размер каждого составлял 6666 десятин. Общее количество населения составляло 323 хозяйства с 1771 душами обоего пола. Из них: 64% хозяйства вели оседлый образ жизни; остальные — кочующие на расстоянии от полверсты до 10 верст. Эти хозяйства располагали следующим имуществом: жилые постройки — 570, из них 166 деревянных, 134 земляных, 270 юрт; хозяйственный инвентарь: 88 плугов, 91 соха, 221 борона, 12 жаток, 19 косилок, 6 конных граблей и 939 орудий перевозки (телеги и сани) [5].

Хозяйственную деятельность на этой территории обеспечивали следующие цены на землю: усадебная и сенкосная — 60 копеек с десятины; выпасы — 7 копеек с головы КРС и 3 копейки с головы мелкого [2].

В итоге, 281 хозяйство осуществляло посев зерновых культур на площади 1004 десятины.

О масштабах животноводства среди казахов говорят следующие цифры: лошадей имелось 2009 голов, КРС — 1909, верблюдов — 14, овец и коз — 5257.

Кроме казахов в Коростелевской степи проживали появившиеся здесь в 1904 году крупные русские овцеводы-арендаторы Соседов, Сидоров, Степановы, Коленко и Здоров. Переселились они с Северного Кавказа вследствие вздорожания там земли. Они привезли с собой около 5000 голов тонкорунных овец мазавской породы. Управление Алтайского округа сдало им в долгосрочную аренду на 36 лет 48 тыс. десятин Коростелевской степи, а в дальнейшем они получили Казинский и Катковский кабинетские арендные участки общей площадью в 1 тыс. десятин на расстоянии 20 верст к северу от Коростелевской степи сроком на 24 года и 12 лет соответственно [3].

Переписью 1908 года в Коростелевской степи было зарегистрировано 15 хозяйств овцеводов с 80 душами и, сверх того, 52 человека наемных рабочих. Овцеводы имели 9175 голов мазавских овец, 80 курдючных и 637 местных. В 1908 году ими было продано шерсти 2426 пудов на сумму 23052 рублей.

К 1913 году хозяйство овцеводов значительно выросло. По специальному обследованию, проведенному по распоряжению Министерства земледелия, в Коростелевской степи было зарегистрировано 17 хозяйств с населением 169 душ обоего пола. У них имелось 13034 головы овец, то есть в 1/5 раза больше, чем в 1908 году. Кроме того, овцеводы имели 389 голов лошадей, в числе которых 3 кровных производителей, 1215 голов КРС, в том числе 22 производителя: 5 симменталов, 4 украинских, 2 холмогорских, остальные местные. Овцеводы засеяли хлебом 2519 десятин. Имелось у них многолемешные плуги, ридовые саялки, жнеямосборки и сноповязалки [4].

Таким образом, северная часть степи площадью около 50000 десятин находилась в долгосрочной аренде у овцеводов. Аренда осуществлялась целыми кварталами, причем в тех кварталах, где находились ранее поселившиеся аулы, овцеводы, не вытесняя казахов, входили с ними в соглашение: за плату пользовались водой в киргизских колодцах и платили за пользование киргизскими усадьбами.

В условиях начавшейся революции хозяйства коростелевских овцеводов подвергались нападению со стороны соседних крестьян. Они стали растаскивать овец, инвентарь и вообще все хозяйство овцеводов.

При колчаковском режиме овцеводы объединились в отряды и начали действовать против партизан. В результате по произведен-

ному в 1919 году обследованию оказалось, что земли овцеводов пустуют, а их заимки брошены.

Казахское же население, наоборот, численно увеличилось на данной территории. С 1919 по 1924 гг. в Коростелевской степи имелось 476 хозяйств с 2726 душами обоего пола, что и дало право Семипалатинской области претендовать на данную территорию, тем более что Постановление № 28 от 6 апреля 1923 года Алтгубисполкома представляло киргизскому населению Бель-Аганской волости Семипалатинской губернии право пользования землями Коростелевской степи [5].

Возникший в начале 1920-х годов Рубцовск оказался на важном перекрестке хозяйственных и других связей, различных по своему этнокультурному происхождению и профилю анклавов. Близость Казахстана различным образом сказывалась на жизни его населения. Этот фактор влиял, в частности, на криминогенную обстановку. Из протокола Рубцовского окружного совещания по борьбе с преступностью от 18.01.1928 г. следует, что «с 1920-1921 гг. часть преступного элемента занималась кражами, в особенности лошадей и крупного рогатого скота, затем этот элемент все больше организовывался и к концу 1925 года кража лошадей в Рубцовском округе приняла эпидемический характер». По имеющимся данным, большинство конокрадов происходили из местностей Казахстана, прилегающих к Рубцовскому округу, а местом сбыта краденых лошадей были киргизские аулы, а также города Семипалатинск и Усть-Каменогорск [6].

В конце 1920-х гг. в связи с проведением коллективизации усилились миграции казахского населения в соседние районы Сибири. Директива 1-178 от 3.10.1928 г., подписанная Р. Эйхе, гласит, что «Постановлением Правительства в КАССР с первой половины сентября месяца сего года производится конфискация средств и орудий производства у крупных байских хозяйств и лиц из бывших привилегированных сословий и групп» [7].

Эти мероприятия послужили причиной перекочевов и укочевов баев за границу и в соседние с КАССР округа, в том числе Омский, Рубцовский, Славгородский, а также в глубь Сибкрая, а под их влиянием — середняков и бедноты, с целью укрытия своих хозяйств от конфискации [8].

В связи с этим предполагалось провести следующие меры: публикации в печати об отсутствии свободных земель; обмен информацией с исполкомами КАССР о лицах, желающих перекочевать или

перекочевавших; возврат баев; обязательное отчуждение имущества у баев; запрет на конфискацию у бедняков и середняков [9].

Исполнителями данных мероприятий назначались окружные исполнительные комитеты, административные отделы, органы ОГПУ. В итоге уже в сентябре 1929 года данная директива, а также местные постановления были отменены ввиду успешного проведения запланированных мероприятий [10].

Документов, позволяющих судить об этнической структуре алтайского приграничья (тогда — только административного) раннесоветского периода, очень мало, но определенное представление о численности проживавшего здесь казахского (киргизского) населения все же можно получить. Так, в 1920-1921 гг. в Змеиногорском уезде было зарегистрировано: киргизов — мужского пола 2281, женского пола 1373, всего 3654; всех инородцев — 6257 [11].

В среде казахов (киргизов) была крайне мала коммунистическая прослойка: по данным Рубцовского УК РКП(б) по состоянию на 28.02.1924 г. численность кандидатов в РКП: общая — 628; русские — 623; киргизы — 3.

Итак, даже имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные архивные материалы позволяют со всей определенностью утверждать, что в 1920-е гг. и в последующий период в городе сформировалась казахская диаспора. Необходимо отметить, что в первые годы советской власти придавалось большое значение этой национальной группе. Особое внимание уделялось образованию, при этом работа велась широким фронтом — ее объектом выступало все так называемое татаро-киргизское население. Необходимо было вести культурно-просветительскую работу на родном языке целого ряда этнических групп, для чего требовались подготовленные работники «из среды пролетариата и беднейшего крестьянства». Для решения этой проблемы предполагалось открыть в Сибирский татаро-киргизский подтехникум в г. Томске [12].

В городе Рубцовске местное татаро-киргизское население также было озабочено образованием подрастающего поколения. Свидетельство тому — помещаемый ниже документ.

«13.01.1924

секретно

УУТ ОГПУ и Нач. у милиции

Доводится до сведения, что исполкомом выдано разрешение на право общего собрания татарам и киргизам, проживающим в городе Рубцове, с повесткой дня: организация в городе Рубцове шко-

лы для обучения детей на татарском и киргизском языках. Собрание будет собрано 14 января 1924 года в 5 часов вечера по Советской улице дом № 225.

Секретарь — Член Президиума (В. Ильин)
Зав Орготделом (Чекрыгин)» [13].

Имеющиеся документы не дают ответа на вопрос, была ли действительно организована эта школа, но совершенно ясно, что в то время для ведения просветительской работы среди национальных меньшинств мусульманского вероисповедания использовались различные средства, в том числе традиционные методы, такие как преподавание мусульманского вероучения. Согласно инструкции Наркомпроса и НКВД от 22 августа 1925 года за № 446 17 группы по изучению исламского вероучения должны были функционировать при мечетях. Однако в марте 1929 года было принято решение о прекращении выдачи разрешений на проведение мусульманского вероучения, о ликвидации ранее разрешенных групп с соблюдением осторожности при санкции местных окружкомов ВКП(б) открытии обычной советской школы вместо данных групп [14].

Архивные материалы позволяют реконструировать не только некие общие линии жизнедеятельности рубцовских мусульман (в данном случае — казахов), но и перипетии их персональных судеб. Так, Альпеин (Альпимов) Магомет в июне 1929 года проходил проверку членом и кандидатов ВКП(б). Данная проверка выявила, что он — киргиз, 1896 года рождения, социальное происхождение — батрак, партийный стаж с июля 1927 года, с 1 апреля 1929 года работал в пожарной команде. М. Альпеин не принимал участия в событиях гражданской войны, в частности, в созданных овцеводами-арендаторами (молоканами) Коростелевской степи отрядах. Данная проверка выявила мотив для вступления его в партию — желание меньше подвергаться эксплуатации [15].

Представители казахского (киргизского) населения принимали активное участие в общественных собраниях, например, собраниях бедноты. Экономическое положение этой категории неясно, но есть данные, что некоторые казахи владели земельными участками в пределах города Рубцовска [16].

Национальный состав и численность населения Рубцовска существенно изменились в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. В 1959 году по результатам Всесоюзной переписи население города составляло 107484 человека [17]. Из них татары — 547 (мужчин — 277, женщин — 270); немцы — 2110 (мужчин —

931, женщин — 1179); русские — 95414 (мужчин — 42433, женщин — 52981); украинцы — 3342 (мужчин — 1598, женщин — 1744); белорусы — 638 (мужчин — 383, женщин — 255); казахи — 343 (мужчин — 180, женщин — 160); евреи — 735 (мужчин — 329, женщин — 406); прочие — 1311 (мужчин — 721, женщин — 590) [18].

Следует отметить, что, несмотря на географическую близость Казахстана, прочные многоплановые межрегиональные связи Рубцовска и прилегающего района с сопредельными Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областями, и в позднесоветский период не произошло сколько-нибудь заметной миграции собственно казахского населения в пределы России. Так, в 1989 году по результатам Всесоюзной переписи население города составило 171809 человек, из них русских — 160736 (работающих — 86901), украинцев — 3467 (2097), белорусов — 866 (625), а казахов — только 328 (223) [19].

Этнический срез рубцовского материала позволяет утверждать, что «генетической» интеграции даже сопредельных регионов преимущественно славянского и азиатского (казахского) анклавов в пределах бывшего Советского Союза так и не произошло. Анализ причин этого явления — задача дальнейших историко-демографических и этнологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королев Г.С. Рубцовск: от заселка до города, 1886-1927. Исторический очерк. — Рубцовск, 2001. — С. 36.
2. Архивный отдел администрации города Рубцовска (далее — АОАГР), ф. 15, оп. 1, д. 1, л. 15 об.
3. Там же, л. 16 об.
4. Там же, л. 17 об.
5. Там же, л. 18 об.
6. АОАГР, ф. 18, оп. 1, д. 11, л. 1.
7. Центр хранения архивных фондов Государственного архива Алтайского края (ЦХАФ ГААК), ф. Р-201, оп. 1, д. 50, л. 1.
8. Там же, л. 1.
9. Там же, л. 2.
10. Там же, л. 7.
11. Там же, ф. 922, оп. 1, д. 25, л. 24.
12. Там же, ф. 3-141, оп. 1, д. 276, л. 6.
13. АОАГР, ф. 51, оп. 1, д. 45, л. 19.
14. АОАГР, ф. 25, оп. 1, д. 6, л. 5.
15. ЦХАФ ГААК, ф. П-82, оп. 1, д. 10, л. 13.

16. ЦХАФ ГААК, ф. Р-167, оп. 1, д. 51, л. 88.

17. АОАГР, ф. 29, оп. 1, д. 40, л. 80.

18. Там же, л. 83.

19. АОАГР, ф. 29, оп. 1, д. 480, л. 18.

К.В. Григоричев

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда

ПОТЕНЦИАЛ ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ ИЗ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В КАЗАХСТАН*

Феномен миграционного притока в Россию из стран нового зарубежья, и прежде всего, центрально-азиатского региона, рассматривается исследователями уже более десяти лет. В центре внимания при этом находятся количественные и структурные характеристики миграционных потоков, причины и мотивы выбытия русскоязычного населения из бывших советских республик, а также вопросы адаптации мигрантов на «исторической родине». Данная проблематика достаточно широко разработана как на уровне общероссийском и постсоветского пространства в целом, так и в региональных исследованиях [1]. При этом вне поля зрения исследователей остается вопрос о масштабах, характеристиках и причинах возвратного движения из России в новое зарубежье. Как правило, авторами отмечается незначительность данного потока, что связано с уменьшением притока русскоязычного населения в республики с середины 1960-х гг.

Вместе с тем феномен возвратного движения в последние годы остается достаточно заметным, а по некоторым наблюдениям его значение все более возрастает [2]. Если российские СМИ об этом явлении пишут скупно и с известной долей скепсиса, то по сообщениям, например, казахстанских изданий, поток возвратной миграции становится все более заметным. Более того, отметим, что проблема возвратной миграции в Казахстане, похоже, переходит в раз-

* Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

ряд важнейших направлений государственной политики, декларируемых представителями высшего эшелона власти. В частности, в своем послании к народу Казахстана в апреле 2003 г. Президент Нурсултан Назарбаев отмечает: «Нам необходимо серьезно задуматься над восполнением миграционных потерь нашей страны. Это серьезная проблема, от решения которой зависит реализация наших планов. Поэтому Правительство должно разработать программу, включающую:

- увеличение рождаемости,
- снижение смертности за счет улучшения здравоохранения,
- увеличение приема иммигрантов, прежде всего из числа бывших казахстанцев работоспособного возраста» [3].

По сообщению председателя госагентства Республики Казахстан по миграции и демографии Алтыншаш Джагановой объем возвратного миграционного потока из России за 2001 г. в Казахстане составил около 200 тыс. человек, причем речь идет о возвращении этнических русских (русскоязычных) [4]. Не останавливаясь специально на анализе цифры, приведенной в цитируемом источнике, отметим, что в материалах статистического учета миграции численность всех мигрантов из стран СНГ, прибывших в 2001 г. в Казахстан, определена в 23,1 тыс. чел., а общий приток в республику в рамках международной миграции составил 25,4 тыс. чел. [5]. Тем не менее приведенные цитаты отражают внимание казахстанских властей к проблеме возвратной миграции. В равной мере проблема возвратной миграции имеет важное значение и для российских регионов, где приток переселенцев из центрально-азиатских стран, и прежде всего, Казахстана, является единственным благоприятным фактором в динамике населения.

В настоящей работе предпринимается попытка определить потенциал возвратной миграции из Алтайского края (являвшегося на протяжении 1990-х годов важнейшим в Сибирском федеральном округе России регионом-реципиентом) в Казахстан. Эмпирической базой исследования служит анкетное обследование мигрантов из Казахстана, проживающих в настоящее время в Алтайском крае*. Обследование проводилось на основе случайной непропорциональной выборки, полученной по методу «снежного кома». Однако ее структура в высокой степени коррелирует с характеристиками миг-

* Обследование проводилось летом 2003 г. в г. Барнауле и сельских районах Алтайского края при участии Ю.Н. Гужвенко.

рационного притока из Казахстана на Алтай за 1990-2001 гг. как по годам прибытия, так и по месту выхода мигрантов (рис. 1, 2).

Рис. 1. Структура выборки по времени прибытия респондентов в Алтайский край

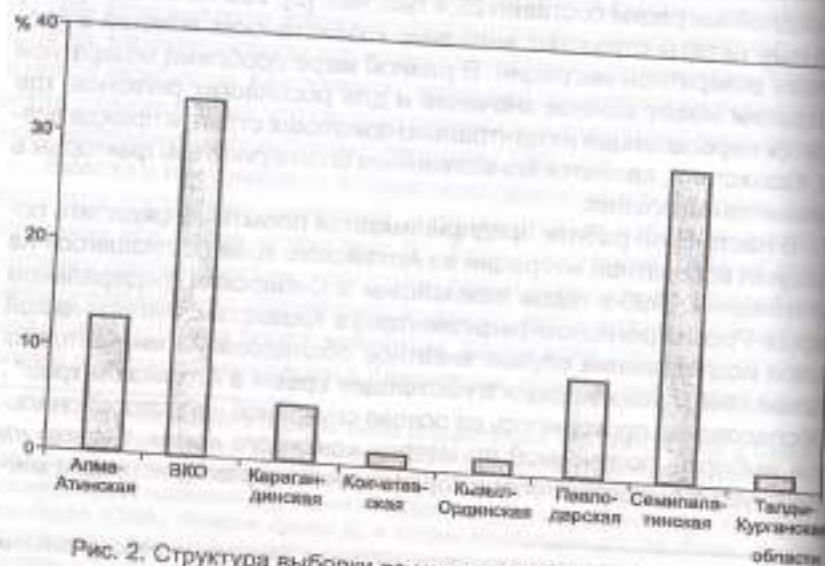

Рис. 2. Структура выборки по месту выезда из Казахстана

Пик прибытия переселенцев на Алтай по данной выборке приходится на 1994-1995 гг. с последующим значительным спадом, а в 1999 г. вновь наблюдается небольшой всплеск, затухающий в последующие годы. Наибольшая доля опрошенных респондентов вышла из Восточно-Казахстанской, Семипалатинской* и Алма-Атинской областей. Данные Алтайского комитета госстатистики показывают схожие тенденции в структуре миграционного притока на Алтай. Таким образом, характер выборки позволяет с достаточной степенью достоверности экстраполировать полученные выводы на всю генеральную совокупность, под которой понимается общая численность мигрантов, прибывших в Алтайский край за период с 1990 по 2003 гг.

Кроме того, при подготовке данной публикации использованы материалы углубленных интервью, проведенных автором весной 2003 г. с мигрантами из стран СНГ. Всего было опрошено 17 респондентов, 11 из которых являются представителями молодого поколения мигрантов (возраст 21-26 лет), а 6 человек – более старшего поколения (от 42 до 52 лет). Большая часть опрошенных (12 человек) являются в настоящее время горожанами, хотя многие из них в первые годы после переезда проживали в сельской местности, а родители многих молодых людей до сих пор проживают в селе**.

Обращение к качественным методам определяется тем, что изучение феномена возвратной миграции, его потенциала и возможных географических векторов на основе статистических материалов имеет существенные, зачастую непреодолимые сложности. Прежде всего, существующая система разработки данных о миграционном движении не позволяет определить, впервые ли выезжает тот или иной человек из России или же возвращается на прежнее место жительства, не сумев закрепиться в России после переезда. Кроме того, особое значение в этой связи имеет определение миграционных настроений переселенцев, проживающих на территории России, которые, собственно, и могут сформировать потенциал возвратной миграции.

Основой для определения потенциала возвратной миграции, на наш взгляд, является, с одной стороны, степень адаптации мигран-

* Восточно-Казахстанская и Семипалатинская области рассматриваются нами отдельно, т.к. многие мигранты, вошедшие в нашу выборку, вышли из Казахстана еще до включения Семипалатинской области в Восточно-Казахстанскую.

** Все приводимые далее цитаты из интервью взяты из указанных материалов. Тексты интервью хранятся в личном архиве автора.

тов в принимающем сообществе, успешность построения ими профессиональной и социальной карьеры, достижение ими уровня жизни, адекватного имевшемуся, до переезда или выше него. При этом в центре нашего внимания были не объективные показатели адаптации мигрантов, а их собственная, субъективная оценка, имеющаяся на наш взгляд, определяющее значение для выбора дальнейшей стратегии. С другой стороны, важнейшим показателем готовности к возвратной миграции служит степень совпадения идентичности мигрантов с идентичностью принимающего сообщества. В случае идентификации мигрантов с принявшим их обществом потенциал к возвратной миграции, очевидно, снижается. В противном случае, когда и сами мигранты, и коренное население осознают «отличность», «инаковость» переселенцев, вероятность обратного отъезда возрастает. При этом существенное значение имеет определение респондентами места своей Родины и, соответственно, идентификация своей «принадлежности» той или иной территории. В более широком смысле речь идет об осознании мигрантами себя либо как части принявшего сообщества (в нашем исследовании — россияне) либо как представителя группы, инородной для принявшего сообщества — диаспоры (в нашем случае — казахстанской).

Важным показателем «результатов» адаптации мигрантов служат оценки ими изменения своего социального положения, материального благосостояния, уровня образования. Согласно полученным ответам на анкеты более 29% опрошенных значительно повысили свой социальный статус в результате переезда (продвинулись по служебной лестнице, завоевали авторитет и т.п.). Социальное положение не изменилось либо незначительно улучшилось у 43% опрошенных, и лишь 21,5% ответивших указали на то, что их социальное положение «несколько» либо «значительно ухудшилось» (7,7 и 13,8% соответственно). Ряд наших респондентов в рамках интервью отмечали более успешное восхождение мигрантов по социальной лестнице, чем местного населения, объясняя это изначальной ориентацией на целенаправленную деятельность в этом направлении, стремлением «стать»: «Знаете, мне кажется, что переселенцы даже более успешны, чем коренные жители. С одной стороны, это потому, что они со специальностями. Но дело, по-моему, не в этом. Просто мы сразу ехали, знали, что нам все сначала надо. И мы сразу настраивались делать все, чтобы подняться. Как-то более целеустремленно что ли».

Оценивая уровень своего материального благосостояния, 40% опрошенных указали на его повышение, у около 17% респондентов материальное положение в результате переезда фактически не изменилось. В то же время ухудшение своего материального положения отметили более 32% опрошенных (в том числе вариант «материальное положение значительно ухудшилось» выбрали почти 17% респондентов). При этом среди респондентов, проживающих в настоящее время в городской местности, доля позитивных ответов заметно превышает негативные (41 и 31% соответственно, в том числе значительное улучшение материального положения отметили более 21% опрошенных). В сельской местности соотношение позитивных и негативных ответов иное: 25 и 50% соответственно, при этом существенного улучшения материального положения не отметил ни один респондент. В полученных ответах достаточно четко прослеживается тенденция изменения оценки своего материального положения в зависимости от времени переезда. Если среди прибывших на Алтай до 1995 г. более 80% респондентов давали положительные ответы, то для последующих лет заметно растет доля негативных оценок.

Отчетливые тенденции заметны и среди ответов об изменении жилищных условий. Согласно полученным нами данным, в первый год после переезда лишь 38,5% мигрантов сумели приобрести собственное жилье (квартиру, дом), оставшаяся часть арендовали жилье (30,8%), проживали у родственников (13,8%) либо в коммунальных общежитиях и т.п. (15,4%). К настоящему времени жилищные условия большинства переселенцев значительно улучшились: в собственном жилье ныне проживают более 66% опрошенных, арендуют жилье либо живут у родственников по 6,2% опрошенных. При этом надо отметить, что в эту категорию входят преимущественно ответы переселенцев последних 4-5 лет (с 1998 г.). Менее всего изменилось положение тех, кому после переезда удалось получить место в общежитии либо купить комнату в коммунальной квартире: их доля сократилась лишь на 1,6 п.п. (в настоящее время в таких условиях проживают 13,8% опрошенных). Важно отметить, что именно в данной категории респондентов наиболее высока доля ответов, свидетельствующих об ухудшении материального положения. В то же время среди этой категории наиболее высока доля отмечающих повышение своего социального положения (более 55% — «значительно улучшилось» и еще 11% — «улучшилось незначительно»). Вероятно, подобные жилищные условия, принятые в первое время

после переезда как достаточные и даже благоприятные для «жизни» на новом месте и позволившие сразу начать построение новой карьеры, в последующем становятся тормозом для дальнейшего роста материального благосостояния.

На фоне заметного улучшения жилищных и материальных условий позитивные моменты в динамике образовательной структуры мигрантов менее заметны. На момент переезда доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием среди переселенцев составляла менее 31%, к настоящему времени она выросла до 40% (то же время удельный вес лиц, имеющих среднее специальное (профессиональное) и общее среднее образование, снизился среди мигрантов с 47,6 до 43%. При этом рост категории лиц с высшим образованием произошел преимущественно за счет молодых возрастов, т.е. детей мигрантов, прибывших на Алтай с родителями. Сами же мигранты, непосредственно осуществлявшие переезд, своего образовательный уровень в целом не повысили.

Таким образом, в процессе адаптации мигрантов на Алтае с точки зрения уровня жизни, успешности в построении карьеры и т.д. прослеживаются позитивные тенденции. Более заметные в городских местностях, они, тем не менее, имеются и на селе. При этом важно отметить достаточно четкую зависимость роста позитивных оценок мигрантами своего положения от давности переезда. На наш взгляд, это служит четким индикатором предпочтения мигрантами стратегии вживания в принявшее их общество, их «стремление стать человеком» на новом месте в противовес возможности возврата к месту выхода.

Большая часть мигрантов, прибывшая в Алтайский край из советских центрально-азиатских стран, к настоящему времени уже достаточно полно адаптировалась. Их интеграция в новое общество, продолжающаяся уже 5-10 лет, привела к принятию ими «новой родины» как исконно своей, нежеланию возвращаться к местам выхода. Лишь мигранты последних лет, имевшие меньше времени и худшие условия для адаптации, рассматривают возможность возврата к местам выхода, указывают на снижение своего социального статуса и материального благосостояния. Немалое значение в этой ситуации имеет и изменение российского законодательства в отношении мигрантов, в том числе и передача вопросов устройства мигрантов в ведение МВД, что по оценке респондентов значительно затруднило решение их вопросов на новом месте жительства.

Согласно полученным нами данным главным фактором первичной адаптации на новом месте, а до этого — и важнейшим механизмом переезда, послужили сформированные ранее родственные или дружеские связи. Фактически, они стали основой современной миграционной сети, на базе которой преимущественно и происходит переселение из центрально-азиатских стран бывшего СССР на Алтай. Более 80% опрошенных либо имели друзей или родственников на территории края, либо сами проживали здесь ранее. Кроме того, наличие родственников или друзей в качестве главного фактора для выбора места вселения указали 40% опрошенных и еще около 20% назвали этот фактор в ряду важнейших для подобного выбора. Приведенные данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что именно сформированность миграционных сетей является важнейшим притягательным фактором для переезда на Алтай. Даже «наличие работы» в качестве важнейшего фактора для выбора региона вселения указали менее 10% опрошенных мигрантов, «наличие жилья» — лишь 1,5%.

Анализ анкет позволяет рассмотреть и механизм миграции на Алтай с использованием выявленных миграционных сетей. Первоначально большинство мигрантов, приняв решение о переезде, выезжали в предполагаемое место вселения «на разведку» (более 70% опрошенных). При этом, как правило, будущие мигранты ехали целенаправленно в Алтайский край, не имея других вариантов, — более 85% приезжавших в Алтайский край до переезда «на разведку» не посещали с этой целью других регионов. Вероятнее всего, это определяется тем, что они уже имели некоторую базовую, исходную информацию о предполагаемом месте жительства, т.к. большая часть из них (85%) имели здесь родственные и дружеские связи, которые использовали для сбора информации, подготовки к устройству на новом месте.

Наличие рассмотренных выше связей, их устойчивость, является, на наш взгляд, с одной стороны, предпосылкой определения мигрантами своей идентичности, а с другой — результатом идентификации себя с россиянами, отнесения себя к единой с ними общности и до переезда. На вопрос анкеты «Что для Вас является Родиной?» более 32% опрошенных ответили — Россия, и еще около 34% — Советский Союз. Последний вариант ответа наиболее распространен среди старшей возрастной группы респондентов, среди молодежи значительно больше распространена идентификация себя как россиян. Характерно также, что для 31% респондентов мигра-

ция из Казахстана в Россию стала «возвращением на Родину», еще для 48% она стала «переездом внутри своей страны».

В то же время и в старшей возрастной группе происходит постепенный переход к идентификации себя как россиянина. При этом в начале этого процесса, очевидно, лежало явление, названное Н.И. Марской «эрозией советской идентичности» [5]. Начавшись еще с отъезда, как осознание отличия своей идентичности от идентичности коренного населения, он был подхлестнут необходимостью интеграции в новое сообщество. Примером служат ответы, данные респондентами в рамках углубленных интервью:

«Раньше мы говорили: «Наша родина – Советский Союз». Теперь ведь нету его уже...»

«Ну зачем теперь Советский Союз?.. Нет. Я считаю, хорошо было, но так ведь было...»

Формированию «российской» идентичности у переселенцев, очевидно, в значительной мере способствовало отсутствие конфронтации с коренным населением. Среди опрошенных мигрантов более 64% отметили, что после переезда встретили позитивное отношение местных жителей. Отрицательное отношение коренного населения в первый год после переезда отметили лишь около 9% мигрантов, более четверти респондентов указали на «безразличное» отношение к ним. Все опрошенные отмечают, что к настоящему времени отношение к ним коренного населения либо осталось прежним (57%), либо улучшилось (43%). На наш взгляд, изменение отношения местного населения к пришлому является одним из ключевых показателей адаптации мигрантов, их включения в принимающее сообщество. В этой связи характерно, что Казахстан в качестве Родины указали лишь чуть более 9% опрошенных, а переезд в Россию определили как «переезд в чужую для себя страну» менее 11%.

Таким образом, большинство опрошенных нами мигрантов идентифицируют себя если не прямо как «россиян», то по крайней мере как «неказахстанцев». Достаточно четкое определение собственной идентичности позволяет недавним мигрантам определенно выбирать стратегию вживания в российское общество в противовес возможному возврату в Казахстан. Данное положение четко проявилось при изучении нами в ходе анкетного обследования и интервью установок дальнейшего миграционного поведения переселенцев из Казахстана, в частности, их готовность к возврату к месту выхода. Более 83% опрошенных категорически указали, что не собираются возвращаться назад «ни при каких условиях». Возможность возвра-

та в зависимости от ситуации, в том числе выезд не на постоянное место жительства, а для работы на продолжительный срок, рассматривают лишь немногим более 12% респондентов. И лишь 3% респондентов указали, что рассматривают возможность возврата. В их числе мигранты, переехавшие на Алтай в последние 2 года и столкнувшиеся с рядом серьезных (по их оценке – «непреодолимых») трудностей в приобретении жилья, получении гражданства и т.д.

При этом в качестве факторов, подталкивающих к переезду в Казахстан на более или менее длительный срок (в том числе на работу), «стремление вернуться на Родину» указали лишь 2 человека (1), остальных подталкивали к этому решению бытовая неустроенность, отсутствие жилья, низкий уровень жизни. Однако, на наш взгляд, последние факторы носят временный характер, поскольку, как было показано выше, достаточно четко заметна тенденция снижения их действия с каждым годом проживания на новом месте. Фактор идентичности в этом случае, как гораздо более устойчивый, играет значительно более важную роль при выборе стратегии дальнейшего миграционного поведения. Подтверждением этого служит и то, что на вопрос «При каких условиях Вы готовы вернуться в Казахстан?» более 81% респондентов отметили, что никакие изменения не повлияют на их выбор – остаться в России.

Четкий выбор стратегии адаптации в России прослеживается и в текстах углубленных интервью. Большинство наших респондентов однозначно указывают на нежелание возвращаться в «страну исхода» в каком-либо случае.

«Нет! Однозначно нет! Даже если там появятся условия, ну у меня ведь теперь все здесь. Устроен, работа, перспективы... Но альтернативы у меня нет. Если съездить на недельку, пройтись по своим местам, во двор, на кладбище к бабушке и все.»

«Хотела бы я вернуться в Казахстан? Вы знаете, наверное, нет. Я теперь здесь, я теперь россиянка... Мне здесь хорошо... А что добра добра не ищут, знаете же...»

Размывание идентичности со «страной исхода», постепенное разрушение связей с местом выхода, все более тесная интеграция в «принявшее» общество, на наш взгляд, делают перспективы возвращения мигрантов все более туманными. Более того, позволим себе предположить, что продолжающийся процесс интеграции мигрантов в российское общество, осознание ими своей «российской» идентичности сводит перспективы массовой возвратной миграции на нет. Очевидно, последнее десятилетие, став временем обрете-

ния, точнее «определения» собственной идентичности, дало им достаточно времени для возвращения в страну выхода тех, кто определил своей родиной страну выхода. Оставшиеся в России, очевидно, все более полно ощущают свою идентичность с нынешней страной проживания, свою «русскость», «российскость», как определил это ощущение один из наших респондентов, и не собираются возвращаться.

На наш взгляд, данный процесс составляет часть более общего процесса – формирования новых идентичностей, точнее разделения идентичности русской-транснациональной и русской-локальной (разделяющей идентичности), происходящее среди русскоязычных ближнего зарубежья, о котором пишет Н. Космарская [5]. Вероятно, окончательное определение собственной российской идентичности, которое, по нашему мнению, можно ожидать в ближайшие годы, приведет к постепенному затуханию связей мигрантов со странами выхода и постепенному исчезновению феномена массовой возвратной миграции. Разумеется, на этот процесс в известной мере будет влиять политический курс как казахстанского, так и российского руководства, темпы экономического развития и изменения уровня жизни в обеих странах, однако при сохранении существующих условий наиболее вероятной нам представляется именно такая перспектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Космарская Н. Хотят ли русские в Россию? (Сдвиги в миграционной ситуации и положении русскоязычного населения Киргизии) // В движении: добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. – М., 1999. – С. 203-204.
2. Основные направления внутренней и внешней политики на 2003 год. Послание Президента народу Казахстана // Казахстанская правда. – 2003. – 5 апреля.
3. <http://www.rikatv.kz/article.php?sid=3387>. Актобинский региональный портал телекомпания РИКА-ТВ [30/05/02, 17:27] «Жить стало лучше у нас».
4. Миграция населения Республики Казахстан за январь-декабрь 2001 г. – Алматы, 2002.
5. Космарская Н. «Русские диаспоры»: политические мифологии и реалии массового сознания // Диаспоры. – 2002. – № 2. – С. 122, 127-139.

Н.В. Дулина, О.В. Кониная, В.В. Токарев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

ФОРМИРОВАНИЕ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Противоречивым образом сказалось становление рыночных отношений на положении основной массы работников: изменились масштабы занятости, степень вовлечения населения в общественно-организованные формы труда. В 90-е гг. XX века изменения этого рода имели в России совершенно иной характер, нежели в предшествующие десятилетия. На протяжении всего периода после Великой Отечественной войны, вплоть до 1980-х гг., вовлеченность населения тогдашней РСФСР в общественно-организованное производство практически непрерывно возрастала. Более того, занятость приобрела в стране всеобщий и даже обязательный характер. Следует, видимо, напомнить, что неучастие в общественно-организованном труде без так называемых «уважительных причин» считалось тунеядством, которое строго наказывалось, чего, в свою очередь, нельзя забывать теперь при анализе тех изменений, которые происходят в социально-трудовой сфере в настоящее время, поскольку изменить сознание человека за какой-то десяток лет практически невозможно.

В 90-е гг. (теперь уже прошлого века) стала складываться совершенно иная ситуация. В современных условиях возрастает ответственность государства за смягчение негативных последствий безработицы, за создание условий для реализации права граждан на труд, за оказание эффективной помощи в трудоустройстве безработных, испытывающих серьезные трудности в плане самостоятельного поиска работы, и т.д. Разработка системы мер по управлению занятостью и использованию трудовых ресурсов предполагает прежде всего определение численности и распределение экономически активного населения, выявление причин незанятости и состава безработных, тенденций занятости и динамики изменения ее структуры по отраслям экономики и формам собственности, различий в использовании отдельных категорий населения, причин недоиспользования рабочего времени, тенденций движения кадров на предприятиях, влияния качества рабочей среды на использование трудовых ресурсов. Для исследования обозначенного выше комп-

лекса проблем нами были использованы: данные Волгоградского областного комитета государственной статистики и данные, полученные органами государственной статистики при проведении выборочных обследований населения по проблемам занятости; показатели, характеризующие движение рабочей силы и использование рабочего времени, состояние регистрируемого рынка труда; информация о распределении занятого населения по отраслям экономики, видам деятельности; эмпирические данные, полученные в ходе прикладных социологических исследований, проведенных в областном центре и регионе. Анализ данных, доступных авторам, позволил сформулировать ряд проблем в области занятости и использования трудовых ресурсов, решение которых, по нашему мнению, несомненно будет способствовать тому, чтобы трудовая сфера не была тормозом экономического развития, а, напротив, способствовала переходу к экономическому росту и обеспечению конкурентоспособности предприятий и организаций. В перечне этих проблем необходимо упомянуть следующие:

- ухудшение демографических показателей, ведущее к уменьшению численности трудовых ресурсов и ухудшению их качественных характеристик;
- низкий жизненный уровень населения, значимо влияющий на формирование трудового потенциала региона: специалисты фиксируют снижение работоспособности, ухудшение состояния здоровья населения и условий его воспроизводства;
- преобладание неэффективной занятости, которая выражается в высокой концентрации рабочей силы на убыточных предприятиях, накоплении значительных «излишков» рабочей силы на многих предприятиях, что приводит к неполному использованию рабочего времени занятых, недостаточному использованию профессионально-квалификационного уровня работников, низкой эффективности труда;
- ухудшение качественных характеристик системы рабочих мест (в течение 90-х годов XX в. они практически не обновлялись), в частности, сохранение рабочих мест с неблагоприятными условиями труда, малоэффективных и низкооплачиваемых, резко снижающих возможности использования трудовых ресурсов;
- снижение мотивации к труду, низкая стоимость рабочей силы, не способствующие повышению производительности труда, привлечению в производственную сферу молодых людей и приводящие к

расширению неформальной занятости среди молодежи, включая традиционные способы получения дохода;

• система профессионального образования недостаточно адаптирована к новым условиям хозяйствования, особенно в части «предложения и спроса» на конкретные профессии. Увеличивается разрыв между требуемым работодателем качеством рабочей силы и квалификацией соискателей рабочих мест. Не имея, по существу, обратной связи с рынком труда, образовательные учреждения продолжают обучать молодежь профессиям, не имеющим спроса в настоящее время на рынке труда;

• отсутствие реальной связи между доходом и уровнем профессиональной подготовки работника, что приводит к «перетеканию» трудовых ресурсов в сферу неформальной занятости, часто не требующей прежней квалификации. Возникающий дефицит опытных кадров становится дестабилизирующим экономическим фактором на производстве, серьезным препятствием росту производства.

В условиях рыночной экономики, когда каждое предприятие, функционирующее в рыночной среде, должно самостоятельно решать вопросы не только внутренней организации, но и всей совокупности связей с внешней средой, происходит переориентация системы государственного управления занятостью и использования трудовых ресурсов с прямых форм на косвенные, что в свою очередь приводит к увеличению количества и возрастанию степени сложности задач, решаемых в регионе. Понимая, что в рамках одной публикации невозможно представить все выявленные проблемы, попробуем проиллюстрировать эмпирическими данными наиболее, на наш взгляд, значимые из них.

Согласно материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости [1, с. 41], состав численности населения области (2036,5 тыс. чел.) в возрасте от 15 до 72 лет по экономической активности в среднем за 2001 год выглядит следующим образом:

Экономически активное население -	Экономически неактивное население -
1282,2 тыс. чел. (63,0%),	754,4 тыс. чел. (37,0%),
в том числе:	в том числе:
занятые - 1155,9 (56,9%),	студенты, учащиеся дневной формы обучения - 211,0 (10,4%),
безработные - 126,3 (6,2%)	пенсионеры - 411,2 (20,2%),
	другие - 132,2 (6,5%)

Трудовые ресурсы – часть населения, обладающая необходимым физическим развитием и знаниями для работы в народном хозяйстве региона (страны). В трудовые ресурсы включается трудоспособное население в трудоспособном возрасте (мужчины в возрасте 16-59 лет, женщины – 16-54 лет), а также работающие граждане моложе и старше этого возраста. В целом трудовые ресурсы включают в себя: экономически активное население (занятые и безработные) и экономически неактивное население (учащиеся с отрывом от производства и население, не занятое в экономике). С начала экономических реформ, а именно с 1991 г. численность трудовых ресурсов региона увеличилась на 98,3 тысячи человек или на 6,5%.

Воспроизводство трудовых ресурсов осуществляется через сложный процесс его взаимодействия с тенденциями развития народного населения, определяющими его количественно-качественные характеристики. Значительное влияние на состав и формирование трудовых ресурсов оказывают изменение численности населения региона и его половозрастная структура. С конца 1991 года в регионе сохраняется тенденция, когда число умерших превышает число родившихся. Естественный прирост населения сменился на естественную убыль, которая стала главным фактором демографического неблагополучия области. Только за последние пять лет численность населения снизилась на 83,8 тыс. человек [1, с. 20]. Но если до 1996 года естественные потери населения полностью компенсировал миграционный прирост, то с 1996 года миграционный прирост начал сокращаться (в основном за счет мигрантов, выбывших в другие регионы России) и не может компенсировать потери населения, вызванные естественной убылью. В результате с 1997 года стало наблюдаться ежегодное сокращение численности населения области. На начало 2003 года численность населения области составила 2615,9 тыс. человек [1, с. 20], что на 20,6 тыс. человек меньше, чем в 2002 году. Снижение численности населения за этот период произошло за счет превышения смертности над рождаемостью, то есть естественной убыли населения (в 2002 году число родившихся по сравнению с предыдущим годом возросло на 1,5 тыс. человек или 6,7%; число умерших составило 43,0 тыс. человек и увеличилось по сравнению с 2001 годом на 1,4%; число умерших в 1,8 раза превысило число родившихся) [1, с. 25], и превышения численности граждан, выбывших за пределы области, над численностью прибывших в область, то есть миграционной убыли на 2,3 тыс. человек [1, с. 33].

В то же время при сокращении общей численности населения наблюдается ежегодный рост населения в трудоспособном возрасте, составляющего основу трудовых ресурсов. И если численность постоянного населения области уменьшилась на 1,4%, то численность трудовых ресурсов увеличилась на 0,5%, или на 7,1 тыс. человек.

Половозрастная структура населения, которая складывается в результате рождаемости и смертности, определяет состав трудовых ресурсов, причем не только на текущий момент, но и на перспективу (табл. 1, 2).

Таблица 1

Распределение постоянного населения по возрастным группам (на начало года), % [1, с. 21]

Из общей численности населения в возрасте	1989 г.	2000 г.	2002 г.
Моложе трудоспособного	23,3	19,3	18,0
Трудоспособном	56,4	58,2	59,4
Старше трудоспособного	20,3	22,5	22,6
Итого:	100	100	100

Таблица 2

Распределение постоянного населения по полу (на начало 2002 года), % [1, с. 21]

Из общей численности населения в возрасте	Всего	Мужчины	Женщины
Моложе трудоспособного	18,0	19,7	16,6
Трудоспособном	59,4	64,5	54,9
Старше трудоспособного	22,6	15,8	28,5
Итого:	100	100	100

Изменения возрастной структуры, по нашему мнению, обусловлены следующими причинами:

- снижение численности лиц, входящих в группу «моложе трудоспособного», – резким падением рождаемости в результате ухудшения социально-экономического положения семей, а также изменением структуры мигрантов в сторону уменьшения в числе прибывших в область лиц моложе трудоспособного возраста (за период 2000-2001 годов с 18,7 до 16,8%);

- рост численности населения трудоспособного возраста – входением в эту «панель» многочисленных лиц, родившихся в начале 1980-х годов, и выходом за пределы трудоспособного возраста сравнительно малочисленных групп лиц, родившихся в годы войны, а также прибытием мигрантов в трудоспособном возрасте (так, на-

пример, в 2001 году численность такой группы составила 68% от общего числа мигрантов);

- снижение численности лиц в возрасте старше трудоспособного возраста – увеличением смертности (у мужчин этого возраста в последние годы на 10%, у женщин – на 0,2%). Кроме того, в общей численности мигрантов, прибывших в область, увеличилась доля лиц старше трудоспособного возраста (за период с 2000 по 2001 годы с 14,2 до 15,1%).

Возрастная структура оказывает существенное влияние на изменение «демографической нагрузки» – отношение численности населения в возрасте моложе и старше трудоспособного возраста к численности лиц в трудоспособном возрасте. До 1996 года нагрузка трудоспособного населения детьми была выше, чем пожилыми людьми. Затем произошло перераспределение демографической нагрузки в сторону пожилых людей. В перспективе эта тенденция сохранится, что будет оказывать большую нагрузку на занятое население в силу необходимости отчислений с заработной платы на пенсионное обеспечение. Так, на начало 2002 года возрастная структура населения выглядела следующим образом: мужчины и женщины в возрасте 0-15 лет – 18,0%, мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше – 22,6%. Подобного рода тенденция фиксируется и в целом по стране [2].

На фоне изменений возрастной структуры трудовых ресурсов наблюдаются изменения по половому признаку. В составе трудовых ресурсов области удельный вес мужчин больше, чем женщин. Это связано с тем, что, с одной стороны, мальчиков всегда рождается больше, чем девочек, и, с другой стороны, трудоспособный возраст у мужчин на 5 лет больше. Однако динамика распределения трудоспособного населения по половому признаку за ряд лет показывает, что доля мужского населения в общей численности трудоспособного населения снижается (с 51,9% в 1999 году до 51,0% в 2001 году). В основном это связано с возрастанием смертности мужчин в трудоспособном возрасте, которая в последние годы в 4 раза выше, чем у женщин. Согласно данным социологических исследований, проведенных на территории области, в возрастной категории после 40 лет женщин в структуре населения становится значимо больше, а в возрасте старше трудоспособного их численность превышает численность мужчин уже в два с лишним раза, причем данная закономерность прослеживается как среди городского, так и среди сельского населения.

К сожалению, одним из основных факторов, оказывающих негативное влияние на формирование трудовых ресурсов области, является ухудшение состояния здоровья населения. Это проявляется прежде всего в увеличении количества инвалидов, в том числе в трудоспособном возрасте. Так, например, в 2001 году по сравнению с 2000 годом численность инвалидов увеличилась на 2,5% и составила 183,4 тыс. человек, в том числе численность инвалидов в трудоспособном возрасте увеличилась на 3,8% и составила 27,7 тыс. человек.

Следует особо оговорить, что, к сожалению, динамика такова, что численность инвалидов в области растет более высокими темпами, чем численность трудовых ресурсов: по сравнению с 1991 годом численность инвалидов увеличилась на 83,4%, тогда как численность трудовых ресурсов увеличилась за это время на 6,5%. Если в 1991 году численность инвалидов составляла 3,8% населения области, то в 2001 году – 6,9%.

Увеличивается численность лиц больных туберкулезом (в расчете на 100 тыс. человек населения в 1,4 раза), психическими расстройствами (в 1,13 раза), алкоголизмом и наркоманией (в 1,3 раза).

Рост заболеваемости и коэффициентов смертности оказывает негативное влияние на показатели продолжительности жизни при рождении. Так, ожидаемая продолжительность жизни при рождении уменьшилась с 70,5 лет в 1991 году до 65,8 лет в 2002 году. У мужчин продолжительность жизни при рождении почти на 13 лет меньше, чем у женщин, и составила 59,6 лет в 2002 г., у женщин – 72,7 лет [3]. В то же время ожидаемая продолжительность жизни при рождении по Российской Федерации в 2001 году составила 62,3 года, у мужчин – 59,0 и у женщин – 72,3 года.

Ухудшение состояния здоровья населения, снижение продолжительности жизни, физиологическая деградация населения во многом обусловлены низким уровнем жизни населения региона [4, 5].

Следует отметить, что за последние годы в структуре трудовых ресурсов области произошли значительные изменения. Одновременно с увеличением численности трудовых ресурсов наблюдалось: 1) увеличение числа лиц, занятых в экономике; 2) увеличение численности безработных; 3) увеличение численности учащихся в трудоспособном возрасте, обучающихся с отрывом от производства; 4) снижение числа лиц, не занятых в экономике.

Согласно международным стандартам экономически активное население включает занятое население и безработных. Одним из

основных показателей является уровень экономической активности, который определяется как отношение экономически активного населения определенной возрастной группы к общей численности населения этой возрастной группы. Наиболее высокий уровень экономической активности отмечается у мужчин практически во всех возрастных группах, за исключением группы 65-72 года, то есть в возрасте, когда доля мужчин значительно ниже доли женщин в общей численности населения. В целом по всему населению уровень экономической активности мужчин на 14,3 процентных пункта выше, чем у женщин, в трудоспособном возрасте этот разрыв составляет 8,3%. Превышение уровня экономической активности у мужчин можно объяснить следующими причинами:

- в составе экономически активного населения мужчины составляют 53,6%, тогда как экономически неактивного населения – лишь 43%;
- уровень занятости у мужчин выше, чем у женщин, и составляет 61,2% против 48,4%, в том числе в трудоспособном возрасте – 72,5% против 65,4%;
- уровень безработицы у мужчин и женщин практически одинаков и составляет 10,2%;
- в общей численности граждан, ведущих домашнее хозяйство, доля мужчин составляет лишь 6,2%, тогда как доля женщин – 93,8%.

Половозрастные изменения уровня экономической активности населения происходят в зависимости от политики, проводимой в сфере образования, пенсионной системы, а также развитости системы социального обеспечения и других факторов. Так, низкий уровень экономической активности молодежи до 20 лет связан с необходимостью получения образования. У женщин рост и падение уровня экономической активности связан с семейными обязанностями по воспитанию и уходу за детьми, близкими родственниками. Экономическая активность лиц пенсионного возраста зависит от размера пенсии, состояния здоровья, развития системы услуг и т.д. Следовательно, за счет стимулирования получения молодежью обязательного образования, стимулирования рождаемости, более раннего или позднего выхода на пенсию можно менять уровень экономической активности населения и, соответственно, численность трудовых ресурсов.

Численность лиц, занятых в экономике, за период 1991-2001 годов сократилась на 233,8 тыс. человек, что равнозначно тому, что все трудоспособное население г. Волжского, Михайловки и Фролово

осталось без работы. Из общего числа занятого населения по месту основной работы трудятся, %:

- на предприятиях, в учреждениях, организациях – 88,4;
- в фермерских хозяйствах – 1,8;
- заняты предпринимательской деятельностью без образования юридического лица – 2,0;
- по найму физических лиц – 4,4;
- на индивидуальной основе – 3,5.

Увеличение численности занятого населения произошло за счет увеличения работающих в фермерских хозяйствах, по найму физических лиц и на индивидуальной основе. Численность же работающих на предприятиях, в учреждениях и организациях сократилась почти на 1%. Следствием нестабильной работы предприятий, задержки выплаты заработной платы и невысокого ее уровня по ряду отраслей стало развитие различных видов занятости. Дополнительные возможности для совместительства, а также необходимость поиска дополнительного источника дохода привели к распространению вторичной занятости. По данным обследования населения по проблемам занятости около 110 тыс. человек ищут дополнительную занятость или готовы работать больше. Значительные изменения претерпела и отраслевая структура занятости. В 2001 году численность занятых в материальном производстве по сравнению с годом предыдущим уменьшилась на 2,1%, а численность лиц, занятых в непроизводственной сфере, увеличилась на 1,3%. Кроме того, наблюдаются тенденции значительного снижения числа занятых на государственных и муниципальных предприятиях и организациях и увеличения численности занятых на предприятиях частной формы собственности и, особенно, смешанной формы собственности с иностранным участием.

Интересно отметить, что на протяжении последних лет прослеживается прямая зависимость между ежегодным увеличением численности выпускников профессиональных образовательных учреждений и увеличением численности и доли выпускников в числе безработных, зарегистрированных в службе занятости. Так, если за период 1999-2000 гг. численность выпускников учебных заведений увеличилась на 3,9%, то численность выпускников, обратившихся в службу занятости, увеличилась на 29%. В 2001 году на регистрируемом рынке труда Волгоградской области находился каждый пятый выпускник дневного отделения учебных заведений профессионального образования, при этом на одного и того же человека дважды

расходятся государственные средства: на обучение и на выплаты пособия по безработице. Такое положение дел дает основание утверждать, что существует огромный «отрыв» существующих программ подготовки специалистов, перечня профессий и т.д. от требований рынка.

Не имея возможности в рамках одной публикации дать развернутую характеристику всех процессов формирования, распределения и использования трудовых ресурсов в регионе и принимая во внимание остроту и исключительную важность решения проблемы занятости и использования трудовых ресурсов для экономического развития региона, полагаем, что все-таки главное направление в решении заявленной проблемы — это выявление и использование демографических резервов оптимизации процесса формирования и использования трудового потенциала, что влечет необходимость совершенствования условий жизнедеятельности людей, повышения уровня их благосостояния с учетом социально-демографических и профессиональных групп, сложившихся в регионе, усиления внимания к демографическим аспектам социально-экономического планирования, необходимость проведения социально-демографической экспертизы решений, принимаемых в области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волгоградская область в цифрах. 2002. Статистический сборник / Волгоградский областной комитет государственной статистики. — Волгоград, 2003.
2. Колеченков Н.В., Сологуб Л.Г. Что происходит в демографическом развитии России? // Социально-гуманитарные знания. — 2003. — № 3. — С. 201-211.
3. Прогноз численности населения Волгоградской области до 2016 года / Волгоградский областной комитет государственной статистики. — Волгоград, 2003. — С. 2.
4. Коница О.В., Мойсов В.В. Уровень доходов и структура потребления различных групп населения Волгограда // Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия: Матер. Межд. конф. «Информационные технологии в образовании, технике и медицине». — Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2002. — С. 97-111.
5. Яцышен В.В., Яцышена Т.Л. Характеристика состояния здоровья населения Волгограда за период с 1995-го по 2001 г. // Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия: Матер. Межд. конф. «Информационные технологии в образовании, технике и медицине». — Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2002. — С. 175-180.

Е. Жолдинова

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССОВ РОЖДАЕМОСТИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В ПЕРИОД С 1989 ПО 2000 гг.

В демографическом развитии Республики Казахстан за годы независимости произошли значительные изменения. За прошедшее десятилетие сократилась численность населения республики, снизилась рождаемость, увеличилась смертность и усилились миграционные процессы. Проблема сокращения рождаемости в 1989-2000 гг. стала актуальной для всех регионов Республики Казахстан, поскольку в большинстве областей ее уровень не обеспечивает даже простого воспроизводства населения (Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Павлодарская, Костанайская, Акмолинская, Карагандинская, Актюбинская, Западно-Казахстанская области) [1, с. 14]. Для Восточного Казахстана эта проблема является одной из наиболее важных, поскольку в 1996 году область прошла демографический крест [2, с. 8]. Это значит, что уровень смертности превысил уровень рождаемости и в регионе идет естественная убыль населения (депопуляция). На фоне снижения средней продолжительности жизни, увеличения коэффициентов смертности, высоких показателей младенческой смертности и абортот, отрицательного saldo миграции проблема сокращения рождаемости требует детального рассмотрения.

Общий коэффициент рождаемости (ОКР) является наиболее общей характеристикой процесса рождаемости, поскольку на него оказывает влияние возрастная-половая структура населения.

В 90-е годы XX века ОКР сократился практически в 2 раза — с 20,6‰ в 1989 году до 10,9‰ в 1999 году. За аналогичный период общий коэффициент смертности увеличился в 1,4 раза — с 8,7 до 12,1‰. Естественный прирост, составлявший в 1989 году 11,9‰, в 1996 году становится отрицательным (-0,2‰) [3, с. 48].

Наиболее интенсивно коэффициенты рождаемости сокращались в период с 1989 по 1996 годы, начиная с 1997 года динамика падения замедляется, постепенно ситуация стабилизируется.

Интерес представляет рассмотрение коэффициентов рождаемости у городского и сельского населения (рис. 1).

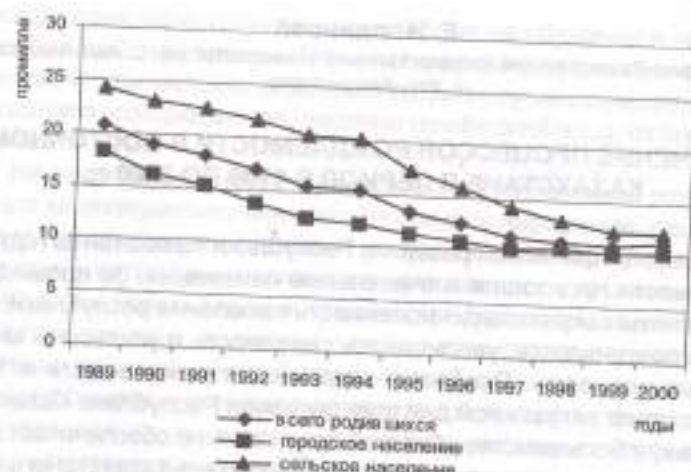

Рис. 1. Динамика ОКР у городского и сельского населения ВКО в 1989-2000 годах [2, с. 8-9; 3, с. 8]

В 1990-е годы коэффициенты рождаемости интенсивно сокращались как у городского, так и у сельского населения. Характерной чертой последнего десятилетия стало сокращение различий в уровне рождаемости между городским и сельским населением. Если в 1989 г. разрыв между коэффициентами рождаемости у городского и сельского населения был весьма значителен - 6‰, то к 2000 г. он уменьшился до 1,8‰. Общие коэффициенты рождаемости в сельской местности сокращаются несколько быстрее, чем в городской. ОКР за десятилетие в сельской местности сократился с 24,2 до 12,1‰, то есть в 2 раза, а в городской - с 18,2 до 10,3‰, то есть в 1,8 раза. При этом в городах ВКО с 1994 года идет естественная убыль населения, а в сельской местности даже в 1999 году естественный прирост был положительным и составлял 2,03‰ [2, с. 8].

В Восточно-Казахстанской области существует региональное различие рождаемости: в тех районах, где в основном преобладает казахское население, уровень рождаемости выше (14-20‰), чем в районах, где большинством населения являются русские (менее 13‰), что обусловлено более высокими установками на детность у казахского населения. Прослеживается еще одна закономерность: чем дальше от областного центра находится район, тем выше там уровень рождаемости. В городах Восточного Казахстана рождаемость традиционно ниже, чем в сельской местности (табл. 1).

Таблица 1

Дифференциация уровня рождаемости по городам и районам области в 2000 году [4]

Города и районы области	Общий коэффициент рождаемости на 1000 нас., ‰
Усть-Каменогорск, Зыряновск, Риддер, Глубоковский, Уланский, Шемонаихинский	До 10
Семипалатинск, Курчатов, Бородинский, Тескарагайский, Жарминский	11-13
Абайский, Катон-Карагайский, Кокпектинский, Курчумовский	14-15
Алгозский, Зайсанский, Тарбагатайский, Урднарский	16-20

Уровень рождаемости дифференцирован также по этническому признаку (%): доля новорожденных казахов составила 63,5, русских - 31,9, немцев - 1,5, татар - 1,2, при удельном весе этих национальностей в общей численности соответственно 48,5; 45,4; 2,1 и 1,6. При этом отец другой национальности - у 2,2% новорожденных казахов, 15,4% русских, 77,7% татар и 87,1% немцев [5], что свидетельствует также о высоком распространении межнациональных браков в Восточном Казахстане.

Возрастные коэффициенты рождаемости дают характеристику уровня рождаемости по возрастным когортам женщин, что позволяет узнать вклад каждой когорты женщин в итоговую рождаемость и дать более детальную характеристику процессу рождаемости.

Пик рождаемости, так же как и пик брачности, приходится на возраст 20-24 года и характерен как для города, так и для села (рис. 2 и 3).

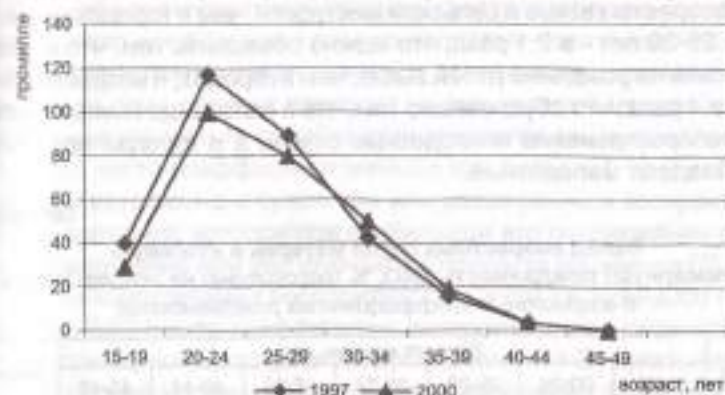

Рис. 2. Возрастные коэффициенты рождаемости в ВКО в 1997-2000 годах [6]

Снижение становится все более выраженным с возрастом, что является показателем возрастающей роли контроля над рождаемостью.

В период с 1997 по 2000 годы несколько увеличились коэффициенты рождаемости в возрасте 30-39 лет. Это можно объяснить либо запоздалой реализацией отложенных в предыдущие годы первых и вторых рождений, либо осознанным рождением еще одного ребенка в ответ на улучшение обстановки в стране.

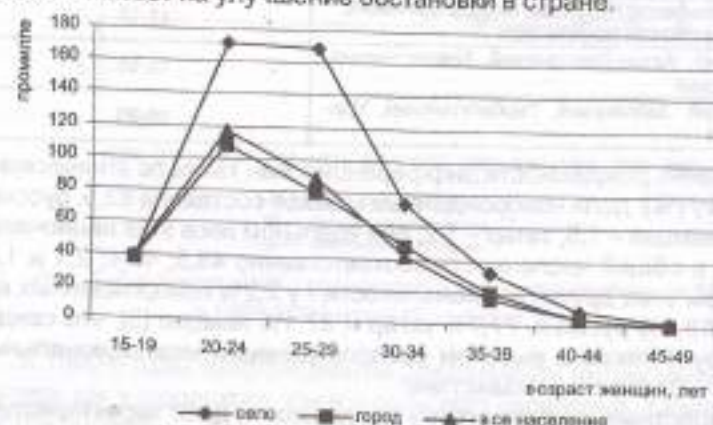

Рис. 3. Возрастные коэффициенты рождаемости у городского и сельского населения ВКО в 1997 году

Значительно различается уровень рождаемости у городского и сельского населения. Возрастные коэффициенты рождаемости по всем возрастам выше в сельской местности, чем в городской: в возрасте 25-29 лет - в 2,1 раза, что можно объяснить тем, что в селах установки на рождение детей выше, чем в городах; в возрасте 45-49 лет - в 4 раза, что обусловлено тем, что в селах еще имеют некоторое распространение многодетные семьи, а в городах все более преобладают малодетные.

Таблица 2

Вклад возрастных групп матерей в итоговую (суммарную) рождаемость ВКО, % (рассчитано на основе данных о возрастных коэффициентах рождаемости)

Годы	Возраст матери, лет							Итого
	до 20	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	
1997	12,96	37,97	28,94	13,79	5,11	1,14	0,10	100
2000	10,30	35,43	28,47	17,63	6,68	1,23	0,06	100

Данные табл. 2 позволяют сделать вывод, что в последние годы имеет место «постарение» рождаемости: доля рождений, приходящихся на возраст 15-24 года, сокращается, что свидетельствует о распространении контроля над рождаемостью.

Суммарный коэффициент рождаемости в ВКО является одним из самых низких в республике: в 1999 году в целом по республике он составил 1,8, а в ВКО - 1,4 [1, с. 15-16]. За десятилетие суммарный коэффициент рождаемости в ВКО сократился с 2,8 ребенка на одну женщину до 1,4, то есть в 2 раза, и в последние годы (1998-2000 гг.) стабилизировался на уровне 1,4 (рис. 4).

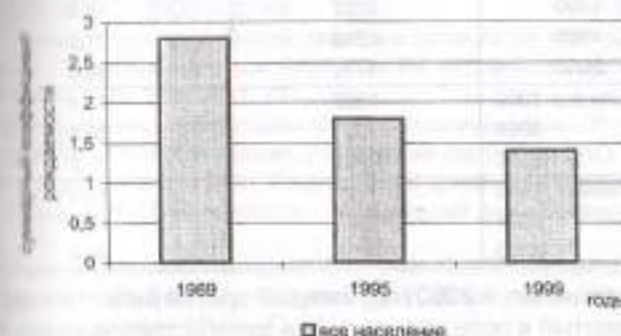

Рис. 4. Динамика суммарного коэффициента в ВКО в период с 1989 по 1999 годы

Важной характеристикой процесса воспроизводства населения служит нетто-коэффициент воспроизводства - число девочек, рожденных в среднем одной женщиной и доживающих до возраста матери. Если одна девочка приходит на смену своей матери (нетто-коэффициент равен 1), то наблюдается простое замещение поколений. Если нетто-коэффициент меньше или больше 1, то мы имеем дело соответственно с суженным или расширенным воспроизводством населения, которое при стабильном его поддержании обеспечит сокращение или увеличение численности населения [7].

Нетто-коэффициент воспроизводства в ВКО в 1999-2000 гг. составляет 0,67 (нетто-коэффициент воспроизводства рассчитан на основе суммарного коэффициента рождаемости). Это указывает на то, что текущий уровень рождаемости обеспечивает замещение поколений нынешних матерей лишь на 67%.

Характерной чертой последних десятилетий стал рост числа внебрачных рождений во многих странах мира. Это свойственно и Казахстану в целом, и Восточному Казахстану в частности, причем характерно как для городского, так и для сельского населения (табл. 3).

Число родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке [2, с. 26; 8]

Показатели по годам	Родившиеся в незарегистрированном браке [2, с. 26; 8]		
	абс. число, чел.	% от общего числа родившихся	
Все население: 1990	2657	16,4	
	1995	2268	21,0
	2000	4772	26,6
Городское население: 1990	1692	18,4	
	1995	1321	23,8
	2000	2762	30,2
Сельское население: 1990	965	13,9	
	1995	947	18,0
	2000	2010	26,6

Табл. 3 показатели за 2000

Табл. 3 показывает, в 2000 году каждый третий ребенок в городе и каждый четвертый в селе родились вне зарегистрированного брака.

Рост числа внебрачных рождений можно объяснить все большим распространением гражданских (незарегистрированных) браков. Но проследить уровень распространения гражданских браков в обществе невозможно, поскольку они нигде не фиксируются.

Таким образом, вышеприведенный анализ свидетельствует, что на процесс снижения рождаемости оказали влияние множество факторов: это и ухудшение социально-экономических условий жизни, и увеличение доли городского населения, и изменение репродуктивных установок.

Последствия низкой рождаемости ощущаются уже сегодня. Главное из них – это депопуляция населения, а другим последствием является демографическое старение населения, то есть увеличение доли лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения (что вызовет увеличение коэффициентов смертности), и связанное с ним постарение рабочей силы, что в перспективе может привести к нехватке трудовых ресурсов и, соответственно, к росту нагрузки на трудоспособное население.

ЛИТЕРАТУРА

- Женщины и мужчины Казахстана: Краткий статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. – Алматы: Агентство РК по статистике. – 2001.
- Демографический ежегодник Восточно-Казахстанской области. – Усть-Каменогорск: Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО, 2001.
- Демографический ежегодник Восточно-Казахстанской области. – Усть-Каменогорск: Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО, 2000.
- Социально-экономическое положение области за январь-апрель 2000 года. – Усть-Каменогорск: Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО, 2000. – С. 49.
- Социально-экономическое развитие области за январь-октябрь 2002 года. – Усть-Каменогорск: Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО, 2002. – С. 72.
- Демографический ежегодник «Женщины и мужчины». – Усть-Каменогорск: Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО, 2000. – С. 7.
- Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 65.
- Демографический ежегодник Восточно-Казахстанской области. – Усть-Каменогорск: Восточно-Казахстанское областное управление по статистике и анализу, 1995. – С. 24.

Д.А. Завалко

СШ № 29 г. Усть-Каменогорск

ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В XIX в.

В современных условиях строительства демократического государства закономерен интерес к истории отдельных наций и народностей, населяющих Казахстан.

Выбор периода для исследования – XIX в., был обусловлен тем, что только к этому времени появились наиболее достоверные и обширные данные по интересующему нас вопросу, в т.ч. и перепись населения Российской Империи 1897 г. под ред. Н.А. Тройницкого, которая была выбрана нами в качестве основного источника (тетрадь 16, «Семипалатинская Область»).

Название «татары», как свидетельствует один из источников — «О скифов до татар» [1], имеет домонгольские корни. Стоит различать два понятия «татары»: одно из них обозначает непосредственное название этнической группы, другое — собирательное название для группы племен, составляющих определенный комплекс, даже если в него входят племена разного происхождения (такое же разделение есть в понятии «монголы»). Долгое время татарами назывались все тюркоязычные народы каганата. В свою очередь, многие из них присваивали себе это название, т.к. на протяжении многих столетий оно олицетворяло стойкость, величие и непобедимость [2].

Существует несколько гипотез о происхождении этнонима «татары». Вот некоторые из них: когда началось монгольское нашествие, люди, видевшие передовые отряды армии, в ужасе кричали «тартары, тартары!», что означает «жители ада» (от греческого «тартар» — преисподняя, подземное царство мертвых). В переводе с китайского «та-та» («да-да») обозначает «тащить, тянуть» или «стрелок из лука». В тунисском языке также есть слова, похожие на название «татары», тогда в прямом значении оно переводится как «колонизатор». Также есть мнение, что этноним произошел от слов «тат» — гора и «ар» — житель, т.е. буквально «люди, спустившиеся с гор». В казахском языке есть слова «татыр» — солончак, «татыру» — уповать, «тату» — пробовать, дружный, «татулык» — дружба, хорошие приятельские отношения. Данияров К. считает, что название народа произошло от тех самых казахских слов «татыру» и «татулык» [3].

Татары как народ имеют достаточно различий, основанием для которых служит территория проживания, вероисповедание и даже внешний вид. И.В. Ерофеева указывает на то, что в зависимости от места проживания в официальных документах татар упоминают как «казанских», «крымских», «литовских», «оренбургских», «сибирских», «тобольских», «барабинских», «тюменских», «томских», «ишимских». Но эти группы не имели каких-нибудь существенных отличий, т.е. не являлись отдельными племенами [4].

Помимо территориальных, татары имеют также конфессиональные различия. Большинство татар исповедовали ислам суннитского толка, однако некоторые сибирские татары придерживались традиционных верований, в основе которых лежит шаманизм. Отдельные татарские меньшинства приняли к XV-XVIII вв. православие и стали называть себя «ногайбаками». Но в основном татарский народ исповедовал ислам. Татары были набожными людьми. Во многих родах до сих пор сохранились мечети, а также единственная на тер-

ритории Казахстана двухминаретная мечеть, находящаяся на территории г. Семипалатинска. В основном мечети строились на деньги зажиточных купцов.

По внешнему облику татары тоже различаются, причем довольно сильно. Это можно объяснить тем, что татарский народ был расселен по разным территориям. Родственные связи с народами, окружавшими татарские села в тех или иных местах, повлияли на их внешний облик: к примеру, казанские татары имеют европеоидный тип лица, а астраханские — монголоидный.

Достаточно хорошо систематизированы сведения по татарской диаспоре в Казахстане у И.В. Ерофеевой [4]. Она через ряд источников указывает на то, что развитие татарской диаспоры на территории Казахстана во многом происходило из-за использования российскими властями татар для определенных видов работы. В административно-управленческой практике российских пограничных ведомств наиболее востребованными видами деятельности на новоприсоединенных территориях империи являлись в XVIII веке посредническая торговля с «азиатами», политическая разведка, переводы с тюркских языков, обучение кочевников грамоте и исламу, то есть те важные сферы восточной политики государства, на которых специализировались выходцы из тюркоязычных народов. Поэтому уже с начала 40-х годов XVIII века пограничная администрация стала применять определенные стимулирующие меры для привлечения поволжских татар в Оренбургский край. Возникновение Сеитовской (Каргалинской) слободки имело очень большое значение для кочевого населения Казахстана, т.к. каргалинские татары сыграли определенную роль в развитии торговых связей казахов с русскими и среднеазиатскими торговцами. Также именно из этой слободки в течение двух столетий татарские толмачи и муллы растекались по аулам в разные точки степи. В XVIII-первой трети XIX века оренбургские и сибирские пограничные власти испытывали дефицит в опытных толмачах. Поэтому широко привлекались служилые татары для переводов письменной корреспонденции на тюркских языках, ведения дипломатических переговоров с казахскими ханами и султанами, а также для сбора необходимой разведывательной информации о событиях в казахских степях и настроениях главных лидеров кочевников. Однако в последующие десятилетия царское правительство, опасаясь распространения ислама в степи, решило отказаться от услуг татар и заменить их на служащих христианского вероисповедания.

Перепись населения 1897 года, охватившая всю территорию Российской Империи, кроме Финляндии, проводилась по состоянию на 28 января, по составу населения на эту дату исправлялись приварительно заполненные (декабрь 1896 г. – январь 1897 г.) переписные листы. Они заполнялись счетчиками (в селениях) и квартироводами (в городах). Переписные листы содержали 14 вопросов: положение к главе хозяйства и к главе семьи, возраст, семейное состояние, сословие, место рождения, место прописки, место постоянного жительства, отметка об отсутствии или временном проживании, вероисповедание, грамотность, родной язык, занятие, положение по воинской повинности, отметка о слепых, глухих и умалишенных.

На основе исследования источника [3] можно сделать вывод, что первые переписи населения на территории Казахстана были неравноценны по своему значению. Некоторые были первыми по времени проведения, другие – по значимости. Переписи были однократными, т.е. приурочивались к определенному дню. При проведении в 1876 году переписи Кустанайского уезда чиновником особых поручений А.А. Тилло было сказано: «Провести общую народную перепись в степи невозможно». Это утверждение довольно справедливо, т.к. из-за большого количества кочевого населения на территории Казахстана учет состава всех кочевых племен не производился в течение многих лет.

Перед проведением Первой всеобщей переписи населения Российской Империи была предпринята серия выпусков со сведениями о волостях, в т.ч. четыре выпуска по областям Казахстана (Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Семиречинской). В результате проведения подворных и поселенных переписей был накоплен определенный опыт в этой области. Программа по проведению переписи была разработана в 1895 году. Большое затруднение вызвало требование однодневного проведения переписи – в среде кочевого населения оно было неприемлемо, поэтому для них были сделаны некоторые отступления. Перепись в степных районах проводилась в ноябре-декабре, когда кочевка осложнялась буранами. К 1 января 1897 года перепись по Казахстану была закончена.

Для выяснения положения татарской диаспоры в Восточном Казахстане в XIX в. нами была проанализирована «Первая всеобщая перепись населения Российской Империи» 1897 года под ред. Н.А. Тройницкого, тетрадь 16, «Семипалатинская Область». В ее основу лег опыт проведения местных переписей. В этой переписи

первое население не делилось на постоянное и временно пребывающее, которое отнесли к числу иностранно-подданных. Перепись издавалась тетрадями по губерниям, за исключением таблицы «Занятия населения», издаваемой по области. Перепись содержит много материала и включает в себя несколько видов таблиц: «Наличное и постоянное население», «Распределение населения по хозяйствам и составам таковых», «Численность населения по 10-летним возрастным группам», «Распределение населения по полу, возрасту и грамотности», «Дети моложе 1 года по месяцам возрастов», «Семейное состояние», «По сословным группам и месту рождения», «Неместные уроженцы по месту рождения», «Распределение по вероисповеданиям», «Распределение по родному языку», «Физические недостатки», «Распределение по занятиям». Таким образом уменьшается количество ошибок и недочетов в материале: он проверяется по многим параметрам. Подсчеты в данной переписи, как и в предыдущих, производились с помощью счетных машин Германа Голперита.

На 1897 г. население Казахстана составляло 4177910 чел., причём татар было 55984 чел., т.е. 1,34% от общей численности.

Если сравнить численность татарского населения в разных населенных пунктах, то заметна тенденция татарского населения к жизни в крупных и развитых городах. Тем не менее, к концу XIX в. татары проживали во всех регионах Казахстана (за исключением Сырдарьинской области), в том числе и в сельской местности. По материалам переписи татарский язык в Семипалатинской области находился на 3-м месте по распространенности (9,940 тыс. чел.). Татары по вероисповеданию относились к подавляющей части населения в области – магометанам (89,8%).

По роду занятий татарского населения в Семипалатинской области следующее распределение, чел.: непромысловые отрасли – 832, добывающие – 2880, обрабатывающие – 5696, пути сообщения – 2759, торговля – 6485, прочие занятия – 823 (рис. 1). Таким образом, можно сделать вывод, что работа в сфере торговли была наиболее распространенной среди татарского населения. Это обуславливается приобретенными чертами народа (способностям к вычислениям), а также традициями семейного уклада. Также ясно, что, по-видимому, некоторые татары занимались работой одновременно в нескольких сферах, т.к. сумма процентных соотношений больше 100%.

Рис. 1. Занятия татарского населения, Семипалатинская область, 1897 г.

Среди татарского населения Семипалатинской области были представлены следующие сословия, %: мещане – 60,8, крестьяне – 19,6, инородцы – 13,7, купцы – 5,24, войсковые казаки – 0,4, почетные граждане и их семьи – 0,2, а также потомственные дворяне и их семьи, личные дворяне и др. (рис. 2).

Рис. 2. Сословия (чел.). Семипалатинская область, 1897 г.

Количество грамотных среди мужчин и женщин у татар было примерно одинаковым, при этом по уровню грамотности татары значительно опережали русское и казахское население.

Анализ переписи населения 1897 года позволяет довольно точно определить динамику численности татарского населения и место этого народа в социальной сфере (рис. 3-5).

Рис. 3. Уровень грамотности у татар (чел.)

Рис. 4. Уровень грамотности русских, казахов и татар (в %). Семипалатинская область, 1897 г.

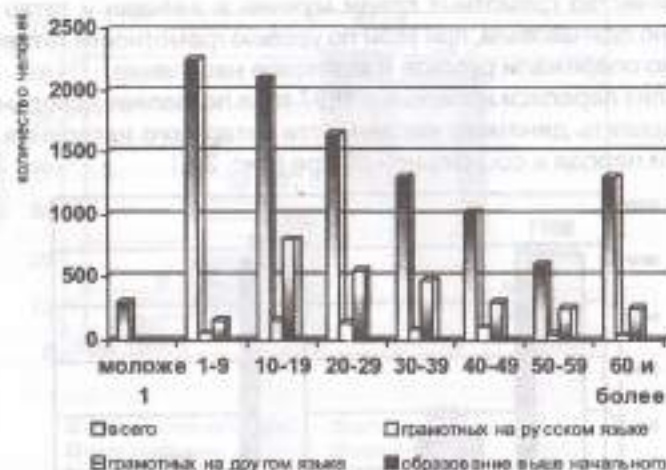

Рис. 5. Соотношение возрастов и грамотности (чел.), 1897 г.

Таким образом, анализ переписи населения 1897 года позволяет увидеть объективную картину положения татарского населения в Восточном Казахстане в XIX веке. Важную роль в развитии татарской диаспоры на этой территории сыграло привлечение правительством татар для выполнения различных разведывательных, переводческих и других работ. Также определенное значение в жизни татарского народа имели национальные черты характера и predisposition к определенным видам деятельности, что обусловило успехи выходцев из татар в ремесле и торговле, их довольно высокий уровень жизни (81% татар являются мещанами) и высокий уровень грамотности.

ЛИТЕРАТУРА

1. От скифов до татар. Брошюра издана по разрешению татарского городского и татаро-башкирского областного национальных общественно-культурных алматинских центров. – Алматы. – С. 33-36, 51, 66-68.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. – Изд-во института ДИДИК, 1997. – С. 431-434.
3. Данияров К. История Отечества. – Алматы: «Иль-Дан», 2000. – С. 244-246, 433-435.
4. Ерофеева И.В. Формирование татарской, немецкой, польской и других диаспор // История Казахстана: Народы и Культуры. – Алматы: «Дайн-Пресс», 2001. – С. 230-235.

Қ.Р. Иқамбаева

Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті, Өскемен қаласы

1979-1989 ЖЫЛДАРЫ САНАҚАРАЛЫҚ КЕЗЕҢІНДЕГІ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ХАЛҚЫ

Экономикалық, әлеуметтік және саяси факторлардың қатарындағы мемлекеттің демографиялық факторы қоғамдық дамудың негізгі факторы болып саналады. Оның барлық деңгейдегі кәсіптік талдаусыз елдің әлеуметтік және экономикалық дамуын болжауға болмайды.

Экономиканың барлық салаларын көтермейінше әлеуметтік үдеріс бола алмайды, ол біріншіден – адаммен, қызметкермен, халықпен байланысты.

Қазіргі уақытта объективтік демографиялық суретті құру үшін Қазақстан Республикасының мемлекеттік сәйкестігі мен қоғамдық бірлікті қалыптастырудың негізгі факторларының бірі қажет.

Тарихи негіздемелер мен тарихи тамырларды ұқпайынша қазіргі және келешектегі демографиялық мәселелерді ғылыми түсіну мүмкін емес. Осыған байланысты қазіргі уақытта келешектегі тарихи пендердің қатарында есептелетін тарихи демографияның мағынасы өсіп келеді. Тарихтағы «ақ дақтар» туралы мәліметтер өте көп, бірақ тарихи өткенді шолудағы демографиялық талдау жан-жақты өткізілгеннен кейін ғана оны түбегейлі түсіну мен объективтік бағалау болады. Қазақстан бойынша толық ахуалды қорытындылау үшін республиканың жеке аймақтарының демографиялық дамуын жалпы және ерекше қарастыру осы мақсатты жүзеге асыруда өзекті көрсетіледі.

XX ғасырдың екінші жартысындағы Шығыс Қазақстан халқының демографиялық көрінісі республиканың аумағына қыруар елден қуылған халықтармен, өнеркәсіп салаларының қоныс ауыстыруымен, Ұлы Отан соғысында адамдық ресурстардың көшірілуімен тың көтеру кезіндегі көші-қонмен және басқалармен сипатталады.

Бұл жергілікті сол елдің санының күрт қысқаруы негізінде еуропалық, әсіресе орыс елінің қат-қабат өсуіне жол берді. 1989 жылдың халық санағының деректері бойынша орыс халқының 914619 адам, жергілікті қазақ халқының 686647 адам саны есептелді. Қазақстанның 1979-1989 жылдардағы әлеуметтік-экономикалық өмірінде болған оқиғалары мен өзгерістері, экономикалық дамудың баяулауы, «қайта құрудың» басталуы демографияда, аймақ халқының сандық

динамикасында, көші-қон процесінде, халықтың сапалы мінездемелерінде өз ізін қалдырды.

Республиканың саяси және әлеуметтік-экономикалық дамуы мен әлеуметтік-демографиялық процестері қиын жағдайда өтті. Орталық экономиканы басқаруды өздеріне бағындыру арқылы кен өндіруші салаларына көп мағына бөлген, бірақ қайта өңдеу кәсіпорындарының дамуына назар аударғылары келмеген. Нәтижесінде ауылдың және қалалық тұрғындардың тұрмыс деңгейі алшақтап кетті. Дәл осы жылдары басқарудың өміршілдік-өкімшілік жүйесінің ерекшеліктері көрсетілді: экономикалық жағдай жасауға және ұлттық кадрларды дайындаудағы Қазақстанның ынтасын елемеді, әлеуметтік-инфрақұрылым салалары баяу дамыды. Осы кезеңде республика ішінде экологиялық жұтау зоналарынан көшіп-қону, ТМД елдеріне көшіп-қонудың өсуі, жұмыссыздық, дүниеге келудің төмендеуі, өлім-жітімнің ұлғаюы сияқты тарихи-демографиялық жоспардағы көптеген мәселелердің өзектілігі мен көкейтестілігі пайда болды. Республика, Шығыс Қазақстан облысы өміріне келесі онжылдықта осы кезеңге тән барлық әлеуметтік-демографиялық үрдістер қозғалып және көптеген кері әсерлі құбылыстар туғызуға себеп болды.

1979 жылы Қазақстан халқының барлық саны 14684293 адам болды. 1970 жылмен салыстырғанда 12,9%-ға өсті, 1989 жылдан бастап 10 жылдың ішінде ол 16464464 адамға немесе 12,1%-ға өсті, дегенмен де халықтың саны абсолюттік жағдайда 1780181 адамға өсті, ҚСРО құрамындағы үлес салмағының көрсеткіші 0,8 тармаққа түсті.

1979 жылы Шығыс Қазақстан облысы бойынша барлық халықтың саны 883000 адам, ал 1989 жылы халық саны 45000-ға дейін өскен 939000 адам болды.

1979 жылы дүниеге келген балалардың саны 18013 адам, ал 1989 жылы 270-ке кем 17743 адамды құрастырды, сонымен қатар осы кезеңде қайтыс болған адамдардың саны 714 адамға өсті. Шығыс экономикалық ауданына кіретін Шығыс Қазақстан мен Семей облыстарында Қазақстан бойынша 1979-бен 1989 жылдар аралығында халықтың өрлеу қарқыны ең төмен.

Халықтың өрлеу қарқыны Шығыс Қазақстанмен салыстырғанда Семей облысында шамамен екі есе жоғары. 1979 жылмен салыстырғанда 1989 жылы халық шығыс экономикалық ауданында 6,6%-ға, Семейде 7,8%-ға, Шығыс Қазақстанда 5,3%-ға өсті. Халық санының барынша жоғары өрлеу қарқыны оңтүстік және батыс экономикалық аудандарында байқалған болатын (1 кесте).

1979-1989 жылдардағы ШҚО бойынша халықтың табиғи қозғалуы (санақаралық кезең)

Жылдар	Халық	Туған балалардың саны	Қайтыс болғандардың саны	Халық санының табиғи өсуі
1979	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	18013 10835 7178	8219 5198 3021	9794 5637 4157
1980	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	17673 10568 7105	8813 5504 3309	8860 5064 3796
1981	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	17902 10409 7493	8475 5292 3183	9427 5117 4410
1982	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	18135 10573 7562	8588 5402 3186	9547 5171 4376
1983	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	18354 10492 7862	8991 5630 3361	9363 4862 4501
1984	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	18533 11394 8139	9744 6122 3622	9789 5272 4517
1985	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	18892 10597 7935	9124 5802 3322	9768 5155 4613
1986	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	19347 11194 8153	8227 5259 2968	11120 5935 5165
1987	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	19384 11580 7804	8280 5288 2992	11084 6272 4812
1988	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	18708 11178 7530	8753 5695 3058	9955 5483 4472
1989	Барлығы, соның ішінде: қаланың ауылдың	17743 10238 7505	8933 5917 3016	8810 4321 4489

Дәстүр бойынша Кеңес уақытында қазақ халқы Қазақстанның оңтүстігі мен батысында көп орналасты.

1979 жылмен салыстырғанда 1989 жылы қазақстандықтардың саны 23,6%-ға өсті және жалпы халық өсуінің 70%-ын олардың үлесі

құрады. Жергілікті халықтың өсу қарқынының ең төмені шығыс экономикалық ауданында – 15,1%, ал ең жоғарысы оңтүстік экономикалық ауданында болды. Осы жерде қазақстандықтардың саны 1989 жылмен салыстырғанда 1989 жылы 23,6%-ға өсті.

Жалпы осы жылдары қазақстандықтардың өсуі Ресей, Өзбекстан, Түрікменстан, Қарақалпақстаннан қазақтардың көшіп келуімен байланысты қамтамасыздандырылды. Сандық өсудің өте жоғары қарқыны өзбектерде, ұйғырларда, түріктерде байқалған болыпты. 1970-1979 жылдарда – 9,1%. 1979-1989 жылдарда – 15%.

Орыстардың сандық өсу қарқыны біршама төмен. 1989 жылмен олардың халқының жалпы сандық өсуі 13,2% болды.

Сонымен 1979-1989 жылдарда республика халқының жалпы саны көбейді, бірақ оның өсу қарқыны Шығыс Қазақстан облысына да 2-ші кестеде көрсетілгендей біршама төмендеген болатын.

2 кесте

1979-1989 жылдардағы ШҚО бойынша халық санының көші-қондық өсуі (санақаралық кезең)

	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Халық санының көші-қондық өсуі, барлығы (мың адам)	1,2	0,5	-	-	0,2	1,6	0,5	1,1	1,0	1,1	0,9
Қала халқы	4,1	2,7	2,9	2,3	2,7	2,6	3,5	4,4	4,7	2,3	-
Ауыл халқы	2,9	2,2	2,9	2,5	1,1	2,1	2,4	3,4	3,6	3,2	-

Абсолюттік санның бірталай өсуі тек қана қазақ халқының көпшілігі тұратын облыстарда байқалған болатын.

Жалпы өсудің демографиялық қоры болғандықтан қазақ халқында оңтүстік және батыс компоненттерінің үлесі Шығыс Қазақстанға қарағанда жоғары болған.

Халықтың жалпы өсуі, бізге белгілі маңызды екі факторға байланысты: табиғи өсуіне (азаю) – туылғандар мен қайтыс болғандар санының айырымы және механикалық өсуіне (азаю) – көшіп келгендер (иммигранттар) мен көшіп кеткендер санының (эмигранттар) айырымы. 1979-1989 жылдардағы санақаралық онжылдық ішінде халықтың табиғи өсуінің қозғалыстары байқалды.

Осылай 1979 жылы тұрғындардың табиғи өсуі 16,3 промиллені құрады. 1980 жылы ол 15,9%-ға азайды, бірақ 1981 жылы ол қайта-

дан 16,3%-ға көтерілді, ал 1989 жылы тағы да 15,4%-ға азайған табиғи өсу негізгі тұрғындары қазақтардан тұратын ауылдың көрсеткіштері арқасында болған.

1979-1989 жылдары орыстардың саны ШҚО-да 3,1%-ға, жалпы республика бойынша 13,7%-ға өсті. 1980 жылдары Оңтүстік Қазақстан облысында ШҚО-мен салыстырғанда орыс халқының саны күште төмендеді. Олар 1979 жылмен салыстырғанда 1989 жылы 3,1%-ға азайды.

Халықтың табиғи өсуінің қозғалыстары, ең алдымен дүниеге келу көрсеткіштерімен байланысты. 1979 жылы туған балалардың саны – 21,7; 1980 жылы – 22; 1981 жылы – 22,4; 1985 жылы – 22,3; 1987 жылы – 22,7; 1988 жылы – 21,5; ал 1989 жылы бұл көрсеткіш 20,3 промиллеге дейін төмендеді.

1979 жылдан 1989 жылға дейін ШҚО-да дүниеге келудің ең төменгі (18,9) коэффициенті байқалды. 1979 жылы қазақтардың дүниеге келген жиынтық коэффициенті 5,7 болды, ал 1989 жылы 1979 жылдың деңгейіне қарағанда 61,9%-ды құрастыратын 3,36 болды.

Дүниеге келген адамдардың ең жоғары коэффициенті Шымкент (31), Қызыл-Орда (29,8) облыстарында байқалды. Одан кейінгі жылдары қала мен ауылда дүниеге келу саны азайды, қалада бұл үрдіс қарқынды өтті:

1980 жылы – 4 тармақ;

1988 жылы – 7,4 тармақ.

Дүниеге келу көрсеткіштеріне отбасылық қарым-қатынастар ықпал етеді. Қазақ отбастарының балалар саны төмендеп бара жатыр. Қазақстанда 1979 жылғы санақ деректері бойынша қазақ отбасының орташа мөлшері – 5,5; орыс отбасы – 3,6 адам болды.

80-шы жылдардың екінші жартысында қазақтардың балалы бола алатындарының орташа мөлшері 2,7-ден 4,5-ке дейін болды.

1979-1989 жылдардағы санақаралық кезеңде некелесу коэффициентінің төмендеуі және ажырасу коэффициентінің өсуі байқалған.

Тіркелген некелердің саны:

1980 ж. – 10,6; 1985 ж. – 10,1; 1986 ж. – 10,1; 1987 ж. – 9,9; 1989 ж. – 10,0 промилле болса, ал ажырасқандардың саны: 1980 ж. – 2,6; 1989 ж. – 2,8 промиллені құрастырғанын 3-ші кестеден көруге болады.

1979-1989 жылдардағы ШҚО бойынша тіркелген некелесу мен ажырасудың саны (санақаралық кезең)

	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Тіркеген неке саны (бірлік):	9674	9602	9872	9477	9389	8750	8854	9245	9266	9243	9279
қала халқы	6377	6263	6659	6351	6335	5805	5834	6299	6519	6532	6236
ауыл халқы	3297	3239	3213	3126	3054	2945	3020	2946	2747	2711	3043
Ажырасқандар саны (адам):	2487	2978	3010	2774	3335	3029	3251	3359	3589	3457	3310
қала халқы	2259	2665	2707	2438	2901	2598	2815	2852	3036	2920	2828
ауыл халқы	228	313	303	336	434	431	436	507	553	537	482

1989 жылы жалғызбастылар саны пайызбен есептегенде ең көп Шығыс Қазақстан облысында – 8%, Семей облысында – 4,5%, Алматы облысында – 4,8% болды. Халық санының табиғи өсуінің көрсеткіштері өлімпаздық көрсеткіштерімен байланысты екенін қарастырайық. 80-ші жылдардың аяғынан қайтыс болу көрсеткіштері жоғары болғандығы сипатталынған (4 кесте).

1979-1989 жылдардағы ШҚО бойынша туу мен өлімнің жалпы коэффициенттері (санақаралық кезең)

	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Туудың жалпы коэффициенті (%):	20,5	20	20,1	20,5	20,4	21,7	20,8	21,2	21,0	20,1	-
қала халқы	20,1	19,3	18,8	18,8	18,3	19,6	18,6	18,7	18,9	17,9	16,8
ауыл халқы	21,0	20,9	22,1	22,4	23,5	24,6	24,0	24,6	23,4	23,1	22,9
Қайтыс болғандар саны (адам):	8219	8813	8475	8588	8991	9744	9124	8227	8280	8753	8933
еркектер	4401	4645	4489	4576	4597	5041	4665	4032	4132	4273	4518
әйелдер	3818	4168	3986	4012	4394	4703	4459	4195	4148	4480	4415
Қала халқы:	5196	5504	5292	5402	5630	6122	5802	5259	5288	5695	5917
еркектер	2749	2884	2798	2851	2756	3125	2893	2507	2615	2742	2945
әйелдер	2446	2620	2494	2551	2875	2997	2909	2752	2673	2953	2972
Ауыл халқы:	3021	3309	3183	3186	3361	3622	3322	2968	2992	3058	3016
еркектер	1652	1761	1691	1725	1942	1916	1772	1525	1517	1531	1573
әйелдер	1369	1548	1492	1461	1519	1706	1550	1443	1475	1527	1443
Өлімнің жалпы коэффициенті (%):	9,3	10,0	9,5	9,6	10,0	10,8	10,1	9,0	9,0	9,4	9,5
еркектер	9,6	10,1	9,5	9,6	9,8	10,5	9,8	8,8	8,6	9,1	9,7
әйелдер	8,8	9,7	9,4	9,4	10,1	10,9	10,1	9,0	9,0	9,4	9,2

1989 жылы республика бойынша қайтыс болу коэффициенті – 7,6 промилле, қала халқы арасында – 7,7 промилле, ауыл халқы арасында – 7,4 промилле болды.

Сол жылдары Шығыс Қазақстан облысында ең жоғары коэффициент байқалған болатын – 9,5 промилле (қалада – 9,7; ауылда – 9,2).

Бала шетінеушілігінің көрсеткіштері 5-ші кестеден байқалғандай ауылда 1987 жылдан бастап, сонан соң қалада 1988 жылдан бастап жалпы кеңестік көрсеткіштерден асып кетіп (24 промилле), 25,9-дан 29,8 промиллеге дейін өсті.

Семей облысында сәбидің шетінеушілігі – 3,4 промилле, ШҚО – 0,5 промилле болды.

5 кесте

1979-1989 жылдардағы ШҚО бойынша 4 жасқа дейінгі туу мен өлімнің жалпы коэффициенттері

	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Бір жасқа толмаған балалардың өсіну саны (адам):	562	571	569	595	649	670	521	502	549	515	481
қала халқы	334	325	286	317	322	334	260	255	289	275	248
ауыл халқы	228	246	283	278	327	336	261	237	260	240	213
Сәбилердің шетінеушілігінің коэффициенті (%):	31,2	32,3	31,8	32,8	35,4	34,3	27,6	25,9	28,3	27,5	26,0
қала халқы	30,8	30,7	27,5	30,0	30,7	29,3	23,7	29,7	25,0	24,6	24,2
ауыл халқы	31,8	34,6	37,8	36,8	41,6	41,3	32,9	29,1	33,3	31,8	28,4
Халық санының табиғи өсуі:	9794	8980	9427	9547	9369	9789	9768	11120	11084	9955	8810
қала халқы	5637	5064	5117	5171	4862	5272	5155	5635	6272	5483	4321
ауыл халқы	4157	3796	4410	4376	4507	4517	4613	5185	4812	4472	4489

Халықтың ұдайы өндірісінің көрсеткіштеріне жыныстық жас құрамы ықпал етеді.

Оны 1979 жыл мен 1989 жыл санағының деректері бойынша қарауға болады. 1979 жылы еркектердің үлес салмағы – 48,2%, әйелдердің үлес салмағы – 51,8% құрады. 1989 жылы еркектердің үлес салмағы – 48,4%, әйелдердің – 51,6% болды.

Осы жылдары үйлесімсіздік қарқынының теңестіруімен әйелдер санының өсуі байқалған. ШҚО-да 1989 жылы еркектер мен әйелдер

дердің үлес салмағының қолайлы ара қатынасы байқалады. 1989 жылы ШҚО тұрғындарының орта жасы – 30,1 жас, ал ел орташа жас Оңтүстік Қазақстанда – 26,6 жас (қалада). ШҚО ауылдық тұрғындарының орташа жасы қаламен салыстырғанда 4,1 болады.

Санақаралық онжылдықта Қазақстанда халықтың «қартаю» бөталыстары байқалған болатын (қартайып бара жатқан адамдар санының көбеюі барысы). Осы деңгейдің ең жоғары үлес салмағы ШҚО-да – 13,1%; Батыс экономикалық ауданында – 11,8%; Солтүстік экономикалық ауданында – 11,1%; Орталықта – 10,5%; Оңтүстікте – 8% тұрады. Халықтың қартаю мәселелерін шешу өте қажетті деп саналады.

Сонымен қатар, осы жылдарда түпкілікті халықтың абсолютті өсуі екі фактормен байланысты:

- 1) салыстырмалы табиғи өсуімен;
 - 2) дұрыс көші-қонның айырмасымен.
- 80-ші жылдардың аяғынақ әсіресе ауыл жерлерінде, сондай-ақ экологиясы нашар жерлерде, соның ішінде балалардың қайтыс болу саны тез ұлғайып кеткені байқалды.
- 1979-1989 жылдарындағы санақаралық кезеңде барлық республика халқымен салыстырғанда ШҚО тұрғындарының орташа жасының «қартаю» байқалады, ҚСРО халқымен салыстырғанда жасару барыстары байқалады (РСФСР - 34,7; ШҚО - 30,1).

К.С. Калиева

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

МАТЕРИАЛЫ ЦДНИ ВКО О ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Основными источниками информации в демографии являются переписи населения; текущий статистический учет демографических событий, осуществляемых непрерывно; текущие регистры населения; выборочные и специальные обследования.

Что следует понимать под переписью населения? В формулировке экспертов ООН перепись населения есть «общий процесс

сбора, обобщения, оценки, анализа и публикации демографических, экономических и социальных данных о всем населении, проживающем на определенный момент времени в стране или четко определенной части» [1].

При организации современных переписей населения во многих странах мира руководствуются следующими равнозначными по отношению друг к другу и не выстроенными в какой-либо обязательной иерархии принципами:

1. Всеобщность охвата населения территории, на которой проводится перепись, т.е. учет каждого без исключения (но и без двойного счета), независимо от каких-либо статусных характеристик человека: пола, возраста, национальности, социального положения, наличия права на проживание в данном жилище или местности и т.п. Этим качеством перепись населения отличается от учетов населения в прошлом и от всех других обследований населения, в них же учитывались лишь определенные категории населения.

При проведении переписи соблюдение данного принципа представляется одной из самых больших трудностей.

2. Периодичность (или регулярность) проведения переписи населения через равные промежутки времени, обычно через 10 или 5 лет. Такие промежутки времени, кратные 5 годам, выбираются для обеспечения сопоставимости данных переписей о возрастной структуре населения.

3. Безотносительность целей переписи населения к каким-либо конкретным интересам государства (налогообложение, сведения о численности молодежи призывного возраста и др.). Перепись населения не связывается ни с какими административными мероприятиями, не затрагивает ни имущественных, ни личных интересов отдельных граждан. Вместе с тем переписи населения проводятся для удовлетворения потребности как государства в информации, необходимой для управления народным хозяйством, так и общества в информации о составе населения в целом.

4. Проведение переписи населения по единой программе и единым правилам на всей территории, охватываемой переписью. Соблюдение этого принципа необходимо для получения сопоставимых итогов. Изменение вопросов переписных листов в одной части страны приведет к тому, что они не будут сопоставимы.

5. Индивидуальность регистрации (иначе поименность). Сбор сведений о каждом человеке идет по отдельности.

6. Непосредственное получение сведений у населения. Такие сведения нужны данные о реальном, а не бумажном населении (через определенные документы – паспорта и учетные документы отделов кадров, в паспортных отделах полиции, военкоматах, домовых книгах и т.д.).

7. Анонимность сведений, получаемых от населения при переписи, т.е. гарантия тайны любой информации, получаемой из опроса людей при переписи.

8. Принцип самоопределения, т.е. запись в переписные листы ответов респондентов с их слов без предъявления каких-либо документов, подтверждающих достоверность сообщаемых сведений.

9. Одновременность переписи, т.е. приурочение переписи к одному моменту времени (критический момент переписи населения).

10. Централизованное руководство проведением переписи. Переписи являются ценнейшими историческими источниками, содержат обширный и разнообразный материал, с другой стороны это источники своего времени, своей определенной исторической эпохи. По существу, в переписях населения заложены научные основы для объективной характеристики населения по весьма широкому спектру социальных и демографических показателей.

Для того чтобы эффективно использовать информацию, нужно иметь некоторое представление о ее происхождении. После чего можно оценить возможности информации, ее достоинства, пределы использования, недостатки, связанные прежде всего со способами ее собирания.

В Казахстане первая самостоятельная всеобщая перепись населения была проведена в 1999 году, т.е. через восемь лет после обретения статуса суверенного государства. Уже изданы четыре тома с итогами этой переписи [2]. А начало переписи населения в Казахстане было положено во второй половине XIX века, со времени, когда его территория входила в пределы нескольких краев, губерний, областей Российской Империи, когда в городах, связанных с Казахстаном, были образованы местные статистические комитеты [3, с. 8, 26]. Правда, если проигнорировать такой важный принцип переписей населения, как «безотносительность целей переписей населения к каким-либо конкретным интересам государства (налогообложение, сведения о численности молодежи призывного возраста и др.)», то в таком случае начальную историю переписей населения Казахстана можно будет начинать не с 70-х годов XIX века, а с XVIII

века времени включения в состав Российской Империи некоторых территорий Казахстана. В то время в России сведения о населении собирали посредством проведения ревизий, учетов крестьян, купцов, входивших в податные сословия населения страны. В Российской Империи было проведено десять ревизий: в 1744-1745, 1763, 1782, 1795, 1811, 1833, 1850, 1857 гг. [4]. О податном населении, жившем, например, на территории современного Восточного Казахстана, в XVIII веке учитывалось в ревизских списках (в частности, в четвертом и пятом), о чем говорится в ряде публикаций, построенных на архивных источниках.

Не будучи в полном смысле переписью населения, не соответствующая и другим принципам переписи, ревизские данные, однако, и сегодня не потеряли своей научной ценности как историко-статистический материал. Что касается самих переписей населения, то их история в рамках Казахстана началась с 1 марта 1870 года с однодневной переписи города Верного. В 1871 году подобную перепись провели в городе Копале и его станице. Значительным событием была перепись Николаевского (Кустанайского) уезда, проведенная в 1876 году чиновником особых поручений, членом Оренбургского отдела РГО А.А. Тилло. В 1877 году была проведена однодневная перепись населения во всех городах Акмолинской области, а в 1879 году – снова в городах Верном, Копале, а еще и в станице Лепсинской. В 1882 году такую же перепись провели в городе Семипалатинске. В 1885 году состоялась подворная перепись казахского населения Уральской области, а в 1896 году провели перепись населения пяти поселений Александровской волости и станицы Усть-Каменогорской. Кроме перечисленных восьми переписей населения, проведенных в 70-90-х гг. XIX в. в различных частях современного Казахстана, отметим еще один вариант переписей тех лет, касающихся численности казахского населения территории будущего Казахстана: один раз в три года проводилась перепись кибиток с целью сбора не подушной, а кибиточной подати. Сведения должно было доставлять само население. Зная цели учета, оно стремилось к сокращению кибиточной подати. И потому данные о казахском населении края были еще менее точны в сравнении с другими. Так в целом обстояли дела с переписью населения на территории Казахстана вплоть до 1897 года, до времени проведения Первой Всероссийской переписи населения. К первым переписям, связанным с некоторыми территориями Казахстана, прибавилась перепись,

охватившая все его пределы. Сразу после проведения всеобщей переписи населения (в 1897 году) на территории Уральской области зародилась практика составления посемейных списков казахского населения, ведения его учета с помощью специальных картонных регистраций казахского населения по метрическим книгам начальных в Семиреченской области (в 1898 году). Рассылать специальные учетные карточки в Уральской области начали в 1899 году. В 1900 году эту практику распространили и на войсковую территорию и перенесли ее в 1908, 1909, 1910, 1912, 1913, 1914 гг. [3, с. 26-41].

В начале 90-х годов XIX века в связи с массовым переселением крестьян из европейской России на территорию Казахстана статистические комитеты областей (среди них Уральский, Семипалатинский, Акмолинский, Тургайский) были преобразованы в статистические комитеты переселенческих управлений. Они занимались хозяйственным и экономическим обследованием казахских и переселенческих хозяйств.

Намеченная на 1910 г. Вторая Всероссийская перепись была отодвинута на 1915 год. Однако полностью ее так и не реализовали. Проведенная в мае-августе 1916 года перепись по сути стала сельскохозяйственной. Несколько масштабнее была еще одна сельскохозяйственная перепись, проведенная летом-осенью 1917 года [4].

Следующие переписи населения проводились уже новой властью. В 1918 году была организована промышленная перепись, в 1920 г. – промышленная и сельскохозяйственная. С 1921 года в Стране Советов стали устраивать выборочные («гнездовые») сельскохозяйственные переписи. Проводились они по 1929 г. В 1923 году состоялась первая городская перепись населения, целью которой было произвести учет промышленных и торговых учреждений. Данную перепись можно считать еще одной промышленной переписью, но уже в рамках СССР. С 1926 г. «вместо переписей промышленности проводились ежегодные обследования промышленности по списку «Б», которые дают большой объем сведений о состоянии производства и значительно меньший – о составе работников». Наконец, в 1926 году провели Всеобщую перепись населения, которая считается Второй Всероссийской переписью населения и в которой было полностью реализовано все намеченное в 1920 году [7].

Следовательно, первая практика проведения переписей в Казахстане насчитывает как минимум восемь местных переписей населения, состоявшихся на территории Казахстана в 70-90-х гг. XIX в. К ним добавляются три сельскохозяйственные переписи (1916-1920

гг.) и три промышленные (1918, 1920, 1923 гг.). Главное внимание исследователи уделяют материалам двух всеобщих переписей населения страны – 1897 г. и 1926 г. Анализ же материалов местных переписей населения (сопоставимость информации местных переписей 70-90-х годов XIX в. со сведениями Всероссийской переписи 1897 года, а ее данные – с переписью 1926 года; соотношение сведений этой переписи с информацией переписей 1916-1923 гг.) остается пока неизученным [8].

Сохранившиеся в Казахстане подлинные материалы первых двух десятилетий XX века сосредоточены, в частности, в г. Семипалатинске в Центре документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). В названном Центре особую ценность составляют источники о переписях населения в Казахстане первой четверти XX века.

Источники – это все, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества, памятники [9].

В характеристике материалов ЦДНИ ВКО имеются в виду только письменные источники. Они рассматриваются в вариантах классификации источников В.И. Стальского, И.Н. Данилевского и других. У них источники, в первую очередь, делятся на две большие группы: актовые и повествовательные [10].

Письменные источники актового характера – это такие материалы, в которых в форме юридических норм зафиксированы государственные постановления (уложения, законы, указы и т.п.), договоры между государственными учреждениями и частными лицами, материалы делопроизводства государственных учреждений и общественных организаций в виде систематических данных, их сводок, планы деятельности учреждений и организаций, их отчетов, протоколов, звукозаписей, выступлений отдельных лиц и т.д. Это материалы, непосредственно свидетельствующие об историческом процессе, явлении, факте. Они являются не рассказом о событии, а фиксацией события в момент его свершения.

Ко второй группе источников относятся такие памятники, которые представляют собой повествование, возникшее в результате последующего обобщения фактов и явлений уже миновавшей действительности. Факт в них отражается не непосредственно, а опосредованно. Повествовательные источники дают связный рассказ об исторических событиях, участниками которых были их авторы (летописи, сказания, описания путешествий, воспоминания, литератур-

ные произведения и т.д.). Иными словами, к этой группе относятся источники, что создаются не в момент исторического события, а в последующее за действием времени.

В ЦДНИ ВКО основные сведения по истории переписей населения в Казахстане находятся в фондах 73 «Семипалатинский губернский исполком рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губстатотдел). 1918-1928 г.г.» (1399 дел) и 583 «Семипалатинский губернский статистический отдел исполкома рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губстатотдел). 1919-1928 г.г.» (135 дел).

Документы фондов, по содержанию в них информации, можно разделить на три группы:

а) материалы, связанные с подготовкой переписей населения в целом по стране. Это в основном постановления, приказы, инструкции ВЦИК, СНК СССР;

б) источники, отражающие общую историю переписей населения на территории Казахстана. Это также постановления, приказы, инструкции, но только ЦИК, СНК КССР;

в) документы, связанные с иллюстрацией региональных особенностей при проведении переписей населения (Семипалатинская губерния).

Если учитывать всю сумму отложившихся в 73 и 583 фондах ЦДНИ ВКО источников, то следует иметь в виду, что среди них есть постановления всех уровней, планы, протоколы заседаний комиссий, выписки из различных протоколов, правительственные телеграммы, переписка производственного характера, картографический материал, отчетные доклады, сводные таблицы, различные списки.

Число документов, касающихся вопросов подготовки и проведения переписей населения по стране в целом, — незначительное. Это в основном постановления, приказы, инструкции ВЦИК, СНК СССР в частности документы Центрального статистического управления при СНК СССР. Например, доклад Отдела сельскохозяйственной статистики на совещании 19 февраля 1924 г. «Организация и программа весеннего выборочного обследования на 1924 г.», показан организационный план выборочного обследования (время и сравнение его с планом 1923 г. по некоторым параметрам (время проведения переписи, срок поступления заполненных карточек по хозяйственному опросу в соответствующие статотделы, учет полевой и усадебной посевной площади, регистрация количества скота

и т.д.) и группам, регистрация сельскохозяйственного инвентаря» [11].

Число документов, касающихся вопросов подготовки и проведения переписей населения на территории Казахстана — несколько десятков:

• протоколы заседаний статистических конференций («Статконференция 3-7 августа 1924 г. Доклад т. Крутилина. Производство государственных переписей в условиях КССР» [12]);

• инструкции для всех губерний (инструкция Киргизского Центрального статистического управления к производству выборочной сельскохозяйственной переписи 1923 г. [13];

• телеграммы от Центрального статистического управления Казахской АССР в Семипалатинский губстатотдел по производственным вопросам;

• документы, касающиеся территориальных изменений на территории Казахстана — «Список волостей, присоединенных к Семипалатинской губернии в 1920 г. из Змеиногорского уезда Алтайской губернии по постановлениям Сибревкома от 4/VIII 1920 г. и 27/II 1921 г.» [14], «Приложение к схематической рабочей карте Казахстана с губернскими, уездными и волостными границами на 1 января 1928 г.» [15].

Документов, касающихся деятельности местных статистических органов (территории Семипалатинской губернии), — значительное количество, а в уже упомянутых нами фондах ЦДНИ ВКО имеются:

• протоколы заседаний комиссий, конференций, проводимых Семипалатинским губернским статистическим комитетом: «Протокол заседания комиссии по делению киргизнаселения губернии на оседлое, кочевое и полукочевое население» [16];

• документы статкомитета по организации переписей: «Смета расходов по производству 10% сельскохозяйственной переписи 1925 г.» [18]; Списки и удостоверения сотрудников (2 ноября 1920 г. — 1 декабря 1923 г.) [19];

• сводные таблицы: «Общие сведения о естественном движении населения по Семипалатинскому уезду за 1926 г.» [20]; «Список аулов-кстау по волостям и уездам Семипалатинской губернии за 1926 г. [21]; «Отчетная таблица по производству выборочной сельскохозяйственной переписи специального исследования казакского аула в 1926 г.» [22];

• различного рода списки: «Разработка переписи населения 1920 г. Поселенное описание по Семипалатинскому, Усть-Камен-

горскому, Павлодарскому, Каркаралинскому, Бухтарминскому и др. «Всесоюзная перепись населения 1926 г. Списки населенных пунктов» [23]; «Список ВИКов, сельсоветов Усть-Каменного уезда» [25]; «Список казахских хозяйств, опрошенных по точкам рыночного оборота за 1925-1926 гг.» [26];

• письма, обращения, запросы работников отделов в администрацию статкомитета, связанные с проблемами, встречающимися в ходе проведения переписей; обращение с просьбой о выдаче выписки для самообороны и охраны имущества губстатбюро от разбоишников, обирающих население и мешающих производству переписи» [27].

Изучение документов ЦДНИ ВКО через такие вопросы, как: подготовка к переписям населения (правовая основа, организационные вопросы); вопросы переписных листов, их характеристика; освещение вопросов переписных листов переписей населения разных годов; ход переписей населения; обработка и опубликование и печати данных переписей населения; подведение итогов переписей населения; результаты переписей населения (недостатки); административно-территориальные изменения в Казахстане в указанный период; согласованность действий статистических органов при проведении переписей населения, позволяет показать основные трудности в подготовке и проведении переписей населения в Казахстане в первой четверти XX века, в частности в Семипалатинской губернии.

Материалы ЦДНИ ВКО показывают, что огромная территория, разнообразное население с самым разнообразным укладом жизни и быта, в подавляющем большинстве неграмотное, неподготовленное к переписи и напуганное разными слухами, а также плохая связь и дорожная сеть, несовершенство учета населения крайне осложнили проведение переписей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В.А. Демография. – М., 1999. – С. 23.
2. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. – Алматы, 2000. – Т. 1-3; Т. 4. – Ч. 1-3.
3. Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). – Алма-Ата, 1981.
4. Киселева Г.П., Кваша А.Я. О чем рассказывают переписи населения. – М., 1983. – С. 22-23.

Ворожанин В.Б. Сведения о населении Верхнего Прииртышья в материалах общероссийских переписей XVIII в. из архивного фонда Алтайского края // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: матер. IV Межд. науч.-практич. демографич. конф. Усть-Каменогорск, 23-24 мая 2002 г. – Караганда, 2002. – С. 23-25.

Алексеев Н.В., Алексеев А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). – Усть-Каменогорск, 1999. – С. 6.

Алексеев Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. – Усть-Каменогорск, 1999. – С. 46; Галиев А.Б. Из истории организации переписи населения 1926 года в Казахстане // Вопросы социалистического строительства в Казахстане. – Алма-Ата, 1977. – С. 100-101.

Киселева К.С. История переписей населения в Казахстане 1897-1926 гг. и сопредельных территориях: матер. IV Межд. науч.-практич. демографич. конф. Усть-Каменогорск, 23-24 мая 2002 г. – Караганда, 2002. – С. 51.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь. – М., 1990. – С. 27.

Стрельский В.И. Теория и методика источниковедения истории СССР. – Киев, 1976. – С. 12, 14; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцев М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники Российской Империи. – М., 2000. – С. 146, 147.

ЦДНИ ВКО, ф. 583, оп. 1, д. 2, л. 79-82.

Там же, оп. 2, д. 11, л. 8.

Там же, л. 10-16.

Там же, д. 9, л. 49.

Там же, л. 374.

Там же ф. 73, оп. 1, д. 46, л. 283.

Там же ф. 583, оп. 1, д. 15.

Там же, д. 30.

Там же ф. 73, оп. 2, д. 2.

Там же ф. 583, оп. 1, д. 25, л. 72.

Там же, оп. 2, д. 11.

Там же, д. 15.

Там же, оп. 1, д. 15, 18-21.

Там же, д. 25.

Там же, оп. 2, д. 31.

Там же, д. 32.

Там же, д. 2, л. 238.

Л.Б. Карачурина
Государственный университет – Высшая школа экономики, г. Москва

МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ РОССИИ С КАЗАХСТАНОМ В 70-90-е гг. XX в. (региональный аспект)

Миграционные «взаимоотношения» России и Казахстана сложились давно и долгое время – с 1930-х гг. и до конца XX в. – оставались едва ли не самыми тесными по абсолютным размерам на постсоветском, а потом постсоветском пространстве.

Достаточно вспомнить только некоторые вехи в миграционном движении в Казахстане в XX в. и роль России (примерно 60% в 1980-е гг.) в этом процессе:

- колонизационную политику царского правительства в 1890-1914 гг. (более 1,1 млн чел., т.е. 27,2% всего крестьянского дворянства за Урал);
 - переселения промышленных рабочих, прежде всего инженерно-технической интеллигенции, для налаживания промышленности в 1920-1930-е гг. (в 1931-1932 гг. только на строительство «Гребных балхашстрой» прибыло более 5 тыс. ИТР);
 - весьма концентрированные этнические депортации спецпереселенцев и административно высланные в Казахстан в 1930-1940-е гг.;
 - эвакуационная «волна» во время Великой Отечественной войны (к 1945 г. по ориентировочным данным в Казахстан было эвакуировано более 1 млн чел.);
 - «целинный поток» 1954-1955 гг. в Северный Казахстан.
- Столь масштабное миграционное движение привело к соответствующим изменениям в численности населения, его национальном составе, хозяйственной деятельности, образе жизни и других атрибутах социального развития.
- Начиная с 1959 г. соотношение основных национальностей в общей численности населения стало изменяться в сторону увеличения доли казахов и снижения удельного веса русских и так называемых «русскоязычных» (табл. 1). Подобная динамика косвенно отражает эволюцию соотношения миграционного (снижение притока русского и русскоязычного населения) и естественного прироста (казахов) в динамике численности населения.

Таблица 1

Доля основных национальных групп в населении Казахстана*

Национальность	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1996 г.
русские	67,1	38,0	30,0	32,4	36,0	39,7	48,1
казахи	19,7	40,2	42,7	42,8	40,6	37,8	34,1
узбеки	15,0	13,4	12,4	11,9	15,6	13,5	10,3
украинцы	13,2	10,8	8,2	7,2	6,1	5,4	4,9
татары	1,2	1,7	2,1	2,2	2,1	2,0	1,9
белорусы	0,4	0,5	1,2	1,5	1,2	1,1	1,0
немцы					6,1	5,8	2,4

* численность русскоязычного населения, включая немцев.

Однако, начиная со второй половины 1950-х гг. произошло снижение притока в Казахстан за счет межреспубликанской миграции, а в 1968 г. Казахстан в обмене с другими республиками и вовсе стал «терять» население. По сравнению с 1959 г. (который не выделялся большими масштабами переселений) количество прибытий из других республик к 1978 г. снизилось в 2 раза, в т.ч. из городов – в 1,6 раза, из сельской местности – в 3 раза. С 1963 г. сельское население Казахстана увеличивалось исключительно вследствие естественного прироста. С 1966 г. внутренняя миграция стала устойчиво превышать объем межреспубликанской.

Основные направления межреспубликанской миграции Казахстана долгое время характеризовались наиболее значительным миграционным обменом с Россией (примерно – 60%) и, кроме того, Украиной (20%), Белоруссией (5%), Узбекистаном. Но уже в 1989 г. вес России, Узбекистана и Киргизии в межреспубликанской миграции по прибытию (в Казахстан) увеличился, а Украины и Белоруссии – снизился. К 1994 г. доля в общем объеме прибытий в Казахстан из Узбекистана и Киргизии еще более возросла. При этом в потоке из Узбекистана начали заметно преобладать казахи, а из Киргизии по-прежнему велика, хотя и без явного преобладания, доля русских. Все это происходит на фоне общего снижения притока населения в Казахстан.

Увеличение доли казахов в межреспубликанской миграции по прибытию в Казахстан (только за 1992-1994 гг. оно составило 12,3 п.п., причем рост был и по абсолютным показателям) – следствие проводимой с 1991 г. государственной политики иммиграции.

*Данные за 1926, 1939, 1970 гг. – Гладышева, 1973; за 1959 г. – итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. – М., 1962. – С. 206; за 1989 г. – Скопин, 1994; за 1996 г. – Стат. бюллетень. – 1997. – № 1; – Нац. стат. агентство. – Алматы, 1997. – С. 11.

репатриации этнических казахов. Принятый в 1992 г. Закон об иммиграции касается в основном именно этого вопроса. За 7 лет Казахстан по ежегодной квоте переехало 162 тыс. казахов, 57% из них – из Ближнего Зарубежья, а также из Монголии*. Первоначально их расселяли по всему Казахстану. В результате вторичной миграции большинство переехало в Южный Казахстан, где у переселенцев нередко возникали проблемы с жильем, трудоустройством, даже гражданством**.

В потоке из Казахстана роль России в 1990-е гг. тоже увеличивается (с 72% в 1989 г. до максимума – 92% в 1994 г.). Более 2/3 составляют русские. Они же преобладают и в потоках на Украину и Беларусь.

Динамика абсолютных размеров прибытия из Казахстана в Россию и нетто-миграции имеет волнообразный характер. «Гребни» этой волны приходятся на 1974-1977, 1983-1986, 1992-1995 гг. И наконец, в 1997 г. снова, в отличие от почти всех остальных бывших союзных республик, наблюдался рост прибытий из Казахстана. При этом начало «волны» 1997 г. как бы нарушает ее сложившуюся «длину» величиной в 9 лет.

Самым существенным за рассматриваемый период был скачок 1992-1995 гг., когда за четыре года в Россию по официальным данным въехало около 970 тыс. бывших жителей Казахстана, отрицательное (для Казахстана) сальдо составило 720 тыс. чел. Это сопоставимо с размерами положительного сальдо по всей межреспубликанской миграции (а не только с Россией) за десятилетие (1960-1959 гг.) – 742 тыс. чел.

Для элиминирования влияния численности населения на изменение миграционных потоков нами были рассчитаны коэффициенты интенсивности миграционных связей (КИМСы) России с Казахстаном и другими республиками Ближнего Зарубежья по [1] (табл. 2). Аналитическое значение показателя заключается в том, что значения КИМС более 1 характеризуют высокоинтенсивные (выше обычного) миграционные связи в описываемых направлениях. КИМС элиминирует влияние различий в численности населения регионов, между которыми осуществляются миграционные связи.

* По данным Представительства ФМС России в Посольстве России в Казахстане.

** Особенно для казахов из Монголии, для которых очень затруднена процедура выхода из гражданства Монголии, а института двойного гражданства не предусмотрено ни в Конституции Монголии, ни в новой Конституции РК (1995 г.).

Таблица 2

Экстремальные значения КИМС России с республиками Ближнего Зарубежья по районам выхода (вселения)

Республики	КИМС по прибытию (в Россию)		КИМС по выбытию (из России)	
	минимум	максимум	минимум	максимум
Армения	0,57	1,15	1,01	1,31
Беларусь	0,42	1,11	0,99	1,78
Казахстан	0,42	0,85	0,30	0,72
Киргизия	1,46	3,66	1,30	1,92
Латвия	0,69	2,02	0,36	0,80
Литва	0,55	1,98	0,42	1,24
Польша	0,12	0,82	0,23	0,57
Румыния	0,62	1,50	0,87	1,63
Словакия	0,57	1,62	0,25	1,21
Украина	0,74	3,41	0,74	1,40
Узбекистан	0,59	2,03	0,27	0,79
Эстония	0,44	1,56	0,21	0,86
Чехия	0,47	1,14	0,23	0,77
Швейцария	0,59	2,47	0,36	1,64

Легко заметить, что единственной республикой, с которой Россия связывала бы в течение длительного периода достаточно интенсивные связи, был Казахстан (КИМС по прибытию).

В абсолютных размерах количество въезжающих в Казахстан в последние годы заметно снизилось, поэтому, несмотря на сохраняющийся естественный прирост казахов (который, тем не менее, снижается), уже с 1993 года общая численность населения уменьшается.

Можно выделить по крайней мере три категории причин, оказавших влияние на специфику миграционного баланса Казахстана в 1960-1980-е гг.:

- во-первых, как уже было отмечено выше, приток переселенцев в Казахстан на протяжении значительного периода времени был связан с реализацией крупных социально-экономических проектов (или не учитывать принудительную миграцию в Казахстан в 1920-1940-е гг.), то есть не был «самодостаточным». Отсутствие таковых способствовало «спокойному» миграционному обмену;

- во-вторых, так же как и в среднеазиатских республиках соотношение темпов прироста численности населения и рабочих мест складывалось в сторону увеличения первого. К концу 1970-х гг. Казахстан наряду со Среднеазиатскими и Закавказскими республиками перешел в группу трудоизбыточных регионов;

- наконец, третья причина логически вытекает из предыдущих. Рост мобильности коренного населения в совокупности с повышением его занятости в промышленности и управлении также благоприятствовал постепенному «вытеснению» русскоязычного населения.

1990-е годы характеризуются возникновением односторонней миграции из Казахстана в Россию взамен более-менее сбалансированного миграционного обмена населением. Выезд из Казахстана, особенно из Северного Казахстана, особенно из Северо-Казахстанской и Кустанайской областей. Кроме русских (71,75%) в поток в Россию была велика и повышалась доля украинцев (7-10%), татар (примерно 3,5% ежегодно), немцев (3,5-5%). Попадшие вплоть до 1997 г. в 5-10 раз более активно переезжали в Германию. Однако с введением в ноябре 1996 г. теста на знание немецкого языка скорость их отъезда снизилась. По данным Посольства России в Казахстане, 80% оставшейся немецкой диаспоры проживают в Кустанайской, Акмолинской, Кокчетавской, Павлодарской и Карагандинской областях.

По анализу обращений за рекомендациями о предоставлении статуса вынужденного переселенца в Посольство РФ в Казахстане главными причинами миграции из Казахстана во второй половине 1990-х гг. называли: «бесперспективность» (проблемы производства и самореализации, образования детей на русском языке) – 80-90%, экономические трудности – 4-8%, национализм на бытовом уровне, проблемы с незнанием языка – 4-5%, национально ориентированная кадровая политика правительства. При этом почти 2/3 мигрантов являются уроженцами Казахстана.

Дополнительными факторами миграции – по сути компенсационными – являются также перенос столицы (смещение «русскоязычного промышленного Севера» и «аграрного казахского Юга»), очередные (три за последние 30 лет) административно-территориальные изменения областной сетки (14 областей вместо 19).

В целом коэффициенты интенсивности миграционных связей Россия-Казахстан за 1970-1990-е гг. в оба направления были повышенными. Их обоюдный дальнейший рост с 1993-1994 гг., во-первых, нетипичен для большинства других современных миграционных связей России с бывшими республиками СССР, во-вторых, как бы пролонгирован во времени. Наиболее мощный «миграционный всплеск» по прибытию в Россию в данном случае произошел не сразу

после объявления независимости государства, а через несколько лет*. В 1994 году он достиг максимума и по разным данным составил от 400 до 500 тыс. человек [2].

Постоянно высокая в целом интенсивность миграционных связей между Россией и Казахстаном определяет большое количество российских регионов, с которыми Казахстан связывают повышенные и высокие (КИМС выше 1) миграционные связи. Так, в 1969 г. в Казахстане на них приходится 83,5% от всех связей, а в Киргизии, занимающей по этому показателю 2-е место, – только 41%; в 1977 г. – 70% против 38%; даже в 1989 г. повышенных миграционных связей по выбытию из Казахстана было почти половина. В 1994-1997 гг. ростом интенсивности выезда из Казахстана средние и низкие КИМС зарегистрированы только с десятком российских регионов, среди которых Северная Осетия, Мурманская, Архангельская, Магаданская, Камчатская области.

Поэтому для Казахстана в отличие от других республик логичнее, на наш взгляд, характеризовать зоны миграционного тяготения только по наиболее высоким (более 2,5) КИМС. В 1969-1994 гг. они образовывали по два ареала: уральский и сибирский, и кроме того отдельные районы на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье. Генезис формирования выделенных ареалов имеет сложный вид: в данном случае районы выхода и вселения являются и пограничными между собой, и хорошо транспортно доступными, а некоторые и этнически схожими.

В конце 1990-х гг. на фоне снижения миграционного притока в Россию и ее регионы из других бывших союзных республик Казахстан имел высокие по интенсивности миграционные связи уже с 42-мя регионами России. Поэтому можно говорить уже не об «ареалах», а о целом поясе, который протянулся с западных российских границ до Восточной Сибири (включительно), к югу от линии Тверь – Кострома – Киров – Пермь и до Волгоградской, Астраханской областей и российско-казахской границы.

В связи с большими внутриказахскими территориальными различиями за 1969, 1977, 1989 гг.** для наглядности нами были рассчитаны КИМС по областям Казахстана. Они выявили существенные различия в типе формирования зон миграционного тяготения.

* Например, на 1 января 1993 г. численность русских в Казахстане изменилась по сравнению с 1989 г. незначительно – 99%, а в 1996 г. уже 90,2% от того же уровня.

** В конце 1990-х гг. статистика в таком разрезе Госкомстатом России уже не разрабатывалась.

Западный Казахстан. На три-четыре области (Мангышлакской области в 1969 и 1989 гг. не было) Западно-Казахстанского подрайона приходилось 17-20% высоких по значению КИМС. При этом в 1969 г. одной из самых «активных» во всем Казахстане была Актюбинская область (с 41-м регионом России высокие КИМС), в 1977 г. – Мангышлакская. Их связи были как по линии «промышленного обмена», например, с Вологодской, Новгородской областями для Актюбинской области; Чечено-Ингушетией и Ставропольским краем для Мангышлакской области, так и с пограничными российскими областями. Последний фактор – территориальная близость – при формировании зоны миграционного тяготения областей Западного Казахстана все же выделяется. Соответственно, зона отнесена к российскому юго-западу и фактически нигде не выходит восточнее границы Уральского района. Сверхвысокие КИМС отмечаются с Калмыкией, Оренбургской, Астраханской и Саратовской областями, Чечено-Ингушетией (КИМС более 10).

Северный и Центральный Казахстан. На эти районы приходилось 50-60% высоких КИМС, особенно выделялись Целиноградская и Карагандинская области. Зона миграционного тяготения, даже по высоким КИМС, очень обширна. Самые активные связи отмечаются с Пермской, Челябинской, Курганской, Тюменской, Омской областями и Алтайским краем. В целом наблюдалось последовательное сужение «ареала»: в 1969 г. высоких по значению КИМС было 211 (суммарно у всех областей двух подрайонов), в 1977 г. – 196, в 1989 г. – 94.

Восточный Казахстан. Зона миграционного тяготения Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей находится в азиатской части России. Из западных регионов повышенные миграционные связи имели только Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, Удмуртия и Мурманская область. Последняя в 1950-1970-е гг. была связана с Восточным Казахстаном по трудовому обмену высококвалифицированными специалистами (металлургами, ядерщиками).

Южный Казахстан в силу своего географического положения и этнического состава населения отличал самый низкий по сравнению с остальными районами Казахстана удельный вес высоких миграционных связей. В 1969 и 1977 гг. выделяются три четких ареала автономии Северного Кавказа; Среднее Поволжье, Оренбургская область и Башкирия; юг Сибири и Дальнего Востока. В 1989 г. как ареал, причем существенно меньшего размера, был сформирован только последний.

Что касается выезда населения из российских регионов в Казахстан (КИМС по выбытию), то в течение 1969-1977 гг. количе-

ство российских регионов, население которых выбрало в качестве места жительства Казахстан, резко сократилось. В дальнейшем ситуация оставалась достаточно стабильной. В качестве относительно привлекательного места выбытия Казахстан стабильно выбирали только жители Урала и Астраханской области, по всей видимости, за счет высокой доли этнических казахов. В середине 1990-х гг. даже этот ареал стал очень неустойчивым.

Таким образом, миграционные связи России с Казахстаном в обозримый период характеризовались высокой степенью интенсивности. В силу географического положения Казахстана эти связи были значимы для подавляющего большинства российских регионов, но при этом разные макрорегионы Казахстана вовлекались в интенсивный миграционный обмен с разными районами России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. – М., 1973.
2. Почему динамику миграции можно оценивать только приблизительно / Демоскоп Weekly N 81-82, <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/barom01.php>.

В.В. Крайнов

Беларусский государственный университет им. М.Танка, г. Минск

СЕЗОННАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С середины 90-х годов прошлого столетия большую популярность приобрел новый вид трудовой миграции – студенческая. Ежегодно наблюдается рост числа студентов, выезжающих в летнее время на заработки за рубеж (табл. 1). Росту популярности трудовой миграции среди молодого населения страны способствовали различные факторы, из которых основным является реализация интеллектуальных и физических возможностей, присущая именно этой части населения. Все это происходит на фоне общего роста экспорта белорусской рабочей силы (рисунок), что в большинстве своем вызвано снижением жизненного уровня, экономической нестабильностью, обострением проблем занятости.

Численность и возраст белорусских студентов, выехавших на работу за границу в летнее время в 1997-2000 годы, чел.

Возраст, лет	1997	1998	1999	2000
До 24	952	1333	1164	2131
От 25 до 29	8	15	70	39
30 и старше	3	3	9	1
Всего	963	1351	1242	2176

Рисунок
Динамика роста экспорта рабочей силы из Беларуси за период 1994-2002 гг., чел.

С целью выяснения состава, ориентации, мотивации, а также трудностей, возникающих у студентов в процессе трудовой миграции, нами в 2002 году в г. Минске совместно с организациями, которые занимаются трудоустройством студентов на летний период за рубежом, было проведено исследование. Город Минск был выбран не случайно, ведь здесь находится свыше 90% таких фирм и организаций. Объектами исследования были 323 студента белорусских вузов, которые летом 2002 г. выезжали за рубеж на заработки. Большинство респондентов (91,3%) — жители г. Минска, остальные (8,7%) — представители из других населенных пунктов Беларуси, которые в большинстве своем и уезжают на летний период из г. Минска в свои населенные пункты, что и обуславливает высокое число студентов-мигрантов, проживающих в г. Минске.

На вопрос «Какой ваш основной вид деятельности в стране проживания?» 100% опрошиваемых ответили — обучение в вузе. В табл. 2 приводятся вузы, в которых обучались респонденты на момент опроса.

Таблица 2
Распределение опрошиваемых студентов по вузам г. Минска

Учебное заведение	Человек	%
Белорусский государственный экономический университет (БГЭУ)	241	74,7
Белорусский государственный университет (БГУ)	32	10
Минский государственный лингвистический университет (МГЛУ)	19	5,88
Белорусский государственный педагогический университет (БГПУ)	8	2,35
Белорусская государственная политехническая академия (БГПА)	2	0,6
Белорусская государственная медицинская академия (БГМА)	15	4,7
Белорусский государственный университет культуры (БГУК)	6	1,77

Из табл. 3 видно, что в трудовой миграции принимали участие студенты различных курсов, кроме 5 и 6 (БГМА). Большинство студентов на момент выезда за рубеж обучались на третьем и четвертом курсах — 38,8 и 35,3% соответственно. Третье место по активности занимают студенты второго курса, которые составили 20,6% от общего числа опрошенных. Ни разу не были за рубежом 77,7% опрошенных студентов. Вторично в основном выезжают студенты третьих и четвертых курсов. Обусловлено это видимо тем, что у студентов старших курсов уже имеется, пускай и небольшой, но опыт работы за рубежом и как следствие — отсутствие страха и переживаний по поводу выезда.

Срок работы за рубежом зависел от условий, поставленных работодателем и посольствами тех стран, куда выезжали студенты. Обычно срок не превышал 4-х месяцев. Так, 87,8% студентов-мигрантов заключили договор с работодателем на 3 месяца, остальные 12,2% — на 4 месяца.

Таблица 3
Распределение опрошиваемых студентов по курсам обучения в учебных заведениях города Минска

Курс обучения	Всего чел.		Число выездов за рубеж	
	абс	%	1	2
1	17	5,3	5,3	-
2	67	20,6	18,9	1,7
3	125	38,8	27,6	11,2
4	114	35,3	25,9	9,4
Всего	323	100	77,7	22,3

Что касается стран выезда, то они не отличались большим разнообразием, все зависело от того, с какой страной работали организаторы-посредники. Большинство студентов (86,9%) заключили договоры с работодателями, которые предлагали сезонную работу в США (табл. 4).

Таблица 4
Распределение студентов-мигрантов по странам трудоустройства

Страна трудоустройства	Абс.	%
США	260	86,9
Великобритания	34	10,5
Германия	9	2,6

Анализ распределения опрашиваемых студентов по цели выезда показал, что для молодых людей, еще не обремененных семейными, нематериальными факторами предпочтительнее материальной выгоды, хотя желание заработать деньги также присутствует (табл. 5).

Таблица 5
Цели выезда студентов за рубеж

Цель выезда	%
Познакомиться с миром, побывать в интересных местах	41,4
Улучшить свое материальное положение	29,6
Изучить иностранный язык	12,0
Повысить свой профессиональный уровень	6,5
Установить контакты для эмиграции в будущем	4,7
Заработать капитал для своего дела	3,2
Пожить в цивилизованной стране	1,8
Другое	0,8

Распределение респондентов по видам деятельности свидетельствует, что большинство студентов были заняты в сфере услуг, причем предоставляемая работа зависела от уровня владения иностранным языком: если знание языка на достаточно высоком уровне, то предлагали работу официанта или продавца в магазине; если же владение языком не очень хорошее, то предлагалась работа посудомойки или уборщицы. И лишь 4,3% студентов были заняты в сельскохозяйственных фермах, где предлагалась работа, соответствующая неквалифицированной рабочей силе: уборка и сортировка овощей и фруктов, уход за скотом и т.д. (табл. 6).

Таблица 6
Распределение респондентов по видам деятельности на выезде

Вид деятельности	Абс.	Проценты			
		всего	США	Великобритания	Германия
Сфера услуг	309	95,7	86,9	7,4	1,4
С/х форма	14	4,3	-	3,1	1,2

Как видно из табл. 7, на сезонную работу за рубеж выехало больше студентов женского пола (60,9%), чем мужского (39,1%). Студенты как мужского, так и женского пола в большинстве своем выбрали работу в сфере услуг, и лишь незначительная часть, в основном лица мужского пола (9,1%), выбрали работу в с/х сфере.

Что касается возрастных групп, то здесь наблюдается та же самая картина, т.е. большинство студентов различного возраста выбрали работу в сфере услуг. Работу в сельскохозяйственной сфере выбирали в основном студенты первого курса обучения – 17-18-летние. Это связано с тем, что в большинстве своем старшекурсники выезжают на работу за рубеж не первый раз и поэтому знают, где работа сложнее, с точки зрения физической нагрузки. У студентов же младших курсов несколько иная мотивация, их основная цель – выехать за рубеж.

На выезде у большинства студентов не возникало серьезных проблем. Однако это не означает, что их вовсе не было. Так, у довольно большого числа респондентов (30,4%) на выезде возникли бытовые проблемы (трудно найти жилье, малая площадь при наличии большого числа жильцов и т.д.), а у 17,4% – проблема оформления карты социального страхования.

Таблица 7
Демографический состав трудовых мигрантов, %

Показатели	Всего	Работа в сфере услуг	Работа на с/х ферме
Пол			
Мужской	39,1	90,9	9,1
Женский	60,9	99,4	0,6
Возраст, лет			
17-19	16,7	22,4	89,3
19-21	76,8	25,2	10,7
21-23	6,7	27,6	-
23 и старше	0,8	24,8	-
Итого	100,0	100,0	100,0
Семейное положение			
Холост	91,3	90,6	99,3
Женат	8,7	9,4	0,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Эффективность миграции. Из табл. 8 видно, что трудовая миграция в какой-то мере была эффективна для большинства респондентов. Так, 60,9% работавших за рубежом студентов получили возможность приобрести для себя хорошую одежду, 39,1% – оплатили свое обучение, 30,4% – приобрели дорогостоящие товары. То есть в целом по мнению опрошенных работа на выезде была для них эффективной.

Таблица 8
Проблемы, решенные мигрантами на выезде

Проблемы, которые удалось решить	Всего, %
Купить хорошую одежду	60,9
Внести плату за свое обучение	39,1
Приобрести дорогостоящие товары	30,4
Вернуть долги	21,7
Улучшить жилищные условия	13,0
Помочь родителям, живущим отдельно	8,7
Обеспечить семье хорошее питание	8,7
Обеспечить платные мед. услуги себе или членам семьи	8,7
Не удалось решить ни одну из этих проблем	4,3

На вопрос «Как вы в целом расцениваете мигрантские заработки?» 82,6% респондентов ответили, что они их вполне устраивают, 8,7% – заработки довольно скромные, 8,7% – заработки очень малы и не соответствуют затрачиваемым силам.

Большинство респондентов (78,3%) считают, что работа на выезде не оказала отрицательного воздействия на их жизнь и жизнь их семьи, и в целом они довольны своей поездкой. Однако есть и такие, на которых выезд оказал отрицательное влияние, из них у 17,4% респондентов ухудшилось здоровье, у 8,7% – не стало хватать времени на учебу, а у 4,3% – ухудшились отношения с родителями.

На вопрос «Собираетесь ли вы и в дальнейшем выезжать на заработки за рубеж?» 60,9% респондентов ответили утвердительно, остальные 39,1% – затруднились ответить.

Проблема невозвращения. Нами было выявлено, что по окончании оговоренного срока работы за рубежом 18,2% респондентов (58 чел.) не вернулись вовремя домой. Подобная ситуация по словам работников посреднических организаций происходит практически каждый год. Из табл. 9 видно, что среди не вернувшихся вовремя есть как лица женского пола (51,6%), так и мужского (48,4%). Возраст не вернувшихся студентов в большинстве своем составил 19-21 год (65,3%).

Таблица 9
Качественная и количественная характеристика не вернувшихся студентов

Показатели	Абс.	%
Пол		
Мужской	28	48,4
Женский	30	51,6
Возраст, лет		
17-19	7	11,1
19-21	37	65,3
21-23	14	23,6
Учебное заведение		
БГЭУ	42	74,3
БГУ	6	12,9
МГЛУ	5	6,4
БГМА	5	6,4
Курс обучения		
1	2	3,2
2	13	22,6
3	26	45,2
4	17	29,0
Страна пребывания		
США	55	95,2
Великобритания	2	3,7
Германия	1	1,1

Среди не вернувшихся респондентов наблюдается следующая картина: 74,3% – обучались в Белорусском государственном экономическом университете, 74,2% – являлись студентами старших курсов, 95,2% – работали в США.

Из разговоров с родственниками трудовых мигрантов мы выяснили следующие причины невозвращения: большинство из оставшихся за рубежом студентов продлили рабочий договор с работодателем; некоторые поступили в местные колледжи, получив при этом студенческую визу; были и такие, которые заключили брак с местными жителями. Многие родственники говорят, что они все же собираются вернуться домой, но не ранее чем через три-пять лет.

Таким образом, все вышеприведенные исследования подтверждают тот факт, что студенческая молодежь это действительно наиболее мобильная часть населения, которая принимает активное участие в трудовой миграции. В целом предлагаемая работа и различные трудовые программы, предоставляемые посредническими организациями, удовлетворяют студентов, желающих выехать в летний период на работу. Тем не менее возникает ряд объективных проблем, и наиболее важная из них – это проблема несвоевремен-

ного возвращения студентов, работающих на выезде, а также их правовая неграмотность в области трудовой миграции, что порой приводит к нежелательным отрицательным последствиям.

Для того чтобы снизить вероятность подобных отрицательных явлений, на наш взгляд, помимо разработки законодательных актов необходимо создавать сеть образовательных структур по подготовке лиц, желающих работать за рубежом. Эти образовательные структуры должны предоставлять такие виды услуг, как профессиональное обучение, изучение иностранного языка, знакомство с культурой и традициями той страны, куда выезжает гражданин, консультация юриста, психолога и прочих специалистов. Помимо этого со стороны государственных структур было бы желательно оказание содействия наиболее эффективно работающим на международном рынке посредническим фирмам, имеющим лицензии на трудоустройство за рубежом, с целью снижения вероятности возникновения «пиратских» посреднических фирм, занимающихся противоправными действиями в области трудовой миграции. К тому же необходимо создавать информационные центры, в которых были бы сосредоточены сведения об особенностях миграционного законодательства, иммиграционной политике стран мира, конъюнктуре зарубежных рынков труда и т.п.

Следует отметить, что немаловажной мерой является и работа на государственном уровне по вопросу международного признания действующих в нашей стране дипломов об образовании и свидетельствах о профессиональной квалификации. Также необходимо разрабатывать меры социальной защиты трудящихся-мигрантов, в том числе по профессиональной реадaptации вернувшихся, включению их в трудовую деятельность.

Н.Л. Краснобаева

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА ПО ДАННЫМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 ГОДА (региональный аспект)

Демографическая картина национального состава и расселения населения Казахстана отражает политические и экономические изменения конца XIX-начала XX века.

Казахстан унаследовал многонациональное население от прежней Российской Империи. Вследствие проникновения светской (европейской) культуры и образования стали возникать очаги новых индустриальных отношений. Россия того периода сама являлась полуазиатской страной, и модернизация в регионе переплеталась с архаикой, порождая порой причудливые формы.

Хотя необходимо признать, что в эпоху господства Российской Империи царская администрация пыталась в своей политике в регионе опираться на дифференцированный подход по отношению к населению края. В основу деления народов Центральной Азии был положен, в первую очередь, конфессиональный признак, затем хозяйственно-культурный и, наконец, этнический. Это отражало реальный уровень этнического и исторического развития региона в тот период.

На формирование национального состава населения Казахстана оказали влияние целый ряд событий. Так, после реформ 1867-1868 гг. земля стала передаваться в собственность государства, а с началом строительства железных дорог начинается массовый прилив русских крестьян в Казахстан. Реформы являлись толчком развития капитализма в России, а это способствовало мощному росту переселений из центральных губерний империи. Также огромное влияние на этот процесс оказывают империалистическая война, восстание 1916 года, революция в России 1917 года, гражданская война и последовавшие за ней разруха, неурожай, джун и др.

Главными источниками по истории населения того периода стали не только исторические документы, но и статистическая информация, собираемая путем проведения периодических учетов русскими чиновниками, и переписи населения в городах и уездах, собираемые статкомитетами. Важное значение сохраняет в этом отношении Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Она охватывает наличное, постоянное и приписное население с учетом каждого хозяйства в сельской местности и каждой квартиры в городах. Проводилась перепись 28 января 1897 года, переписные листы заполнялись за 10 дней до начала переписи в городах и за 20 дней в сельской местности счетчиками. Переписной лист состоял из 14 вопросов, охватывающих пол, возраст, семейное состояние, сословие, место рождения, место прописки, вероисповедание, родной язык, грамотность, занятие и др.

Вместе с тем материалы данной переписи не лишены и отдельных недостатков. В ее программе не было вопросов о национальности, из-за чего ее итоги формировались не по этническому, а по лин-

Таблица 3

**Национальный состав населения Южного Казахстана
(по переписи 1897 года) [5]**

Родной язык	Общая численность населения (тыс. чел.)	% ко всему населению
Казахский	1199,1	79,9
Узбекский	75,5	4,95
Русский	71,0	4,8
Киргизский	56,7	3,9
Уйгурский	55,8	3,7
Украинский	12,1	0,88
Татарский	9,3	0,63
Дунганский	4,8	0,3
Таджикский	1,0	0,07
Мордовский	0,9	0,06
Немецкий	0,8	0,05
Еврейский	0,7	0,04
Прочие	11,2	0,78
Итого:	1488,4	100

Однако в составе городского населения казахи в Степном Казахстане занимали вторую позицию (16%), а в Южном Казахстане – третью (13,3%). В среднеазиатских областях – Самаркандской и Закаспийской – было сосредоточено 3,3% от общей численности казахского населения. Перепись 1897 г. зафиксировала в Самаркандской и Ферганской областях 64,1 (7,3%) и 110,4 (7,0%) тыс. казахов соответственно. В Томской губернии проживало 24,6 тыс. казахов. В основном они размещались в четырех округах: Барнаульском, Бийском, Змеиногорском и Канском [6, с. 17-19].

Таблица 4

**Национальный состав населения
Степного Казахстана по переписи 1897 г. [2]**

Родной язык	Общая численность населения (тыс. чел.)	% ко всему населению
Казахский	1903,0	77,1
Русский	431,1	17,8
Украинский	37,8	1,5
Татарский	41,7	1,6
Мордовский	11,8	0,4
Немецкий	5,1	0,2
Еврейский	2,0	0,08
Башкирский	1,7	0,07
Польский	1,6	0,06
Узбекский	1,3	0,05
Прочие	28,2	0,15
Итого:	2465,1	100

Несмотря на недоучет населения статистическими службами, общая направленность формирования казахского населения четко прослеживается на основе доступных источников и статинформации. К 1914 году численность казахского населения составила 3845,2 тыс. человек [4, с. 29], но в данных цифрах много внимания уделялось оценке политики правительства, в частности привлечению на тыловые работы казахов и восстанию 1916 года.

Наряду с казахами-кочевниками с XVIII-XIX вв. территории Казахстана начинают осваивать переселенцы. Строительство крепостей и редутов положило начало процессу формирования постоянного населения. Тогда же были образованы первые русские крестьянские поселки.

Численность русского населения, благодаря притоку переселенцев в 1897 году, составляла 502,1 тысяч человек, что составило 12,7% от общей численности населения Казахстана. До последней четверти XX века русское население Казахстана было представлено в основном казаками (Уральское, Сибирское и Семиреченские казачьи войска). Согласно «Временному положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» 1868 года «туземное» и казачье население было подчинено общему управлению. Переселение крестьян в Казахстан привело к значительным сдвигам в численности и структуре населения. И это также отразилось в материалах переписи 1897 года: в Акмолинской и Уральской областях Казахстана удельный вес русских достиг четверти населения (25,5 и 25%).

После отмены крепостного права в России начинается самовольное переселение крестьян в Казахстан, которое правительство не в силах остановить. С 1889 года переселение было разрешено официально, а в конце XIX века оно принимает массовый характер. Наиболее значительный приток переселенцев наблюдается в годы Столыпинской аграрной реформы. По далеко не полным статистическим данным на территории 4-х областей – Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской – в 1906-1915 гг. переселились более 883 тыс. человек. В результате в 1914 году удельный вес казахов в них снизился до 58,5%, русских – возрос до 29,6% [7, с. 19].

Если за 36 лет (1870-1906) в Казахстане осело 521 тыс. человек, то за 7 последующих лет (1906-1914) – 714,4 тыс. крестьян. Общая численность переселенцев, осевших в Казахстане с 1870 по 1914 годы, составила 1434,4 тыс. человек [8, с. 27].

Таблица 5

Национальный состав городского населения Степного Казахстана по переписи 1897 г. [2]

Область	Численность населения, тыс. чел.	Народность (%)			
		русские	казахи	татары	прочие
Акмолинская	37,776	56,4	16,7	21,6	5,3
Семипалатинская	54,488	54,0	29,4	14,6	2,0
Тургайская	19,530	76,2	7,0	10,6	6,2
Уральская	55,482	82,8	5,4	10,3	1,5
Итого:	166,876	66,7	16,0	14,3	3,0

В составе городского населения в Степном Казахстане русские занимают первое место (66,7%), а в Южном Казахстане – второе (27,4%). Крестьяне-переселенцы, казаки, русское население городов к 1914 году составляли 35% общей численности населения. При этом следует заметить, что численность городского населения в данный период постоянно росла как в целом по Казахстану, так и по каждой области.

Таблица 6

Национальный состав городского населения Южного Казахстана по переписи 1897 г. [2]

Область	Численность населения, тыс. чел.	Народность (%)							
		каз.	рус.	узб.	татар.	дунг.	уйгур.	укр.	проч.
Семиреченская	48,251	9,1	43,4	5,2	7,2	7,2	22,0	4,0	1,7
Сырдарьинская	46,812	17,2	11,0	62,0	4,2	0,15	-	1,5	3,75
Итого:	95,063	13,3	27,4	33,3	5,7	3,7	11,3	2,8	2,5

За 27 лет (1870-1897) наблюдается рост численности городов. По данным переписи 1897 г. в тот период в Казахстане насчитывалось 22 городских поселения, среди которых самыми крупными по тем временам были города Уральск – 36,5 тыс., Семипалатинск – 26,2 тыс., Верный – 22,7 тыс. жителей [16].

Следующей многочисленной группой населения в Казахстане были узбеки, их численность по переписи 1897 года определялась в 75,8 тыс. человек. В общей численности населения Казахстана они составляли 1,9%. Причем большая часть узбеков проживала в Южном Казахстане (33,3%), а на территории Степного Казахстана – 1,3 тыс. человек (0,07%). В составе городского населения численность узбеков составляла 16% [2].

Другие национальности, проживающие в Казахстане, распределились следующим образом, тыс. чел. (%): татары – 51 (1,29), украинцы – 49,7 (1,26), мордва – 12,7 (0,32), немцы – 5,9 (0,15), евреи – 2,7 (0,07) [2].

Городское население Степного Казахстана было представлено в основном русскими, татарами и казаками. Другие национальности здесь были представлены в малой численности. Национальный состав городского населения Южного Казахстана по сравнению со Степным Казахстаном был более пестрым. В целом по Южному Казахстану большинство населения составляли русские и узбеки. В Сырдарьинской области в городском населении преобладали узбеки, в Семиреченской – русские. По численности населения наиболее заселенной была Сырдарьинская область, наименее – Тургайская.

Таким образом, в результате переселенческой политики Российской Империи на территории Казахстана сложился пестрый национальный состав. Если до начала 70-х гг. XIX века основной контингент переселенцев были казаки, то со второй половины 90-х гг. XIX века – крестьянская колонизация. В крае уже проживали представители около 60 национальностей, среди которых кроме тюркоязычного населения (узбеки, уйгуры, киргизы, каракалпаки, башкиры и т.д.) были немцы, поляки, мордва, дунгане, таджики, евреи и др. Перед первой мировой войной общая численность населения Казахстана составила 5909,9 тыс. чел. (5471,8 – сельского, 438,1 – городского).

ЛИТЕРАТУРА

1. Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 2000. – С. 13.
2. Первая Всесоюзная перепись населения Российской Империи, 1897 г., Акмолинская область. – СПб., 1904. – Т. 81. – Табл. XVI. – С. 74-75; Сырдарьинская область. – СПб., 1905. – Т. 86. – Табл. XVI. – С. 104-105; Семипалатинская область. – Санкт-Петербург, 1905. – Т. 84. – Л. VII; Семиреченская область. – СПб., 1905. – Т. 85. – Л. VI; Тургайская область. – СПб., 1904. – Т. 87. – Л. IX; Уральская область. – СПб., 1904. – Т. 88. – Табл. XV. – С. 61.
3. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980). – Алма-Ата, 1991. – С. 46.
4. Алексеев Н.В., Алексеев А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). – Усть-Каменогорск, 1999.

5. Беймаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в-1917 г.). – М.: Наука, 1986.
6. Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 2000.
7. Алексеенко А.Н. Население Казахстана в 1920-1990 гг. – Алматы: «Фылым», 1993.
8. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1981.
9. Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. – Алма-Ата, 1989.

Т.П. Кротова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (с 1992 по 2002 гг.)

Миграционная привлекательность Алтайского края во многом обусловлена благоприятными природно-климатическими условиями, развитой инфраструктурой, относительной стабильностью политической и экономической ситуации, близостью к месту прежнего проживания переселенцев.

В структуре территориальных перемещений населения Алтая традиционно первое место занимает внутрикраевая миграция, на втором месте находится межобластная, далее – миграция со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Масштабы, направления и результаты внутрикраевого перераспределения населения во многом определялись социально-экономическими факторами. Города и административные районы края отличаются друг от друга природно-климатическими условиями, уровнем социально-экономического развития, возможностями в обеспечении населения рабочими местами и социальными услугами. В силу этого характер, направления, объемы и результативность миграций в отдельных территориальных образованиях имеют свою специфику.

Внутрикраевая миграция охватывает значительную часть населения края, ее доля в общем объеме миграционных потоков на Алтае – одна из самых высоких на территории Западной Сибири и равна 54%. На формирование внутренних краевых миграционных потоков

более существенное влияние оказывают миграции сельских жителей по сравнению с территориальной мобильностью горожан.

В результате в начале 90-х годов XX в. возобновилась преимущественно тенденция переезда сельских жителей в города. В 2001 году во внутрикраевых миграциях лишь в восемнадцати сельских административных районах (из шестидесяти) и в шести городах (из одиннадцати) наблюдался миграционный прирост населения, на других территориях число выбывших превысило число прибывших. При этом в пяти сельских районах – Бийском, Немецком, Первомайском, Рубцовском и Тальменском – механический прирост населения превысил 200 чел., в четырех – Благовещенском, Павловском, Славгородском и Табунском – он составлял от 100 до 200 чел., в остальных девяти районах – менее 100 человек. В городах наибольший прирост населения в результате его внутрикраевого перераспределения отмечался в Новоалтайске – 1463, Бийске – 231 и Славгороде – 379 человек. Миграционная убыль населения наблюдается на 29-ти территориях края, причем наибольшая в г. Барнауле – 2301, Немецком районе – 465 и в г. Яровое – 261 человек.

В настоящее время в межрегиональной миграции происходит переориентация потоков мигрантов в места первоначального проживания – возвратная миграция. Межрегиональная миграция способствует в целом оттоку населения из края. За последние годы положительное сальдо миграции сохраняется лишь с Северным, Восточно-Сибирским и Дальневосточным районами, в т.ч. отмечено, что наибольшее число мигрантов прибыло с Красноярского края, республики Саха (Якутия), Иркутской и Магаданской областей. За 2002 год положительное сальдо миграции наблюдается только с Дальневосточным экономическим районом. Наибольшая величина потерь сложилась с соседними областями: Кемеровской, Новосибирской и Томской. Из других регионов наблюдается наибольший отток в Москву и Московскую область, а также Краснодарский край.

Для данного этапа характерна массовая эмиграция немцев Алтая и членов их семей других национальностей в Германию. Из числа выбывших 68% составляют немцы, 28% – русские. Основными причинами выезда в Германию являются нерешенность социально-экономических проблем в России и разный уровень развития экономики и социальной сферы в России и Германии. Наибольший отток немецкого населения происходит из районов их компактного проживания, чел.: Немецкого национального района – 1267, Табунского – 404, Славгородского – 330, Тальменского – 280, Кулундинского – 249,

Благовещенского – 228, и из городов, чел.: Барнаула – 637, Славгорода – 333, Рубцовска – 296. Параллельно в край прибывают немцы из других районов России и стран ближнего зарубежья (от 1,5 до 5 тыс. чел. в год).

Распад Советского Союза и обострение межнациональных отношений привели к появлению в начале 90-х годов XX в. беженцев и вынужденных переселенцев. Алтайский край является одним из тех регионов, где наблюдается значительный приток этой категории населения, обусловленный относительной стабильностью политической обстановки в крае, повышенной миграционной подвижностью коренного населения в предыдущие годы, географическим положением Алтая.

Сложилась весьма своеобразная ситуация. Если население Западной Сибири и большинства других регионов в Российской Федерации, как и ранее, не рассматривало Алтайский край как желаемое место жительства, то для вынужденных переселенцев из Средней Азии и Казахстана в силу демографических (семейные связи), национально-этнических, политических и природно-климатических факторов Алтай стал миграционно привлекательным регионом. Анализ миграционных процессов прошедших лет показывает, что отличительной чертой является их вынужденный характер и возвращение бывших жителей края, ранее его покинувших, и их детей в места первоначального проживания.

Именно эта категория граждан обеспечивает основной механический прирост населения в регионе. Все города и сельские районы Алтая имеют положительный миграционный баланс со странами ближнего зарубежья. Несмотря на то, что общее число мигрантов постоянно сокращается, миграционный же прирост сохраняется на достаточно высоком уровне. Уровень жизни не является решающим фактором при выборе места жительства для мигрантов из стран СНГ и Балтии. С этими странами сохраняется положительное сальдо миграции, исключением являются: уже на протяжении нескольких лет – Белоруссия, и в отдельные годы – Молдова, Украина, Литва, Эстония и Азербайджан (таблица).

В обмене населением с бывшими республиками СССР Алтайский край в общем имеет положительный прирост.

В первой половине 90-х годов XX в. на долю Алтайского края приходилось более 2% всех иммигрантов, прибывших в Россию из стран ближнего зарубежья, тогда как его население составило менее 0,2% от общего числа жителей России. За счет миграционного

притока вынужденных мигрантов число жителей края в последнем десятилетии пополнилось примерно на 3 процента. И что особенно важно, это произошло в то время, когда наибольшей величины достигли темпы естественной убыли населения.

Таблица

Сальдо миграции населения Алтайского края в обмене со странами СНГ и Балтии в 1995-2002 гг. [1]

Государство	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Белоруссия	76	17	-54	-123	-89	-85	-81	-39
Казахстан	12295	9860	14327	11320	8791	6604	2758	2769
Молдова	25	97	-16	25	19	83	26	34
Украина	575	609	293	272	69	214	-26	-14
Азербайджан	322	344	293	189	53	83	-11	10
Армения	596	420	203	135	85	145	40	73
Грузия	318	219	109	58	33	37	4	32
Киргизия	642	407	135	43	292	803	505	508
Таджикистан	792	593	372	286	116	118	76	72
Туркменистан	156	184	131	87	66	59	21	26
Узбекистан	1692	548	606	67	722	799	453	404
Латвия	49	17	27	17	11	13	-	2
Литва	5	7	-7	3	-7	2	-9	-
Эстония	7	-	-2	8	2	7	-	3
Всего:	17520	4996	16417	12969	10153	10862	3738	3880

Каждый год на протяжении исследуемого периода в Алтайский край прибывают тысячи вынужденных переселенцев и беженцев, и каждый год значительно меняется процентное соотношение регионов выхода, меняется структура иммиграционных потоков. С 1.07.1992 г. по 1.01.2003 г. миграционной службой Алтайского края было зарегистрировано 63641 беженца и вынужденного переселенца. Это лишь некоторая часть всех прибывших мигрантов (беженцев и вынужденных переселенцев) в Алтайский край. Как показывают социологические обследования и статистические данные, официально зарегистрированные показатели по названной группе мигрантов в 2-4 раза занижены по сравнению с фактическими. Значительная часть вынужденных мигрантов переселяется в районы Алтайского края самостоятельно, минуя региональную и районные миграционные службы.

В 1992 г. официально зарегистрированный миграционной службой Алтайского края приток вынужденных мигрантов составил 2350 чел. (827 семей). В 1993 г. в край прибыло 3679 чел. (1484 семьи), а в 1994 г. – 8044 чел. (2818 семей) (в этот год иммиграционный поток в край на 10% превысил среднероссийский). А в 1995 г. отмечается

наибольшее число регистраций, когда юридически оформили свое положение многие тысячи людей (12252 чел. – 4358 семей), приехавшие двумя-тремя годами раньше (рис. 1).

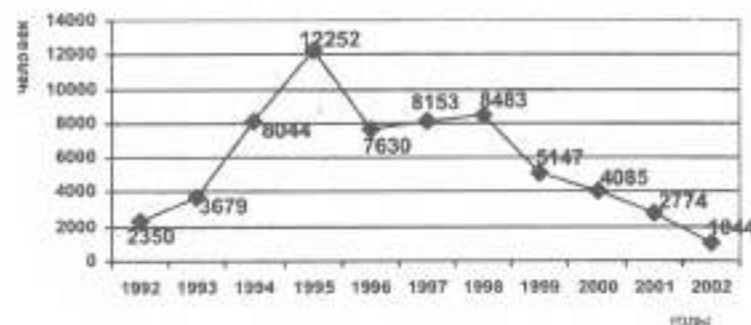

Рис. 1. Динамика численности вынужденных мигрантов на территории Алтайского края

Затем поток мигрантов несколько сокращается. Это можно объяснить в основном углублением социально-экономического кризиса в России, что делает переезд менее привлекательным (возрастает роль экономических мотивов в принятии решения о перемене места жительства), а также принятием нового Закона о гражданстве.

В общем потоке всех прибывших вынужденных мигрантов с 1.07.1992 года по 1.01.2003 г. наибольшее число таких мигрантов было из Казахстана (67%), Узбекистана (9%), Киргизии (8%) и Таджикистана (9%). В целом в крае наблюдается снижение потока переселенцев.

Нет пока ответов на вопросы: Какова оптимальная численность населения в тех или иных регионах? Каким должен быть его демографический состав? Какое население можно рассматривать как избыточное и как организовать его переселение? Где необходимо использовать преимущественно экономические рычаги, а где административные и какие?

Иммиграция вынужденных переселенцев по территории края осуществляется неравномерно. Доля вынужденных мигрантов в численности местного населения невелика. В целом их поток колеблется от максимума в 1% до минимума в 0,09%. В связи с этим, какими бы серьезными не были проблемы вынужденных мигрантов, даже значительное увеличение потоков не должно оказывать заметного отрицательного влияния на социальную ситуацию в местах вселения. Одна-

ко такое влияние есть, т.к. вынужденные мигранты распределяются неравномерно по территории районов вселения.

Если проследить за общим потоком вынужденных мигрантов с начала регистрации, т.е. с 1.07.1992 г. по 1.01.2003 г., то можно сказать, что большинство вынужденных мигрантов оседают в сельской местности (рис. 2).

Рис. 2. Численность городского и сельского населения среди общего потока вынужденных мигрантов, прибывших в Алтайский край

Мигранты, заселяясь в города, в первую очередь выбирают наиболее крупные. Так, на 1-м месте по размещению вынужденных мигрантов из всех городов края находится г. Барнаул, на втором – г. Бийск, на третьем – г. Рубцовск. А причины такого размещения – относительная стабильность и возможность выбора. Далее внимание вынужденных мигрантов падает на районы, которые расположены близко к городам (рис. 3).

В целом такая ситуация складывается в связи с тем, что начинают действовать чисто рыночные условия, формируется рынок жилья, учитывается его стоимость. При прочих равных условиях выбираются местности, где стоимость квадратного метра жилья ниже, а выбор на вторичном рынке жилья богаче. А это в современных условиях и есть сельская местность.

На протяжении взятого периода (с начала регистрации 1.07.1992 г. и до 1.01.2003 г.) национальный состав мигрантов, вынужденных переселенцев и беженцев остается достаточно стабильным, и за все годы русские являются преобладающей национальностью в общем числе переселившихся на территории края – 86,2%, украинцы составляют 4,5%, немцы – 3,2%, татары – 1,5%. Доля мигрантов других национальностей составляет менее 1%.

Есть в распределении потока и возрастные особенности. В общем потоке вынужденных мигрантов на 1.01.2003 г. лица трудоспособного возраста составляют 57,1%, причем трудоспособное население в основном в возрасте, далеком от пенсионного, и в последние годы они доминируют над другими категориями вынужденных мигрантов. Солидную часть потока прибывших вынужденных мигрантов составляют дети до 15 лет – 31%, а вот лица старше трудоспособного возраста не превышают 11%, что очень важно.

Итак, возрастной состав вынужденных мигрантов – значительно «молодой». Отсюда следует вывод: приток вынужденных мигрантов – это вливание новых сил в стареющее население Алтайского края.

Нужно отметить, что наибольшее число вынужденных мигрантов в трудоспособном возрасте за все годы прибыло с территории Казахстана, Узбекистана, Украины и Абхазии. Значительное число детей до 15 лет в общем потоке переселилось из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана. Самые высокие показатели (около 15% и выше) по прибывшим в возрасте старше трудоспособного характерны для стран: Молдавии, Таджикистана, Киргизии, Абхазии и Чечни. А самые низкие (менее 10%) по данной группе имеют Казахстан, Армения, Грузия, Латвия и Белоруссия.

Иммиграция на постоянное место жительства в Алтайский край из новых независимых государств не только восполняет демографический потенциал, почти полностью покрывая естественную убыль местного населения, это еще и дополнительный трудовой потенциал. Даже если ориентироваться на минимальные оценки стоимости подготовки специалистов с высшим и средним специальным

образованием (соответственно 1700\$ и 500\$), то экономический эффект от прибытия на Алтай специалистов будет составлять:

$$Э = (5192 \text{ чел. с в.о.} \times 1700\$) + (14592 \text{ чел. со ср. спец. образ.} \times 500\$) = 8726400\$ + 7296000\$ = 16022400\$$$

Так как на территорию Алтайского края, как отмечалось ранее, данный поток в несколько раз выше, следовательно, экономический эффект миграции будет намного значительнее.

По оценке территориальной ФМС край в состоянии принять более 240 тыс. человек. Миграционная емкость территории недоиспользуется, более 50% опрошенных глав городских и сельских администраций считают, что их районы могут принять, обустроить и обеспечить работой определенное количество переселенцев. Происходящие миграционные процессы указывают на необходимость разработки и проведения активной миграционной политики, определения стратегии и тактики края в отношении мигрантов. Она должна быть направлена на обеспечение приемлемых условий жизнедеятельности прибывающих в край вынужденных переселенцев и беженцев, без ущерба для местного населения.

Для формирования средне- и долгосрочной региональной миграционной политики следует определить стратегию и тактику края в отношении мигрантов. Требуется создать перечень (или карту) районов и городов края, характеризующихся наибольшей и наименьшей привлекательностью для иммигрантов, а с другой стороны, перечень трудонедостаточных и трудоизбыточных территорий. Внутрорегиональная миграционная политика позволила бы регулировать миграционные потоки.

Было бы целесообразно оценить место Алтайского края в миграционном процессе на фоне других регионов Российской Федерации, соизмерив его роль с долей затрат федерального бюджета на эти цели. Очевидно, что эти затраты должны быть адекватны нагрузке, которую испытывает край.

Таким образом, за последние годы миграция стала основным источником сохранения демографического потенциала края. Она характеризовалась перераспределением населения из республик Средней Азии и Казахстана на Алтай, появлением беженцев и вынужденных переселенцев, массовым оттоком немцев в Германию, ухудшением миграционных связей с регионами Российской Федерации. Новые тенденции наблюдались в сельско-городской миграции – переселение горожан в село. Среди причин, определяющих

миграционное поведение населения, наряду с социально-экономическими важным место заняли национально-этнические, демографические и политические факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миграция населения / Алтайский краевой комитет государственной статистики. – Барнаул, 1991-2002.
2. Демографический ежегодник Алтайского края. Госкомстат России. Алтайский краевой комитет государственной статистики. – Барнаул, 2001.
3. Лапин Н.Н., Дошин Ю.П., Госсен Г.И. Вынужденная миграция. Препринт № 18. – Новокузнецк, 2001.
4. Отчеты миграционной службы Алтайского края, 1992-2002.
5. Социально-экономическое положение городов и районов Алтайского края. Госкомстат России. Алтайский краевой комитет государственной статистики. Январь – декабрь 2001. – Барнаул, 2002.
6. Численность, состав и движение населения Алтайского края / Госкомстат России. Алтайский краевой комитет государственной статистики. – Барнаул, 1992-2002.

С.Г. Лебедева

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Распад Советского Союза в значительной мере отразился на всех сторонах жизни бывших союзных республик. Развалился большой государственный механизм, который на протяжении десятилетий регулировал и контролировал многочисленные процессы, в том числе и миграционные. Резкие политические и социально-экономические изменения начала 1990-х годов настолько сильно отразились на мотивации миграционных перемещений, их структурных характеристиках и направленности, что это дало право многим исследователям говорить о новом феномене – постсоветской миграции.

За точку отсчета мы берем 1991 год, когда были подписаны протоколы, фиксировавшие роспуск Советского Союза и формирование Содружества Независимых Государств (СНГ), так как именно

это событие в значительной степени повлияло на политическую составляющую последующих миграций. После развала СССР возросла неконтролируемость и хаотичность миграционных потоков, а вследствие этого их непредсказуемость. С одной стороны, развал жесткой системы контроля раздвинул границы миграции, а с другой – появился ряд серьезных ограничений и проблем. Как отмечает Зайончковская Ж.А., перемещение по миграционному пространству «ушедшей в прошлое страны ... напоминает бег с барьерами», несмотря на отсутствие за редким исключением визового режима [1].

Постсоветская миграция на протяжении последнего десятилетия XX столетия все больше отдалялась от советских образцов. В первой половине 1990-х годов доминирующими стали этнические и политические мотивы, внутригосударственные маршруты были заменены межгосударственными. Наиболее ярко проявился кризис этнической идентичности. Накануне 1990-х годов русские за пределами России находились в основном в четырех республиках, млн. чел.: на Украине – 12,7, в Казахстане – 6,2, Узбекистане – 1,6 и Белоруссии – 1,3 [2, с. 78]. В большинстве своем русские в союзных республиках составляли городское население. По переписи 1989 г. доля горожан среди русских была 97% в Туркмении, 95% в Узбекистане и Азербайджане, 94% в Таджикистане, 92% в Эстонии, 90% в Литве, 88% на Украине, 87% в Белоруссии, 86% в Грузии, 77% в Казахстане и 70% в Киргизии [2, с. 76].

Особый всплеск миграции наблюдался в первой половине 90-х годов XX столетия. Если в Россию из бывших «братских республик» прибыло около 4,5 млн человек, то в период с 1995 по 2000 годы было зафиксировано почти в два раза меньше – 2 426 тыс. человек [3, с. 47]. Общая численность мигрантов, переехавших в другие государства СНГ, поддается учету с трудом, из-за отсутствия статистики в таких государствах, как Грузия, Молдова, Таджикистан. Чистая прибыль населения России за счет мигрантов составила за первые пять лет по разным оценкам от 2 до 2,5 млн. человек [4]. Получается, что из новых независимых государств в Россию переселилось значительно больше людей, чем наоборот. Причем в большинстве случаев показатели притока в Россию из бывших союзных республик и оттока из нее в ближнее зарубежье были просто несопоставимы. Такому явному предпочтению, оказываемому мигрантами России, можно найти несколько объяснений. Во-первых, подавляющее большинство переселенцев составили русские и представители народов, чьи этноареалы находятся на ее территории. Во-вто-

рых, по сравнению с другими постсоветскими государствами в России, несмотря на все экономические проблемы, было больше возможностей для существования переселенца, нежели в большинстве других стран ближнего зарубежья.

Если говорить о мигрантах других титульных национальностей, то в первой половине 1990-х годов чаще всего в Россию они пребывали из государств с высоким уровнем политической нестабильности, разоренных войнами, блокадами и конфликтами: армяне, азербайджанцы, грузины, таджики. Многие из них были скорее вытолкнуты из своих государств, чем уехали добровольно. Этнополитические причины их миграции вызревали еще в годы существования Союза ССР. Уже в 1987 г. начинается первый крупный Карабахский конфликт, длившийся до 1994 г., с участием регулярных войск и использованием тяжелого вооружения. К конфликтам такого же уровня можно отнести начавшийся в 1990 г. Таджикиский этнополитический конфликт, который нашел свое разрешение лишь в 1996 г. На рубеже 1980-1990-х годов также наблюдалось несколько кратковременных вооруженных столкновений, например, Ферганский, Ошский, Южноосетинский конфликты, бакинский и сумгаитский погромы.

Официальный развал СССР явился своего рода толчком для обострения этнополитической ситуации на постсоветском пространстве. Проблемы, с которыми столкнулись новые независимые государства, в значительной мере выступили в качестве предпосылок возникновения дальнейших региональных конфликтов. Переход от планово-регулируемой экономики к рыночной, где бы он ни происходил, всегда сопровождается социальными катаклизмами. А в таком многонациональном государстве, как бывший Советский Союз, социальное и экономическое неравенство, возросшая конкуренция на рынке труда, земли, жилья и др. переросли в значительные этнические конфликты.

В 1992 г. начинаются Приднестровский, Абхазский, Осетино-Ингушский конфликты. Большая часть многочисленных невооруженных конфликтов, имеющих признаки острой межгосударственной, межэтнической, межконфессиональной или межклановой конфронтации, были сосредоточены в пределах Средней Азии, Закавказья и российского Северного Кавказа. Именно поэтому наиболее крупные отряды мигрантов устремились в Россию из новых независимых государств Центральной Азии. На долю Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана пришлось 2/3 от общего миграционного прироста в России. Причем почти половина прирос-

та, обеспеченного Центральной Азией, образовалась за счет оттока русских и русскоязычных из Казахстана. Хотя масштабных открытых столкновений здесь не наблюдалось, Казахстан, впрочем как Украина и Прибалтика, оставался зоной потенциальных конфликтов. За семь лет (с 1991 по 1997 годы) Россия в ходе обмена населением с Республикой Казахстан получила 1 млн 94 тыс. человек. Важно и то, что Казахстан – единственное государство, в котором после всеобщего спада миграции в Россию в 1995-96 годах произошел новый ее подъем [3, с. 41].

Однако многих конфликтов удалось бы избежать, если бы зачатую спонтанно возникающие проблемы сознательно не подогревались определенными политическими силами. В изменившихся условиях шла трансформация этнического самосознания местных элит и становления своеобразных моноэтнических государств, где с разной степенью интенсивности в зависимости от региона и страны осуществлялся национальный курс перехода на титульный государственный язык, стимулировалось развитие национальной культуры и религии при планомерном вытеснении, прежде всего, русскоязычного населения. Эти процессы происходили неоднозначно в разных республиках в зависимости от цивилизационной специфики местного общества, его социальной организации и социальных характеристик, национальной государственности, преобладающего типа политического развития и политической культуры. Например, в Узбекистане в начале 1990-х годов развилось мощное националистическое движение и был принят весьма жесткий Закон о государственном языке, по которому русскоязычное население должно было овладеть узбекским языком. В Казахстане в течение 1992 г. велась идеологическая борьба за строительство этнократического государства: разрабатывалось законодательство о государственном казахском языке, выплескивались обвинения в «этноцидной» политике русских против казахов, удревнялась казахская государственность и мифологизировалась история, переименовывались улицы, закрывались русские школы, активно шло создание национальной символики и многое другое.

Миграционные потоки во многом зависели от стабильности социально-политических режимов. Из государств с развитой системой демократических ценностей поток мигрантов был несколько ниже. Относительно высокого уровня политического развития на постсоветском пространстве достигли лишь государства Балтии, хотя и с некоторыми оговорками из-за жесткой националистической полити-

ки. В прибалтийских государствах всегда была сильна ориентация населения на европейские ценности, поэтому там по сравнению с другими постсоветскими государствами переход к демократии оказался наименее длительным. Ввиду этого, несмотря на достаточно болезненный процесс адаптации к рыночным условиям и сложные отношения между титульными нациями и русскоязычным населением, все основные принципы демократического устройства соблюдались: политическая борьба разворачивалась между партиями с устойчивыми, отчетливо различимыми программами, а не между хаотично складывающимися группировками и харизматическими личностями и тем более не между разными «ветвями власти», как в большинстве стран СНГ. Это позволило, например, в Литве при весьма кардинальной смене политического курса — после прихода к власти социал-демократов во главе с Бразаускасом — сохранить преемственность всех демократических установок и институтов общества.

В Узбекистане и Туркменистане с особой наглядностью проявились все признаки тоталитарных режимов, при которых граждане обладали лишь теми правами, которыми их наделили власти, конституция могла в любое время подвергнуться изменениям по усмотрению властей, выборы носили показной характер, применялись силовые методы управления. Всевластие харизматических лидеров, особенно явное в Туркменистане, превратило формально существующие институты демократии (парламент, партии, местные органы самоуправления, суды) в декоративные придатки режима личной власти.

В условиях гражданских войн в Азербайджане, Грузии, Таджикистане и Молдавии, а также социальной напряженности в Белоруссии, Киргизии и Казахстане оформились ограниченно авторитарные режимы, при которых власти опирались на принуждение, хотя иногда были склонны идти на компромисс с обществом. Несмотря на значительные ограничения в этих государствах существовала свобода печати, действовали выборные представительные органы.

Иной тип политического режима сложился в России и на Украине — здесь установился режим частичной демократии, при котором действовали выборные представительные органы, независимые от исполнительной власти, но с ограниченными полномочиями, власти в своей деятельности в равной мере ориентированы как на принуждение, так и на компромисс с обществом. Но частичная демократия неизбежно породила авторитарные тенденции, выражающиеся в усилении государственного контроля над всеми институтами гражданского общества, включая прессу, суды и частное предпринимательство.

Как мы видим, постсоветские миграции в первой половине 1990-х годов в силу вышеобозначенных причин носили преимущественно вынужденный характер. По общему количеству вынужденных мигрантов государства СНГ и Балтии можно расположить в следующем порядке. Наибольшее количество беженцев и вынужденных переселенцев в Россию дал Таджикистан в период с 1992 по 1994 гг. В последующие два года наблюдалось резкое снижение количества вынужденных мигрантов, что было напрямую взаимосвязано со спадом интенсивности военных действий в ходе гражданской войны в этой стране.

Второе место занимает Казахстан. Рост числа вынужденных мигрантов оттуда произошел прежде всего из-за миграционной политики России, которая позволила многим выходцам из Казахстана получить статус вынужденного переселенца.

Третье место в этом ряду принадлежит Узбекистану. При этом рост числа мигрантов из этой страны в РФ был не таким интенсивным, как из Казахстана, но из года в год заметно увеличивался.

Грузия и Азербайджан занимают четвертое и пятое места среди бывших союзных республик. В 1992-1993 гг. эти государства заметно опережали Узбекистан и Казахстан, что было следствием конфликтов в Баку, Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии, но впоследствии приток мигрантов из Закавказья резко уменьшился. И это было связано с относительной стабилизацией в этом регионе.

Значительным было число вынужденных мигрантов из Киргизии, при этом наибольшее их количество пришлось на 1994 г. В следующем году оно уменьшилось почти вдвое. Из остальных бывших союзных республик количество беженцев и вынужденных переселенцев было значительно меньше. При этом из Молдавии, как и из других стран, становление суверенитета которых сопровождалось военными конфликтами, наибольшее число вынужденных мигрантов пришлось на 1992-1993 гг., причиной чего явился Приднестровский конфликт, достигший своего апогея в 1992 г.

Украине и Белоруссии по количеству беженцев и вынужденных переселенцев среди стран нового российского зарубежья можно отвести одно из самых последних мест, несмотря на то, что в них проживало и проживает около половины всех русских бывшего СССР вне России. А ведь именно русские составляли подавляющую часть вынужденных мигрантов в Россию из остальных постсоветских государств. Это можно объяснить историко-культурными связями славянских народов и тем, что русское и иное нетитульное население этих республик в наименьшей мере по сравнению с другими партне-

г
к
л
п
с
к

л
р

о
в:

си
би
ки
Б.
ку
ки
пи
Аи

се
ко
же

ст
ле
се

Г
К
Р
П
И

ли
ду

рами России по прежнему Союзу подвергались национальной дискриминации и испытывали кризис идентичности.

В целом за 1989-1995 гг. в итоге миграционного обмена с Россией свое русское население потеряли Армения — 54,9% от числа русских в 1989 г., Таджикистан — 48,3%, Азербайджан — 41,9%, Грузия — 39,3%. Заметно меньшими были эти потери в Киргизии — 21,8% и Узбекистане — 21,7%, еще меньшими в Туркмении — 16,4%, Литве — 12,4%, Эстонии — 10,7%, Казахстане — 10,5%. Латвия и Молдавия потеряли соответственно — 8,9 и 6,6%, Украина — 1,3%, Белоруссия — 1,2% [5].

Вторая половина 1990-х годов отмечена сокращением масштабов миграционных потоков на постсоветском пространстве. Это было вызвано целым рядом причин. Во-первых, как уже указывалось выше, относительной стабилизацией этнополитической ситуации в зонах конфликтов. Во-вторых, осознанием негативных последствий чрезмерного оттока эмигрантов для обеспечения социально-политической стабильности руководством новых независимых государств. В третьих, постепенной институционализацией миграций, протекающей на двух уровнях — национальном и международном. Были приняты усилия по совершенствованию национальных законодательств: ужесточение российского законодательства по вопросам предоставления статуса беженца и вынужденного переселенца, законы о правовом положении иностранных граждан в Казахстане и Таджикистане, корректировка законов о беженцах в Белоруссии и др. Не в последнюю очередь дальнейший спад миграционных потоков объясняется социально-экономическими причинами и постепенным исчерпанием миграционного потенциала в странах СНГ и Балтии, так как основная часть потенциальных иммигрантов уже выехала в Россию в предшествующие годы [3, с. 47].

На протяжении последних лет только две страны — Белоруссия и Россия — имели положительное сальдо миграции. Величина миграционного прироста в Белоруссии в 1997 г. составила 15 тыс. чел. и компенсировала потери населения от естественной убыли на 31%, в 1998 г. — 20 тыс. чел. (компенсировала на 45%), в 1999 г. — 18 тыс. чел. (на 36%), в 2000 г. — 12 тыс. чел. (на 29%), в 2001 г. — 9 тыс. чел. (на 19%). В России величина учтенного миграционного прироста снизилась с 353 тыс. чел. в 1997 г. до 72 тыс. чел. в 2001 г. и компенсировала потери населения от естественной убыли лишь на 7,7% в 2001 г. против 47% в 1997 г. Как и прежде, самыми тесными для большинства населения стран Содружества остались связи с Белоруссией, Россией и Украиной. В эти государства в течение последних

пяти лет прибыло почти 90% общего числа прибывших из всех стран СНГ и Балтии.

В остальных странах Содружества в течение 1990-х гг. складывалось отрицательное сальдо миграции. В 1997 г. наиболее высоким был уровень оттока из Казахстана — 18 чел. на 1000 населения. В последующие годы интенсивность оттока из Казахстана ослабела и в 2000 г. составила 8 чел. на 1000. Несколько увеличился миграционный отток из Киргизии — с 2 чел. на 1000 жителей в 1999 г. до 5 — в 2001 г. Продолжается, хотя в меньших размерах, миграционный отток из Украины, который в 2000 г. составил 47 тыс. чел. или один человек на 1000 населения [6].

Во второй половине 1990-х гг. на смену вынужденным миграциям приходят миграции по социально-экономическим мотивам. В своем миграционном поведении мигранты все более руководствовались прагматическими соображениями. Для ряда государств СНГ, например, Киргизии и Узбекистана, внутренняя миграция стала более злободневной проблемой, чем внешняя. Особенно значительная центростремительная миграция из села в город наблюдалась в Таджикистане. Широкое распространение получили «челночные» и сезонные миграции. В 1996-1997 гг. наблюдается некоторое оживление экономики. В экономическом отношении на постсоветском пространстве в рассматриваемый период можно было наблюдать причудливое смешение рыночных и нерыночных, а то и вовсе натурализующихся участков хозяйственной деятельности. Взятый по отдельности каждый такой участок казался независимым от других; в действительности воспроизводство любого из них зависело от межстрановых и межрегиональных обменов товарами и людьми. Следствием этого и явился всплеск экономически мотивированных перемещений людей разных национальностей, с легкостью пересекающих любые границы. Межстрановая миграция населения и трудовых ресурсов обычно возникает при наличии значительного контраста в уровнях экономического и социального развития и темпах естественного демографического прироста стран, принимающих и отдающих рабочую силу. Постепенная интеграция постсоветского пространства в систему мировых миграций во многом определила тенденцию к расширению внешней трудовой миграции, столь четко проявившуюся в последнее десятилетие во многих странах мира и в современной России.

Серьезное влияние на миграционные процессы в СНГ конца 1990-х гг. оказал финансовый кризис 1998 г., последствия которого сказывались вплоть до конца 1999 г. Так, в 1999 г. в Россию было

Г привлечено мигрантов на 13% меньше, чем в 1997-1998 гг., и на четверть меньше, чем в 1996 г. Лишь по мере оживления экономики и повышения реальных доходов населения стали восстанавливаться миграционные потоки. Уже в 2000 г. количество трудовых мигрантов по сравнению с предыдущим годом возросло более чем на 9% [7].

О масштабах трудовой миграции можно судить по следующим оценкам: в Молдове в трудовые миграции включено около 500 тыс. чел., на Украине – около 250 тыс. чел., в Армении – до 1/3 домохозяйств, в России – 8-12% домохозяйств [8].

Трансформация политической и экономической системы естественным образом способствовала увеличению притока в страну иностранной рабочей силы. Первым важным фактором трудовой иммиграции в РФ из стран СНГ была и остается ее относительная привлекательность с точки зрения уровня жизни и получения более высоких заработков по сравнению с другими государствами Содружества. Вторым фактор – это устойчивый спрос в России на ИРС из-за относительной нехватки рабочей силы в отдельных секторах экономики и регионах по отдельным профессиям и видам работ. Прежде всего это сферы занятости, характеризующиеся низким уровнем оплаты труда, большим количеством непривлекательных для местного населения рабочих мест, отдаленностью районов. В целом, как показывают исследования, состав трудовых мигрантов в России отвечает потребностям рынка труда. Основная масса трудовых мигрантов используется в строительстве, некоторых отраслях промышленности (в большей степени металлообработка) и сельском хозяйстве.

Круг основных государств, направляющих иностранную рабочую силу в Россию, сформировался еще в первой половине 1990-х гг. Лидером была и остается Украина, также выделяется Молдавия, и все большее значение приобретает рабочая сила из Таджикистана и государств Закавказья.

Безусловно, что пополнение внутреннего рынка труда за счет притока в страну иностранной рабочей силы сопровождается комплексом экономических и социальных проблем. Наиболее актуальная из них – нелегальная трудовая миграция. Серьезность данной проблемы обусловлена несколькими моментами: сложностью определения количественных параметров проблемы из-за отсутствия официальных данных, следовательно, относительной непредсказуемостью и неопределенностью последствий, вызываемых ею. В качестве негативных социально-экономических последствий эксперты отмечают расширение теневой экономики, развивающейся вне

налогового законодательства, изъятие из финансового оборота значительной доли денежных средств или же, наоборот, наплыв «грязных» денег, обострение ситуации на рынках труда, вследствие чего происходит усиление социальной напряженности, обострение межнациональных отношений, ухудшение криминальной обстановки [9].

Достоверные данные о масштабах незаконной миграции отсутствуют. По оценкам экспертов наиболее значительные контингенты незаконных мигрантов сконцентрированы в РФ (от 700 до 1500 тыс. человек), на Украине (около 600 тыс.), в Белоруссии (50-100 тыс.), Молдове (100 тыс.). В 1999 г. были пресечены попытки въезда 40 тыс. незаконных мигрантов на Украину, 29 тысяч – в Азербайджан, 1,2 тысячи – в Молдову [10]. По другим источникам, в РФ ежегодно работают более 3 млн трудовых мигрантов из стран Восточной Европы и Центральной Азии, из них лишь 100 тыс. имеют разрешение на работу. Более 500 тыс. граждан Молдовы работают за границей нелегально, и половина из них – главным образом в России [11].

На сегодняшний день достаточно остро ощущается нехватка нормативных актов, направленных специально на решение проблемы незаконной миграции. Поэтому в последнее время основными звеньями миграционной политики стран СНГ становятся проблемы, связанные с укреплением границ, борьба с незаконной миграцией, ограничения свободы передвижения, усиление контроля над иностранными гражданами. В марте 1998 г. было подписано «Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией» (за исключением Туркменистана), которое затрагивает вопросы сотрудничества и координации действий в области иммиграционного контроля, гармонизации законодательства, согласования процедур депортации и подготовки кадров, а также в области обмена информацией по удостоверяющим личность документам, маршрутам незаконной миграции, национальному миграционному законодательству и соглашениям с третьими сторонами.

По мере становления на территории бывшего СССР национальных миграционных режимов все большее число международных организаций принимают активное участие в их функционировании, в частности это Международная организация по миграции (МОМ), Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), ОБСЕ, ЕС и некоторые неправительственные организации. Постсоветское пространство играет сейчас роль своеобразной экспериментальной площадки, на которой испытываются новые стратегии управления миграциями. К настоящему времени

институты национальных миграционных режимов окрепли до такой степени, что способны самостоятельно формулировать свои цели и пытаются использовать международные организации как инструмент для их достижения, что не может не порождать серьезные противоречия. Большое количество структур, работающих в данной области, также затрудняет координацию действий.

В последние пять лет в рамках программы MOM по наращиванию потенциала в области управления миграционными процессами (НПОУМ) осуществляется поддержка основных направлений деятельности в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Данные программы направлены на объединение всех элементов систем управления миграцией. Например, трансграничный экспериментальный проект Украины и ее соседей, который был нацелен на создание координационных органов в каждой стране с целью осуществления надзора за всеми компонентами системы управления миграцией: законодательной и нормативной базой, процедурами выдачи виз и въезда, развитием технологической и информационной систем, а также методами решения оперативных вопросов на участке границы, где проводится эксперимент. Другие программы MOM направлены на развитие информационных систем, разработку миграционной политики и законодательства, обучение сотрудников миграционных служб.

Таким образом, феномен постсоветской миграции с момента своего появления значительно видоизменился. Если этническая миграция в годы существования СССР была как бы случайным ответвлением трудовой миграции, то после распада Советского Союза она превратилась в мощный миграционный поток, что и дало право многим исследователям говорить о новом миграционном феномене. Но вынужденная этническая миграция, столь характерная для первой половины 1990-х гг., вызванная формированием независимых «национальных» государств и сопровождавшаяся усилением социальных и межэтнических конфликтов, переросших в ряде регионов бывшего Союза в вооруженную борьбу, к концу тысячелетия теряет свою актуальность. Все активнее идет интеграция постсоветского пространства в систему мировых миграций и принятие странами СНГ международных стандартов в области миграционной политики. Одним из перспективных направлений сотрудничества государств Содружества при активной поддержке международных организаций является субрегиональное сотрудничество. Постсоветские миграции за последнее десятилетие прошли путь от восприятия их как явления, несущего в себе угрозу национальной безопасности страны, до осознания, что мигра-

ция при продуманной и согласованной миграционной политике может стать ресурсом для развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайончковская Ж.А. Миграционные тренды в СНГ; итоги десятилетия // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. – М., 2001. – С. 173.
2. Катагощина И.Т. Кризис идентичности как фактор миграционных процессов на постсоветском пространстве // Восток. – 2001. – № 6.
3. Мухомель В.И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии // Этнопанорама. – 2001. – № 3.
4. Мухомель В.И. В движении добровольном и вынужденном // Этнопанорама. – 2001. – № 3. – С. 34; Население России 2001. – М., 2002. – С. 215.
5. Савоскул М.С. Вынужденная миграция русской диаспоры из стран СНГ и Балтии // http://www.ecoross.ru/old/savos_s.htm.
6. Статистика СНГ (статистический бюллетень). – № 20 (299), октябрь 2002. – С. 81-101.
7. Миграция населения. Трудовая миграция в России. Вып. 2. – М., 2001. – С. 108.
8. Мухомель В.И. Миграционные процессы и миграционная политика стран СНГ: этапы развития // Этнопанорама. – 2001. – № 3. – С. 7.
9. Красинцев Е., Кубишин Е., Тюрюканова Е. Нелегальная миграция в Россию. – М., 2000. – С. 82-83.
10. Миграционная информация из стран СНГ. Центр MOM по техническому сотрудничеству. Женева, июль 2000. – С. 2-7.
11. Тенденции в области миграции в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Обзор за 2001-2002 годы. – MOM, 2002. – С. 44.

С.А. Линок

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

К важным социальным факторам, оказывающим возмущающее воздействие на политическую систему, относят сферу межэтнических отношений. Для Казахстана как полиэтнического государства эта

сфера имеет жизненно важное значение. От того, как складываются межэтнические отношения, зависит судьба и выживание политической системы нашей страны.

Интеракции политической системы Казахстана со сферой межэтнических отношений мы рассматриваем под углом зрения воздействия конфликтного, стрессового потенциала в межэтнических отношениях на стабильность политической системы, с одной стороны, и обратного воздействия политической системы на снижение конфликтного потенциала межэтнических отношений, с другой стороны.

Современные государства ввиду своей полиэтничности отличаются многообразием межэтнических отношений, которые требуют к себе внимания со стороны государства. Важной задачей многонационального государства является оптимизация межнациональных отношений, т.е. поиск и реализация наиболее благоприятных вариантов взаимодействия субъектов международных отношений.

Казахстан не только в постсоветском пространстве, но и на мировом уровне относится к разряду полиэтничных и многоконфессиональных стран.

Стабильность межнациональных отношений прежде всего зависит от учета интересов различных национальных групп. Самое главное – это обеспечить гармоничное взаимодействие этих интересов. История показывает, что деформация в политических отношениях многонациональных государств возникает при нивелировке интересов национальной группы, при отрицании их специфики.

Этническая проблема актуализируется прежде всего в государствах с полиэтничным составом населения. Ведь каждая этническая группа имеет свои особенности демографического поведения, социально-культурного и экономического развития.

Полиэтничность, как показывает исторический опыт, может оказать как благоприятное воздействие на социально-экономическое, политическое и культурное развитие, так и сильнейшее разрушительное действие из-за конкуренции этносов.

В Казахстане чрезвычайно сложен этнонациональный состав населения, что неизбежно оказывает воздействие на политическую ситуацию. Из 14,9 миллионов человек, проживающих в Казахстане, казахи составляют 53,4%; вторая по численности этническая группа – русские, остальную часть населения составляют другие этнические группы.

В процессе становления молодого государства этническая картина республики претерпела значительные изменения, и прежде всего – этнодемократическая ситуация, обусловленная отрицатель-

ным сальдо большого миграционного потока. Резко увеличилось количество выезжающих за пределы республики. Это преимущественно лица русской, немецкой и украинской национальностей. Среднее число русских эмигрантов за последние 7 лет составило 153,9 тыс. чел. в год, причем пик эмиграции приходился на 1994 г., когда численность выехавших равнялась 283,2 тыс. человек. Для украинцев эти цифры выглядели следующим образом: среднее число выезжающих в год – 22,5 тыс. чел., пик – 1994 г. (36,9 тыс. чел.). Среди немцев количество выезжающих составило 74,9 тыс. чел. в год, больше всего выехало в 1992 г. (99,6 тыс. чел.) [1].

Итогом функционирования советской системы была следующая этносоциальная структура казахстанского общества. Регионами преимущественного проживания казахов являются западные и южные области республики, экономически бедные и к тому же экологически загрязненные. За исключением двух областей (Кзыл-Ординской и Атырауской), доля титульного этноса составляет по областям от 20 до 65%. В то же время в 8-ми областях (север, северо-запад, северо-восток) и в г. Алматы русские составляют этническое большинство. Русские составляют большинство также среди всего занятого населения страны – 40%. Кроме того, большая часть русского населения проживает в городах – 51%, на селе – 19%, в то время как казахи среди всего занятого сельского населения составляют 57%.

С обретением суверенитета и определением национальной идентичности, началом экономического и социального расслоения ресоциализация неминуемо должна была привести к изменению социально-статусных позиций контактирующих этнических общностей. Естественно было ожидать возрастание мобильности и социальных притязаний казахского этноса, что не могло сказаться на социальном «самочувствии» остальных этносов, в первую очередь – русского, оказавшегося в дискомфортном положении. Если раньше русские негласно занимали доминирующее положение в советском обществе, то теперь они испытывают вполне открытое давление (конкуренцию) со стороны представителей других этносов, в первую очередь, казахского. Реформирование казахстанского общества изменило сложившуюся стратификационную систему, в которой каждый этнос занимал свою социальную нишу, чем обеспечивалось социальное равновесие.

Специфика этносоциальной ситуации в Казахстане, как отмечают отечественные специалисты, заключается в следующих моментах: 1) полиэтничности населения с численным преобладанием двух

г этносов; 2) поликонфессиональности при преобладании ислама и
к христианства; 3) наличии двух метаязыковых общностей: тюрк-
л кой и славянской [2].

п Помимо этих особенностей этносоциальная ситуация в Казах-
с стане характеризуется посттоталитарным, постсоветским характе-
к ром общества. На этапе суверенизации страны социально-полити-
ческое развитие Казахстана испытало значительное влияние этни-
л ческого фактора. Формирование полиэтнического государства со-
р провождалось трансформацией этнического самосознания, измене-
нием интересов этнических групп. Законы и нормативно-правовые
о акты, принятые в этот период, во многом отражали приоритеты эт-
в нической политики республики.

си По эволюции принятия правовых решений можно проследить
б тенденции в разрешении национального вопроса. Если в начальный
к период (1989-1995 гг.) в политике государства наблюдалась тенден-
Б ция к этатизации и этнизации республики, что выразилось в зако-
ю нах, принятых в это время (1989 г. — закон «О языках Казахской
к ССР»), в Конституции 1993 г., создании ряда комитетов и комиссий
п (Комитет по языкам при Кабинете Министров, Государственная тер-
А минологическая комиссия при Кабинете Министров Республики Ка-
захстан), то после принятия Конституции 1995 г. наметились серь-
езные изменения в сторону принятия общегражданских принципов
се характера государственности, идеи консолидации общества, при-
кс оритетов прав личности. Именно в этот период создается Государ-
ж ственный комитет по национальной политике, формируется Ассам-
блея народов Казахстана, призванная стать действенным инстру-
ст ментом проведения консолидирующей, консенсусной и демократи-
л ческой этнополитологии.

се Немаловажную роль в социально-политическом развитии рес-
публики играют различные политические партии и движения. На се-
годняшний день в Казахстане существует целый ряд политических
организаций, в программах которых приоритетное внимание уделе-
но этническим проблемам. По мнению казахстанских этнополито-
логов, их условно можно разбить на следующие группы: национал-
радикалы, умеренные и либералы.

Для национал-радикалов: ГДК «Азат», «Алаш», «Желтоқсан» и
других политизированных групп, характерно явное, но чаще завуз-
ли лированное стремление к построению в Казахстане этнического,
ду мононационального государства. Их политика направлена на быст-
рое изменение демографической структуры населения республики,

в результате которой доля русскоязычного населения должна зна-
чительно сократиться.

Противоположностью вышеперечисленных партий и движений явля-
ются организации РОСД «Лад», «Русская община», отдельные ка-
зачьи объединения, которые требуют независимости Северного и
Восточного регионов либо воссоединения с Россией. Фактически они
не желают признавать новых геополитических реалий и стремятся к
созданию федеративного государства, в котором доминирующее по-
ложение будут занимать русские.

Националистическая и имперская идеологии радикальных орга-
низаций не имеют поддержки у большей части населения республи-
ки и поэтому не доминируют на политической арене.

Однако путь к общегражданской форме государственности имел
достаточно противоречивые вехи в межэтнических отношениях на-
родов Казахстана. Отечественные специалисты, в частности Г. Ма-
линин [3], выделяют ряд этапов в изменениях идентификационных
побуждений граждан Казахстана, которые достаточно жестко кор-
релируют с общим социально-политическим контекстом развития
казахстанского общества.

Первый этап (1986-1990 гг.) характеризуется воздействием на
формирование идентификационных стратегий граждан их национал-
этнических ориентаций, которые компенсировали существенное
ослабление связей граждан с крупными групповыми солидарностя-
ми: партией, комсомолом, профсоюзами. Этот период начинается с
декабрьских событий, когда возникает оппозиция режиму, преиму-
щественно этнической направленности. Тогда же появляется закон
«О языках Казахской ССР», образуются первые национально-куль-
турные центры, формируются партии националистического толка
(«Азат», «Алаш», «Желтоқсан, организация казаков).

На втором этапе (1991-1993 гг.) происходит институционализа-
ция идеи самоопределения казахов, активно формируется на-
циональная, политическая и экономическая элиты, утверждаются
национально-этнические параметры развития Казахстана (Кон-
ституция 1993 г.). Вследствие этого происходит институционализа-
ция «Русской общины», многих национально-культурных центров,
усиливаются сепаратистские тенденции на севере страны, набирают
силы казахские национал-патриотические организации. Состояние
межнациональных отношений ухудшается.

Третий этап (1993-август 1995 гг.) характеризуется еще боль-
шим усилением дифференциации идентификационных побуждений

граждан по этническому признаку. В этот период разворачивается противостояние двух тенденций в развитии государственности, гражданской и генетической модели нации, а также наблюдается пик активности национал-патриотических организаций. В это время усиливается активность русских и славянских общественных объединений, происходит существенный рост и эмиграционных побуждений, выразившихся в значительном оттоке русскоязычной части населения за пределы Казахстана. В период с 1993 по 1995 гг. разворачиваются бурные дискуссии о языках, бипартийности. В межэтнических отношениях этот период считается пиком обострения.

Четвертый этап (1995 г.-по настоящее время) знаменуется поворотом в характере государственности от генетической к гражданской модели нации. Этот этап включает в себя процессы формирования общекзахстанской идентичности на основе становления идентификационных побуждений русскоязычной части населения. Конституция 1995 г. закрепила новое решение статуса языков, гражданства. В этот период снижается острота межэтнических отношений, ослабляются темпы эмиграции славянских народов.

Этнодемографическая структура республики имеет тенденции к значительному изменению, что проявляется в увеличении численности титульного этноса и уменьшении количества русскоязычных этнических общностей. Такие изменения связаны в первую очередь с высокими темпами естественного прироста сельского казахского населения, а также низкой рождаемостью у славянских народов и усилением эмиграционных процессов среди них. Удельный вес этнических меньшинств остался приблизительно прежним, за исключением немецкой диаспоры, численность которой за последние годы за счет выезда в дальнее зарубежье значительно сократилась.

Причины всплеска эмиграционных настроений связаны прежде всего с ухудшением социально-экономических условий в Республике Казахстан, а также с изменением социально-политической ситуации на всем пространстве СНГ.

Социально-экономическая структура республики отличается своеобразной этнической окраской. В Казахстане в силу различных условий и обстоятельств сложилось этническое разделение труда, наиболее выраженное по линии «сельское хозяйство – промышленность». Около 60% коренного населения занято или было занято (увеличение безработицы) сельскохозяйственным трудом, преобладающее большинство русскоязычного населения составляют трудовые ресурсы промышленных предприятий. Диспропорции в сфе-

ре занятости между этническими группами наблюдаются во многих отраслях народного хозяйства. Их возникновение обусловлено как объективными, так и субъективными причинами.

В условиях рынка происходит интенсивный поиск этносами своего места в экономической модели страны. Происходящие в этом русле процессы формирования определенных этноэкономических ниш, захвата сфер деятельности и влияния на внутреннем рынке этническими группами являются одним из спонтанных способов этого поиска. Широкие экономические и культурные контакты этнических диаспор со своими соплеменниками за рубежом, их активная деятельность в сфере малого и среднего бизнеса свидетельствуют о том, что наилучшие адаптивные способности в новых рыночных условиях проявляют в большинстве своем именно этнические меньшинства.

У многочисленных этносов усиление экономической активности происходит неоднородно и проявляется в формировании социального слоя предпринимателей и бизнесменов. В республике сложилась своеобразная этносоциальная стратификация, которая имеет свои особенности и тенденции. Спецификой этносоциальной стратификации является прежде всего наличие двух крупных социальных слоев, в этническом плане практически гомогенных. Это – сельские и городские жители. Преобладающее большинство казахов – сельское население, а горожане республики в основном – русскоязычные этносы [4].

На современном этапе развития в этносоциальной структуре Казахстана наметились некоторые тенденции. Прежде всего, в республике усилилась миграция из села в город, которая в силу изложенных выше обстоятельств приняла этнический характер. Увеличение численности горожан-казахов сопровождается сложными процессами адаптации к городской среде, которые в отдельных случаях принимают крайне негативные формы. Большой миграционный поток из села в город обусловлен во многом массовой безработицей, охватившей значительную часть сельского населения. Серьезные проблемы с занятостью испытывают сегодня и городские жители.

В силу различных обстоятельств, обусловленных культурологическими предпосылками, историческими условиями, объективными и субъективными факторами, а также политическими и экономическими решениями советского руководства, на территории Казахстана сложилась своеобразная картина этнической дифференциации производственной деятельности. Она приняла отраслевой и регио-

нальный характер, повлияла на образование определенных этноэкономических ниш.

В Казахстане, как и в других республиках центрально-азиатского региона, некоренные этносы составляют большую часть рабочих, занятых на транспорте и в учреждениях связи, которая, как правило, превышает их процентное соотношение от всего населения.

Особая этническая окрашенность очевидна для таких отраслей народного хозяйства, как промышленность и сельское хозяйство. Общеизвестно, что основной костяк работников промышленных предприятий составляет русскоязычное население (преимущественно русские), тогда как в сельском хозяйстве преобладают представители коренной национальности. Причины такого очевидного разделения труда по жизнеобеспечивающим сферам производства имеют как культурологическую и историческую основу, так и политико-экономический характер, сказавшийся в волюнтаризме руководства бывшего СССР в размещении производительных сил.

Традиционно основными видами хозяйственной деятельности казахского народа являлись скотоводство, отгонно-пастбищное животноводство. В советское время экономическая структура Казахстана претерпела значительные изменения. На территории республики появились многочисленные промышленные предприятия, объекты инфраструктуры. В этих условиях формирование и пополнение рабочего класса осуществлялось преимущественно экстенсивным методом. Миграционный приток рабочего класса, в основном из России, решал проблемы занятости на только что возведенных промышленных объектах. Таким образом, мигранты извне поселялись и трудоустраивались по заранее определенной схеме: урбанизация пространства и его заполнение.

Прогрессивная, по сути, политика коренизации рабочего класса, проводимая в 1920-1930 гг., когда доля казахов в численности рабочих достигала 40%, не получила своего развития. «Последовавшее за этим массовое переселение казахских рабочих из-за пределов республики, массовое предложение рабочей силы извне, широкое применение вахтового метода фактически сняло проблему формирования национального рабочего класса.

Непродуманные, политизированные организационно-экономические решения способствовали усилению тенденции неравномерного в этническом отношении размещения трудовых ресурсов. Спрос на рабочую силу в промышленности, а также в других урбанизированных отраслях удовлетворялся за счет приезжих не-

коренных этносов, а сельское хозяйство, в частности, его наиболее отсталые отрасли, оставалось по-прежнему основным видом деятельности казахского населения» [5].

Структурные перекосы в этноэкономической структуре Казахстана, имевшие место ранее, усугубились вследствие вопевых решений партии и высшего руководства СССР, что обусловило существование и проявление социальных, экономических, политических противоречий между этносами на современном этапе развития республики.

Развитие этноэкономических отношений в перспективе может привести к обострению межнациональных противоречий, если органы государственной власти и управления на всех уровнях не будут учитывать вышеизложенные особенности.

Этнополитическая ситуация в республике на сегодняшний день по многим показателям считается относительно стабильной. Однако проблема взаимоотношений между этносами носит динамичный характер, что всегда следует учитывать при осуществлении различных направлений этнической политики.

Большой резонанс в казахстанском обществе вызывает и проблема оралманов, которая является еще одним конфликтогенным фактором. В обществе сложился негативный стереотип восприятия проблемы, несмотря на конъюнктурные выступления некоторых политиков. Согласно данным Агентства РК по миграции и демографии с 1 января 1991 года по 1 июля 2003 года в Казахстан прибыли 67882 семьи или 277031 человек (состав семьи примерно 5 человек). Обратим внимание на качественный состав населения: докторов наук – 26, кандидатов наук – 152, лиц, имеющих высшее и неполное высшее образование – 18981, среднее специальное образование – 26549, среднее образование – 88586. По профессиональной принадлежности большую группу этнических переселенцев (22343 чел.) составляют работники сельского хозяйства, т.е. образовательный уровень прибывшего населения чрезвычайно низок. Кроме того, среди приехавших 6070 человек – бизнесмены, 3479 – медики, 6169 – имеют какой-то образовательный уровень, зачастую резко отличающийся по качеству от казахстанского и по стандартно пройденным предметам, 52000 – принадлежат к каким-то другим профессиям. Получается, что за вычетом детей и пенсионеров среди оралманов около 100000 малограмотных и 120000 не имеют профессиональной подготовки.

На октябрь 2003 года 210000 приехавших получили гражданство Казахстана, 2872 стали студентами вузов и 2135 – студентами сузуов. Обращаем ваше внимание на разницу в образовательном уровне у

приехавших и казахстанских студентов и на изначально более низкий уровень школьного образования оралманов. В результате процесс адаптации приехавших растягивается на несколько лет, и по окончании обучения мы получаем неквалифицированного специалиста.

В данный момент правительство Республики Казахстан пытается адаптировать мигрантов путем внесения в нормативно-правовую базу ряда поправок: упрощенный порядок принятия гражданства, получение земельных участков для строительства, для ведения крестьянского и фермерского хозяйства, принимает другие льготы. Однако данные мероприятия не в полной мере охватывают спектр решаемых проблем, например: задолженность по жилью не финансируется из бюджета, и при трудоустройстве предпочтение отдается квалифицированным кадрам, в чем также проявляется двойственность политики приглашения оралманов.

В Программе развития республики говорится, чтобы экономически успешно развиваться, к 2015 году население страны должно количественно достигнуть 20000000 человек. То есть должна быть принята программа по стимуляции рождаемости, и республика должна принимать до 600000 человек. В данный момент государство не в состоянии социально их адаптировать, и многие из них не хотят адаптироваться к казахстанской действительности, они проживают анклавами при консервации общинности и имеют контакты с государствами, из которых они приехали. Кроме того, государственные органы на сегодняшний момент полноценно не могут помочь с трудоустройством, обучением и адаптацией.

Таким образом, этнический фактор в социально-политическом развитии Казахстана обладает многоплановостью и требует к себе пристального внимания при решении любых вопросов национальной политики.

Сегодня мы стоим на начале пути формирования нового содружества в нашей стране, новой нации — казахстанского народа. В связи с этим особо актуальной является научная разработка путей реализации данного процесса, так как без нее невозможно его практическое решение.

Этнореалии современного мира показывают глобализацию этнических процессов, повсеместный рост этничности, этнического возрождения. Глобальный характер этнических процессов заключается, во-первых, в том, что охватывает различные страны с различным социально-экономическим, политическим устройством; во-вторых, все или почти все современные конфликты носят этнический

характер; в-третьих, они охватывают все сферы жизни общества: политические, экономические, социальные, духовные; и, наконец, в-четвертых, как и все глобальные проблемы современности, решение этнических проблем зачастую не под силу отдельной стране и, как правило, для их решения привлекаются третьи стороны. В качестве арбитра могут выступить как отдельные лидеры с мировым именем, так и отдельные государства и даже международные организации. К таким международным организациям, занимающимся урегулированием этнических конфликтов, правами меньшинств, относятся ООН, ЕС (Европейское сообщество), ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), МВФ (Международный валютный фонд), МАКПЧ (Американская Комиссия по правам человека), ОАЕ (Организация африканского единства) и т.д. Деятельность региональных организаций в урегулировании этнических конфликтов или по их предупреждению носит разнонаправленный характер — это и «мягкое», и «жесткое» посредничество, создание региональных систем наблюдения за правительствами по соблюдению норм прав меньшинств и прав человека, всевозможные экономические санкции и военное вмешательство.

Национальная проблема ни в одной стране мира до настоящего времени не решена. Прав был О. Бауэр, утверждавший, что нельзя смешивать вопрос о равенстве и равноправии нации: абсолютного равенства быть не может, признание разности и есть основа равенства, но равноправие наций должно обеспечиваться проводимой национальной политикой.

Таким образом, рассматривая вопрос о субъектах этнополитического процесса, можно сказать, что основная роль в обеспечении национального согласия и единства в Республике Казахстан принадлежит государству.

Основными принципами национальной политики должны быть принятие мер, направленных на всестороннее развитие каждой этногруппы, и выработка путей гармонизации межэтнических отношений. И, кроме того, эта политика должна быть по возможности динамичной. Вместе с разработкой государственной политики, усовершенствующей межэтнические отношения, назрела необходимость создания специальной программы межэтнической интеграции. Должна измениться казахстанская система управления, мы предлагаем принять программы адаптации мигрантов (региональные и государственные) и внедрить в школах программу толерантного восприятия, что позволит снизить напряженность этнического фактора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социально-экономическое положение регионов Республики Казахстан. – Алматы, 1997. – С. 15-16.
2. Кушербаев К.Е. Этнополитика Казахстана: состояние и перспективы. – Алматы, 1997. – С. 5.
3. Малинин Г. Переоценка ценностей и идентификационной стратегии граждан Казахстана // Мысль. – 1998. – № 1. – С. 30.
4. Есенгалиева А. Этнический фактор социально-экономического развития Казахстана // Саясат. – 1998. – № 7. – С. 37.
5. Абдильдин Ж., Нысанбаев А. Политика межнациональных отношений в Казахстане // Мысль. – 1994. – № 2. – С. 53.

М.А. Мухамеджанов

Восточно-Казахстанское областное управление информации,
г. Усть-Каменогорск

ГАРАНТЫ ПРАВ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЭТНОСОВ

Удивительно – самобытная жизнь нашего молодого независимого государства и полиэтнический колорит его населения являются высшей ценностью нашего общества, сплоченного на идеях консолидации, гуманизма, межнационального согласия, равенства всех наций и народностей. И, как особо подчеркнуто в стратегии «Казахстан – 2030» президента Республики Казахстан Н. Назарбаева, «мы разовьем свою единую гражданственность, основанную на равенстве возможностей для всех граждан нашей страны».

Несмотря на временные экономические трудности, с высоты обретенного казахстанцами опыта сегодня с уверенностью можно говорить о благожелательном и устойчивом межнациональном сотрудничестве в нашей стране, общности исторической судьбы всех казахстанцев.

В последнее десятилетие этнический фактор привлекает огромное внимание в связи с массовыми миграциями, ростом этнонационализма, конфликтами и распадом государств. Поэтому вопросы межэтнических отношений и их регулирования актуальны сегодня, поскольку почти все важнейшие государственные решения в сферах политики и экономики в той или иной мере связаны с состоянием межэтнических отношений, особенно в полиэтнических государствах, каковым является и Казахстан.

В первые годы суверенитета существовали опасения, что Казахстан пойдет по пути построения этнократического и монокультурного государства и тем самым предрешил свою судьбу, распавшись на части. Но этого не произошло. Многонациональный народ Казахстана доказал, что он способен жить и работать бок о бок во благо общей Родины.

В сложнейших условиях экономического и политического кризиса, когда остро стояли задачи государственного строительства, народ Казахстана сумел нащупать, быть может интуитивно, а скорее – основываясь на многовековом опыте совместного проживания, верное направление в определении формулы построения государственности.

Исторически сложилось, что на территории Республики Казахстан проживают более ста национальностей. Межэтнические отношения в Казахстане характеризуются многообразием и динамичностью. Их характер определяется многими факторами. Это и сложная геополитическая ситуация, когда локальные конфликты на территории сопредельных государств являются одной из причин формирования межэтнической напряженности, роста недоверия и подозрительности в отношении соседствующих этносов. И неоднозначные внутренние тенденции: сложная миграционная и демографическая ситуация.

Общества и государства различаются между собой не тем, как много представителей разных культур и религий в них проживают, а тем, какое значение придается этим культурным различиям и как этот фактор отражается в устройстве и в политике государства.

Казахстан по своему опыту сохранения межэтнического согласия в ряду постсоветских государств занимает особое место. В сложный период обретения независимости, пробуждения этнического самосознания, обсуждения проблем двойного гражданства и статуса казахского и русского языков государству удалось не допустить межэтнических столкновений.

С одной стороны, во многом этому способствовало то, что граждане Казахстана имеют гораздо больше общих исторических, культурных ценностей и общественно-политических установок, чем различий на основе религии и этнической принадлежности. С другой стороны, в Казахстане были созданы условия для этнического равноправия, сохранения и развития собственной культуры, религиозной свободы. Они предусмотрены в Конституции Республики Казахстан, законе «О языках в Республике Казахстан», Концепции языковой политики РК, Государственной Программе функционирования и

развития языков до 2010 года. Эти документы способствуют регулированию межэтнических отношений в обществе и управлению ими.

Тем не менее, нельзя полностью исключать опасность возникновения локальных конфликтов на этнической почве. Этноконфликты чаще всего произрастают из местных проблем. В этой связи наряду с другими особым вниманием и углубленного анализа требуют проблемы взаимодействия языков и повышения роли государственных органов.

Национально-языковая ситуация в Казахстане – уникальное явление, отражение бывшего Советского языкового пространства, где русский язык являлся средством не только межэтнической коммуникации, но и внутриэтнической для всех национальностей. В связи с обретением Казахстаном независимости закономерен процесс роста национального самосознания и повышения интереса к родному языку. От развития языка зависит развитие этноса в целом, развитие национальных процессов. По определению Чингиза Айтматова, «язык – это первоипостась любого народа, содержание его опыта, познаний, культуры, истории, наконец, язык – эмоциональное чувствилище и память нации».

Языковая ситуация в Восточно-Казахстанской области за последние годы претерпела существенные изменения. Наряду с государственным языком развиваются языки других народов. Вырос интерес к изучению казахского языка, он стал более востребован в различных сферах общественной жизни. В государственных органах приняты программы поэтапного перехода на государственный язык. В настоящее время в семи районах области делопроизводство ведется на государственном языке. С 2005 года еще три района перейдут на государственный язык. В других районах осуществлен переход на двуязычие.

Результаты социологического исследования, проведенного в начале текущего года Департаментом внутренней политики и управлением информации области, показывают довольно высокую степень информированности населения о законодательных актах по вопросам развития языков. Хорошо знакомы с ними 18% респондентов, знакомы с основными статьями 21%, имеют общее представление 38%.

По степени востребованности казахский язык стоит на втором месте после английского, в совершенстве хотели изучить его 37% опрошенных, что на 12% больше в сравнении с результатами опроса 2000 года. На третьем месте – русский язык, хотели бы владеть им 24% респондентов.

Это соответствует долгосрочной программе развития «Казахстан-2030», где в качестве желаемого отмечается знание казахского, русского и английского языков.

В совершенстве владеют государственным языком из числа опрошенных казахов – 77%, русских – 4%, украинцев – 16%, немцев – 6%, татар – 32%, представителей других национальностей – 25%.

В настоящее время 30% опрошенных изучают государственный язык. В разрезе социальных категорий это студенты, государственные служащие, военные, руководители предприятий, кому знание казахского языка необходимо по роду деятельности. В разрезе национальностей это 32% казахов, 28% русских, 27% немцев, 29% татар и 40% представителей других национальностей.

Мотивом изучения языка для 46% респондентов является гражданский долг, 36% – связывают свое будущее и будущее детей с Казахстаном, для 22% – это хорошая жизненная перспектива.

Основным мотивом изучения государственного языка для казахов и татар является гражданский долг, для русских, украинцев, немцев и представителей других национальностей – обстоятельства и перспектива.

Языком своей национальности в совершенстве владеют 77% опрошенных. В разрезе национальностей это 77% казахов, 83% русских, 53% украинцев, 28% немцев, 45% татар и 65% представителей других этнических групп.

В прогнозе эти цифры будут увеличиваться, поскольку областным руководством уделяется большое внимание сохранению и развитию языков народов, населяющих область. Этому во многом будут способствовать областные программы: «Программа укрепления внутриполитической стабильности и пропаганды реформ», «Областная программа функционирования и развития языков на 2003-2004 годы». Осуществлен этнообразовательный проект малой Ассамблеи народов Восточного Казахстана. На базе областного Дома дружбы малой Ассамблеи функционирует Школа возрождения языков и культуры народов Восточного Казахстана, с января 2001 года получившая статус государственного учреждения, финансируемого из областного бюджета. Школа объединила действовавшие ранее воскресные языковые школы национально-культурных центров. Ныне в школе действуют 20 учебных классов, в которых обучаются 820 детей, ведется изучение 11 языков и культурных традиций народов Казахстана.

Все это позволяет сделать вывод о том, что языковая ситуация в области относительно стабильная. Ярковыраженных языковых

противоречий между этносами в области не существует, а если и возникают, то носят субъективный характер, их причины во многом определяются миграционными процессами.

Вырос интерес к изучению казахского языка, он стал более востребован в различных сферах общественной жизни. Между тем русский язык остается доминирующим в функциональном отношении, обслуживая наибольшее число сфер общения.

Логика языкового состояния такова, что русский язык в целом не потеснен, он по-прежнему выполняет функцию межнационального общения для представителей всех этнических групп. Среди казахов на уровне общения, чтения и письма им владеют большее количество, чем в такой же степени своим родным языком.

Опыт цивилизованных стран показывает, что путь к открытому обществу лежит в первую очередь через полиязыковое воспитание. Казахстан только-только вступает на этот путь, и этот процесс теперь необратим. По мнению доктора филологических наук, профессора А. Жунибек, психологически-бытовой конфликт, сложившийся в общественно-политической сфере вокруг казахского языка как государственного, который существует и мешает разумному компромиссу, является результатом двух взаимоисключающих причин:

1. Объективная причина: мировое сообщество твердо и окончательно приняло в свои ряды Казахстан как суверенное государство. Следовательно, самостоятельная государственность Казахстана гарантирована на самом высоком уровне. Поскольку одним из атрибутов любого суверенного государства является его язык, то почтительное отношение к нему также является объективной необходимостью, ибо государственный язык будет постепенно внедряться вначале в общественно-политическую, а потом и общественно-экономическую жизнь государства. Отсюда, опять-таки, объективная обусловленность необходимости изучения, знания и использования государственного языка всеми, кто будет жить в этом государстве, а также всеми, кто будет иметь дело с этим государством. Таковы закономерности реалий объективного развития общества.

2. Субъективная причина: безусловно, государственный язык, на котором не говорит почти половина населения, еще долгое время будет иметь немало оппонентов, ибо он многими не принят и не понят. Возраст, когда легко дается второй язык, и та возможность, когда преодолевается языковой барьер, у большинства граждан республики остались далеко позади. Кое-кто эти объективно-жизненные и субъективно-возрастные трудности старается превратить в

национально-политическую проблему, преумножая таким образом свой политический капитал.

Вспоминаются слова великого учителя, просветителя, поэта Абая Кунанбаева: «Только зная язык чужого народа, можно по-настоящему узнать его историю и культуру. Человека образованного отличает знание языка соседнего народа».

В нашем обществе два языка, казахский и русский, находясь по Конституции в отношениях функциональной дополнителности, вместе с тем имеют два разных статуса в двух плоскостях: один – является государственным, потому и изучение его признается обязательным; другой язык, официально употребляемый в одной сфере – сфере государственного управления, допускаемый официально. И это есть реализация принципа функциональной дистрибуции языков, которым широко руководствуются полиэтнические страны мира в языковом планировании.

«Цель мира в том, чтобы царствовал разум», – говорил Ж. Ренан. Поэтому полиэтничность страны обуславливает необходимость существования демократических механизмов согласования интересов различных этнических групп, так как эта особенность Казахстана ставит важнейшим требованием для дальнейшего развития страны сохранение общенационального согласия и гражданского мира. Как неоднократно показывает история, там, где существуют недемократические методы решения межэтнических проблем, полиэтничность выступает фактором, расшатывающим устои государственности и приводящим к внутренней дестабилизации в обществе.

Конституция Казахстана юридически оформила становление сильной президентской республики и распределение полномочий между тремя ветвями власти. По Конституции президент обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом. Такой статус президента отвечает интересам государства, обеспечения устойчивости и стабильности.

Вместе с тем, сегодня очевидна необходимость усиления эффективности всех ветвей власти, усиления роли каждой в сохранении этнических прав народов Казахстана.

В скором будущем на первый план политического бытия в Казахстане будет выдвигаться задача совершенствования региональной политики, которая способна стать магистральным, главенствующим направлением эффективной государственной политики, учитывающей как стратегические интересы национальной безопаснос-

ти, так и нужды самих регионов. Поэтому местные органы государственной власти призваны стать гарантом прав и условий развития этносов в регионах.

По данным вышеупомянутого исследования (рис. 1), гарантом этнических прав народов Казахстана для населения области в первую очередь является президент – 67,9%. Этот факт говорит о значительном доверии главе государства и дает высокую оценку его роли в сохранении стабильности в отношениях между этносами, проживающими в Казахстане.

На втором месте стоит правительство – 32%, которое на сегодняшний день принимает действенные решения в области социальной сферы. Каждый третий отмечает, что гарантом являются сами граждане государства. Это яркий показатель осознания собственной роли и ответственности за сохранение стабильности в стране.

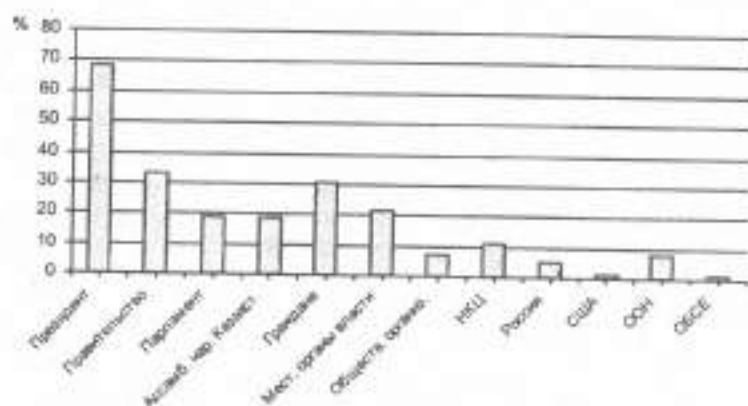

Рис. 1. Гаранты этнических прав народов Казахстана

Большая роль в гарантировании прав отводится местным органам власти (21,9%), что подчеркивает значимость их действий в плане регулирования межэтнических отношений на региональном уровне. Конкретные действия, принимаемые на местном уровне (поддержка национально-культурных центров, проведение научно-практических конференций, народных игр, Дня языков народов Казахстана), более наглядны, а главное – население получает возможность непосредственно принимать в них участие.

Менее всего надежды у жителей области на гарантии со стороны зарубежных государств и организаций (3%), поскольку работа тех же

международных фондов по финансированию общественных проектов недостаточно известна и вся информация о выполненной работе идет в основном заказчику. Одной из существенных характеристик демократического государства является цивилизованное решение вопроса о равенстве этнических групп, когда представители разных этносов обладают равными правами. Именно поэтому в качестве основных условий межэтнического согласия респонденты выделяют соблюдение прав человека – 51% и верховенство закона – 43%.

Важными условиями, по мнению респондентов, являются также сильная Президентская власть – 40% и стабильная экономика – 38%. В транзитном обществе, каковым является Казахстан, по мнению респондентов, сильная исполнительная власть, и президентское правление является наиболее эффективным. Кроме того межэтническая гармония в государстве, как уже доказано учеными, во многом зависит от уровня экономического развития. Общество, где выше уровень жизни людей, располагает большими возможностями крепить национальное единство.

Вместе с тем, респондентами отмечаются культура межэтнических взаимоотношений и региональные программы развития этносов.

Как показывают результаты опроса, сохранению и развитию культур этносов Казахстана способствуют более всего правительство, национально-культурные центры, местные органы власти, менее – общественные организации и фонды (рис. 2).

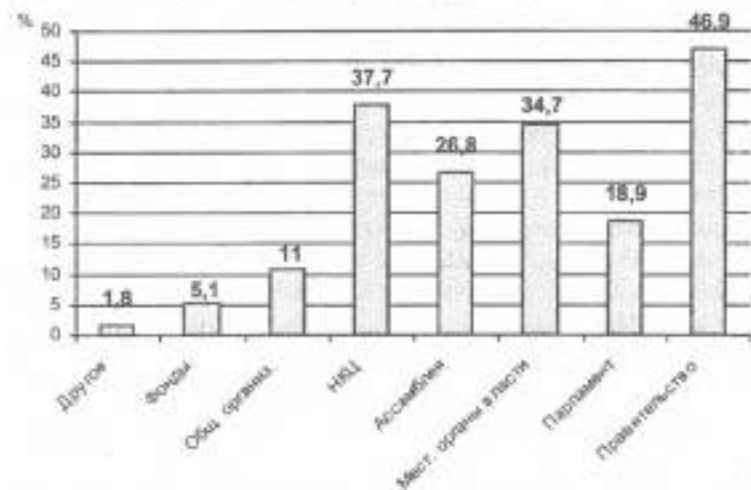

Рис. 2. Структуры, способствующие сохранению и развитию этносов

Таким образом, респонденты дают высокую оценку деятельности органов исполнительной власти и национально-культурных центров в сфере сохранения и развития культур этносов.

Жители области положительно оценивают деятельность исполнительных органов власти в вопросах регулирования межэтнических отношений в области. Так, 40% отмечают, что политика областного руководства взвешена и способствует межэтническому согласию. Каждый третий затрудняется с ответом на вопрос, вероятно, ввиду отсутствия информации о мерах, принимаемых в этом плане, что говорит о недостаточном освещении деятельности органов государственной власти по развитию культур и языков народов. Каждый десятый отмечает бессистемность работы, которая заключается в проведении разовых мероприятий. Часть респондентов (18%) считают, что в области не уделяется должного внимания развитию межэтнических отношений. Существует ряд вопросов, которые требуют особого внимания со стороны исполнительных органов области. В числе приоритетных респонденты отмечают создание равных возможностей для этнокультурного развития – 28%, поддержку и развитие национально-культурных центров – 25%, финансовую поддержку проектов развития культур этносов – 18%. Важным представляется для населения области и пропорциональное представительство этносов в органах власти – 16%. Положительным показателем роста политического сознания является тот факт, что каждый седьмой респондент отмечает важность развития гражданского общества.

Только 11% респондентов отмечают значительную роль общественных организаций и объединений в сохранении и развитии этносов. Активность этноориентированных объединений в области невысока. Пик в их деятельности приходится на начало 1990-х годов (для казахских), до принятия суверенитета, и середину 1990-х годов (для славянских), до внесения изменений в Конституцию РК и подписания ряда соглашений с Россией. На этом их политизированная деятельность закончилась, а общественная – не получила развития. Чаще других отмечается деятельность общества «Қазақ тілі» и национально-культурных центров, рейтинг других объединений намного ниже (таблица).

Высокую активность деятельности общества «Қазақ тілі» отмечает каждый второй в Катон-Карагайском, Зайсанском, Аягозском районах. Активность НКЦ, по мнению респондентов, характерна для городов Усть-Каменогорска – 39%, Семипалатинска – 35%, Зыряновска – 26%, Шемонаихинского района – 36%.

Таблица

Активно действующие этноориентированные объединения

Населенные пункты	Объединения, упомянутые более 10 раз
Города:	
Усть-Каменогорск	НКЦ, «Қазақ тілі», Славянское движение «Лад»
Семипалатинск	НКЦ, «Қазақ тілі»
Зыряновск	НКЦ
Риддер	НКЦ, казачья община
Курчатов	-
Районы:	
Абайский	«Қазақ тілі»
Аягозский	«Қазақ тілі», НКЦ
Бескарагайский	НКЦ, «Қазақ тілі»
Бородулихинский	-
Глубоковский	НКЦ
Жарминский	Славянское движение «Лад», «Қазақ тілі»
Зайсанский	«Қазақ тілі», НКЦ
Кокпектинский	«Қазақ тілі»
Курулмский	«Қазақ тілі», НКЦ
Катон-Карагай	«Қазақ тілі»
Тарбагатайский	«Қазақ тілі», НКЦ, Гражданское движение «Азат»
Уланский	НКЦ, «Қазақ тілі», Общество славянской культуры
Урджарский	«Қазақ тілі»

Каждый второй затрудняется в ответе на вопрос об активности этноориентированных объединений, что говорит о слабой информированности об их деятельности.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать высокий уровень доверия населения области президенту и государственным структурам в вопросах гарантирования прав и создания условий развития этносов. Из неправительственных организаций большая роль в сохранении и развитии культур этносов отводится национально-культурным центрам.

Збигнев Бзежинский в своей книге «Великая шахматная доска» назвал полиэтничность нашего общества «ахиллесовой пятой» Казахстана. Однако то, что считали едва ли не главной слабостью и минусом нашего государства, общими усилиями народа Казахстана превратилось в стратегический плюс. Именно поэтому Президент Н. Назарбаев всегда подчеркивает: «Этнокультурное многообразие Казахстана – это наше преимущество, это потенциал развития».

Е.А. Нагайцева

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

СОВРЕМЕННЫЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (опыт социологического исследования)

*Каждый выбор имеет причину
и эта причина – в выбирающем*

Современная социология имеет долгую историю эмпирических и теоретических исследований, сосредоточенных на миграции и обществе. Все мы понимаем, по крайней мере, на интуитивном уровне, что миграция и сообщество взаимно связаны.

Социологическое исследование как измерение в широком смысле – это сбор новых фактов и их интерпретация в терминах выбранной и построенной в соответствии с поставленной задачей теоретической модели с помощью методов, адекватных операциональным определениям свойств конструкторов, лежащих в основании этой модели [1]. Поэтому от выбора теоретической модели исследования зависят отбор фактов, метод анализа и способ предоставления результатов.

Современные исследования зарубежных ученых концентрируют свое внимание на сетях социальных связей и взаимозависимостях на мезоуровне. Более ранние работы были заинтересованы прежде всего в объяснении факторов миграции, в то время как последние показывают, что различие между факторами и последствиями несколько искусственно. Физическое перемещение людей открывает новый набор вопросов относительно адаптации мигрантов и последствий для сообщества.

Нельзя понять миграцию без того, чтобы не исследовать социальный контекст, в который она является включена. Точно также нельзя понять структуру общества и ее изменения без исследования демографических, социальных, экономических и политических последствий миграции. Исследования, проводимые в последние десятилетия, расширили теоретические горизонты, создавая место для мезоуровня, мезометода и междисциплинарных исследований. Несмотря на значительный прогресс в понимании связи миграции и сообщества, многие теоретические и эмпирические вопросы остаются нерешенными.

Российские исследователи в настоящее время уделяют мало внимания изучению добровольных миграций, хотя вопрос о различении

вынужденных и добровольных типов миграций довольно спорный. Так, например, к какому типу можно отнести миграцию из региона с высоким уровнем безработицы, низким уровнем жизни? В изучении миграционных процессов до сих пор доминирует анализ на макроуровне. Эти исследования прежде всего затрагивают демографическую, правовую и адаптационную проблематику и выпускают из области своего внимания миграционные стратегии в тех значениях, которые им придают сами переселенцы. Этим и обусловлена тема и актуальность проведенного социологического исследования.

Под **миграционным поведением** мы, вслед за Л.Л. Рыбаковым, понимаем систему поступков, удовлетворяющих запросы и ожидания индивида относительно среды проживания, места приобщения его труда и т.д. [2].

В качестве предмета исследования были выделены индивидуальные модели миграционного поведения. Исследование проходило в русле качественных методик, с помощью метода частично формализованного интервью с использованием элементов нарративного рассказа на тему «Миграция». Т.е. интервью осуществлялись по предварительному плану, однако респонденты довольно часто отклонялись от него, что позволило, в свою очередь, понять индивидуальные значения, смыслы и практики миграционного поведения людей.

В ходе исследования было проведено двенадцать интервью продолжительностью от одного до трех часов. Респонденты – граждане Российской Федерации, в равном количестве мужчины и женщины из разных регионов страны, до 30 лет с высоким уровнем образования. Миграционный стаж – от шести месяцев до шести лет.

Нарративы анализировались с позиций априорно заданных теоретических представлений и гипотез, а также служили материалом для обобщения и выведения некоторых предварительных итогов. Полученная в результате интервью картина не претендует на большую степень общности, однако позволяет в определенной степени создать представление о некоторых миграционных практиках, которые существуют в современной России, добавляя тем самым некоторую информацию к общей базе данных, полученных в результате предыдущих исследований в этой области.

Анализ интервью строился по следующим основаниям:

- описание социальной траектории мигранта;
- выявление причин миграции и выбора места жительства;
- изменение статусных позиций мигранта с выделением социального, правового, экономического, психологического и др. аспектов;

• проверка сетевой гипотезы теории социального капитала в современных российских условиях. (Ее основное утверждение – люди, которые социально связаны с текущими или прошлыми мигрантами, имеют доступ к социальному капиталу, который значительно увеличивает вероятность того, что сами они станут мигрантами) [3].

При анализе причин миграции следует обратить внимание на то, что большинство респондентов объективно не находились в тяжелой жизненной ситуации, решающее значение для смены места жительства имело сочетание субъективного чувства неудовлетворенности и «воли случая». Эта тема прослеживается в нескольких рассказах.

Среди мотивов есть и довольно необычный. Наряду с ожиданием улучшения индивидуальных условий жизни один из респондентов с помощью миграции надеется на обретение дополнительных ресурсов для оказания помощи лицам своей национальности. Видимо такие мотивы имеют место, когда речь идет о небольших по численности этносах, стремящихся, с одной стороны, сохранить свою культуру и традиции, а с другой – обозначить свою позицию в современном мире. Это может быть интересным материалом для этносоциологов и этнопсихологов.

В нескольких случаях мы увидели пример довольно частого явления, когда после окончания средней школы молодежь уезжает в город с более высоким статусом и возможностями, а после получения высшего образования обосновывается там. Таким образом, одним из вариантов достижения цели может быть использование государственных ресурсов при планировании и осуществлении миграции. Такая стратегия позволяет обеспечить себе минимальные условия для воспроизводства себя как биологического существа и дает определенные социальные гарантии на какой-то вполне определенный срок.

Часть респондентов среди причин, побудивших сменить место жительства, отмечают низкий уровень социально-экономического развития региона; недостаточные условия для саморазвития личности и социальной мобильности и другие так называемые «объективные» факторы. Однако особое значение придается индивидуальной оценке условий жизни и отношению к ним (например: «на прежнем месте мне было ужасно скучно (тоска!!!)»)*. Т.е. решающую роль играют «притягивающие», а не «выталкивающие» факторы, что характерно для экономической (добровольной) миграции.

* Здесь и далее курсивом выделены фрагменты интервью.

Все вышеописанные миграции не были по-настоящему спланированы. Это, вероятно, в некоторой степени можно объяснить тем, что мигранты молоды, образованны, полны планов и решимости добиться успеха в жизни. А возможно, это объясняется наличием в местах вселения родственников, друзей, знакомых, которые могут оказать реальную поддержку после переезда.

Некоторые исследователи считают, что включенность в социальные сети, под которыми понимаются устойчивые отношения между людьми, облегчает принятие решения о миграции и влияет на выбор места вселения. Несмотря на наличие конкурирующих объяснений существуют и факты, в определенной степени говорящие о существовании связи между переездом и наличием в окружении человека-мигранта.

Большинство переселенцев полагаются в основном на личные связи, которые формируются на нескольких уровнях. Во-первых, многие потенциальные мигранты имеют друзей, родственников или знакомых в предполагаемых местах вселения; во-вторых, возможно объединение людей еще до переезда; и, в-третьих, возникающие на короткое время сети случайных знакомств для получения дополнительной информации [4].

В нашем исследовании более половины респондентов переехали туда, где были родственники или знакомые, у которых можно было остановиться на первое время, которые помогали с работой или материально. Кроме того, сети взаимной поддержки мигрантов оказываются полезными и в психологическом, и в практическом отношении.

Иногда социальные сети, образуя для лиц, принимающих и реализующих решение о переезде, важный ресурс, сами становятся одной из причин миграции, особенно когда механизм миграции уже запущен, потому что эти сети обещают снизить издержки и риски, связанные с миграционным перемещением, и повысить отдачу от него [5].

«Почему именно в Москву? Сначала город сам понравился. И потом сестра сказала, что работу здесь легче найти, чем дома. Я также поняла, что если я приеду, то друг мне поможет: будет «где жить и что есть», как он сказал. Я, конечно, рассчитывала и на помощь деньгами.»

В остальных случаях люди, устроившись, помогают или высказывают намерение о том, что будут «перетягивать» своих родных к себе.

Исследование Поллони, Массея и других [6], подтвердившее правильность сетевой гипотезы социального капитала, в центр внимания поместило связь между миграцией членов семьи и последова-

тельностью звеньев в цепи отъезжающих. Они прослеживают следующие закономерности в последовательности миграционных перемещений: мужчины переселяются раньше женщин, старшие братья и сестры раньше младших и т.д. Наши наблюдения в определенной степени не противоречат данным выводам.

В ходе интервью задавался также проективный вопрос: «Чем, по Вашему мнению, должен обладать человек, чтобы преуспеть в жизни?» Среди ответов наиболее распространенными оказались следующие: образование, опыт, уверенность в себе, целеустремленность, связи, начальный капитал, циничность (отсутствие моральных принципов и ценностей), воспитание, честолюбие, здоровье, удача, настойчивость, склонность к риску, ум, творчество.

Все их можно в той или иной степени отнести к различным видам социального капитала, под которым понимается «совокупность ресурсов, действительных и виртуальных, которые достаются индивиду или группе посредством владения надежной сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [7]. Это говорит о том, что в основе миграционного поведения лежит выбор активной личности, обладающей определенными ресурсами, готовой к риску.

Как отмечает А.Ю. Согомонов, «субъекты рефлексивной биографии, выступая в качестве и конструкторов, и дизайнеров собственных биографий, на самом деле не продуцируют бесконечное число индивидуально-модельных биографий, их социокультурные траектории по-прежнему предопределены внешними обстоятельствами, но в них уже все реже проглядывают рецидивы процесса простого социокультурного воспроизводства общества и культуры» [8].

Миграция является одним из важнейших механизмов социальной мобильности, под которой понимается перемещение индивидов или групп в социальном пространстве. Под социальным статусом понимают соотносительное положение (позицию) индивида или группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, специфичных для данной системы (экономических, профессиональных, этнических и др.).

Экономические выгоды от миграции являются едва ли не главным показателем эффективности переезда, т.к. от изменения места жительства индивиды ожидают и ощущения удовлетворенности условиями и качеством жизни. Тем не менее мигранты не очень охотно говорят о своих доходах. О них можно судить только по высказываниям типа: «Финансовое положение, скажем так, ... все познает-

ся в сравнении. Т.е. я сейчас могу себе позволить больше, чем в родном городе, но это дается как бы большими нереальными». Несмотря на определенные сложности и есть более положительные оценки экономического благополучия, и миграционный опыт оценивается как удачный.

Наряду с этими оценками существует и такое мнение, что экономическое состояние крайне нестабильно, оно «также иллюзорно, как и было». В то же время переезд в любой другой город России рассматривается как нисходящая мобильность для семьи, и единственный выход для улучшения материального положения видится в переезде за границу, для которого пока нет достаточных ресурсов.

Кроме дохода к социально-экономическому статусу относят и жилищные условия, которые у всех респондентов ухудшились, т.к. значительную часть своего дохода они тратят на аренду квартиры или комнаты, независимо от места настоящего проживания.

Миграция населения вызывает серьезные (но не всегда обоснованные) опасения официальных лиц и местного населения. Процедура регистрации призвана снизить количество приезжающих, вызывая, тем не менее, много нареканий в свой адрес, как и побои со стороны милиции. Следует отметить, что в нашем исследовании информантами не было отмечено особых проблем с милицией, трудностей с оформлением регистрации и т.д. Тем не менее подразумевается, что наличие «прописки», пусть временной, является необходимым условием для проживания и работы на новом месте жительства. Возможно, отсутствие серьезных проблем с получением «права на проживание» связано с тем, что мы имеем дело с легальной трудовой миграцией, и наличие официального приглашения или знакомых существенно облегчает эту процедуру.

Крупные города, и особенно столицы, предпочитают «высокостатусных» мигрантов, которые более легко адаптируются в большом городе, вследствие чего не будут пополнять ряды бездомных и безработных, а также увеличивать уровень преступности в городе. Тем не менее, все-таки большинство из приезжих занимают те рабочие места, на которые не пойдет местное население. Для многих молодых мигрантов зачастую важна не столько сама работа, сколько возможность профессионального, статусного, материального, личностного роста. Поэтому наличие перспектив иногда имеет большое значение при выборе места работы. Как отмечала Т.И. Заславская, нередко миграция стимулируется желанием улучшения жизни не сразу после переезда, а спустя какое-то время [9].

Пожалуй, более подробно остановимся на психологическом аспекте последствий переезда, т.к. изменение места жительства можно и нужно рассматривать не только как пространственное перемещение, но и как изменение образа жизни человека. Миграцию как взаимодействие культур мигранта и местного населения рассматривал Р. Парк [10, 11].

Миграционное поведение необходимо рассмотреть как практическую деятельность, которая разворачивается для решения определенной жизненной задачи, стоящей перед личностью в конкретной жизненной ситуации, как достижение некоторой цели. Прежде чем ехать «туда», надо увидеть себя «там». Это значит, найти для себя смысл и увидеть возможность его реализации на новом месте. Смысл – это такое отражение действительности в сознании, которое может изменить действительность [12].

Изменение привычной обстановки неминуемо ведет к изменениям в ощущениях человеком самого себя и окружающих. Разница в культурных нормах места выхода и места вселения может вызвать внутренний конфликт личности, оказывающейся перед выбором норм, которым предстоит следовать в «новой» жизни. Особенно этот контраст чувствуется в случаях селско-городской, международной, этнической миграции. Причем на структурном уровне происходит взаимопроникновение культур в процессе обмена повседневными практиками. На индивидуальном уровне это проявляется в ощущениях особого рода, причем иногда реальное поведение и внутренние нормы существенно различаются.

«Конечно, я другою стала. Что-то во мне осталось, но нельзя жить по старым меркам... <...>. Я стараюсь себя переделать, стараюсь, потому что хочу жить по-другому». На этом примере видно, как индивид старается следовать нормам нового сообщества, для того чтобы эффективно встроиться в систему существующих отношений и занять там достойное место, в то же время чувствуя себя «чужим».

Чужак, по мнению А. Шютца, – это взрослый индивид нашего времени и нашей цивилизации, пытающийся добиться признания, терпимого отношения со стороны группы, с которой он стремится сблизиться (прежде всего, он имеет в виду иммигранта) [13]. Шютц также говорил, что каждый член, воспитанный в группе, принимает готовую схему поведения, переданную авторитетами в качестве руководства во всех ситуациях. Эти культурные образцы поведения могут соответствовать культурным рамкам общества или вступать с ними в противоречие.

Оказавшись в ситуации чужого города, мигранты вынуждены создавать новые социальные отношения для получения информации, необходимой для скорейшей интеграции в новое сообщество. С этим связывают проблемы общения, которые возникают после переезда и утраты привычного круга знакомых.

Естественно, что от простого перемещения в пространстве проблемы, существующие на старом месте, просто так не исчезнут, скорее всего, появятся новые. В ходе интервью были получены положительные, отрицательные и смешанные оценки последствий своего миграционного поведения:

Позитивные: «Я думаю, что живу гораздо лучше, чем дома и чем могло бы получиться здесь. Мне нравится жить здесь. Я не хочу возвращаться домой».

Негативные: «Сегодняшнее положение, я оцениваю его... Для своей семьи? Не то что как нестабильное, а как бы совершенно даже без особой перспективности, в общем-то, в будущем».

Смешанные: «Для меня это (переезд – прим. автора) удачно хотя бы в плане опыта. Это удачно в том плане, что я оторвался от места. Т.е. весь плюс в том, что я уже уехал. Все свое ношу с собой. Меня ничто не гонит с этого места, но как бы у меня меньше стало уязвимых мест. Когда я один и у меня за плечами нет никакого скарба».

Данный случай может служить примером такого типа личности, для которой свойственно построение собственной биографии. Хотя еще в XII веке саксонский монах говорил: «Тот, кто любит свою родину, только слабый новичок. Тот, для кого любая земля становится родиной, уже сильнее; но совершенен тот, для кого весь мир – чужбина» [14]. Тем не менее, сегодня мы имеем дело с особым отношением человека к своей жизни, что выражается в свободе выбора и принятию ответственности за него.

Следует отметить, что на сегодняшний день вопросов оказалось больше, чем ответов. Однако можно сделать некоторые выводы. При выборе миграционной стратегии индивиды ориентируются на «государственные, личные, неформальные ресурсы». Несмотря на то, что главная цель экономических добровольных миграций – увеличение дохода и улучшение материального положения, в результате территориального перемещения происходит изменение в различных сферах жизнедеятельности: на уровне психологических ощущений, в правовом статусе, в социальном положении и в других аспектах, которые могут не сразу осознаваться.

Для успешной интеграции в новом сообществе важно уметь распорядиться имеющимся капиталом: экономическим, культурным, социальным, при этом значительную роль играют устойчивые связи и отношения между людьми, которые называют социальными сетями. Они снижают издержки и риски, связанные с миграцией, облегчают адаптацию на новом месте и, в конечном счете, изменяют социальную структуру сообществ.

Важным выводом можно считать то, что миграция начинает приобретать рефлексивный характер. В связи с этим мы предлагаем предварительную классификацию субъективных факторов миграции по следующим основаниям: мотив – риторика – рефлексия или в более привычных словах: мотив – объяснение – оценка. На этой основе возможно выделение некоторых типов мигрантов, которые были выявлены в ходе проведенного исследования.

Тип 1. Свободный. Для него характерно утверждение ценности «свободы передвижения», отсутствия границ. Ориентация на собственные силы и помощь друзей и знакомых. Миграция оценивается с позиций мобильности и приобретенного опыта.

Тип 2. Плывущий по течению. В данном случае миграционные стратегии выбираются «по воле случая», используется любая возможность для изменения привычного уклада жизни. Ориентация на государственные (официальные) ресурсы. Миграционный опыт оценивается как неудачный и дальнейшее поведение строится в соответствии с ожиданиями следующих «предложений» извне.

Тип 3. Смотрящий в будущее. Миграция рассматривается с точки зрения будущего, для получения новых ресурсов, которые дадут преимущества в дальнейшей жизни. Переезд тщательно планируется, просчитываются миграционные риски и издержки.

Тип 4. Классический (традиционный). Миграция осуществляется в более высокий по социально-экономическому статусу населенный пункт, близко расположенный к месту проживания, часто для получения образования. После окончания учебы остаются на постоянное место жительства.

Тип 5. Рисковый. Переезд связан с простым желанием «сменить обстановки» и практически не спланирован. Ориентация на неформальные ресурсы, личные связи. Готовность потерпеть неудачу и начать все заново. Миграция оценивается положительно.

Данная классификация носит очень приблизительный характер и нуждается в проверке, дополнении и конкретизации выделенных типов, что возможно после проведения более масштабного исследования.

Социальные нормы и правила, регулирующие поведение в любой социальной сфере, одновременно являются определенным рода ограничением деятельности (задающее рамки) и основой для появления новых практик, что, в свою очередь, ведет к их модификации. Все это является основой социальных изменений, главными источниками и движущими силами которых являются активные субъекты.

При анализе миграционных процессов важно обращать внимание на позиции субъектов в социальном пространстве и ресурсы, которыми они располагают. Одним из ресурсов, приобретающих особую значимость в последнее время, являются социальные сети – устойчивые социальные отношения, связывающие индивидов между собой и дающие новые возможности для эффективной жизнедеятельности в условиях реформируемого и развивающегося общества.

Сегодня уже ни у кого не остается сомнений, что формирование миграционного поведения происходит, с одной стороны, под влиянием объективных, а с другой – субъективных условий их жизнедеятельности. Причем важно учитывать как настоящее время, так и практики, характерные для них в прошлом, а также для их ближайшего окружения.

Исследования в области миграций многочисленны и основаны на разных теоретических подходах. Несмотря на наличие определенных ограничений в применении, все они имеют право на существование. В исследовании миграции нет доминирующей парадигмы, ученого, как и во многих других отраслях социологии. Скорее, работа формируется разнообразной смесью перспектив, включая политическую экономию, новый структурализм, сетевой анализ и социальный капитал. Тем не менее в последнее время рядом исследователей отстаивается мнение о рассмотрении миграции как многоуровневого процесса и необходимости сочетания методов качественного и количественного исследований в применении к изучению миграционного поведения населения.

Рассмотрение субъективной оценки своего поведения участниками процесса миграции расширит границы понимания особенностей его протекания в различных географических, демографических, социально-экономических, политических, культурных и других условиях жизнедеятельности человека. Настоящая работа является попыткой сделать шаг именно в этом направлении, дальнейшие изыскания в данной области очень важны и должны сочетать в себе интересы и усилия не только социологов, но и специалистов других областей научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстова Ю.Н., Масленников Е.В. Качественная и количественная стратегии. <http://www.iu.ru/biblio/zhurnaly/articles/tolstova_sociologiya/default.asp>
2. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. Приложение к журналу «Миграция в России». – М., 2001. – С. 58.
3. Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouchi A., Pellegrino A., Taylor J. Worlds in motion: international migration at the end of the millennium. – Oxford: Clarendon, 1998.
4. Вяткин Н.П., Космарская С.А., Панарин А.Р. В движении добровольном и вынужденном: постсоветские миграции в Евразии. – М.: Наталис, 1999. – С. 92.
5. Massey D. Social structure, household strategies and the cumulative causation of migration // Population Index. – 1990. – № 56. – P. 3-26.
6. Palloni A., Massey D. et al. Social capital and international migration: a test using information on family networks // The American Journal of Sociology. – Chicago, Mar 2001. – № 106. – P. 1262-1298.
7. Bourdieu P., Wacquant L. An invitation to reflexive sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
8. Согомонов А.Ю. Солидаристические утопии «высокой» современности (о конструкциях «нового поколения» и «рефлексивной биографии») // Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
9. Миграция сельского населения. – М., 1970.
10. Парк Р.Э. Разум бродяги: размышления о связи ментальности с пространственным передвижением // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. – М., 1997. – № 4. – С. 156-161.
11. Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. – М., 1998. – № 3. – С. 167-176.
12. Смирнов С.А. Миграция как предмет психологического исследования. <http://www.ksu.kz/about/academics/philosophical/psycho/smi.html>.
13. Шютц А. Чужак: социально-психологический очерк // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. – М., 1996. – № 3. – С. 177-193.
14. Щербитский К. Миграция и границы постмодернизма // Журнал небуквального перевода. http://www.vladivostok.com/Speaking_In_Tongues/shcherbitsky.htm.

А.Ю. Охотников

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОМПЛЕКСА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ, ДЕПОРТАЦИИ И ССЫЛКИ (1940-1950-е годы, СЕВЕР КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ)

Депортация немцев Поволжья – один из самых репрезентативных примеров принудительной миграции XX века. Трагизм судеб поволжских немцев в данном случае не является поводом для морального табу, а полнота сведений о событии – единственный способ избавления от «повторений истории». Многолетний идеологический запрет на исследования, отсутствие практики обсуждения темы принудительной миграции в СССР – часть причин современных проблем турецко-месхетинского, крымско-татарского, чеченского, поволжско-немецкого этносов.

В результате реализации Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года и Указа Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в сентябре-октябре 1941 года органами НКВД была осуществлена депортация поволжских немцев в районы Сибири и Восточного Казахстана. Одним из таких районов и стал северный участок Кулундинской степи, ныне расположенный в границах Новосибирской области.

Каждый кулундинский район НСО осенью 1941 года принял по 500-540 семей немцев (2300-2500 человек) [1, л. 32-34], проживавших до депортации в завожских кантонах АССР НП. Расселение вынужденных мигрантов проводилось дисперсным образом (от 2-х до 12-ти семей на населенный пункт).

Более 9000 немцев были перемещены в местность на два градуса севернее, с меньшей продолжительностью теплого сезона (7 месяцев против 7,5) и сравнительно холодным климатом. Так, в За-вожье среднегодовая температура воздуха составляла плюс 5-6°C против плюс 0,5°C в северной части Кулундинской степи, изотерма января минус 11-13°C против кулундинских минус 16°C, изотерма июля – соответственно плюс 22-24°C и плюс 20°C. Общими для регионов были гнивно-лощинный ландшафт степей, наличие черноземных и каштановых почв.

Более выразительный контраст представляли собой территории выезда и вселения в отношении хозяйственного освоения.

Заволжье – регион, освоенный немецкими крестьянами в ходе колонизации в 1880-х годах. Плотность населения в кантонах, из которых происходили депортированные немцы, колебалась от 18,4 человек на 1 км² в Зельманском кантоне АССР НП до 29,3 в Красноярском [2].

Немцы составляли большинство населения АССР НП (66,4%), значительной была численность русских (20,4%) и украинцев (12%) [3]. Расселение было компактным, совместное проживание немцев и украинцев, равно как и немцев и русских, было редкостью. Смешанные браки также были редки, явились следствием процессов секуляризации 1930-х годов (частично нивелировавшей конфессиональные различия населения) и урбанизации кантональных центров АССР НП.

Ландшафт Заволжской части АССР НП был окультурен еще в конце 19-го столетия, товарность хозяйств «луговых» колоний превосходила товарность старых немецких поселений нагорной стороны. В культурно-хозяйственном отношении поволжские немцы представляли ХКТ высокотоварного земледелия с наличием развитого ремесленного производства и промышленной переработки сельскохозяйственного сырья.

Обобщающая экономическая характеристика АССР НП, приведенная в Большой Советской Энциклопедии, выглядит так: «Передовой и высокоразвитый сельскохозяйственный район с быстро развивающейся промышленностью» [3]. Среди возделываемых культур основное место принадлежало яровой пшенице (46% посевной площади по республике), дополняемое в Кукуусском и Мариентальском кантонах плантациями подсолнечника, бахчевых и табака, молочно-мясным животноводством. В Зельминском кантоне помимо выращивания пшеницы товарное значение имели возделывание горчицы и мясо-шерстное животноводство.

Вследствие масштабной аграрной колонизации начала XX века ландшафт Северо-Кулундинской степи эволюционировал от «слабо измененного» к «культурному», от зонально-степного к колочено-полевому типу. Статистические справочники 1930-х годов отмечают выраженную аграрную специфику кулундинских районов Сибиряка. В местной промышленности было занято не более 2% населения региона. Так, в Купинском районе наибольшее количество занятых было в переработке шерсти и мукомольном деле (подсчитано по [4]).

В культурно-хозяйственном отношении население Северо-Кулундинской степи первой трети XX века представляло комбинацию черт ХКТ пашенных земледельцев лесостепей и лесов умеренного пояса и ХКТ высокоразвитого товарного земледелия. Автохтонное население Северо-Кулундинской степи – казахи – до проведения коллективизации представляло ХКТ полукочевого скотоводства.

Регулярное, осуществляемое правительственными чиновниками, распределение угодий в Кулундинской степи началось лишь в годы столыпинской реформы. До того преобладал самовольный захват целинных земель и луговых угодий чалдонами. На 1930-й год плотность населения кулундинских районов Запсибкрая составляла 6-7 человек на 1 м² (подсчитано по [4]).

Самой многочисленной славянской диаспорой Северной Кулунды в 1910-е годы становятся выходцы с Восточной (Слободской и Центральной) Украины, из южной части Воронежской губернии – «хохлы». Так, в Купинском районе на 1929-й год украинцы составляли 30,6, в Юдинском – 21,2, в Андреевском – 45,6, Карасукском – 61,1% населения. Численность белорусских колонистов до начала переселенческой кампании 1938-1941-го гг. не превышала 5% населения районов Северной Кулунды [4, с. 36, 39, 136, 137].

Появление немецких колонистов в северной части Кулундинской степи также относится к 1907-1911-му годам. Основание немецких сел в этот период привело к созданию 13-ти колоний, которые к концу 1920-х годов распадаются на две группы: Купинскую (6 деревень и хутор) [5] и Андреевскую (7 деревень). Население обеих групп колоний обладало единым культурно-хозяйственным комплексом, однако купинские колонисты обладали родственными, экономическими, конфессиональными связями с омскими немцами, а андреевские немцы ориентировались в большей степени на немецкие колонии Алтая. На этнокультурную ориентацию колоний повлияла и специфика административного деления западносибирских регионов: Купинский район входил в состав Барабинского округа, Андреевский район – в состав Славгородского округа Запсибкрая; в 1937-1944-е годы Андреевский район входил в состав Алтайского края.

Добровольное переселение немецких колонистов, как и в других частях Российской Империи, сопровождалось предварительной разведкой местности изыскательской партией (украинские немцы) либо группой в составе нескольких семей (поволжские немцы). Колонизация сопровождалась материальной помощью со стороны материнских поселений, являлась результатом выдела молодых

семей (так, старшее поколение купинских немцев было представлено людьми 1880-х годов рождения).

Обеспечение мигрантов на территории вселения необходимыми ресурсами осуществлялось по схеме, отработанной при «плановом» добровольном переселении жителей Восточной Белоруссии в целинные районы Сибири. Переселенцам предоставлялось жилье (из переселенческого фонда) либо стройматериалы и ссуда на хозяйственное устройство и обзаведение (при этом не учитывалась стоимость оставленного жилья); скот, зерно и инвентарь принимались по квитанциям, затем выдавались на местах вселения (при этом не учитывались породность и вес скота, качество зерна). На практике, однако, сдать материальные ценности и оформить квитанции успевали не все, т.к. на сборы отводилось от суток до десяти дней. В конечном счете такая схема основывалась на повышенных адаптационных возможностях славянского населения России (возможность начала обоснования «с колес», «с нуля») и толерантности местного населения («Русский Иван простит!»).

С собой депортированным разрешалось брать до тонны груза на одну семью, в то же время транспортные условия предполагали размещение в одном вагоне 40 человек (т.е. 6-8 семей, на практике доходило до 60-ти, т.е. 10-12 семей) [6, с. 316]. Немцы Поволжья, прибывшие в северокулундинские районы, перемещались до пунктов отправления на телегах и баржах (станция Энгельс), повозках и автомобилях-«полупуторках» (станция «Зельман»), что также ограничивало возможности перемещения грузов.

Обстоятельства депортации исключали возможность перевозки больших объемов багажа (а значит, материальный комплекс культуры перемещался в основном в виде технологий), уже в процессе комплектовки эшелонов разрушались родственные связи. (В частности, уроженцев колоний Прайс и Мариенталь, проживающих ныне в Краснозерском районе Новосибирской области и в Кожениковском районе Томской области, разделяет около 400 километров). Кроме того, в силу чрезвычайности мер по депортации целого этноса в условиях военного времени нарушались традиционная структура питания (кормили в эшелонах два раза в день, по преимуществу горячим борщом) и нормы гигиены.

Морально-психологическое состояние родителей в момент депортации информанты 1920-1930-х годов рождения оценивают как тяжелое. Отчаяние и тревога за судьбу близких – пожалуй, так мож-

но определить состояние взрослых колонистов, покидавших (как выяснилось, навсегда) в сентябре 1941-го года родной дом.

Тяжесть состояния усугублялась неопределенностью судьбы. Серьезный урон духу депортированных наносили отсутствие опыта сколько-нибудь массовых перемещений в хозяйственных целях, теснота теплушек и производный от нее дискомфорт, подчас невозможность откровенно высказывать свои мысли по причине близкого соседства посторонних, малознакомых, либо заведомо ненадежных людей. «Перед отправкой в город Энгельс на берегу Волги мать учителя Гаас Елизавета и мать шофера Кейль Павлина Кондратьевна вели беседы между собой, при этом Гаас спросила: «Куда нас повезут?». Кейль на это ответила: «Разве вы не знаете, что нас повезут через Украину в Германию к Гитлеру, там наше место» [7].

Выдержки из доносов, подобные приведенной выше, содержатся в каждой «Докладной записке о приеме переселенцев Немцев Поволжья», поданных секретарями райкомов Новосибирской области М.В. Кулагину в октябре 1941 года.

При выселении немцы стремились захватить как можно большее количество продуктов. Кроме того, переселенцы смогли захватить некоторое количество одежды (которая впоследствии стала основным культурным достоянием ссыльного немца) и рабочие инструменты: от лопаты до швейной машинки. Одним из обязательных сюжетов для поволжско-немецкой клановой истории стали воспоминания о предметах, захваченных из дома по случайности.

На территорию Северной Кулунды депортированные немцы прибыли четырьмя эшелонами в период с 24-го сентября (станция «Карасук», эшелон № 872) по 3 октября (ст. «Чистоозерное», № 771) [7]. Половозрастной состав групп немецкого населения, прибывших двумя указанными эшелонами, был следующим: в эшелоне № 872 прибыло 1084 мужчины и 1363 женщины (44,3 и 55,7% соответственно) в составе 528 семей. Среди лиц трудоспособных возрастов (16-59 для мужчин и 16-54 для женщин) находилось 538 мужчин и 730 женщин (22 и 30% соответственно). Доля иждивенцев – стариков и детей до 7 лет – составляла 28%. Подростки обоего пола до 16 лет (весьма условно обозначим их как «полупрабники») составляли 20% от общего числа прибывших.

В эшелоне № 771 мы наблюдаем аналогичную картину: прибыло 1020 мужчин и 1306 женщин в составе 592 семей. Трудоспособный контингент составлял 503 (21,5%) и 704 (30%). Доля иждивенцев – 31%, «полупрабников» – 17,5% (подсчитано по [1, лл. 32-34.

«Сведения об эшелонах, прибывших в Новосибирскую область за июль 1941-декабрь 1942 гг.»).

В среде поволжских немцев были представлены простые двухпоколенные семьи.

«Отца звали Иоганнес Иоганн Петрович, 1886 года рождения. Мама – Варвара Ивановна, 1885 года рождения. Девичья фамилия – Розенталь. Брат – Иоганн, 1914 года рождения, сестры: Эмилия, 1912 года рождения; Мария, 1921 года рождения; Амалия, 1924 года рождения».

«Колонисты весьма плодовиты, и до введения всеобщей воинской повинности семья в среднем выращивала 4 детей; семьи в 5, 6 и 7 детей в колониях не редкость...» [8]. По данным ГАНУ в кулундинские районы Новосибирской области осенью 1941 года прибыли семьи, средний состав которых колебался в пределах 3,9-4,6 человек (подсчет осуществлен по [1, лл. 32-34, «Сведения об эшелонах, прибывших в Новосибирскую область за июль 1941-декабрь 1942 гг. с указанием половозрастного и национального состава прибывших»]). Информанты – поволжские немцы 1920-1930-х годов рождения – приходят, как правило, из семей с количеством детей не менее 4-х человек. Показатель средней детности на женщину 35-39 лет составлял 5 детей для лютеранских и 6 детей для католических семей*. На демографическую динамику поволжско-немецкого населения вообще и на рождаемость и детскую смертность в частности оказали влияние первая мировая и гражданская войны, голод 1921-го и 1932-33-х годов. «Всего 11 детей в семье было. Да в тридцатые голод был. В маленьком возрасте шестеро умерли...»

А.А. Шадт отмечает, что размещение депортированных немцев по 4-5 семей на колхоз являлось обычной для Западной Сибири практикой, тем более что поволжско-немецкие колхозы перестали существовать как социокультурные единицы еще во время форми-

* Показатель получен при анализе данных устного опроса 20 информантов-поволжских немцев 1920-1930-х годов рождения.

Мои информанты: Поличко Алексей Дмитриевич, 1931 г.р., Кольмай Иван Иванович и Эмма Александровна (1937 г.р.), Катлярова Германа Соломоновна (1928 г.р.), Эльшайдт Отто Соломонович (1922 г.р.) и Фрида Иванова (1926 г.р.), Круне Виктор Иванович (1937 г.р.) и Нина Федоровна (1938 г.р.), Милаенко Вильма Александровна (1935 г.р.) – проживают в селе Новониколаевка Кулундинского района.

Дамм Вера Андреевна, 1938 г.р., Круне Лидия Давыдовна, 1917 г.р., проживают в д. Искра Кулундинского района.

Видергольд Давид Давыдович, 1929 г.р. – проживает в с. Орловка Кулундинского района.

Куропова Вера Захаровна, 1927 г.р., Долгаймер Владимир Иванович, 1959 г.р., проживают в с. Новороссийское Здвинского района.

рования эшелонов [6, с. 318]. Об обеспеченности депортированных немцев жильем, топливом, ресурсами лаконично свидетельствуют документы: «Уполномоченному по эвакуации населения по НСО... Эвакуированные и немцы Поволжья на работу устроены за исключением тех, кто не хочет работать по не их специальности, а у нас всем работы по их специальностям не хватает... Топливом обеспечивали недостаточно ввиду того, что в районе дров не имеется, уголь поступает плохо, одеждой и обувью обеспечены плохо, поскольку такой в настоящее время нет... Хлебом обеспечиваются по установленной норме. Сахар выдают в Купино по карточкам, а в колхозах выдают через сельпо по норме пайщиков в первую очередь. Мыло выдавали всем. Больше никаких продуктов для эвакуированных не отпускали, за исключением манной крупы для больных детей» [9].

1941 год для Кулундинской степи был урожайным. Депортированным немцам удалось получить продукты на трудодни (за участие в уборке урожая), кое-что колхозы смогли выдать и по поволжским квитанциям о сдаче государству продовольствия. В первую военную зиму на продукты обменивались вещи, привезенные с Поволжья.

Вопрос о компенсации колхозного имущества на местах вселения, по выражению А.А. Шадта, «повис в воздухе» отчасти по причине прекращения существования поволжско-немецких колхозов. Не был произведен и расчет с колхозниками по «трудодням», выработанным в Поволжье [6, с. 319]. Компенсация по сданному личному имуществу также была осуществлена далеко не полно. По данным Г. Люфта, в республике Немцев Поволжья «окончательно были ликвидированы бескорость и бесскотность среди колхозников» [10]. По данным А.А. Шадта, составленным на основе предъявленных обменных квитанций, это положение соответствует истине [6, с. 319]. К лету 1942 года в Чистоозерном районе из 360 семей депортированных немцев коров получили лишь 20 [11].

Проблема жилья для депортированного населения чаще всего решалась путем подселения к местным жителям либо вселением в освобожденные общественные сооружения. Поволжских немцев поражала бытовая неустроенность русских и украинцев, наличие (а точнее – обилие) паразитов в избе и одежде хозяев, задевали несправедливые оскорбления. Дискомфорт ситуации усиливал языковой барьер. Легче всего адаптировались в этих условиях 8-12-летние дети. У них были минимальные навыки чтения и говорения на русском языке (приобретенные в национальной школе), отсутствовали многие «табу», характерные для взрослых. Ребенок осваивает

любой мир, который окружает его. По многочисленным свидетельствам информантов, говорить на родном языке можно было только шепотом, в противном случае следовал окрик.

К 1943 г. большинство спецпоселенцев было расселено по отдельным домам — «пластяным» или «глинобитным». Например, в Чистоозерном районе в 1942 г. было построено 303 глинобитных дома [12]. Жилище спецпоселенца в условиях Кулунды представляло собой однокамерную постройку площадью 12-14 м², изготовленную целиком из местного сырья, стоимостью 1-2 тыс. рублей. По воспоминаниям информанта А.Д. Поличко, подобная постройка возводилась «помочью» за один день работы.

Немало сведений о русских составляла совместная работа на колхозных полях. Немцы Поволжья осенью 1941 года оказались рассеянными по территории, в 20 раз превышающей по площади АССР НП, один немецкий колхоз приходилось расселять по 40-60-ти сибирским колхозам-«карликам». Многие из достижений колхозного строительства АССР НП оказались реализованными в условиях Кулунды лишь в 1960-е годы вследствие финансовой, идеологической и материально-технической поддержки государством «целинных» районов. Но, например, проблема женской занятости в сибирских колхозах так и не была решена столь достойным образом, как в Поволжье.

Женщин, занятых в шелководстве, производстве табака, сфере образования и здравоохранения в Сибири ожидали «разные работы» (от прицепщицы до дорожного рабочего). «Худую работу давали...» Трудоустройство мужчин осуществлялось еще на станционной платформе председателями колхозов.

Управлением НКВД по Чистоозерному району картина занятости среди поволжских немцев отражена таким образом: на 17 августа 1945 года «не по специальности» работали 13 «спецпереселенцев-немцев, имеющих среднее и специальное образование» [13]. Однако эти сведения носят далеко не полный характер. Трудоспособные мужчины в 1945 году находились в рабочих колоннах, на место спецпоселения прибыли не все демобилизованные женщины. В 1950-е годы председатель поволжского колхоза Александр Лобес работал рядовым трактористом. А история врача Велькера известна не только в Новониколаевке, но и по всему Кулундскому району.

«Был случай... Лет семь-восемь мужик воду на поля возил. Схватил аппендицит тракториста. Сделал ему мужик прямо на поле операцию. Потом тракторист в больницу поехал. Там, в Кулине, вопрос сразу: «Кто сделал?». Дошло до райкома; оказалось, мужик

тот — хирург первой категории. Забрали его в больницу. Оказалось, мужик тот и газету с Волги сохранил, где пишут, как он работал. С четырех районов к нему на операцию привезжали. Лет 10 он в Кулино работал».

Вид «аборигена», обмотанного «веревочками»-«копоясками», вызывал у приезжих смех. Однако уже весной 1943 года на продукты была обменена (или истрепана на колхозных полях) последняя «мануфактура», привезенная с Волги. Подросткам, детям и старикам, оставшимся в кулундинских деревнях после мобилизации взрослых в трудовую армию, пришлось облачиться в холщовые брюки, ватники — «куфайки», обуться в сыромятные «поршни» и папты «из талы», в буквальном смысле «влезть в шкуру» славянина-сибиряка.

Кроме того, трудоспособное мужское население с декабря 1941-го призывалось в рабочие колонны, та же участь в конце 1942-го года постигла подростков с 15-ти лет и женщин, не имевших на попечении детей младше трех лет.

Статус семьи трудармейца не давал никаких льгот, родители, находящиеся в рабочих колоннах, ничем не могли помочь своим семьям. Напротив, трудармеец сам нуждался в продовольственных посылках. Шансы на выживание у трудармейца повышались, если он мог заручиться поддержкой представителя администрации. Кроме того, требовались ловкость и изобретательность при добыче «приварка» [6, с. 316].

По данным опроса кулундинских немцев (относительно родственников, не вернувшихся из трудовой армии) выявлена следующая картина: погибли, пропали без вести, умерли вскоре после демобилизации примерно 25% мужчин и 8-10% женщин, мобилизованных в 1941-1943 годы. Одним из пороков собственного воспитания нынешние 65-70-летние люди склонны считать отсутствие «дисциплинаторов», сиротство. Раннее вхождение во взрослую жизнь сопровождалось копированием «взрослых» привычек: курения, нанесения татуировок, овладения табуированной лексикой.

Матери, занятые на «разных» колхозных работах, а вечерами — в кустарном швейном производстве, нередко являлись для ребенка лишь «копекунами». Разрыв в традиционных способах трансляции культуры, вызванный занятостью женщин (как правило, в «единоличном» прошлом — домохозяйке) в общественном секторе аграрного производства, в АССР НП частично компенсировался созданием дошкольных детских учреждений. Сибирская деревня такой замены не знала — в традиционной культуре славянских переселенческих диаспор женщина активно участвовала в полевых работах.

Однако и «опекунские» функции немецкой матери в условиях колхоза военной поры к 1943-му году переставали действовать. Воспоминания информантов воспроизводят случаи болезней и гибели женщин, вызванных тяжелой работой и хроническим недоеданием.

Основным «авторитетом» и «воспитателем» (а часто и «кормильцем»-«опекуном») для немецкого подростка оставалась бабушка. Благодаря женщинам старшего поколения оказалась возможной катехизация немецкой молодежи. Однако и без того обедненное секуляризацией 1930-х годов, лишенное пастырского контроля и практики собраний религиозное воспитание в условиях ссылки прививало уважение к слову Божьему и верующему человеку, но сформировать традиционное религиозное сознание оказалось бессильным.

Оставшиеся на местах вселения «иждивенцы» были вынуждены ориентироваться на ресурсы и технологии природопользования местного населения. Стало обыденной практикой массовое использование подростков и стариков на «разных работах», занятие детей поволжских немцев нищенством.

Сложно рассматривать депортацию немцев Поволжья как вариант аграрной колонизации Сибири. Если это этап колонизации, то один из самых неудачных в отечественной истории как по подготовке (материальной и идеологической), так и по осуществлению.

Во-первых, успешная аграрная колонизация Сибири оказалась возможной лишь при поддержке государства. Минимальный вариант такой поддержки выражался в освобождении переселенцев от налогов и обязательной государственной службы на 3 года. Миграции немецкого населения в России знали и более ощутимую поддержку. Поволжские немцы сразу по водворении оказались отягощены как регулярными, так и чрезвычайными налогами (военным, займами) на тех же основаниях, что и остальное сельское население СССР. Кроме того, трудоспособная часть немецкого населения Советского Союза подверглась мобилизации в рабочие колонны, функционировавшие главным образом в системе промышленных наркоматов. Таким образом, на несколько лет выселенные немцы оказались отстранены от хозяйственного освоения сельских регионов Сибири и Казахстана, были лишены возможности материальной поддержки иждивенцев, оставшихся на местах высылки, более того, сами трудармейцы востребовали продуктовую и денежную помощь со стороны родственников.

Во-вторых, указанные группы депортированного населения плохо подходили для нужд освоения Сибири по своей половозрастной

структуре. По наблюдению В.Я. Нагнибеды (которое значительно позднее резюмировал В.А. Зверев) [14], на сибирских землях оседали и вели результативную хозяйственную деятельность семейные коллективы с преобладанием трудоспособных мужчин, где отсутствовали старики-иждивенцы (старшему мужчине – 35-45 лет), а большая часть детей достигла подросткового возраста (стадии «полуроботника»). Справедливости ради стоит отметить, что преобладание мужчин обеспечивало прежде всего захват достаточного количества земли (в соответствии с нормами обычного права – по числу работников). Но ведь и нормы обычного права основывались на многолетних наблюдениях.

В-третьих, успех аграрной колонизации Сибири в XX веке зависел и от перемещения не только масс людей, но и мощностей для освоения целинных земель: техники и живого тягла. «Столыпинский» вагон при Столыпине перевозил одну семью переселенца (т.е. 10-12 человек максимум), переселение «по-Сталину» осуществлялось куда более скученно, в итоге переселенцы могли взять с собой имущество, имеющее небольшие габариты. Отсутствие техники и тягла, мобилизация трудоспособного населения в рабочие колонны обусловила существование мигрантов на площадях, уже освоенных местным населением. «Рекорд» военных лет ссыльной немецкой семьи по освоению сибирских земель – до 50 сотых гектара, вскопанных лопатой (в лучшем случае, вспаханных собственной коровой) под посадку картофеля.

В-четвертых, депортация и обустройство на местах водворения поволжских немцев осуществлялись в условиях дефицита информации, касающегося не только адреса переселения, но и вопросов материального обеспечения. Главным, однако, представляется отсутствие информации о статусе депортированных, отсутствие «опекунской конторы» – посредника между коренным населением и поволжскими немцами. В итоге местное население реагировало на немцев Поволжья в соответствии с пропагандистской линией, направленной против фашистской агрессии. Повсеместно прибытию групп депортированных немцев предшествовали эсхатологические ожидания местного населения – производные как общего морально-психологического упадка (вызванного войной и мобилизацией близких), так и зооморфизмом советских антинемецких плакатов и карикатур.

Таким образом, поволжско-немецкое население оказалось дисперсно расселенным в полиэтничной среде с более высоким контекстом традиционной культуры, полихронным ощущением време-

ни, более низкой степенью модернизации, находящейся в состоянии мобилизации (по случаю войны с Германией) негативных стереотипов по отношению к «немцу». Ситуацию усугубляли лакуны между нормами обычного и кодифицированного права, вызванные коллективизацией: жизнь немецкого переселенца в 1942–1944-м гг. целиком зависела от доброй воли председателя колхоза.

Дисперсное расселение в славянской среде ссыльных немцев, длительное проживание за счет ресурсов и технологий природопользования местного населения, негативизм представителей референтных групп в отношении немецкого языка и отдельных элементов духовной культуры привели к селективному воспроизводству проекта традиционной культуры поволжских немцев. Кросс-культурный диалог мигрантов и коренного населения происходил в условиях скудости советской сельской экономики военной и послевоенной поры, при отсутствии большей части взрослого мужского (в случае немцев Поволжья – и части женского) населения, под действием репрессивных мер государства по ограничению свобод передвижения, собраний и вероисповедания.

Ассимиляция значительных групп иноэтничного населения в русскую культуру оказалась невозможной: вмещающая среда была ослаблена тяготами коллективизации и войны. Попытки сегрегации мигрантов по причине слабости материальной базы последних осуществились лишь в 1960-е годы. Преобладание ручного труда, опора на традиционные технологии природопользования и релаксация в сибирской деревне 1950-х гг. затрудняли и маргинализацию. Итогом совместного выживания представителей коренного славянского и «пришлого» немецкого населения в сибирском колхозе 1940-х годов явилась интеграция поволжско-немецких сообществ в состав населения переселенческих сел Кулунды, условиями которой стали толерантность референтных групп и отказ мигрантов от воспроизводства ряда элементов традиционной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАО, ф. 1030, оп. 1, д. 181.
2. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. – М., 1998. – Ч. 2. АССР НП. – С. 248.
3. Немцы Поволжья АССР // БСЭ. – М., 1939. – Т. 41. – С. 598.
4. Шнейдер А.Р. Округа и районы Сибиряка. – Новосибирск, 1930.
5. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). – М.: МСНК, 1995. – С. 23.

6. Шадт А.А. Прием и расселение спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1942 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М.: Готика, 1998.
7. ГАО, ф. П-4, оп. 5, д. 352, л. 41–43.
8. Дитц Я. История поволжских немцев. – М., 1997. – С. 380.
9. ГАО, ф. 1030, оп. 1, д. 205, л. 30.
10. Люфт Г. Республика Немцев Поволжья перед третьей пятилеткой // Революция и национальность. – М., 1937. – № 5. – С. 57.
11. ГАО, ф. Р-1030, оп. 1, д. 206, л. 10.
12. ГАО, ф. 1030, оп. 1, д. 201, л. 44.
13. ГАО, ф. П-4, оп. 34, д. 196, лл. 101–113.
14. Заверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. – Новосибирск, 1991. – С. 113.

А.Ю. Сабаева

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (90-е гг. XX века)

Изучение региональных особенностей внутренней миграции населения и выявление основных тенденций в динамике имеют большое значение. Внутренние миграции оказывают непосредственное воздействие на основные стороны социальной, экономической и политической жизни нашего общества. Интенсивные миграционные процессы влияют на формирование численности и структуры населения республики, а в процессе изменения половозрастной, национальной, профессиональной и социальной структур они оказывают многообразное влияние на социально-экономическое развитие регионов Казахстана как в районах выхода мигрантов, так и в районах их вселения. В то же время характер, основные направления и интенсивность миграционных процессов в свою очередь определяются социально-экономическими условиями развития регионов республики.

В Послании народу Казахстана «Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» президент РК Н.А. Назарбаев выдвигает в ранг ведущих приоритетов нашего государства сильную миграционную политику [1]. Анализ проблем внутренней миграции позволит создать более четкую и

выверенную стратегию внутренней политики в республике в целом, а также городской, сельской и региональной внутренней политики в частности. Поэтому исследование данной проблемы представляет значительный теоретический и практический интерес.

Для Казахстана в 1990-е годы был характерен большой объем внутренней миграции. Результаты переписи населения 1999-го года показали, что за период с 1989 по 1998 гг. внутри страны миграционный оборот составил 443013 человек [2]. Относительная интенсивность внутренней миграции была равна 29,6‰, то есть на тысячу населения Казахстана приходилось 29,6 человек, переместившихся в пределах государства.

Анализируя данные по количественному составу, миграционной подвижности и направлениям мигрировавшего населения, можно определить основные миграционные потоки внутри страны. Главными точками притяжения мигрантов согласно материалам переписи и относительным миграционным показателям являются следующие города и регионы: Астана, Алматы, Мангистауская, Акмолинская, Павлодарская и Актюбинская области. В остальных областях отток населения был больше, чем приток. Так, 77,7% всего внутреннего миграционного прироста приходится на два города: Алматы и Астана (54,6 и 23,1% соответственно), что является неблагоприятным признаком, так как приводит к социальному неравенству. Остальные области не выдерживают конкуренции с двумя административными центрами, отличающимися более высоким уровнем жизни, денежных доходов населения и низким уровнем безработицы.

Интенсивность прибытия в Акмолинской области составляет 10,4%, в Павлодарской и Мангистауской областях этот показатель равен соответственно 6,1 и 5,7%. На Актюбинскую область приходится 0,1% всего миграционного притока, что связано с интенсивным миграционным обменом этой области с другими регионами. Данная ситуация объясняется относительно благоприятным социально-экономическим положением в этих областях по республике, а также столичным статусом Акмолинской области.

В остальных регионах страны за рассматриваемый промежуток времени наблюдается значительный отток населения. Наиболее интенсивные миграционные потери исходя из показателя интенсивности выбытия, рассчитанного на основе данных переписи 1999-го года, понесли Восточно-Казахстанская область, в которой интенсивность выбытий составила 20,6%; Кызылординская область с интенсивностью оттока 19,3%; Южно-Казахстанская (18,6%) и Северо-Казахстан-

ская области, где интенсивность выбытий была равна 12,3%. На эти четыре области в сумме пришлось 70,8% всего оттока населения. Для оставшихся регионов также характерен отток населения.

В связи с тем, что миграционная ситуация является одним из важных критериев социально-экономического развития каждого региона, можно делать определенные выводы о состоянии социально-экономической сферы в данных областях. Так, Кызылординская область является депрессивным регионом с неблагоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства, осложненными последствиями экологического кризиса Аральского моря. Область занимает «одно из последних мест по промышленному производству, масштабу и показателям уровня экономического развития» [3]. Кызылординская область относится к регионам с низким уровнем среднедушевого дохода, значительная часть населения области находится за чертой бедности. В результате регион стоит на самом последнем месте по степени притяжения мигрантов и на первом месте по интенсивности оттока как городского, так и сельского населения.

В Восточно-Казахстанской области определяющим фактором миграции населения за ее пределы является экологический фактор, в частности, расположение в регионе Семипалатинского полигона. Кроме того, в области ярко выражено такое явление, как социальное расслоение. По данным статистики и выборочных обследований 13,3% восточноказахстанцев живет за чертой прожиточного минимума, то есть «каждый седьмой житель области сталкивается с серьезными материальными трудностями» [4]. В городах и районах области, где стабильно работают промышленные предприятия, среднедушевой доход выше, чем в сельскохозяйственных районах, в 2,4 раза. Обстановка осложняется тем, что в области находится несколько крупных предприятий с достаточно высокой заработной платой, поэтому ее средний уровень по области является высоким. Бюджетная сфера, социальные работники и пенсионеры получают копейки, а цены реагируют на средние цифры, поэтому в регионе имеет место явно выраженное социальное расслоение и неравенство.

Южно-Казахстанская область представляет собой регион с традиционно аграрным укладом хозяйства, специфика которого определяется высокой плотностью населения (16,8 человек на 1 км²), высоким уровнем рождаемости, общей перенаселенностью региона, что является одними из основных факторов оттока населения из данной области наряду с кризисом села, спадом производства, сни-

жением уровня жизни и ростом безработицы, «которая с 1994 года в данном регионе носит застойный характер» [5].

Северо-Казахстанская область относится к целинным территориям, где традиционно развивалось сельское хозяйство. Начиная с 1992-го года в аграрном секторе в условиях спада производства, инфляции, бюджетного дефицита и финансовой нестабильности нарастают кризисные явления. Аграрный сектор целинных областей «в целом становится все более экстенсивным, а зачастую переходит к полунатуральному хозяйству» [6], что свидетельствует о начале деградации агропромышленного комплекса и обуславливает отток населения из данных регионов.

Таким образом, внутриреспубликанские миграционные потоки в пользу перенаселенной и сейсмоопасной Алматы, новой столицы и всего четырех из четырнадцати областей являются свидетельством сохранения и усугубления диспропорций в развитии регионов республики, так как перераспределение населения в 1990-е гг. происходило прежде всего в пользу городов и областей с более высокими темпами развития экономики и, как следствие, с более высоким уровнем жизни населения. Главным в это время был миграционный поток «село-город».

Рассматривая мигрирующее население по половозрастному составу, следует отметить, что большинство внутренних мигрантов, совершивших перемещение по республике за межпереписной период, — это люди трудоспособного возраста. Они составляют 70,2% от всех мигрантов. Люди моложе трудоспособного возраста среди мигрирующего населения составляют соответственно 25,1%. На долю лиц старше трудоспособного возраста приходится 4,7% от всех мигрантов.

Доля мужчин и женщин трудоспособного возраста во внутренних миграциях была примерно одинакова. Из всего мигрирующего населения трудоспособного возраста 49,99% составляют мужчины. На долю женщин-мигрантов этого возраста приходится соответственно 50,01% от всего трудоспособного населения.

Наибольшей активностью в миграционных процессах отличаются мигранты мужского и женского пола в возрасте 15-34 лет, доля которых составляет 50% от всего мигрирующего населения. Таким образом, можно отметить классическую связь между возрастом и мобильностью в миграционных процессах, когда более подвижными являются молодые люди. Три наиболее мобильные возрастные группы очень близки друг к другу по уровню подвижности (20-24 года; 25-29 лет и 30-34 года). Относительная интенсивность миграции в них составляет

47,8; 50,9 и 46,1‰ соответственно, то есть на 1000 человек населения данных возрастных групп, проживающих в Казахстане, приходилось 47,8; 50,9 и 46,1 мигрантов данных возрастных категорий.

Достаточно мобильной группой является население в возрасте 5-9 лет (относительная интенсивность миграции 30,7‰), причем как мужского, так и женского пола, что объясняется тем, что во внутренних миграциях в 1990-е годы велика была подвижность населения в возрасте от 20 до 34 лет, то есть в основном мигрировали семьи с детьми.

Вследствие длительного оттока населения молодых возрастов, и прежде всего женщин, резко ухудшается демографическая структура сельского населения, что выражается в падении рождаемости как на селе, так и в целом по республике. В Казахстане есть такие районы, где не обеспечивается даже простое воспроизводство населения и трудовых ресурсов. Сегодня один ребенок для молодой семьи, пережившей в город, является роскошью, потому что неустroенность мигрантов мешает рождению детей, а, согласно исследованиям, полная адаптация мигрантов занимает не один год и происходит после десяти лет проживания на новом месте. Можно предположить, что с улучшением бытовых и жилищных условий проживания мигрантов рождаемость должна возрасти, поскольку «плохие условия не стимулируют увеличение семьи» [7]. В действительности этого не происходит, так как при переезде из сельской местности в городскую меняются рекреационные установки мигрантов. Особенно существенно это для казахского этноса, которому традиционно свойственен высокий коэффициент рождаемости. Достаточно сказать, что за период с 1989 по 1999 гг. доля титульного этноса в населении Казахстана возросла на 10%, но это не повлекло за собой роста коэффициента рождаемости. Перераспределение населения «перекрыло» традиционные репродуктивные установки казахов.

Таким образом, рассматривая структуру мигрировавшего в 1990-е гг. населения по половозрастному признаку, можно сделать вывод, что большинство прибывшего населения переезжает в связи с поиском или сменой работы, так как мигрировало в основном трудоспособное, экономически активное население (70,2%). Из этого вытекает большой процент населения в нетрудоспособном возрасте (29,8%), так как многие мигрируют с семьями. Причем в обоих случаях разница доли мужчин и женщин незначительна.

Внутренние миграции также оказывают непосредственное воздействие на этнические процессы, изменяя национальный состав

населения, проживающего в Казахстане. Одновременно этнические факторы миграции играют существенную роль в территориальном перераспределении населения. Рассматривая данные по направлению миграционных потоков и по национальному составу мигрирующего населения внутри республики, можно получить следующую информацию. За период с 1989 по 1998 гг. наибольшей миграционной активностью среди мигрантов различных национальностей внутри страны характеризуются мигранты казахской национальности, доля которых составляет 72,7% от всех внутренних мигрантов. Мигранты русской национальности отличаются меньшей миграционной подвижностью и составляют 17,7% от общего числа внутренних мигрантов. На долю других национальностей приходится 9,6% мигрантов.

В связи с тем, что доля русского и казахского населения среди мигрантов в сумме составляет 90,4%, вся суть миграционных процессов определяется именно передвижением этих двух этносов. Перемещения мигрантов остальных национальностей могут носить случайный, эпизодический характер, а могут укладываться в общие тенденции. Причем относительная интенсивность миграции казахского населения составляет 40,3%, русского — 17,5, других национальностей — 17,2.

Что касается распределения мигрирующего населения по областям исходя из этнического состава, то перепись 1989-1998 гг. дает следующие сведения. Казахское население отдает предпочтение двум городам и восьми областям Казахстана: Алматы, Астане, Кызылординской, Мангистауской, Южно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Атырауской, Жамбылской, Алматинской и Актыбинской областям, в которых его доля в составе мигрирующего населения составляла от 87,5% в Кызылординской области до 70,6% в Западно-Казахстанской. В остальных областях доля мигрантов казахского этноса была несколько ниже.

Из этого следует, что интенсивный миграционный обмен казахского населения происходил на юге и западе Казахстана, то есть в тех регионах, где традиционно проживает больше коренного населения.

Рассмотрев долю русского этноса среди внутренних мигрантов по регионам, следует отметить, что русские мигрировали в основном в шесть областей: Северо-Казахстанскую, Костанайскую, Восточно-Казахстанскую, Павлодарскую, Акмолинскую и Карагандинскую области, в которых их доля среди мигрантов составила от 46,1% в Северо-Казахстанской области до 23,5% в Карагандинской. В остальных регионах доля русского этноса была относительно неболь-

шой. Таким образом, на основе анализа данных переписи можно сделать вывод о том, что миграционные потоки русского населения были направлены на север и восток Казахстана, то есть в местность, где традиционно наблюдается преобладание русского этноса среди других национальностей, проживающих на данной территории.

Как было сказано выше, между миграцией населения и этническими процессами существуют тесные двусторонние связи. «Чем ближе этнический облик населения разных мест, тем активнее миграционные связи между этими местами. Чем активнее миграционные процессы, тем быстрее идут этнические изменения» [8], что подтверждается данными внутренней миграции.

Внутренние передвижения населения в рассматриваемый период времени происходили в большинстве случаев за счет сельского населения республики. Основной миграционный поток был направлен в города, куда прибыло 75% всех внутренних мигрантов. В сельскую местность переместилось 25% от общего числа мигрантов, что объясняется, во-первых, интенсивным миграционным обменом сельских жителей и, во-вторых, тем, что часть не сумевших адаптироваться в городе мигрантов была вынуждена возвратиться обратно в села.

Массовый отток сельского населения в города обусловлен целым рядом факторов, связанных с тем, что аграрный сектор Республики Казахстан находился в 1990-х гг. (и продолжает находиться в настоящее время) в тяжелом состоянии. Н.А. Назарбаев в Послании народу Казахстана «Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» отмечает, что село сегодня стало средоточением всех основных социальных проблем — невыплаты заработной платы, пенсий, отсталости, бедности и безработицы, слабых инфраструктуры, образования и здравоохранения, экологических катаклизмов.

Серьезно следует относиться к той особенности, что в Казахстане сельское население составляет 43%. От переизбытка сельского населения во многих районах высока безработица, которая, в свою очередь, подрывает сельские рынки труда, удешевляет их до самого низкого в стране уровня. Все это приводит к массовому оттоку сельского населения в районные центры и города. Поэтому по всей территории Казахстана в настоящее время идет упразднение перспективных, брошенных людьми населенных пунктов.

Процесс внутренней миграции носит вынужденный характер. Миграция поднимает в основном неблагополучные слои населения без специальности и малоквалифицированных работников. Низкая

обеспеченность объектами социальной сферы в сельской местности, отсутствие рабочих мест и перспектив на ее получение по прежнему месту жительства, слабая социальная защищенность «выталкивают» сельских жителей из села в город. Данная тенденция имела место и продолжает прослеживаться в настоящее время. К мотивам сельской миграции с юга можно добавить малоземелье, высокую плотность населения, в западном регионе ситуация осложняется неблагоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства, экологическими причинами.

Следует также отметить, что качество образования в сельских школах гораздо ниже, чем в городских. Значит, часть мигрантов, а в основном это молодежь и трудоспособное, экономически активное население, наряду с большими возможностями получения работы в качестве мотива миграции в город выдвигает желание получить самим и дать своим детям хорошее образование. К числу причин сельско-городской миграции можно отнести не только выталкивание со стороны части населения, но и, несомненно, лучшие материальные и культурные условия проживания в крупных городах, где сосредоточены вузы, промышленные предприятия, культура, развитая инфраструктура, где существует больше возможностей найти работу.

В концепции миграционной политики Республики Казахстан также сказано, что отток населения из сельских населенных пунктов происходит в результате упадка аграрного сектора, а также обусловлен экологическими причинами в зонах Семипалатинского полигона и Приаралья. Среди основных приоритетов реализации миграционной политики на долгую перспективу отмечается создание социально-экономических предпосылок, и на этой основе – переориентация миграционных потоков. Согласно концепции существующая миграция трудоспособного населения из села в город будет упорядочена и сформирована в новую пропорцию, при которой на селе останется проживать примерно 25% населения [9].

Поэтому президент Республики Казахстан в своем Послании народу Казахстана «Об основных направлениях внутренней и внешней политики на 2003 год» пишет о том, что 2003-2005 годы посвящаются возрождению аула и что в течение этого времени именно перспективным селам будет уделяться наибольшее внимание со стороны государства. В то же время по всей территории Казахстана будет происходить упразднение неперспективных сельских населенных пунктов [10]. В существующей миграционной политике, проводимой государством, есть ряд положительных моментов: население будет жить в лучших

социально-экономических и культурных условиях. Но, с другой стороны, будет происходить еще большая концентрация населения в нескольких точках, что в перспективе может привести к очень серьезным проблемам, так как люди будут уезжать из малых сел. Уже сейчас существует ряд негативных последствий сельско-городской миграции населения, которые крайне неблагоприятно сказываются на развитии нашего государства.

Во-первых, в условиях огромной территории, нехватки материальных и людских ресурсов Казахстан в настоящее время представляет собой государство «пустых» пространств с редкими сгустками населенных мест (средняя плотность населения в республике составляет 5,5 человек на 1 км²), что обуславливает существование потенциальной угрозы экспансии со стороны соседних перенаселенных государств, прежде всего КНР и стран Средней Азии [11].

Увеличение концентрации населения приводит к увеличению концентрации всех социальных проблем. Поэтому вторым негативным следствием тенденций внутренних миграций Республики Казахстан является увеличение бедности и резко усилившаяся поляризация населения по уровню доходов. Миграционные процессы в значительной степени воздействуют на социальную стратификацию, и особенно сильным является влияние миграции «село-город», что выражается в росте масштабов бедности и маргинализации отдельных групп населения. Рост их численности происходит за счет части не адаптировавшихся к новым городским условиям сельских мигрантов. Внутренние миграции оказывают негативное влияние на городской рынок труда. Если город не в состоянии «переработать» сельских мигрантов, то его заполняют маргинальные личности, которые характеризуются неопределенностью социального положения, невключенностью или низкой включенностью в социальные структуры или группы.

В-третьих, миграционные процессы, происходящие в Казахстане в последнее десятилетие, оказывают непосредственное воздействие на состояние и динамику общей уголовной преступности, увеличение которой наблюдается в местах значительной концентрации мигрантов [12]. Таким образом, прибытие значительного числа мигрантов осложняет жизнь постоянного населения. Следствием этого является возникновение ряда проблем и конфликтов социального, политического и экономического характера. В условиях экономического кризиса это приводит к усилению социальной напряженности.

В-четвертых, происходящие в Казахстане активные миграционные процессы оказывают большое влияние и на демографическую ситуацию, что находит выражение в падении рождаемости. В традиционной культуре казахов издавна бытовала многодетность. В условиях, когда почти половина населения Казахстана проживала на селе, причем в сельском населении существенно преобладали казахи, демографическая стабильность поддерживалась за счет прироста населения именно в казахском ауле. Но эта традиция изменяется вследствие урбанизации сельского населения – наиболее стабильного носителя этнокультуры. В прошлое уходят традиции казахского народа, когда, к примеру, каждая семья воспитывала в среднем три-четыре ребенка. Усугубляет демографическую ситуацию и наличие значительной доли молодого населения в миграционных процессах, о чем говорилось выше.

Таким образом, в современных условиях в республике все большую актуальность приобретают проблемы внутренней миграции населения, так как они непосредственно оказывают влияние на все социально-экономические и политические проблемы, существующие в Казахстане, а также остро стоящую перед нашим обществом проблему перераспределения населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Послание Президента страны народу Казахстана «Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» / Н.А. Назарбаев // Казахстанская правда. – 1997. – 11 октября.
2. Миграция населения РК. Итоги переписи населения 1999 года в РК. Статистический справочник / Под ред. А. Смаилова. – Алматы, 2000. – 130 с.
3. Жалымбетов Т.С. Промышленность Кызылординской области: эффективность и ее оценка / Т.С. Жалымбетов // Саясат. – 2000. – № 4-5. – С. 92.
4. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Матер. IV-й Межд. науч.-практ. демограф. конф., Усть-Каменогорск, 23-25 мая 2002 г. – Караганда, 2002. – С. 61.
5. Ыдырыс С.С. Анализ современного состояния проблем безработицы в РК и Южном регионе / С.С. Ыдырыс, Б.М. Бижанова // Саясат. – 2001. – № 2. – С. 37.
6. Такеева М. Сельское хозяйство в Северо-Казахстанской области: реалии и перспективы / М. Такеева // Транзитная экономика. – 1999. – № 5-6. – С. 16.

7. Асылбеков М.Х. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980 гг.) / М.Х. Асылбеков, А.Б. Галиев. – Алма-Ата: Фылым, 1991. – С. 79-80.
8. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения / В.И. Переведенцев. – М.: Наука, 1975. – С. 26.
9. Концепция миграционной политики РК. Одобрена Постановлением Правительства РК от 5 сентября 2000 г. № 1346.
10. Назарбаев Н.А. Послание Президента народу Казахстана «Об основных направлениях внутренней и внешней политики на 2003 год» / Н.А. Назарбаев // Казахстанская правда. – 2002. – 30 апреля.
11. Жолман Р.К. Политическая конкурентоспособность Казахстана в геополитическом измерении / Р.К. Жолман, Е.М. Абен, Д.А. Сатпаев // Саясат. – 1999. – № 3. – С. 52-56.
12. Утешов А. Миграция населения и преступность / А. Утешов // Мысль. – 2000. – № 6. – С. 23.

В. Семенов

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ГИПОТЕЗА ДИНАМИКИ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Наша гипотеза этногенеза основывается на двух физических теориях и историческом материале. Речь идет о теории физического вакуума и теории времени. Представим их в общих чертах. Теория физического вакуума была разработана академиком Шиповым Г.И. в 70-е годы XX века. Суть теории в следующем: существует семь уровней реальности. Первые четыре – это всем известные три агрегатных состояния вещества (твердое, жидкое, газообразное) и четвертое – плазма. Пятый уровень – физический вакуум, шестой – уровень первичных торсионных полей, седьмой – Абсолютное Ничто. Седьмой уровень обладает матрицей возможного и творит не материю, а планы – замыслы (отношения, законы), по которым и строится материя. Как говорит Шипов: «... появился некий уровень реальности, синонимом которого в религии является Бог – некая реальность, обладающая всеми признаками Божества» [1]. Торсионные поля – это поля, порождаемые угловым моментом вращения (от англ. torsion – вращение). Данные поля представляют собой элементарные пространственно-временные вихри правого и левого вращений,

которые не переносят энергию, но переносят информацию о событиях в прошлом, настоящем и будущем. Их можно определить как информационные поля. При любом искажении структуры физического вакуума генерируются торсионные поля. Любое сооружение, построенное на Земле, любой символ или буква на бумаге, мысль, излучаемая нами в пространство, искривляют физический вакуум, он порождает торсионное поле. Таким образом, все техногенные объекты, будь то заводы, фабрики, электростанции, плотины, аэропорты, генерируют торсионные поля. Торсионные поля обладают высокой проникающей способностью, проходят через природные среды без ослабления. Информация сама по себе способна оказывать воздействие на состояние материальных образований и вызывать их изменения. А отсюда следует, что мировое информационное поле могло создавать космические объекты — звезды, планеты, галактики, а значит и всю Вселенную. Шипов говорит: «Лично я убежден: наше тело — «генератор» и «приемник» торсионных полей разной природы, отражающих информацию о Реальностях всех уровней» [2]. Все известные поля — гравитационное, электромагнитное, торсионное — являются различными фазами физического вакуума [3]. Они бесконечно распространяются во все стороны пространства, образуя так называемый Тонкий Мир или информационное поле Вселенной. Вселенная пронизана бесчисленным множеством волн с различными уровнями вибраций.

Каждая волна образует с синхронной ей волной того же рода интерференционную матрицу. Следовательно, Вселенная — Огромная Голограмма, в каждой точке которой содержится информация обо всей Вселенной, но она закодирована в голографических интерференционных микроструктурах. Человек и его сознание являются составными частями космической голограммы.

«Биологические системы, живое вещество планеты и окружающее пространство могут быть представлены как единая физически организованная система, чем-то подобная единой гигантской околоземной голограмме» [4].

«Сознание человека является голографическим компьютером» [5].

«Мозг — это считывающее устройство, позволяющее черпать информацию из биополевой системы человека и информационного поля Вселенной» [6].

«Сознание человека является частью Сознания Вселенной» [7].

Следовательно, человек обладает доступом ко всей информации во Вселенной.

Поскольку седьмой уровень реальности, обладающий сознанием, как следует из теории физического вакуума, является первопринципом творения Вселенной, следовательно, сознание человека, как составляющая часть Сознания Вселенной, обладает свойствами творения окружающей Реальности. Сознание человека и человеческого коллектива творит окружающий мир и выступает его причиной.

Следовательно, все объективные законы, которые мы наблюдаем в Природе и обществе, есть результат творчества человеческой психики!

Согласно данным современной физики в человеческом организме присутствуют структуры, отвечающие понятиям Дух и Душа (Шипов Г.И., Акимов А.Е.), то есть психика человека имеет полевую основу и подразделяется на подсознание, сознание, надсознание.

Подсознание (бессознательное) состоит из коллективной памяти биологического рода (генетической памяти), коллективной памяти этноса, коллективной памяти человечества. Подсознание оказывает влияние на формирование реальности социальных процессов. Сознание содержит личность и индивидуальность человека и осуществляет контроль нашей повседневной деятельности. Но по мере роста и совершенствования сознание обретает все больший контроль над Реальностью. Надсознание — самая глобальная сфера, являет собой самый высший уровень по отношению к подсознанию и сознанию, представляет собой такую же полевую структуру. На уровне надсознания человечество едино, ибо исчезают различия «я» — «он», противопоставление «мы» — «они». Сфера надсознания объединяет все человечество в едином поле.

Надсознание содержит различные программы развития человечества и формирует планетарно-антропогенные процессы в масштабах мировой системы [8].

Такова в самых общих чертах теория физического вакуума и следующий из нее принципиально новый взгляд на мир и Человека.

Теперь переходим к рассмотрению теории времени. Теория времени наиболее глубоко разработана советским астрономом Кзыревым Н.А и рядом его последователей. Основные положения теории времени следующие:

1. Время является реально существующей субстанцией и представляет собой стоячую волну, несущую информацию.

2. Время имеет направленность или ход, в соответствии с чем имеют место две стрелы времени: из будущего в прошлое и из прошлого в будущее.

3. Время вырабатывает энергию, противодействующую росту энтропии (хаоса).
4. Время имеет линейную и нелинейную стороны своего Бытия.
5. Время способно отражаться подобно световым лучам.
6. Время имеет плотность.
7. Время организует и структурирует пространство во всем множестве измерений.
8. Прошлое, настоящее, будущее сосуществуют.

Плотность времени – это эффект его воздействия на вещество за одну секунду. Выяснилось, что плотность времени больше там, где идут нестационарные процессы, и с возрастанием энтропии (хаоса) плотность времени увеличивается. Данные процессы излучают время, а у находящегося вблизи вещества упорядочивается его структура. Потерянная из-за идущего процесса организованность системы уносится временем. Следовательно, время несет информацию о событиях, которая может быть передана системе. Вот еще одни свойства времени: возле Причины плотность времени меньше, а возле Следствия – выше. Органическая материя имеет возможность получать энергию для процессов жизнедеятельности путем преобразования энергии потока времени. Козырев утверждал, «время не распространяется подобно световым волнам, а появляется сразу во всей Вселенной, поэтому связь через время должна быть мгновенной». Но наиболее впечатляющие результаты были получены в результате экспериментов, поставленных Козыревым в 1977–79 годах в Крымской астрофизической обсерватории. Как известно, мы наблюдаем астрономические объекты не в настоящем моменте, а там, где они были в прошлом, мы видим свет, пришедший от них. Но поскольку время появляется сразу во всей Вселенной, то Козырев решил обнаружить истинное местоположение звезды, которое невидимо глазом. Звезды являются мощными генераторами потоков времени. Когда телескоп был наведен в район предполагаемого местонахождения звезды, то приборы фиксировали изменения плотности потока времени. Самым удивительным оказалось то, что подобным образом были зафиксированы местоположения звезд там, где они будут находиться в будущем! Получается, что информация поступает как из прошлого, так и из будущего в настоящее. Опыты Козырева были повторены академиком Лаврентьевым М.А. из Новосибирска и Пугачев А. в Главной астрономической обсерватории Украины и в Крымской астрофизической обсерватории. Результаты аналогичны результатам, полученным Козыревым. *Прошлое, настоящее, будущее сосуществуют!* Данный фе-

номен весьма сложен и интересен. Отсюда можно предположить, что видимый нами фрагмент пространства-времени обуславливается рамками нашего восприятия.

Все вышеизложенное позволяет говорить о наличии двух потоков времени-информации: один – из будущего в прошлое, он несет информацию о событиях в настоящее; другой – из прошлого в будущее, он является производным от первого. Академик Казначеев В.П. полагает, что Козырев сам находился в затруднительном положении. С одной стороны, он постулировал мгновенность времени во всех точках Вселенной, а следовательно, и одномоментность всех процессов, а с другой – ученый говорил о причинно-следственных связях, что, по мнению Казначеева, несовместимо. Казначеев предлагает называть пространство энергии времени «пространством Козырева». Как показали опыты, проведенные в Новосибирске в Международном институте космической антропозологии в специальной установке, моделирующей «пространство Козырева», происходит сдвиг времени по отношению ко времени окружающего мира от нескольких часов до нескольких суток либо в прошлое, либо в будущее. *Это говорит о нелинейности времени.* Последующие опыты показали, что человеческая психика и интеллект напрямую связаны с «пространством Козырева». Получается, что человек живет в двух мирах: Эйнштейна-Миньковского и Козырева. Данные пространства вложены друг в друга, и им соответствуют линейное и нелинейное время. Следующий весьма важный аспект состоит в том, что современная физика утверждает, что каждый материальный предмет является стоячей волной, то есть волной, состоящей из наложения двух бегущих навстречу друг другу волн, имеющих одинаковую частоту и амплитуду. Она распространяется по всей Вселенной. Каждый объект в виде волны есть везде, но в месте своего нахождения имеет самую высокую амплитуду. А раз так, то мы приходим к выводу о наложении в одной области пространства-времени бесчисленного множества физических вещей. То есть каждый материальный объект, согласно данному положению, как бы «размазан» по Вселенной, и обнаружить его возможно везде, при соответствующей настройке на частоту волны. Следовательно, каждый фрагмент Реальности присутствует во всей Реальности. А видимый нами образ Реальности обусловлен спецификой нашего восприятия. Попросту говоря, если мы видим в режиме обычного восприятия берег океана, то в другом, невоспринимаемом нами варианте Реальности, здесь же, на месте океана, может выситься горная гряда или расстилаться пустыня. При изменении режима восприятия мы можем увидеть множе-

ство вариантов Реальности. Изменения восприятия практикуются в различных культурах с глубокой древности. В особенности, высоких результатов достигли индийские йоги, тибетские монахи, племена мексиканских индейцев, египетские жрецы, которые во время медитации или в процессе занятий специальными комплексами дыхательных упражнений достигали видения различных образов, отсутствующих в режиме обычного восприятия, и приближались к высокому, целостному уровню восприятия Реальности.

Введем еще одно понятие – культурное пространство. Культурное пространство – это сфера взаимодействия человека с окружающим миром. Взаимодействия подразделяются на идеальные и материальные. Материальное, в свою очередь, состоит из механического и полевого.

Механическое – прямой, непосредственный контакт с материальными объектами посредством физического тела. Полевое – взаимодействие с энергоинформационными структурами мира посредством полей человеческого организма: торсионными, электромагнитными, хрональными.

Идеальное – взаимодействие с Миром посредством мысли.

Мысль материальна и может оказывать воздействие на различные процессы. Данный вид контактов ничем не ограничен, ибо мысль может достигать самых удаленных районов Вселенной. Учитывая то, что торсионное поле является носителем мысли, это может происходить мгновенно. Здесь происходит смыкание идеального и материального в аспекте полевых взаимодействий.

Учитывая разную частоту колебаний полей, мы можем ввести понятие вертикальной и горизонтальной динамики культурных пространств. Горизонтальная динамика – динамика в пределах одного частотного уровня. Вертикальная динамика – динамика переходов с уровня на уровень. Возрастание частоты – «плюс», уменьшение – «минус».

Иерархия культурных пространств следующая:

- а) микропространство – пространство индивидуума;
- б) мезопространство – пространство группы, страты, класса, города, населенного пункта;
- в) макропространство – пространство этноса, группы этносов, государства;
- г) суперпространство – пространство группы государств, объединенных в каком-либо союзе;
- д) гиперпространство – пространство мирового сообщества.

Мы предлагаем рассмотреть этногенетические и всемирно-исторические процессы как процессы образования и взаимодействия культурных пространств.

Данные пространства масштабнее, чем их источники, и распространяются далеко за их пределы. Поэтому при рассмотрении этнических процессов необходимо точно указывать, где речь идет об этносе, а где о его культурном пространстве.

Представленная иерархия условна, так как масштабы могут существенно меняться. Например, один человек, занимающийся в данный момент медитацией и раздвигающий границы своего культурного пространства посредством мысли до масштабов Вселенной, имеет намного большее культурное пространство, чем группа людей или даже население страны, которые в данный момент заняты повседневными делами. Границы этих пространств неустойчивы и в зависимости от состояния людей, их создающих, могут меняться ежесекундно. Каждое культурное пространство есть вариант интерпретации Реальности. Благодаря воздействию культурного пространства на окружающую действительность изменяется ход Времени в масштабе воздействия. *На границах сфер различной интерпретации Реальности возникает нелинейность Времени. Это происходит из-за того, что входит в контакт сферы (культурные пространства) с различным ходом Времени. Наложение различных хрональных потоков приводит к нелинейности Времени.* Отсюда следует, что в зонах контактов этносов образуется нелинейность Времени, так как каждый этнос обладает своим ходом времени, о чем мы будем говорить далее.

Нелинейность Времени также возникает на границах природных сред и различных ландшафтов. Например, на границе воды и земли, леса и степи, равнины и гор. Соответственно средам различна скорость и структура распространения информации. *Различные культурные пространства, находящиеся во взаимодействии с различными природными ландшафтами, будут иметь различную специфику информационных процессов.*

Данная специфика обуславливается не только контактами с ландшафтами, с окружающей средой, но и деятельностью самого человека (либо другого источника культурного пространства). Отсюда сделаем вывод: культурные пространства ограничиваются спецификой информационных процессов эндогенного свойства.

Суммируя все вышеизложенное, перейдем к рассмотрению процессов этногенеза. Отличительной чертой каждого этноса является культурно-поведенческий стереотип, который, по утверждению Л.Н.

Гумилева, есть производное от уровня пассионарного напряжения в этнической системе.

Автор данной публикации полагает, что культурно-поведенческий стереотип зависит от специфики восприятия реальности отдельным человеком и этническими сообществами, а, помня о наложении бесчисленного множества объектов в одной области пространства-времени, данное утверждение представляется вполне обоснованным. Автор полагает, что восприятие этническим коллективом фрагментов Реальности обуславливает особую, неповторимую психологическую конституцию этноса. А смена поведения в историческом процессе есть смена восприятия реальности. В свою очередь, восприятие обуславливается шестью факторами:

а) ландшафтный – подразумевает энергоинформационную специфику природного или искусственного ландшафта, определяющую своим частотным уровнем частоту восприятия информационно-волновых потоков окружающего мира. Данный фактор не доминирующий, играет роль как на начальной, так и на завершающей фазах формирования этноса;

б) биогенетический – здесь определяющей является генетическая память предков, запечатлевая опыт предшествующих поколений. Эксперименты доктора Станислава Грофа выявили сохранность информации о предшествующих эволюционных этапах развития человека на глубинных уровнях психики. Ряд ученых полагают, что на сознательном уровне запечатлевается одна миллионная доля информации от объема, фиксируемого на клеточном уровне. В определенные моменты память может выдавать информацию в виде образов на сознательный уровень, что и повлияет на восприятие мира;

в) информационно-голографический – основан на голографическом отражении информации во Вселенной, о чем мы упоминали ранее. Говорит о возможности считывания информации человеком и коллективом с информационного поля Земли и Космоса и видения, таким образом, различных фрагментов реальности, что оказывает влияние на поведение этноса;

г) духовно-информационный – говорит о наличии духовной базы этноса и всего человечества, представляющей собой программу развития человечества и находящуюся на уровнях сверхсознания (надсознания), которая поэтапно реализуется в процессе эволюции человеческого общества. Духовная база является фрагментом информационного потенциала Вселенной, преобразованного коллективным надсознательным человечества в программу развития;

д) культурный – объясняет восприятие реальности культурным и социальным процессом, формирующим у человека и коллектива модель мира, сквозь призму которой воспринимается реальность;

е) лингвистический – обуславливает восприятие реальности через язык как систему звуковых знаков, выражающий одну из сторон реальности и влияющий на энергоинформационные процессы, протекающие в окружающем мире.

Эксперименты по исследованию влияния языка на материальные процессы выявили следующее: при чтении над водой молитв вода обретала лечебные свойства, а при произнесении бранных слов – становилась ядом. Также широко распространен способ так называемого «программирования», когда при многократном произнесении фраз, описывающих какую-либо ситуацию, человек получает желаемый вариант развития событий.

Итак, *складывание нового этноса происходит на основе единого восприятия реальности*. Но оно должно стать единым в силу каких-то обстоятельств. Оно зарождается из старого еще перед возникновением этноса. Гумилев полагал, что причиной тому является возникновение пассионарности, как следствие биологической мутации рецессивного гена под влиянием космического излучения. Но большинством ученых эта идея не поддерживается. «Никаких мутаций не существует!» (Из устных сообщений академика В.П. Казначеева). Значит, существует некий импульс, активизирующий шесть вышеприведенных факторов. Помня о времени как источнике энергии для органических систем, подойдем к проблеме с этой стороны. Мы говорим, что существует мировое время, идущее из будущего в прошлое, и время, порождаемое необратимыми процессами, время, текущее навстречу мировому, из прошлого в будущее. Условно назовем мировое первичным временем, а генерируемое в различных системах вторичным. К числу вторичных относится и время, вырабатываемое человеком, – биологическое время. Но в неорганических системах тоже должно присутствовать время, дающее этим системам возможность существовать.

Скажем более прозаично: время несет информацию, а социум не мыслим без информационных потоков, а потому автор полагает, что на линиях коммуникаций образуется социальное время. Данные термины уже существуют, но автор вкладывает в них свой смысл. Социальное время обуславливает длительность существования социума и является производным от биологического. В свою очередь социум погружен в мировое время и вполне возможно, что из

него напрямую социальная система черпает энергию, создавая при этом еще один вид времени социального. В новом этносе должно возникать новое время. Именно поэтому загадку зарождения, развития и гибели этноса следует искать в изучении времени.

Процесс этногенеза представляется следующим образом:

Два пространства – Эйнштейна-Минковского и Козырева вложены одно в другое. Соответственно им существуют линейное и нелинейное время, находящиеся в состоянии взаимного перехода. Н.А. Козырев говорит, что под влиянием энергетического импульса системы время может изменить ход. Отсюда, процесс этногенеза выглядит следующим образом: *под влиянием психических, культурных, социальных факторов возникает асимметрия линейности и нелинейности времени.*

Данная флуктуация активизирует шесть факторов, определяющих восприятие реальности. Измененное восприятие приводит к возникновению новых хроноинформационных потоков, управляемых надсознанием. Активизированные поля человеческих индивидуумов структурируют культурные пространства субэтносов, обитающих в данном районе.

Единое социальное время, устанавливаемое между субэтнотами на данной территории, позволяет сформировать единое культурное макространство – пространство этноса. Так появляется новый этнос. Если у различных субэтносов сложилась общая интерпретация реальности, то они сплавляются в единый этнос благодаря генерированию одинакового социального времени. Этнос входит в мировое время и начинает свой путь в истории. Если внутренние процессы способствуют гармоничному пребыванию во времени, то в этносе не накапливается энтропия и этнос, постоянно восполняя запасы энергии, может жить неограниченно долгий срок! *Этнос умирает, только если выходит из ритмики времени!*

То же самое относится и к цивилизациям и культурам, к любым социальным явлениям. Отсюда следует вывод: схождение этносов с арены мировой истории есть аномалия.

Главным условием гармоничного взаимодействия со Временем любого человеческого коллектива – этнического или социального – является условие свободной циркуляции информации между планетарной системой и системой человеческого коллектива, между различными уровнями социума, между отдельными членами коллектива. Человек, находясь в потоке мирового времени, генерирует свое биологическое время, которое преобразуется в социальное время. Как

мы уже говорили, время несет информацию, и в процессе взаимодействия с социумом время-информация распространяются по системе, поддерживая ее жизнедеятельность. Распространение должно быть равномерным, в противном случае возникает дисбаланс. Каждая структурная единица коллектива, будь то человек, группа, страта, класс, в социальной системе представляет собой информационную ячейку.

В целом этнос и социум представляют собой единую информационную систему, в которой каждая ячейка тесно связана и взаимодействует со всеми остальными. Информационное поле этноса входит в информационное поле Земли, которое в свою очередь входит в информационное поле Космоса. Таким образом, во Вселенной наличествует свободный поток информации на всех уровнях. Человек имеет доступ ко всей информации во Вселенной, согласно голографической структуре, о чем мы писали ранее. Человечество, как один из иерархических уровней, также находится в информационной Голограмме. В отличие от Космоса человеческое общество не представляет собой пространство свободного, равномерного движения информации. Социальная иерархия и жесткое разделение функции человеческих индивидуумов приводят к очаговой концентрации информации и дезинтеграции единого информационного пространства, которое закладывается при зарождении каждого нового этноса исходя из единства Человек-Вселенная. В этом и заключается главное противоречие между единством и свободой энергоинформационного обмена Человека с Космосом, с одной стороны, и нарушением единого энерго-информационного пространства человеческой цивилизации и Земли, с другой стороны, приводящее к появлению замкнутых локальных информационных образований в процессе социального структурирования, вследствие чего процесс перехода времени-информации в энергию становится дисбалансным. Социальное время, благодаря которому существуют социальные отношения, начинает входить в асинхронность с мировым временем. Это и является началом выхода этносоциального образования из потока мирового времени. Подчеркнем, что любой социальный организм, хоть тоталитарного, хоть демократического характера, приходит к вышеописанным процессам, ибо наличие различных социальных слоев, классов, подразделяющихся в свою очередь на самостоятельные корпоративные образования, подразумевает преобладание частных интересов, вследствие которых векторы их деятельности разнонаправлены, что приводит к нарастанию хаоса в энергоинформационных процессах этнического, суперэтнического и планетарного масштабов. Поэтому единственной альтернативой может быть существование та-

кого общества, при котором отсутствует разделение единого информационного поля антропогенно-планетарного характера.

Подытоживая все вышесказанное, дадим определение этносу: этнос – человеческий коллектив, представляющий собой энергетическую систему открытого типа, сложившийся на основе единой интерпретации Реальности, обладающий единым для всей системы ходом времени, реализующий одну из программ развития цивилизации.

Данная гипотеза предлагает новый подход к рассмотрению этнических и социальных процессов и позволяет по-новому взглянуть на демографические тенденции, преобладающие в мире. Дальнейшему углублению данной темы будут посвящены последующие работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин С. Мы – как часть высшей реальности // Наука и религия. – 1999. – № 8. – С. 4.
2. Акимов А.Е. Облик физики и технологии в начале XXI века // Матер. науч.-педагогич. конф. «Идея Живой этики и Тайные доктрины в современной науке и практической педагогике», г. Екатеринбург, 8 августа 1997 г. – М.: Шарк, 1999. – С. 10-11.
3. Акимов А.Е., Тарасенко В.Я., Шипов Г.И. Торсионные поля как космофизический фактор // Биофизика РАН. – Т. 40. – Вып. 4. – М.: Наука, 1995. – С. 940.
4. Поликарпов В.С. Феномен «жизни после смерти». – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 251.
5. Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Жизнь напрокат. – СПб.: ИД «Весь», 2002. – С. 167.
6. Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Физика веры. – СПб.: ИД «Весь», 2001. – С. 187.
7. Рампа Л. За пределами 1/10. – К.: София, 1995. – С. 167, 254.

И.Г. Силина

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНИХ МИГРАЦИЙ В АЛТАЙСКИЙ ОКРУГ (вторая половина XIX – начало XX в.)

Особое внимание в рассмотрении динамики переселенческого потока на территорию Алтайского округа хотелось бы уделить таким важным показателям, как семейная и половозрастная структура.

Оптимальный состав семейной ячейки переселенцев обуславливает большую стабильность их оседания, нежели в случае разного рода диспропорций в структуре семей и половозрастных групп*.

Особенностью полового состава сельского народонаселения Сибири являлся численный перевес мужского населения над женским, например, к концу 90-х гг. XIX в. на 100 мужчин здесь приходилось 98 женщин. В Европейской же части России это соотношение было в пользу женщин — 103 женщины на 100 мужчин [1]. Есть данные, что у переселенцев в Томскую губернию на 100 мужчин приходилось 90 женщин, в Тобольскую — 97 [2]. В период с 1865 по 1888 гг., когда численность переселенцев была невысокой в сравнении с последующими этапами, установить характер соотношения полов в переселенческом потоке весьма затруднительно.

Причиной этого является прежде всего отсутствие официальных данных о численности и половозрастной структуре женщин и мужчин в переселенческом потоке из-за специфики системы официального учета переселенцев вплоть до 1884 г.

Однако имеется определенный комплекс источников, анализ которых позволяет представить характер половозрастной структуры переселенческого потока. В нашем исследовании основными источниками для ранних периодов были «Алфавитные книги прибыли и убыли населения».

После отмены этой формы регистрации движения населения округа наиболее важным источником представляются приемные приговоры, списки причисленных переселенцев, выписки волостных правлений о семейном составе переселенцев. По структуре эти материалы совершенно различны, вследствие чего нами был проведен отбор необходимой информации, которая была включена в базу данных для тех лет, которые полнее представлены источниковым материалом.

Возрастная структура переселенческих потоков внутри каждого периода анализировалась нами по годам, которые хорошо представлены по соотношению числа мужчин и женщин и их возрасту. Таким образом, внутри каждого периода нами было выделено от 3-х до 4-х лет (выбор которых обусловлен наличием и объективностью имеющегося статистического материала), данные по которым интерполировались на весь период, в рамках которого они находились. В рамках первого этапа это 1872-1875 гг.; второго — 1880-1882 гг.; тре-

* Исследование выполнялось при поддержке программы «Университеты России» (проект 10-01-008) и Российского гуманитарного научного фонда (грант № 01-01-00331).

тьего — 1892-1895 гг. и четвертого — 1899-1901 гг. Однако прежде чем анализировать возрастные особенности переселенческого потока, рассмотрим общий характер соотношения числа мужчин и женщин, а затем дадим характеристику половозрастной структуре переселенцев по выделенным периодам. Соотношение между численностью мужчин и женщин за весь рассматриваемый период было непропорционально. В общей сложности из всего числа переселенцев в 669492 человека на долю мужчин приходилось 53% (355223 чел.), а женщины составляли всего 47% (314269 чел.). Общая разница между численностью мужчин и женщин определяется, таким образом, в 6% за весь рассматриваемый период. Несколько иное представление складывается при рассмотрении соотношения численности мужчин и женщин по периодам. В первый период (1865-1876 гг.) процентное соотношение выглядело следующим образом: мужчины — 55,4% (24130 чел.), а женщины — 44,6% (19401 чел.) от общего числа переселенцев (43531 чел.) в этом периоде. Разница в 10,8% между мужчинами и женщинами весьма велика. Причина такой диспропорции заключается как в сложностях обзаведения новым хозяйством, что характерно для первых двух периодов, так и в демографической структуре тех регионов, откуда выходили переселенцы. В течение первого этапа в округ шли переселенцы преимущественно из соседних с округом северных губерний и областей, где половозрастная структура в значительной степени была непропорциональна.

Другой и более существенной причиной такой сильной диспропорции в первом переселенческом периоде стало наличие мужиходоков. Многие из них получали разрешение на поселение в пределах округа, тем самым внося определенный дисбаланс в соотношение между численностью мужчин и женщин в рамках рассматриваемого периода.

В рамках второго переселенческого периода (1877-1888 гг.) наблюдается определенный рост числа женщин: по сравнению с предыдущим периодом — на 40084 человек. В итоге картина соотношения полов во втором периоде представляется следующим образом: мужчин — 72704 (55,1%), женщин — 59485 (44,9%). Численность женщин в общем плане постепенно увеличивается, данные этого периода свидетельствуют об очевидном стабильном росте доли женского населения в общем переселенческом потоке.

Качественное изменение соотношения числа женщин и мужчин в переселенческом движении на Алтай наблюдается в последующие два периода. В общей сложности прирост женской доли в пере-

селенческом потоке третьего и четвертого периодов составлял от 1,5 до 2%. Так, по сравнению со вторым периодом в третьем численность женщин возросла на 60156 человек, что составило 46,9% от общего числа переселенцев в рамках этого периода. В рамках четвертого периода число женщин уже составляло 115742 человека или 48,4% от общего числа переселенцев, поселившихся в пределах Алтайского округа с 1897 по 1905 гг.

Внутри третьего периода разница в соотношении полов составила 6,2%, для четвертого этот показатель составляет уже 3,1%. Одной из основных причин такого роста стало расширение географии мест выхода переселенцев. Так, по нашим подсчетам численность женщин, переселявшихся из Харьковской, Воронежской и некоторых других губерний, была равна числу мужчин, а иногда и превышала его. Безусловно, свою роль сыграл и изменившийся характер переселений. Если в первые два периода мы можем говорить о том, что переселенцы не просто переселялись в округ, а как бы осваивали его слабозаселенные участки, то для третьего и, в особенности, четвертого периодов характерен процесс заполнения округа людскими ресурсами. Существовал ряд моментов, облегчавших процесс переселения: в рамках последних двух периодов начинают активно выдаваться орудия, удешевляется и ускоряется процесс переселения, принимаются такие положения, которые в значительной степени облегчают процесс приживаемости переселенцев на новых местах.

Учитывая все перечисленные моменты, представляется целесообразным рассмотреть половозрастную структуру переселенческих потоков по выделенным периодам. Отчасти соглашаясь с утверждением, что «настоящими переселенцами были только семейные, а одиночки, шедшие в Сибирь с намерением устроиться там на постоянное жительство, в колонизационном смысле являются не очень прочными в смысле твердости желания осесть на водворение» [3], мы будем рассматривать прежде всего характерные половозрастные черты переселенческих семей.

Для первого периода переселенческого движения в Алтайский округ характерно наличие средних по численности семей (от 6 до 8 человек). Это были, как правило, простые семьи (родители и дети). При этом численность женской половины несколько ниже, чем мужской. Так, в большей части число женщин в семье составляло от 2 до 3 человек. Численность детей в переселенческих семьях этого периода варьировалась от четырех до шести человек. Возрастные границы для большинства взрослых составили от 25 до 40 лет. Воз-

растные границы для детей варьировались от 7 до 14 лет. Малолетних детей в рамках этого периода немного, как правило, их возрастные рамки составляли 3-5 лет.

В семьях этого периода наблюдается определенный возрастной дисбаланс. Так, мужчины были старше своих жен на 6-10 лет. Отсюда следует определенная неравномерность численности половозрастных групп. Для возрастной категории от 20 до 30 лет характерно преобладание женской доли. Однако в возрастной группе 30-40 лет доля мужчин увеличивается, становясь преобладающей, а женщин, наоборот, сокращается, как бы компенсируя тем самым дисбаланс предыдущей возрастной группы. Среди детей наблюдается равное число девочек и мальчиков.

Таким образом, очевиден дисбаланс половозрастной структуры на фоне общей непропорциональности соотношения численности мужчин и женщин. Анализ возрастных групп позволяет делать выводы о том, что численность мужчин более стабильна, чем численность женщин. Так, если в возрастных группах от 0 до 20 лет численность женщин постепенно возрастает, то с 20 до 30 лет наблюдается спад численности женщин детородного возраста по сравнению с предыдущими группами. В возрастном периоде с 30 до 40 лет численность женщин продолжает уменьшаться.

Совсем иное соотношение численности по возрастным группам наблюдается у мужской части переселенцев. Начиная с возрастной группы от 0 до 14 лет и заканчивая группой от 30 до 40 лет наблюдается постепенный рост численности. Иными словами, высока численность взрослых переселенцев-мужчин среднего возраста.

На втором этапе (1877-1888 гг.) половозрастная структура переселенческого потока на фоне увеличения общей численности переселенцев несколько меняется. Семьи этого периода несколько возрастают по численности, иногда встречаются смешанные семьи (несколько поколений). Возрастные рамки для взрослых несколько расширяются за счет того, что в переселенческих семьях этого периода встречаются взрослые старшего возраста (до 60 лет). Тем не менее семьи данного периода во многом имеют схожие черты с семьями предшествующего периода. Так, численность малолетних детей также невысока. Правда, следует отметить, наблюдается определенный рост доли девочек – 60%, в свою очередь на мальчиков приходится всего 40% от общего числа детей этого возраста. Наблюдается непропорциональность в возрастной структуре семьи, мужья по-прежнему старше своих жен, средний возраст которых составлял

27 лет. Взрослые, чей возраст составлял 50-60 лет, как правило, были овдовевшими родителями молодых переселенцев.

Тем не менее, по сравнению с предшествующим периодом мы можем говорить о сохранившейся специфике численного распределения женского населения по возрастным группам. Если в возрастном отношении апогей численного превосходства мужской половины переселенческого потока приходится на 30-40 лет, то в отношении женской можно говорить о возрасте с 20 до 30 лет. Сохраняется общая тенденция половозрастной структуры переселенцев по сравнению с первым периодом. Несмотря на то, что появляются сложные семьи, чаще всего встречаются полные семьи (родители и дети), при этом нижняя возрастная грань для детей составляла от 3-х до 5-ти лет.

Специфика двух первых периодов переселенческого движения состояла в том, что половозрастные группы очень сильно колебались по численности, особенно это было характерно для женской доли переселенцев. Если численность мужчин в первых двух переселенческих периодах постепенно увеличивалась за счет взрослого населения, то численность женщин – за счет увеличения числа девочек.

На третьем этапе (1889-1896 гг.), при некоторой нестабильности притока переселенцев, половозрастное соотношение более или менее выравнивается. Численность малолетних детей относительно общего числа переселенцев значительно возрастает. При этом численность девочек и мальчиков относительно равна, хотя в последующей возрастной группе (10-20 лет) мы можем наблюдать определенную диспропорцию в половом соотношении, когда женщины составляли до 62% от общего числа этой возрастной группы. В целом особенность этого периода по сравнению с предшествующими заключается в высокой доле переселенцев в возрасте от 40 до 60 лет. Это относится как к женской части, так и к мужской.

Наметившееся «старение» переселенцев имело место и в рамках четвертого этапа (1897-1905 гг.). По сравнению с другими возрастными группами здесь наиболее многочисленными оказались две группы, а именно 30-40 и 40-50 лет. Однако именно на двух последних этапах значительно увеличилось число малолетних детей при средней численности репродуктивной части взрослого населения (с 20 до 30 лет.) Это во многом объясняется тем, что хотя молодых семей было не так уж и много, они в большинстве своем были многодетными. На последнем этапе наиболее многочисленной возрастной группой взрослых была группа от 35 до 45 лет.

Что касается детей, то здесь в последних двух периодах начинают преобладать маленькие дети (от 1 года). Скорее всего это значит, что переселенцы, начиная свой путь, уже имели грудных детей, либо, что менее вероятно, время их пребывания в пути стало столь большим, что дети появлялись уже в дороге. Следует отметить и тот факт, что в этот период времени большое распространение получили смешанные (три поколения) и неполные (один из родителей и дети) семьи. Как правило, для последних двух периодов характерна увеличивающаяся численность вдов в переселенческой семье. Из этого можно сделать вывод, что в процесс переселения включаются практически все поколения семей. Примечателен тот факт, что чем ниже численность переселенческого потока, тем сложнее становится семья с равным числом мужчин и женщин.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода в переселенческих потоках на территорию округа наблюдается постепенное выравнивание соотношения численности мужчин и женщин. Однако абсолютного выравнивания в соотношении полов к 1905 г. не произошло. Переселение в Алтайский округ оставалось «мужским», отличаясь сложной возрастной структурой. Все это в значительной степени повлияло на структуру населения той территории, где оседали переселенцы.

Прибывая на Алтай, переселенческие потоки вскоре разбивались на несколько групп, различающихся по своему юридическому положению. Основанием такого разделения служит разнообразие условий, при соблюдении которых переселенцы имели право на водворение на землях Алтайского округа. Основных групп было четыре:

- переселенцы, устраивающиеся на казачьих землях округа;
- переселенцы – арендаторы кабинетских земель;
- переселенцы, селящиеся на участках, отводимых для новых заселков управлением Алтайского округа;
- переселенцы, причисляющиеся к уже существующим старым селениям.

До 1894 г. учета переселенцев на арендных землях не велось, а о переселенцах на казачьих землях не имеется почти никаких сведений [4]. В связи с этим мы акцентируем внимание на переселенцах, оседавших в переселенческих участках и в старожильческих селениях. Основная специфика их поселения на землях округа выражалась в нескольких моментах. Прежде всего, для поселения в старом селении были необходимы два условия: выраженное общественным приемным приговором согласие общества, в состав кото-

рого пожелал войти переселенец, и согласие Главного управления Алтайского округа. При этом отводимая Управлению роль заключалась в проверке всех формальностей и правил составления приемного приговора. Если Главное управление не имело особых претензий, то выражало свое согласие в письменном разрешении, которое вместе с приемным приговором поступало в Казенную палату, где уже производилось зачисление в избранное переселенцем общество. Однако следует учесть, что в соответствии с изменениями в Законе от 27 апреля 1896 г. и в последующих положениях все переселенцы, проживающие в старожильческих селениях, подлежали причислению без приемных приговоров. Как уже отмечалось выше, эта мера была результатом долгой борьбы Кабинета и во многом предопределила резкую непропорциональность потоков переселенцев рассматриваемых категорий.

Иная ситуация наблюдалась с переселенцами, оседавшими на переселенческих участках. Так как новые участки образовывались путем обмежевания пустоплежающих земель округа и находились в полном ведении Главного управления Алтайского округа, для получения разрешения на поселение в них вплоть до 1896 г. было достаточно, как правило, только разрешения самого Управления. Для переселенцев не требовалось каких-либо еще разрешений от уже поселившихся. Однако при зачислении Управление забирало у переселенцев документы, а взамен выдавало разрешительное свидетельство. Остальные формальные операции по истребованию увольнительных свидетельств из прежних мест проживания, обсуждению вопросов налогообложения с Казенной палатой и т.п. Главное управление брало на себя. Следует отметить, что с момента полного заселения «нового участка» следовало его закрытие, и с разрешения Главного управления переселенческий участок становился поселком на равных правах со старожильским.

Тем не менее всех переселенцев, получивших разрешение на поселение в Алтайский округ, объединяла выплата ими ежегодного 6-рублевого оброка за землю. Этот оброк взимался с переселенцев со дня причисления. Обе рассматриваемые категории переселенцев имели право на бесплатное получение леса для постройки и отопления. По большому счету отношение к тем и другим со стороны Главного управления Алтайского округа было одинаковым. Однако фактическое их положение было различным, что приводило к существенным отличиям по количественным и демографическим характеристикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск, 1983. – С. 42.
2. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. – СПб., 1896. – Т. II. – Ч. 2. – С. 234.
3. Вошинин В.П., Ямзин И.Л. Учение о колонизации и переселениях. – М., 1926. – С. 31.
4. Материалы по переселению в Алтайский округ // Алтайский сборник. – Томск, 1894. – Т. I. – С. 250.

Э.О. Столярова

Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

СТУДЕНЧЕСТВО И ПРОБЛЕМА НАРКОМАНИИ

(анализ сопоставления данных исследований 2001 и 2002 гг.
«Проблема наркомании глазами студентов ВКГТУ»)

Человечество давно открыло для себя природные наркотические средства, то есть способные изменять сознание вещества, имеющие естественное происхождение. Развитие научных знаний позволило синтезировать наркотики – это стало ответом на четкий социальный заказ: в первую очередь в препаратах наркотического ряда нуждалась медицина. Однако мало кто мог предположить, что, призванные помочь в лечении многих заболеваний, наркотики сами приведут к возникновению новой социальной болезни – наркомании. Таким образом, созданные лекарства, которые на рубеже XIX–XX вв. казались чуть ли не панацеей, породили новые проблемы. С переходом на стадию индустриального развития наркотики становятся чрезвычайно выгодным товаром: их производство не требует чрезмерных затрат, а потребление постоянно растет как в сфере легальных медицинских услуг, так и на «черном» рынке.

Мировой опыт исследования проблемы наркомании свидетельствует, что основной контингент потребителей наркотиков на нелегальном рынке – это молодежь. Здесь есть целый ряд причин, которые можно разделить на две группы: психологические и социальные. К психологическим можно отнести возрастные особенности формирования нервной системы, эмоциональную неустойчивость, когда любая личная проблема вырастает до глобальных размеров.

Однако, на наш взгляд, наиболее важными являются социальные причины – неопределенность социального статуса и, как следствие, неуверенность в завтрашнем дне; отсутствие жизненного опыта и низкая социальная адаптивность; недостаточная информированность о причинах и последствиях наркотической зависимости; доступность наркотических препаратов в молодежной среде. Общая экономическая нестабильность делает молодежь социально незащищенной группой населения, что в совокупности с вышеперечисленными факторами повышает вероятность обращения к наркотикам как средству разрешения проблем.

С последствиями наркомании как социальной болезни призваны бороться многие институты (правоохранительные, экономические, собственно система здравоохранения), но любую болезнь легче предупредить, чем лечить. В этом случае главная ответственность ложится на образование.

Система образования (в том числе и высшего) может и должна решать следующие задачи: во-первых, создать систему непрерывного информирования по проблемам наркомании среди учащихся; во-вторых, способствовать формированию ясно осмысленной, четко обоснованной личной позиции по отношению к применению наркотических препаратов. Отказ от приема наркотиков должен быть не следствием страха наказания (как показывает практика, такая негативная мотивация еще не остановила ни одного наркомана), а результатом ответственного выбора зрелой личности.

Студентам очной формы обучения было предложено ответить на ряд вопросов различной формы: простые (предполагающие выбор ответа из заданных вариантов), сложные (ранжирование предложенных вариантов), смешанные (предусмотрена возможность своего варианта). Кроме выявления субъективного отношения респондентов ставилась задача собрать объективные данные: пол, возраст, социальный статус родителей.

В целях выявления: а) уровня грамотности по вопросам наркомании; б) степени осознания данной проблемы; в) сформированности личностной позиции, в Восточно-Казахстанском государственном техническом университете на протяжении двух лет проводилось анкетирование для выявления отношения студенческой молодежи к проблемам наркомании.

В представленном ниже материале анализируются только ответы на вопросы, которые были включены в опросные листы два года подряд. Нумерация вопросов осуществлена по принципу: первая

цифра соответствует номеру вопроса в анкете 2001 года, вторая цифра — номеру вопроса в анкете 2002 года. В соответствии со стандартными методиками проведения социологических исследований значимыми считаются отклонения более 3-5%.

Вопрос 1-1. Из какого источника Вы получаете основные сведения о проблеме наркомании?

Источники информации о проблеме наркомании для наших студентов мало изменились — произошло лишь некоторое перераспределение: снижение числа респондентов, указавших средства массовой информации как основной источник (с 70 до 64,3%), компенсируется увеличением числа лиц, выбравших второй вариант — разговоры со знакомыми (с 20,5 до 25,4%). По-прежнему очень малое число обращений к специальной литературе (6-7%).

Вопрос 4-2. Как Вы считаете, какие наркотики не представляют серьезной опасности?

Обращают на себя внимание следующие расхождения в данных: во-первых, выросло количество студентов, считающих, что «экстази» — гашиш, марихуана и пары бытовой химии — не представляют серьезной опасности (в среднем на 7%); во-вторых, что в данном случае закономерно, снизилось число респондентов, понимающих, что опасных наркотиков не бывает (более чем на 20%).

Вопрос 2-6. Пробовали ли Вы наркотик?

Среди отвечавших на вопросы анкеты число студентов, пробовавших наркотики, возросло почти на 8%.

Вопрос 3-7. Какой из наркотиков Вы пробовали?

По сравнению с результатами исследования 2001 года снизилось число употреблений гашиша и марихуаны (в среднем на 6%), но возросло число употреблений антидепрессантов и паров бытовой химии (6%), то есть веществ, производство и распространение которых легально.

Вопрос 5-8. Оказывает ли на Вас давление кто-либо из окружающих, склоняя к употреблению наркотиков?

Результаты двух лет исследований по этому вопросу практически идентичны. Более 90% опрошенных ответили, что не испытывают подобного давления со стороны окружающих.

Вопрос 6-9. Если Вы столкнетесь с проблемами, вызванными употреблением наркотиков, к кому бы Вы обратились за помощью?

При сравнении результатов фиксируется некоторое снижение обращений к друзьям и родственникам (в среднем на 6%) и рост (очень незначительный) обращений к психологу и специалисту-нар-

кологу. Возможно, речь идет об осознании некоторыми студентами серьезности проблемы, требующей профессиональной помощи.

Вопрос 7-10. Существует ли, на Ваш взгляд, возможность употребления наркотиков кем-либо из Ваших родственников или знакомых?

Практически в два раза снизилось число отвечающих, предполагающих реальную возможность употребления наркотиков близкими людьми, но в то же время почти в два раза выросло число затруднившихся ответить на этот вопрос.

Вопрос 8-11. На Ваш взгляд, занимается ли распространением наркотиков кто-то из Ваших знакомых?

Существенно не изменилось число студентов (15,8 и 16,7% соответственно), в чьем окружении есть распространители наркотиков.

Ответы на следующий вопрос дают наиболее важную и тревожную информацию для руководства вуза и профессорско-преподавательского состава.

Вопрос 10-18. Как Вы думаете, возможна ли торговля наркотиками в нашем вузе?

Наиболее показательными являются следующие результаты: в три раза выросло число студентов, затруднившихся ответить на этот вопрос (с 9,6 до 27,1%); в два раза выросло число абсолютно уверенных в невозможности торговли наркотиками в вузе (с 7,6 до 15,0%). Однако более 60% по-прежнему считают, что в вузе существует возможность торговли наркотиками.

Итак, студенты в стенах вуза могут получать не только знания, но могут и приобретать наркотики, и употреблять их.

Вопрос 11-19. Были ли Вы свидетелем употребления наркотиков в помещении вуза?

В два с половиной раза (с 11,3 до 28,4%) выросло число студентов, утверждающих, что они были свидетелями употребления наркотиков в вузе, также изменилось количество тех, кто затруднился с ответом на этот вопрос. Соответственно почти на 30% сократилось число тех, кто уверен, что не наблюдал подобных сцен. Это означает, что значительное количество тех, кто приобрел пагубную привычку, употребляет наркотические средства практически не скрываясь от других студентов.

Вопрос 12-20. Как Вы относитесь к употреблению наркотиков студентами?

Отношение студентов к проблеме студенческой наркомании остается практически неизменным. Более 30% опрошенных выбирают самую радикальную позицию, что лишний раз свидетельствует о

низком уровне грамотности в данном вопросе. Наиболее значительные расхождения в данных по этому вопросу наблюдаются по четвертой позиции – «мне все равно», – количество равнодушных к данной проблеме снизилось.

Варианты ответов (в %):	2001 г.	2002 г.
если им хочется, пусть употребляют	19,7	25,9
я против употребления любого наркотика, даже в медицине	30,5	32,3
я не против, если не увлекают других	28,5	22,8
мне все равно	10,5	1,9
другое	10,8	0,2

Вопрос 13-21. По-вашему мнению, действительно ли студенческая наркомания является серьезной проблемой?

Отмечается некоторое снижение количества респондентов, выбравших первый вариант (с 79,8 до 71,3%), но в целом наши студенты осознают нарастающую опасность наркоманизации молодежи.

Вопрос 14-22. Необходимы ли, на Ваш взгляд, занятия по проблеме наркомании в Вашей группе?

Несмотря на низкий уровень информированности по проблеме наркомании и правовой ответственности, а может, именно поэтому, число студентов, осознающих необходимость специальных занятий, остается стабильно невысоким (не более 20%), хотя возросло количество сомневающихся, выбравших вариант «затрудняюсь ответить» (с 14,4 до 21,9%). Наибольшее число респондентов (более 60%) не видят необходимости в специальных занятиях, что говорит о необходимости поиска новых, более эффективных форм работы со студентами в этом направлении.

Следующий вопрос задавался с целью определить именно те формы занятий, которые находят наибольший отклик в студенческой среде.

Вопрос 15-23. Какие занятия по проблеме наркотиков необходимо провести в Вашей группе?

Сопоставление данных по этому вопросу за два года серьезных расхождений не выявило. Студенты стабильно отдают предпочтение беседам со специалистами (более 40%), что можно считать позитивной тенденцией. На втором месте по популярности находятся психологические тренинги (более 20%).

Формы работы, предполагающие наиболее активное участие самих студентов, такие как диспуты и круглые столы, привлекают минимальное число опрошенных (14,1 и 14,8% соответственно).

Вопрос 16-24. Как Вы считаете, каковы основные причины употребления наркотиков студентами?

Это один из важнейших вопросов анкеты. Именно анализ ответов на него позволяет нам наиболее полно представить картину отношения студентов к причинам наркомании. Хотелось бы привести все данные:

Варианты ответов (в %):	2001 г.	2002 г.
быть как все, не выделяться	5,2	3,6
страх показаться трусом	3,5	4,8
ради получения удовольствия	22,8	24,1
желание подражать кому-либо	4,1	3,9
за компанию	15,2	14,4
как средство снятия стресса, напряжения	12,3	13,3
от нечего делать	16,1	12,1
считается признаком «крутизны»	5,7	7,6
желание уйти от трудностей	13,7	13,7
другое	1,3	2,2

Практическое совпадение в этом вопросе результатов двух исследований подтверждает, что они отражают реальную сложившуюся картину. С точки зрения студентов наркотики принимают прежде всего:

а) ради получения удовольствия (около четвертой части опрошенных) – это максимальный показатель по данному вопросу за два года исследований;

б) за компанию (около 15%) – что подтверждает социальный характер проблемы;

в) от нечего делать (в среднем 15%) – как низкий уровень позитивной творческой самореализации.

Вопрос 17-3. В чем, на Ваш взгляд, главная опасность употребления наркотиков?

Варианты ответов (в %):	2001 г.	2002 г.
употребление наркотиков повышает риск заражения ВИЧ-инфекцией, гепатитом	51,9	37,5
люди, употребляющие наркотики, представляют опасность для общества	22,0	31,0
употребление наркотиков ведет к разрушению личности	24,6	31,7
употребление наркотиков приводит к понижению социального статуса	2,6	18,0
употребление наркотиков превращает человека в инвалида	4,3	18,8
рост числа наркоманов среди молодежи лишает страну будущего	12,2	22,0
наркоман стремится привлечь других к употреблению наркотиков	14,8	24,9
другое	6,2	2,4

Хотя, на первый взгляд, по всем позициям существуют расхождения, сама форма данного вопроса была направлена не столько на расчет конкретных процентов, сколько на выявление приоритетов. Поэтому, как ни странно, картина практически не изменилась.

Наиболее называемые варианты все те же:

а) употребление наркотиков повышает риск заражения ВИЧ-инфекцией, гепатитом;

б) употребление наркотиков ведет к разрушению личности;

в) люди, употребляющие наркотики, представляют опасность для общества.

Таким образом, подводя итоги двух лет исследований, можно сделать следующие выводы:

1. Студенчество слабо информировано о проблеме наркомании. Источники информации носят ненаучный характер, что способствует возникновению и распространению социальных мифов о причинах возникновения, сущности наркотической зависимости, а также ее физиологических и социальных последствиях.

2. Распространение наркомании среди студентов – результат невысокого уровня развития позитивных социальных связей, что открывает пространство для негативного воздействия.

3. Система высшего образования не отделена защитным барьером от всего комплекса социальных болезней. Наркомания проникла и существует не только в студенческой среде как таковой, но и нашла способы сосуществования с самим учебным процессом. Студенчество еще не в полной мере осознает необходимость выработки собственных норм и механизмов для борьбы с наркоманией. Те, кто занимает в этом вопросе активную позицию, разрозненны и слабо организованы.

4. Важнейшими направлениями работы по предотвращению наркоманизации студенчества являются:

- постоянно действующая комплексная информационная программа с участием специалистов-наркологов, психологов, социологов;

- создание условий формирования зрелой личности студента в рамках учебно-воспитательного процесса не столько в форме отдельных мероприятий (эффективность которых, как показывает опрос, невысока), сколько в форме устойчивой системы ценностей и норм, реализуемых во всех отношениях внутри вуза;

- чувство собственного достоинства, осознание свободы выбора и ответственности за этот выбор в атмосфере взаимного уважения станут лучшим барьером на пути проникновения наркотиков в вуз.

Одной из приоритетных задач высшего профессионального образования должно стать формирование личности, способной определить собственное мнение и отстаивать собственную позицию. Только в этом случае наши студенты смогут самостоятельно противостоять искушению найти в наркотиках решение своих проблем.

Е.В. Тарасова

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В КАЗАХСТАН В 1917-1941 гг.

Довоенный период советской истории интересен тем, что в эти годы неуклонно возрастает регулирующая роль государства во всех сферах жизни общества, предпринимаются попытки вписать миграцию в более широкий экономический и политический контекст. Плановое, или организованное, переселение должно было разрешить противоречие между аграрным перенаселением в европейской части страны и необходимостью вовлечения в хозяйственный оборот пустующих или недоосвоенных районов Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. Таким образом, ставится вопрос о перераспределении трудовых ресурсов между перенаселенными и недоосвоенными районами страны. Специфику миграций в Казахстане в значительной степени обусловил кочевой уклад жизни казахского населения, впоследствии – перевод кочевников на оседлый образ жизни.

Регулируемые миграционные потоки в изучаемый период были представлены несколькими видами:

- плановым сельскохозяйственным переселением;
- промышленным переселением;
- депортацией.

Агромиграции оставались одним из важнейших видов переселения. Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. резко изменил социально-политическую ситуацию в стране, но не решенные царским и Временным правительствами проблемы остались в наследство новому политическому режиму. Неравномерность экономического развития регионов и диспропорции в расселении были очень ярко выражены. В европейской части бывшей Российской

Империи по-прежнему остро стоял аграрный вопрос. Казахстан относился к аграрно-недонаселенным районам, обладающим природными богатствами, освоение которых возможно только при условии заселения региона. Голод, массовая безработица в городах, начавшаяся ломка хозяйственного уклада в деревне подстегивали переселенческое движение.

Переселение изначально рассматривалось советской властью как один из способов наделения крестьян землей. При этом оно мыслилось только как акция, производящаяся государством и за счет государственных средств в случае недостатка земельного фонда в отдельно взятом регионе (эти идеи нашли свое отражение в законе о социализации земли). Свободное проявление личной инициативы и участие переселенца в расходах не предполагалось. Вероятно, это можно считать попыткой «национализировать» переселенческий процесс [1].

Тем не менее в первые годы после прихода к власти большевиков миграции происходили в основном стихийно, практически без участия государства. У правительства не было средств для финансирования переселенческих мероприятий. В то же время самовольное переселение крестьян в Сибирь и Казахстан имело место несмотря на попытки местных советов удержать население и опасности, связанные с гражданской войной.

Техническое руководство переселенческими мероприятиями по распоряжению Совнаркома осуществляли сформированные еще до революции переселенческие учреждения. Общее руководство организацией передвижения и обустройства переселенцев осуществляло Переселенческое управление, являвшееся одним из отделов Наркомзема. Для координации переселенческого движения на местах при земельных отделах губернских и уездных советов Европейской России создавались осведомительно-колонизационные бюро [2, с. 36]. Обустройством переселенцев в местах вселения занимался местный переселенческий аппарат, сохранившийся с дореволюционного периода. Губернские советы в Азиатской России были обязаны принять на себя ответственность за устройство переселенцев. Для этого при губернских советах создавались переселенческие секции и назначались комиссары по переселению.

В конце 1917-первой половине 1918 гг. в переселенческом движении наряду с крестьянами принимали участие фабрично-заводские рабочие. Закрытие многих фабрик и заводов, трудности выживания в городе в условиях гражданской войны и разрухи привели к

тому, что часть городских безработных устремилась в село. Рабочие предпринимали попытки переселяться коммунарами, в которые они объединялись еще до выезда. Примером могут служить три первые коммуны петроградских рабочих: «Первое российское общество землеробов-коммунистов» (Обуховский завод), «Второе российское общество землеробов-коммунистов» (Семяниновский завод), «Универсально-кооперативное общество трудовой колонии «Солнечная» (Охтинский завод), созданные в мае 1918 г. в Бухтарминской долине на Рудном Алтае [2, с. 37-38; 3]. Рабочие намерены были создавать образцовые агрогородки, колхозы и мастерские.

В начале 1920-х гг. одним из важнейших факторов миграции стал голод. Вызванный неурожаем бедствие подстегнуло отток земледельческого населения, преимущественно недавних переселенцев, из Казахстана на Украину, в Туркестан и другие районы. Администрация безуспешно пыталась этот процесс предотвратить. Число выселившихся переселенцев колебалось по отдельным районам от 60 до 20%, наибольшие показатели оттока были в Уральской губернии [4, с. 368]. В то же время неурожай и голод в Поволжье стимулировали переселение из этого региона в Казахстан, преимущественно в западные его районы. В итоге переселенцыполнили число голодающих в западноказахстанских губерниях. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. миграционные процессы носили спонтанный характер и были обусловлены прежде всего социально-экономическими факторами. Влияние государства на миграционные процессы было не очень значительным.

После окончания гражданской войны советское правительство обращает внимание на проблемы регулирования крестьянского переселенческого движения. Плановое переселение при советской власти было открыто в Поволжье в 1924-1925 гг. Первым нормативным актом правительства, устанавливающим цели и задачи советского переселения, было постановление Совета труда и обороны от 17 октября 1924 г. Основная задача советского переселения определялась как «вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной продукции страны путем рационального, как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов, расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов» [5, лп. 2-2 об.]. Предполагалось в первую очередь организовать заселение свободных земель в Поволжье, выяснить возможности колонизации районов Дальнего Во-

стока, а также организовать земельно-хозяйственное обустройство неприписных переселенцев в Сибири и Киркразе.

Переселение крестьян Украины, Белоруссии и средних губерний РСФСР началось стихийно. Районные переселенческие организации начали формироваться только в 1926 г. Они были поставлены перед необходимостью производить работы по подготовке земельных фондов и одновременно заниматься устройством уже прибывших в районы заселения ходоков и переселенцев. Приходилось использовать в первую очередь разбросанные по различным районам Сибири и Дальнего Востока фонды старой дореволюционной подготовки.

Переселение в Казахстан в этот период было запрещено, но и туда проникали значительные группы так называемых «самовольцев». Точных сведений о масштабах этого переселения нет, но по примерным данным в Казахстан ежегодно переселялось до 10 тыс. чел. из УССР, РСФСР и других районов Союза [5, с. 3].

Миграционные процессы в начале 1920-х гг. не влияли существенным образом на изменение численности населения Казахстана. Анализ данных переписей 1920 и 1926 гг., проведенный Н.В. Алексеенко и А.Н. Алексеенко, показывает, что рост населения Казахстана за 1920-1926 гг. составил всего 2,8% [6]. Приток переселенцев из европейских губерний в этот период еще не был массовым. Кроме того, в эти годы сотни людей покидали обжитые места из-за событий гражданской войны, голода 1921-1922 гг., а затем возвращались обратно.

Наблюдался приток населения в Казахстан не только из европейской части РСФСР, Украины и Белоруссии, но и из Западной Сибири. Анализ материалов переписи 1926 г. показывает, что в этот период в Казахстане проживало 38,7 тыс. уроженцев Западной Сибири, в то время как количество уроженцев Казахстана в Западной Сибири составляло 24,5 тыс. Таким образом, сальдо миграции для Казахстана составляло 14,2 тыс. человек [7]. Помимо Казахстана только Восточная Сибирь и Дальний Восток имели в эти годы положительное сальдо миграционного обмена с Западной Сибирью.

18 января 1928 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О задачах переселения, его организации, основах составления планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий», положившее начало планомерному переселению в Казахстан и другие, ранее не охваченные переселенческими мероприятиями, республики. Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 26 марта 1929 г. было учреждено «в составе Казахского Наркомзема Переселенческое управление, подчиненное в административно-финансовом отно-

шении Наркомзему РСФСР» [8, л. 154]. Вопрос о возможности открытия границ республики для массового переселения из других районов страны был поставлен на XVII съезде Советов КАССР в апреле 1929 г. Уже весной 1929 г. переселенческие органы должны были приступить к подготовке земельных фондов в районе Туркестано-Сибирской железной дороги, в Семипалатинском и Павлодарском округах за счет ассигнованных по смете Всесоюзного переселенческого комитета кредитов [8, л. 160]. Подготовка переселенческих фондов включала в себя агроэкономические и гидротехнические обследования, составление землеустроительных проектов, постройку колодцев и т.д. Кроме того, необходимо было обследовать надонаселенные участки дореволюционной подготовки и выяснить возможность открытия на них ходоцества. В характере этих мер четко прослеживается преемственность переселенческой политики советской власти по отношению к дореволюционному периоду.

Ряд областей Казахстана были отнесены к фондам общесоюзного значения. Согласно пятилетнему перспективному плану переселенческих мероприятий на 1928/29-1932/33 гг. 19,7% всех переселенческих кредитов отводилось Казахстану [5, л. 9 об.]. Предполагалось прибытие в Казахстан из России и Украины 6 тыс. переселенцев в 1930 г. и 43 тыс. — в 1931 г. Были сформулированы основные задачи в отношении отдельных районов. В Казахстане перспективным планом намечалось использование свободных земельных фондов для организации крупных колхозов и совхозов, а также индивидуального переселения с целью производства экспортных сортов пшеницы и развития животноводства [5, л. 10]. Таким образом, переселенческие мероприятия ставили своей задачей преимущественно сельскохозяйственную колонизацию. Для этого были основаны: в Казахстане еще сказывались последствия голода, в сельском хозяйстве не хватало рабочих рук. В то же время в европейской части страны по данным Госплана СССР контингент избыточного труда составлял около 23 млрд человек.

Курс на коллективизацию сельского хозяйства способствовал изменению организационных форм переселенческого движения в СССР. Органам Наркомзема было рекомендовано удовлетворять в первую очередь заявки на переселение колхозов. Постепенно осуществляется переход от единоличной формы переселения к колхозной. С 1929 г. государство берет на себя только расходы на переселение и обустройство колхозов, льготы для крестьян-единоличников отменяются.

Начало коллективизации в Казахстане было сопряжено с голодом, людскими потерями и повышенной миграционной активностью населения как реакцией на кризис. В межпереписной период 1926-1939 гг. из Казахстана уехали более 200 тыс. семей переселенцев, что составило около 1 млн человек [4, с. 375]. В то же время масштаб плановых переселений в связи с коллективизацией сократился, восстановление организованного добровольного переселения крестьян происходит в 1933 г. Реформируется система органов управления переселениями: Всесоюзный переселенческий комитет переходит в ведение СНК. Одновременно с ВПК организацией переселений занимался Наркомзем, специфика функций которого была связана с РСФСР.

В первой половине 1930-х гг. Казнаркомзем не мог дать точных сведений о наличии свободных земельных фондов для переселения. На местах в этот период осуществлялась передача земель в пользование колхозов. В 1936 г. специалисты Переселенческого отдела НКВД СССР рассматривали как пригодные по своим природным и экономическим условиям под расселение земли, находящиеся в пределах Северо-Казахстанской и Карагандинской областей. В эти области планировалось переселение 60 тыс. хозяйств. В качестве критериев пригодности выступали удаленность от железной дороги, характер почвы, наличие естественных водоисточников [9, л. 4]. Исходя из этих критериев, были выделены фонды первой очереди – Рыковский, Джарашинский и Рузаевский. Недостаточное использование колхозами и совхозами своих земель предполагало возможность «вливания» в них переселенческих хозяйств [9, лп. 6-7]. Отмечалось наличие свободных земельных фондов в Восточном Казахстане, но их освоение в значительной степени осложнялось бедностью почвы, суровыми климатическими условиями, плохой водообеспеченностью.

До 1940 г. массового планового сельскохозяйственного переселения в Казахстан из европейских районов СССР не проводилось, основное внимание уделялось землеустройству местного населения, внутриреспубликанскому расселению, созданию колхозов. 20 апреля 1940 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской, Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей». Оно предусматривало освоение более 1 млн гектаров целинных и залежных земель, создание на этих землях новых переселенческих колхозов или доприселение в уже существующие.

К августу 1940 г. в Казахстан прибыло 19408 хозяйств (90007 чел.), большую часть которых разместили в Кустанайской, Северо-Казахстанской и Акмолинской областях – 23,4; 21,8 и 18,9% переселенцев соответственно [2, с. 238-239]. К концу 1940 г. в Казахстане обосновалось 24241 переселенческое хозяйство, 95% из них – в северо-восточных областях республики, 55% хозяйств прибыли организовано, в плановом порядке, остальные – «самостоятельно» [2, с. 26]. Переселенческие семьи прибыли в основном с Украины, из Воронежской, Курской, Рязанской областей, Татарской, Чувашской и Мордовской автономных республик. На юге Казахстана, в Голодной степи, на орошаемые участки переселялись крестьяне из Средней Азии, с Украины, а также корейцы.

Планировалось в 1941 г. продолжить переселение в степные районы Казахстана, но начавшаяся война не позволила осуществить запланированные мероприятия.

Переселенческие мероприятия довоенного периода в значительной степени повлияли на этнический состав населения Казахстана. Данные переписей населения 1926 и 1939 гг. демонстрируют резкое сокращение удельного веса казахов и столь же значительное увеличение доли русских. К 1939 г. казахи не составляли ни абсолютного, ни относительного большинства [10].

Таблица

Доля основных национальностей в структуре населения Казахстана

Национальности	1926 г.	1939 г.
Казахи	57,1	38,0
Русские	19,7	40,2
Украинцы	13,2	10,8
Татары	1,2	1,7
Узбеки	3,3	1,7
Белорусы	0,4	0,5
Уйгуры	0,2	0,8
Корейцы	0,0	1,6
Дунгане	0,1	0,1
Другие национальности	4,8	4,8

Изменения в этнической структуре были обусловлены не только миграционным притоком неказахского населения, но и миграционной активностью казахов: в начале 1930-х гг. отдельные казахские роды, не согласные с политикой коллективизации, откочевали за пределы страны. В этот же период вследствие ломки традиционного уклада, потери скота часть коренных жителей аулов переселяется в города Западной Сибири, Урала и Нижнего Поволжья.

Таким образом, складывание советской переселенческой политики и системы органов управления миграционными процессами происходит в середине-второй половине 1920-х гг. Растет удельный вес регулируемой миграции, которая в довоенный период носила преимущественно аграрно-сельскохозяйственный характер. Характер переселенческой политики имеет определенные черты преемственности по отношению к дореволюционному периоду. Качественно новой чертой этой политики было предпочтение коллективных форм. С начала 1930-х гг. нарастает миграционный прирост населения Казахстана в связи с преобразованиями в сельском хозяйстве и началом активного освоения его малонаселенных регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исторический опыт регулирования миграции населения в России. — М.: ИСПИ РАН, 1994. — С. 24.
2. Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917-июнь 1941 гг.). — Томск: Изд-во Томского университета, 1976.
3. Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР. — Алма-Ата: Казахстан, 1987. — С. 65-66.
4. История Казахстана: народы и культуры. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
5. Цит. по: РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 7.
6. Алексеев Н.В., Алексеев А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.) — Усть-Каменогорск: ВКТУ, 1999. — С. 116-117.
7. Переваденцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. — Новосибирск, 1965. — С. 7.
8. РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 19.
9. РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 140.
10. Гладышева Е.Н. О взаимовлиянии миграции и национального состава населения (на материалах Казахстана) // Статистика миграции населения. — М.: Статистика, 1973. — С. 222.

В.В. Токарев, Н.В. Дулина

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград

МИГРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДА (по материалам социологического исследования)

Миграция является массовым в количественном и сложным в структурном отношении социально-демографическим процессом.

Она представляет собой один из наиболее динамичных способов массового реагирования населения на быстро меняющуюся социально-экономическую и социально-политическую ситуацию. Миграция во многом соответствует тем реальным процессам, которые протекают в обществе, она предопределяет не только наличие отношений на личностном, групповом и массовом уровнях, но и оказывает значительное влияние на формирование структуры населения региона, на функционирование социальной системы в целом. Социальная статистика в России в настоящее время, к сожалению, находится в таком состоянии, что говорить только на ее основе о каких-либо тенденциях в развитии тех или иных процессов можно лишь соблюдая предельную осторожность. Особенно эта осторожность не повредит при анализе такого сложного и многогранного процесса, как миграция, где объективности можно, видимо, достичь, соотнося социальную статистику с эмпирическими данными, полученными в ходе прикладных социологических исследований.

Результаты одного из таких исследований, выполненного при участии авторов, представлены в данной публикации. Исследование «Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия» (компонент «Качество жизни населения») было проведено по заказу администрации города (выборка стратифицированная квотно-маршрутная: квотирование производилось по полу, возрасту, образованию и району проживания, использованная процедура квотирования позволила обеспечить высокую репрезентативность выборки по всем контролируемым признакам; выборочная совокупность $N = 1719$, максимальная статистическая погрешность при доверительном уровне $0,95 = 2,36\%$). Миграционная мобильность населения Волгограда оценивалась при помощи данных, полученных в результате обработки ответов респондентов на вопросы о месте рождения (стране, республике, области, населенном пункте) и времени переезда в Волгоград.

Интерес к эмпирическим данным такого рода вполне, по нашему мнению, оправдан, поскольку, с одной стороны, Волгоград является одним из тех городов России, социально-экономические и политические условия жизни в которых привлекают значительные потоки мигрирующего населения, а с другой, как свидетельствуют результаты завершённых прикладных исследований, экономическая и социальная ситуация в регионе во многом определяется характером миграционных процессов. Так, например, процентное соотношение коренных жителей и мигрантов влияет на показатели соци-

ального самочувствия населения: миграционные процессы часто влекут за собой правовые, экономические, социальные, этнокультурные, религиозные, психологические проблемы.

На сегодняшний день лишь немногим более половины жителей Волгограда (около 56%) являются уроженцами города. Остальные 44% приехали в Волгоград в разное время, начиная с 1928 года. Большинство мигрантов ранее проживали на территории Российской Федерации (вне Волгоградской области) – 20% от числа опрошенных; из различных населенных пунктов Волгоградской области в областной центр «перебрались» 14% участников опроса; в одной из республик (стран) на территории бывшего СССР проживали 9% респондентов. Официальные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что основной приток мигрантов на территорию области действительно направляется из различных регионов России. Приток мигрантов с территории Волгоградской области менее значим в общем потоке мигрирующих, при этом число ушедших в область часто превышает число прибывших из области, поэтому сальдо внутриобластной миграции по Волгоградской области часто имеет отрицательное значение.

Уникальность Волгограда не только в том, что за полвека, прошедшие после завершения Великой Отечественной войны, он был восстановлен как крупный промышленный, транспортный и культурный центр. Население Волгограда – это сложный конгломерат национальностей, культурных традиций, образов жизни (как свидетельствует статистика, на территории области проживает более 100 национальностей и народностей, у большинства из них переписью отмечен рост численности населения, кроме того, в 2002 году в область прибыло 297 вынужденных переселенцев, из которых русские составили 77%). Сегодняшний волгоградец (особенно волгоградец старшего возраста) – это, как правило, горожанин в первом или втором поколении, приехавший в город из сельской местности в послевоенный период, во время строительства Волжской ГЭС или после распада СССР (рис. 1).

Начиная с 20-х годов XX века на территории Волгограда и области миграционные процессы происходили в тесной связи с процессами урбанизации. До 1990-х годов миграционные потоки формировались в соответствии с законами экстенсивной урбанизации. В постсоветский период причинами миграционной активности стали еще и межнациональные конфликты.

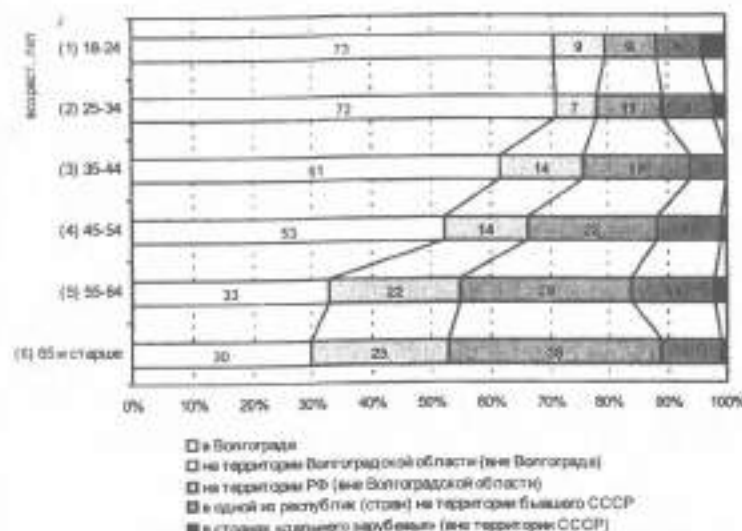

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о месте рождения (в %) в зависимости от возраста

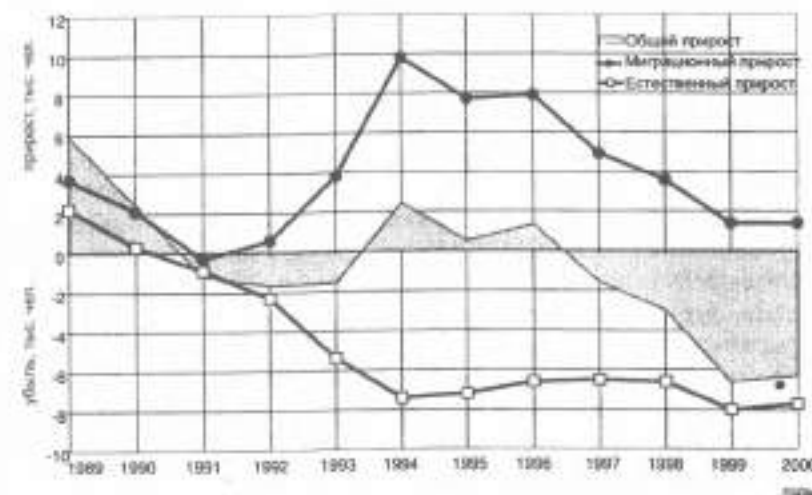

Рис. 2. Изменение миграционного и естественного прироста (убыли) населения Волгограда (по годам)

Актуальность этой проблемы для Волгограда и Волгоградской области обусловлена близостью к Северо-Кавказскому региону. Для людей, не желающих брать в руки оружие, единственным выходом порой становится переезд в Россию. После распада СССР Россия столкнулась с новой для нее проблемой – массовым наплывом беженцев, вынужденных переселенцев. В Волгограде и области, таким образом, оказались переселенцы, вытесненные из республик, в большей части южных соседей России.

Интересные результаты анализа миграционной мобильности населения могут быть получены на основе анализа статистических данных [1-4], позволяющие провести ретроспективный анализ миграционных процессов, понять закономерности протекания миграции в контексте общих перемен, происходящих в стране и регионе. Так, на диаграмме (рис. 2) хорошо «обозначается» пик миграционной активности, проявившийся в 1994-1996 гг.

Дополнением к статистическим данным могут являться результаты прикладных выборочных исследований, которые позволяют более детально анализировать «мгновенный срез» состояния населения на момент исследования (именно такие данные представлены на рис. 3). Несмотря на некоторые ограничения социологических методов анализа миграционных процессов (в частности, отсутствует возможность исследовать состав мигрантов, уехавших из города), они позволяют выделить основные закономерности формирования населения города и региона.

Для комплексной оценки миграционных процессов в исследовании «Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия» их анализ проводился с различных точек зрения. Во-первых, анализу подвергались закономерности формирования «входящих» миграционных потоков (миграционного компонента формирования населения Волгограда). Во-вторых, исследовалась мотивация волгоградцев, выражающих желание переехать в другой регион России (межрегиональная миграция) или в другой район города или области (внутрирегиональная и внутригородская миграция). В-третьих, предметом анализа являлись закономерности адаптации мигрантов к условиям жизни в Волгограде.

Как отмечалось выше, около 44% сегодняшних жителей города не являются коренными волгоградцами. Как правило, это сельские жители (42%), жители ПГТ или малых городов (26%). Чаще всего в Волгоград приезжают жители сельских районов Волгоградской области (21%) и жители сельских населенных пунктов в других регионах РФ (16%).

Рис. 3. Общее распределение ответов респондентов-мигрантов на вопрос о месте рождения

На рис. 4 приведена диаграмма, иллюстрирующая распределение волгоградцев-мигрантов по годам приезда в Волгоград и национальному признаку. Следует отметить, что на диаграмме представлены не абсолютные значения (например, «количество человек, приехавших в Волгоград до 1940 г.»), а доли мигрантов определенного «призыва» в общем числе некоренных жителей, проживающих сегодня в городе.

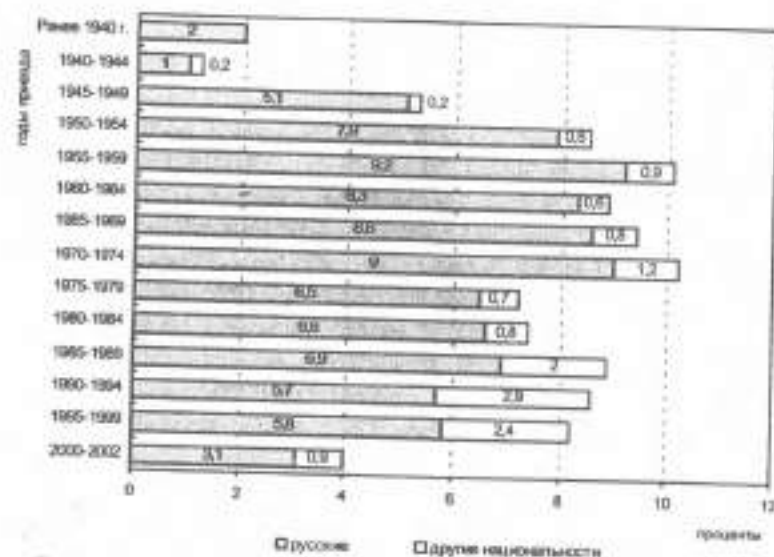

Рис. 4. Распределение респондентов-мигрантов по годам приезда в Волгоград и национальному составу (в %)

На диаграмме отчетливо видны два «пика» миграции. Первый приходится на периоды «оттепели» и «раннего застоя» и связан с крупными стройками, в том числе строительством Волжской ГЭС [5, с. 318, 341]. Второй начинается с 1985 г. и связан с притоком мигрантов из «неблагополучных» регионов России и стран ближнего зарубежья. Характерным также является значительное снижение (с 88-93% в 1950-1974 гг. до 66-78% в 1985-1999 гг.) доли русских мигрантов в общем объеме мигрировавшего населения.

На рис. 5 приведена диаграмма, иллюстрирующая распределение мигрантов по местам рождения (типам поселений и территориям проживания) в зависимости от года приезда в Волгоград. Можно отметить значительное увеличение в 1990-1999 гг. доли мигрантов, приезжающих в Волгоград из крупных городов и региональных центров, расположенных на территории России и СНГ, и соответствующее сокращение притока сельских жителей с территории области.

Несмотря на заметное увеличение притока мигрантов, не относящих себя к русской национальности, миграционные процессы не нарушили сколько-нибудь заметно национальный состав населения города. Сегодня Волгоград остается одним из немногих «русских мегаполисов» Юга России. Русскими себя считают около 89% волгоградцев (по данным переписи 1989 г. в городе проживало 92% русских).

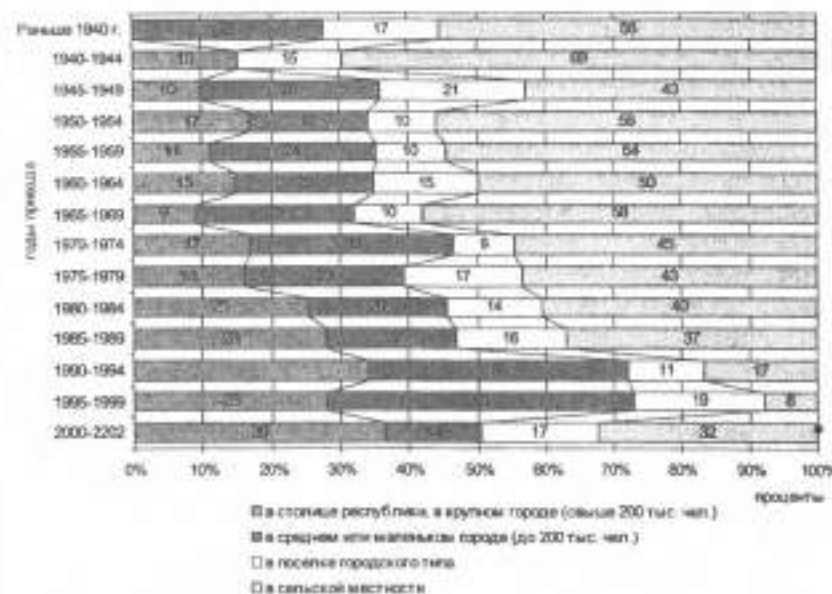
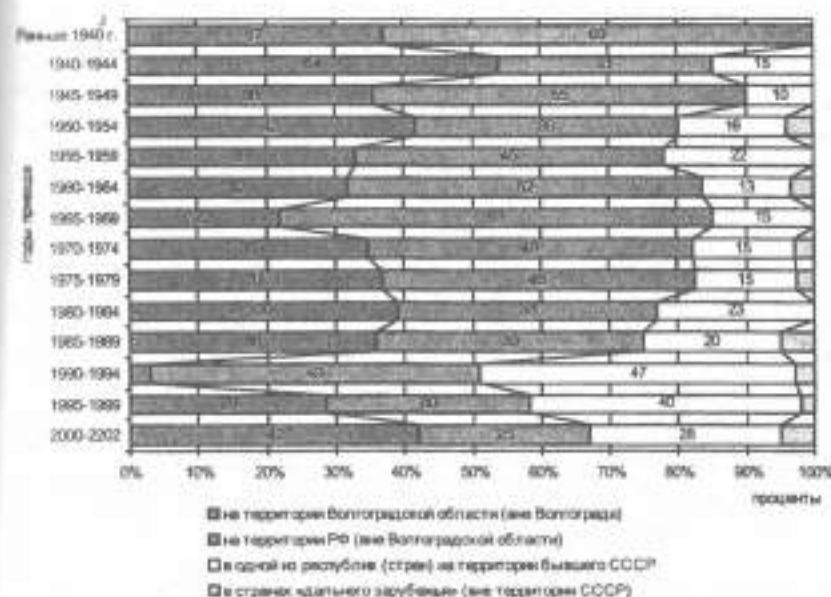

Рис. 5. Распределение ответов мигрантов (в %) на вопрос о месте рождения в зависимости от года приезда в Волгоград

Любое изменение условий и места проживания, социального статуса и рода деятельности требует приспособления, адаптации индивида к новой для него социальной среде. Представляет интерес анализ особенностей адаптации мигрантов к условиям проживания в Волгограде.

В социологическом анализе принято выделять добровольную (прогрессивную) и вынужденную (регрессивную) адаптацию. Добровольная адаптация опирается на согласованные в процессе соотнесения личности со средой или не подлежащие никакому согласованию новые ценности и способы действия, которые предлагает новая социальная среда и которые не противостоят скорректированной или прежней системе ценностных ориентаций. Добровольная адаптация возможна, если декларируемые принципы и нормы социального бытия вписываются в систему самых значимых интересов и потребностей человека и создают более благоприятные условия для их осуществления; если ценностные ориентации, ранее свойственные индивиду, изменяются в новых условиях без особого напряжения и сопротивления с его стороны. Вынужденная адаптация происходит тогда, когда направления и методы преобразований не соответствуют, противостоят представлениям и установкам индивида, который не может не считаться с ними, не содействовать их реализации, чтобы удовлетворить свои жизненно важные цели. Исходя из «исторического контекста», можно было бы ожидать, что модель «добровольной адаптации» свойственна мигрантам «первой волны» (1950-1974 гг.), а «вынужденная адаптация» (и, вследствие этого, более низкая «социальная успешность») характерна для «постсоветских» мигрантов.

Мигранты «первой волны» четко осознавали, зачем они едут в город, от своего нового географического и социального положения ожидали позитивного стабильного развития. Возможность принять участие в «стройках века», обосноваться на берегах Волги, получить квартиру в городе-герое, перспективное строительство, перспективный город-новостройка, новые возможности – все эти ожидания закономерно приводят к положительной модальности. Следовательно, оценка и отношение к городу формировались скорее положительные, нежели отрицательные.

Отрицательную модальность по преимуществу имеет миграционная активность периода 1991-2002 гг., в которой превалирует принудительная мотивация. Следствием этого может быть низкая самооценка, трудности в идентификации с социальными группами и социальный пессимизм. Можно было бы ожидать, что люди, вынужденные покинуть свои насиженные места в связи с экстремальными обстоятельствами, труднее адаптируются в новых условиях и, соответственно,

относятся к новому месту обитания менее благожелательно.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии двух доминирующих друг друга тенденций.

Во-первых, мигранты второй волны (1985-2002 гг.) склонны значительно более высоко, чем коренные волгоградцы, оценивать уровень своего материального благосостояния (рис. 6). Около 18% мигрантов, приехавших в город в 1985-2002 гг., отнесли себя к двум первым, и 75% мигрантов – к трем первым (наиболее благополучным) категориям населения по уровню материального благосостояния (для уроженцев Волгограда эти показатели равны соответственно 13 и 63%; а для мигрантов первой волны – 7 и 41%).

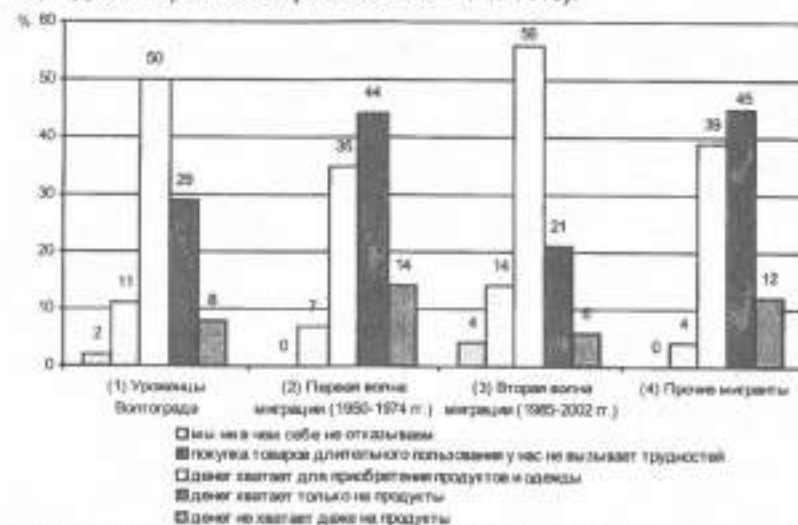

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос о принадлежности к одной из категорий по уровню материального благосостояния (в %)

В то же время именно мигранты второй волны в первую очередь стремятся покинуть Волгоград (хотя и оценивают условия жизни в нем значительно выше, чем коренные волгоградцы). Желание уехать из города практически не связано ни с местом рождения мигрантов, ни с «пунктом назначения». Именно эти люди отличаются высокой мобильностью и демонстрируют выраженную готовность к переезду в другие регионы России, в другие районы города или области (по 18% ответов среди мигрантов; 8-10% ответов среди уроженцев Волгограда). Данные, иллюстрирующие распределение ответов респондентов на вопросы об оценке ситуации в городе и возможности переезда, представлены в таблице.

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопросы, связанные с условиями жизни в Волгограде и возможностью переезда (в %)

Вопрос интервью, варианты ответа	Уроженцы Волгограда	Первая волна мигрантов	Вторая волна мигрантов	Прочие мигранты	Общий итог
Как Вы считаете, отличаются ли условия жизни людей в Волгограде от условий жизни в других регионах России?					
В Волгограде люди живут лучше, чем в большинстве других регионов России	12,82	11,81	21,01	12,37	13,61
Условия жизни людей во всех регионах России примерно одинаковы	34,85	29,20	33,37	29,60	32,93
В Волгограде люди живут хуже, чем в большинстве других регионов России	30,32	29,46	28,30	30,80	29,94
Затрудняюсь ответить	22,01	29,54	17,32	27,23	23,52
Общий итог	100	100	100	100	100
Как Вы считаете, условия жизни людей в нашем районе отличаются от условий жизни в других районах города?					
В нашем районе условия жизни лучше, чем в большинстве других районов Волгограда	21,55	17,61	25,68	14,56	20,51
В нашем районе люди живут так же, как в других районах	42,55	42,69	32,88	42,06	41,28
В нашем районе условия жизни хуже, чем в большинстве других районов Волгограда	24,69	22,68	28,30	28,73	25,23
Затрудняюсь ответить	11,20	16,82	13,14	14,64	12,98
Общий итог	100	100	100	100	100
Хотели бы Вы переехать в другой регион России?					
Определенно да	7,82	4,90	18,01	4,27	8,15
Скорее да, чем нет	6,63	2,87	13,11	5,67	6,59
Скорее нет, чем да	5,89	4,65	9,32	4,29	5,90
Определенно нет	75,99	85,62	52,44	84,94	75,90
Затрудняюсь ответить	3,67	1,95	7,12	0,83	3,45
Общий итог	100	100	100	100	100
Хотели бы Вы переехать в другой район города или области?					
Определенно да	9,77	5,49	17,68	7,64	9,67
Скорее да, чем нет	9,10	6,63	8,26	8,33	8,40
Скорее нет, чем да	4,92	2,66	8,23	4,43	4,83
Определенно нет	73,72	84,34	61,59	78,16	74,82
Затрудняюсь ответить	2,49	0,89	4,24	1,44	2,27
Общий итог	100	100	100	100	100

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что причины, по которым волгоградцы хотели бы переехать в другие регионы России или в другие районы города (области), значительно различаются. Первое место по частоте упоминания занимают высказывания, которые могут быть сгруппированы в категорию «улучшение жизненных перспектив и условий жизни» (53% упоминаний в отношении причин переезда в другие регионы России, 40% упоминаний о причинах переезда в другие районы). На втором месте по частоте упоминания находятся благоприятные экологические условия в других регионах России (18%). Среди причин переезда в другой район благоприятная экологическая обстановка упоминается значительно реже (9%). На втором месте среди причин переезда в другие районы находится «эталонный уровень культуры и быта в месте переезда» (28% ответов, по преимуществу в отношении Центрального района Волгограда). Эмоциональная связь с новым местом жительства является одной из основных причин для 12-14% вероятных мигрантов.

Таким образом, сегодня около 3/4 волгоградцев не хотели бы менять место своего жительства. Социально-экономические и бытовые условия в городе удовлетворяют значительную часть его жителей. Повышенную миграционную мобильность демонстрируют люди, относительно недавно приехавшие в Волгоград (преимущественно из крупных и средних городов на территории России и стран СНГ). Мигранты «первой волны» практически не отличаются в своем отношении к городу от «коренных волгоградцев». Все это лишний раз свидетельствует, по нашему мнению, что город может превратиться в своеобразный «перевалочный пункт», если не будет разработано грамотной миграционной политики и механизмов ее реализации в отношении людей, вынужденно покидающих места своего проживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волгоградская область в цифрах: Статистический ежегодник. – Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2001. – 258 с.
2. Волгоградская область. Демографический ежегодник. – Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 1998. – 258 с.
3. Город Волгоград. Статистический ежегодник. – Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2001. – 190 с.
4. Социально-демографические показатели по районам Волгоградской области. – Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 1995. – 41 с.
5. Мир и россияне в XX веке: Учебная книга по истории / Под общей ред. проф. Г.В. Орлова. – 3-е изд., доп. – Волгоград: ГУ «Издатель», 2001. – 544 с.

СОСТОЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение особенностей социально-демографических процессов в настоящее время становится предметом исследования специалистов разных научных областей. Многообразие конкретных черт исторического развития населения отдельных регионов России и населяющих их народов делает изучение этой стороны воспроизводства и жизнедеятельности народонаселения актуальным как с научной, так и с практической точки зрения. Демографические процессы обусловлены целым рядом факторов, в том числе особенностями исторического развития региона, уровнем развития экономики, проникновением и влиянием культуры соседних регионов.

Более десяти лет мы являемся свидетелями и непосредственными участниками процессов реформирования в нашей стране. Несмотря на то, что проблем не только не стало меньше, но их обнажилось на теле общества еще больше, надо констатировать, что налицо признаки стабилизации положения в стране в различных сферах жизнедеятельности человека и общества. Об этом свидетельствует и рост рождаемости в Читинской области в последние 2-3 года.

Конечно, демографическая ситуация в России остается и ныне сложной. Смертность значительно превышает рождаемость. Анализируя статистические данные Российского статистического ежегодника [1-3] и другие, мы видим, что численность постоянного населения РФ, начиная с 1990 г., уменьшалась ежегодно в среднем на полмиллиона человек* (табл. 1).

Таблица 1

Численность постоянного населения (млн чел.) РФ

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2001
148,16	148,33	148,30	148,00	147,94	147,61	147,14	146,74	146,33	145,00	143,80
↗ 0,5	↗ 0,2	↘ 0,03	↘ 0,3	↘ 0,1	↘ 0,3	↘ 0,5	↘ 0,4	↘ 0,4	↘ 1,3	↘ 1,2
↗ 0,3	↗ 0,1	↘ 0,01	↘ 0,2	↘ 0,1	↘ 0,2	↘ 0,4	↘ 0,3	↘ 0,3	↘ 0,9	↘ 0,8

* В табл. 1-8:

↗ - увеличение численности населения, %
 ↘ - снижение численности населения, %

Таблица 2

Численность постоянного населения (тыс. чел.) Читинской области

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2001
1330	1329	1314	1306	1299	1295	1284	1274	1266	1256	1237
↘ 6	↘ 1	↘ 15	↘ 8	↘ 7	↘ 4	↘ 11	↘ 10	↘ 8	↘ 10	↘ 19
↘ 0,5	↘ 0,1	↘ 1,1	↘ 0,6	↘ 0,5	↘ 0,3	↘ 0,9	↘ 0,8	↘ 0,6	↘ 0,8	↘ 1,5

Таким образом, мы видим, что пиковым по данным РФ оказался 1992 г., с которого началось снижение численности населения страны и продолжалось по 2002 г. За эти десять лет численность населения снизилась более чем на 4,5 млн человек, т.е. в среднем на 0,5 млн человек в год. Максимальное снижение численности населения в России пришлось на 1999 г. и за 2000-2001 гг. снизилась еще на 1,2 млн человек. Более наглядно представить сложность демографической ситуации можно, предположив, что за последующие десять лет численность населения РФ может уменьшиться еще более чем на 5 млн человек или более чем на 3,5% к предыдущему десятилетию. Утрированно через каких то 350 лет населения РФ может не стать вообще.

Данные по Читинской области свидетельствуют, что снижение численности в регионе началось уже в 1989 г. сразу на 54 тыс. человек – на 4% (от 1378 тыс. чел.). Для сравнения: в целом по Восточно-Сибирскому району, в который входит и Читинская область, снижение численности началось с 1992 г. и за 7 лет составило 229 тыс. чел. – 2,4%. Снижение численности городского населения по всему району началось с 1991 г. и до 1998 г. снизилось на 194 тыс. чел. – 2,9%, а по Читинской области за тот же период – на 58 тыс. чел. – 6,8%. И это при том, что население Читинской области составляет 14% населения района, а снижение численности населения на 45 тыс. чел. за те же 7 лет составило 20% от снижения численности населения по району. Налицо ситуация, в которой Читинская область оказывается в худшем положении относительно прочих составляющих района (табл. 2).

Показатели сравнительного анализа по уровню рождаемости, смертности и естественного прироста (убыли) населения по РФ и Читинской области тоже далеко не утешительны (табл. 3, 4).

Таблица 3

Рождаемость населения (млн чел.) по РФ

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
1,80	1,59	1,38	1,41	1,36	1,31	1,26	1,28	-	-	-
↘ 0,20	↘ 0,11	↘ 0,21	↗ 0,03	↘ 0,05	↘ 0,05	↘ 0,05	↗ 0,02	-	-	-
↘ 11,1	↘ 6,1	↘ 13,2	↗ 2,2	↘ 3,6	↘ 3,7	↘ 3,8	↗ 1,6	-	-	-

Таблица 4

Рождаемость населения (тыс. чел.) по Читинской области

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
21,0	18,4	16,1	15,4	15,9	14,8	14,1	14,9	13,8	13,9	14,8
↘ -	↘ 2,6	↘ 2,3	↗ 0,3	↘ 0,5	↘ 1,3	↘ 0,5	↗ 0,8	↘ 1,1	↗ 0,1	↗ 0,7
↘ -	↘ 12,4	↘ 12,5	↗ 1,9	↘ 3,1	↘ 8,2	↘ 3,4	↗ 5,7	↘ 7,4	↗ 0,7	↗ 5,0

В РФ за период с 1990 по 1997 гг. рождаемость снизилась на 0,5 млн чел. – 29%. Годы скачкообразных увеличения и уменьшения рождаемости по Читинской области совпадают с общероссийскими. Велико снижение рождаемости в Читинской области в 1995 г., причины которого предстоит выяснить. С 1999 г. в Читинской области наблюдается рост рождаемости, который в 2000 г. составляет уже 5% к предыдущему году. Всего по данным за 11 лет рождаемость в Читинской области снизилась на 6,4 тыс. человек – 30% к 1990 г. или в среднем на 0,6 тыс./год. Дальнейшее снижение в таком темпе грозит области отсутствием новорожденных уже через лет 20-25.

Данные об уровне смертности в РФ и Читинской области представлены ниже (табл. 5, 6).

Таблица 5

Смертность населения (млн чел.) по РФ

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
1,69	1,81	2,13	2,30	2,20	2,06	2,02	1,99	-	-	-
↗ 0,03	↗ 0,12	↗ 0,32	↗ 0,17	↘ 0,10	↘ 0,12	↘ 0,06	↘ 0,03	-	-	-
↗ 1,8	↗ 7,1	↗ 17,7	↗ 8,0	↘ 4,4	↘ 5,5	↘ 2,9	↘ 1,5	-	-	-

Таблица 6

Смертность населения (тыс. чел.) по Читинской области

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
12,2	13,1	16,5	18,5	16,6	16,0	15,4	14,7	17,2	17,1	18,0
↗ 0,1	↗ 1,1	↗ 3,4	↗ 2,0	↘ 1,9	↘ 0,6	↘ 0,6	↘ 0,7	↗ 2,5	↘ 0,1	↗ 0,9
↗ 0,8	↗ 9,0	↗ 26,0	↗ 1,2	↘ 10,3	↘ 3,6	↘ 3,6	↘ 4,8	↗ 17,0	↘ 0,6	↗ 5,3

За 1990-1997 гг. смертность в РФ увеличилась на 0,3 млн чел. – 17,8%. Наибольший процент смертности к предыдущему году пал на 1992 г. и в стране, и в Читинской области. В Читинской области после некоторого снижения процента к предыдущему году в течение 5 лет, характерного и для РФ в целом, повторилось резкое увеличение его в 1998 и 2000 гг.

В принципе, в Читинской области с 1999 г. рождаемость начала увеличиваться и в 2000 г. составила 14 613 человек – увеличилась к 1999 г. на 676 человек – 4,9%. Это вселяющий надежду факт. Однако рост смертности продолжает расти последние годы и дает в сумме с падением рождаемости естественную убыль населения. Так, по отношению к 1998 г. в 2000 г. смертность выше на 3 264 чел. – 22,2%. Если так продолжится каждые три года, то через 15 лет будут унесены последние жизни.

Особенным для Читинской области стал 1998 г., когда значительными оказались и снижение рождаемости (на 1084 чел. в год – 7,3%), и повышение смертности (на 2474 чел. в год – 16,8%). Соответственно велика естественная убыль населения в этом году – 3367 чел. (0,3% от 1267 тыс. чел.).

Обозначим и сравним тенденции изменения естественного прироста населения по РФ и Читинской области (табл. 7, 8).

Таблица 7

Естественный прирост населения (млн чел.) по РФ

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
0,10	-0,22	-0,75	-0,89	-0,84	-0,78	-0,76	-0,71	-	-	-
↘ 0,23	↘ 0,32	↘ 0,53	↘ 0,13	↘ 0,06	↘ 0,06	↘ 0,02	↘ 0,05	-	-	-

Таблица 8

Естественный прирост населения (тыс. чел.) по Читинской области

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
8,8	5,3	-0,4	-2,1	-0,8	-1,4	1,3	0,2	-3,4	-3,2	-3,4
↘ 2,4	↘ 3,5	↘ 5,7	↗ 1,7	↗ 1,3	↗ 0,6	↗ 2,7	↘ 1,1	↘ 3,6	↘ 0,2	↗ 0,2

Несмотря на то, что есть снижение превышения смертности над рождаемостью, естественная убыль по РФ стабильно высока. Число умерших превысило число родившихся в целом по стране в 2000 г. – 958 тыс. человек. В 2000 г. родилось 1267 тыс. человек, что на 722 тыс. человек меньше, чем в 1990 г. [2]. Рассмотренные данные позволяют убедиться в наличии катастрофической демографической ситуации в стране.

Для того, чтобы выяснить, насколько связано такое положение с политическим, экономическим и социальным положением в стране, рассмотрим данные, которые могут охарактеризовать ситуацию в стране и регионе в данных сферах жизнедеятельности личности и общества.

Охарактеризуем уровень безработицы региона относительно уровня безработицы страны:

- нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию по РФ в 1998 г. – 6,6%, по Читинской области – 105,0% (почти в 16 раз больше российского уровня безработицы);

- уровень зарегистрированной безработицы в РФ в 1998 г. – 2,7%, в Читинской области – 3,7% (почти в полтора раза выше российского), причем в предыдущие два года этот уровень превышал российский в среднем в 2 раза.

И еще одна весьма показательная характеристика:

- численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по России в 1998 г. – 23,8% от общей численности населения, по Читинской области – 72,5%, то есть в 3 раза больше российской [1-5].

Цифры говорят сами за себя. Необходимы экстренные меры по поддержке, если не спасению населения Читинского региона. Необходимо учитывать еще и то, что Читинская область – район приграничный, соседствующий с Китаем.

При рассмотрении вопроса демографической безопасности Читинской области находят подтверждение взаимосвязанность и взаимозависимость всех сфер безопасности. При тщательном рассмот-

рении те же признаки системности обнаруживаются у национальной, социальной и региональной безопасности. Исследование безопасности Читинской области в связи с остальными регионами России оправдано. И если безопасность Читинской области – элемент системы безопасности России, то, в свою очередь, безопасность России является элементом международной системы безопасности, которая также подчинена общим для всех систем законам. Системность рассматриваемого региона и то, что Читинская область является элементом в сложной системе регионального и мирового уровней, усложняет исследование и изучение проблем демографической безопасности региона. Однако пройти данный путь необходимо хотя бы для того, чтобы в последующем не повторять сделанных ошибок и помочь не повторять их другим.

Система демографической безопасности самостоятельна, но в то же время связана и зависит от всех существующих. Систематизация и структурирование ныне известных систем позволяет обозначить точки их соприкосновений, уровни и соподчиненность. Система безопасности имеет уровневое разграничение: система глобальной безопасности, система международной безопасности, система национальной безопасности, система региональной безопасности.

В каждую из вышеперечисленных систем входят: система экологической безопасности, система социальной безопасности, система демографической безопасности, система миграционной безопасности.

Таким образом, демографическая безопасность является составляющей всех уровней безопасности, а это говорит о том, что решать проблемы во имя развития человека и общества, устойчивого развития систем и их составляющих невозможно, не решая проблемы демографии.

Демографические проблемы во многом сейчас связаны с проблемами экологии. Система экологической безопасности ставится выше всех остальных из соображений, которые неоспоримы: ничто не имеет будущего без наличия природной системы, обеспечивающей существование человечества.

Существуют как общие, так и специфические характеристики регионов. Множество факторов влияет на общее состояние и развитие региона, различных сфер его развития (социальную, политическую, экономическую и другие). Системность и влияние факторов

друг на друга очевидны, как и их влияние на демографическую безопасность региона.

Показатели состояния и уровня развития Федерации находятся в непосредственной зависимости от соответствующих характеристик регионов. Если коснуться той же зависимости на международном уровне, то, соответственно, на состоянии дел систем международных, как систем более высокого порядка, всегда влияют характеристики его составляющих элементов. По большому счету, любая система, от микро- до макро-, так или иначе влияет и в той или иной мере определяет характер процессов, происходящих в мире.

В ходе поиска решения проблем мы ищем и находим связи происходящих процессов, суть явлений, выстраиваем схемы, находим закономерности развития для возможности прогнозирования, создаем модели систем, обретая навыки материализации перспективных мыслей.

Решение проблем демографических, а значит социальных, экономических, экологических требует изучения опыта зарубежных и смежных регионов, собственного исторического опыта Читинской области. Требуется знания в области регионоведения, региональной политики, региональной экономики и многих других. Конечно же, надо признать, что мы переживаем трудное время формирования, необходимости систематизации имеющегося знания и опыта, умения использовать, применять его на практике. Это сложный, но интересный путь, оправданный тем, что позволяет развиваться и формироваться личности и обществу в соответствии с требованиями сегодняшнего дня.

Изучение процессов становления, развития, стагнации регионов требуют знания существующих методов и поиска новых. Становится недостаточным бессвязное изучение структуры, систем связей и функций региона с системами одного с ним и других уровней (выше и нижестоящих). Это позволяет учитывать необходимый спектр факторов влияния и соответственно находить более эффективные, перспективные, универсальные пути решения проблем. Пути решения, отработанные на уровне структурных подразделений с учетом системности всех доступных пониманию уровней, позволяют экономить время и средства страны на пересмотр и доработку, избежать дублирования функций нижестоящих структур. Призваны помочь в этом методы моделирования и проецирования, прогнозирования и диагностики, профилактика во избежание нежелательных процессов, снижающих уровень демографической безопасности.

В силу ускорения социальных и других процессов в мире и обществе, а также процессов интеграции как следствия обмена ин-

формацией, которые работают и на позитивные, и на негативные процессы одновременно, медлить в вопросах решения столь остро стоящих демографических проблем невозможно. Помочь в быстром решении демографических проблем современности и нашей печальной действительности призваны интеграционные процессы мирового масштаба, поскольку проблемы различных государств все чаще проблемы планетарные, в особенности экологические.

Существуют и уже работают программы на различных уровнях, обозначившие принципы демографической политики и ее основные направления. Это позволяет отдельным регионам и мировому сообществу консолидироваться и решать проблемы современности на высшем интегративном уровне.

Сегодня меры по улучшению демографической ситуации в первую очередь должны быть направлены на сохранение населения путем предотвращения разрушения его здоровья. Достижение данной цели позволит смягчить ситуацию депопуляции посредством снижения смертности. Реализация же потребует многоплановой работы по осуществлению стратегии социально-экономического развития, поскольку ориентирует все сферы жизнедеятельности общества на качественное улучшение условий жизни, труда, быта, деторождения.

Важным интегративным моментом, на котором хотелось бы сделать особый акцент, должно стать стремление не просто сохранить население планеты, а сохранить его здоровым, способным к деторождению полноценного потомства. Это, безусловно, требует совместных усилий межгосударственных организаций, объединений соответствующего направления в деле восстановления и сохранения относительного экологического равновесия, духовного возрождения, соблюдения норм морали и нравственности, позволяющих иметь здоровое и всесторонне развитое население.

Ухудшение здоровья часто объясняется продолжающимся накоплением экологических проблем, эффективное решение которых возможно только лишь интегрировано. Судьба сохранения озонового слоя, мирового океана, засоряемого радиационными и другого рода отходами деятельности человека, не может быть решена в одиночку ни одной, хоть совершенно развитой страной. Спасти и сохранить планету, а значит, и себя, мы можем, достигнув чистоты наших деяний и помыслов, индивидуальных и всеобщих.

Человеку предстоит дальнейшее развитие гибкого системного мышления, которое позволит четко осознать системность всего, что нас окружает, с характерными для системы взаимозависимостью и взаимосвязанностью. Это научит человека действовать только после осмысления и детального анализа возможных последствий.

Взгляд на систему названных факторов, определяющих масштаб, глобальность демографической катастрофы, позволяет понять необходимость анализа существующих проблем демографии и поиска возможностей их решения во имя спасения человечества, ради будущего своих детей.

Таким образом, общество вплотную подошло к необходимости и возможности объединения обретенного многовекового опыта, интеллекта и здравого смысла, способности анализировать и системно мыслить, которые позволят регулировать численность населения, научиться подходить к планированию с сознанием ответственности за возможные последствия.

Интегративное взаимодействие по решению глобальных демографических проблем, системный подход призваны способствовать оздоровлению обстановки на планете, как и дальнейшему развитию и упрочению международных связей общественности, взаимодействий в решении проблем экологических, экономических, политических, культурных, духовных.

Изменить ход и направление социальных процессов, позволяющих остановить процессы снижения рождаемости, роста смертности необходимо и возможно. И, похоже, в этом направлении процесс пошел, «лед тронулся». Изменить ход и направление мышления в сторону созидания – задача более сложная, но вероятная. Мы видим и ощущаем на себе последствия неразумной деятельности, ослепленной желаниями и страстями иметь вр что бы то ни стало, любой ценой, в ущерб себе и всему живому, планете и космосу.

Рассчитывать лишь на то, чтобы не исчезнуть человечеству с лица Земли и космоса благодаря инстинкту продления рода, неразумно. Человек создал себе проблемы, которые лишь сам с божьей помощью и может решить, устранив причины, порождающие их; меняя свое отношение к себе и миру как взаимосвязанным частям одного целого; мышление, основой которого было во что бы то ни стало покорить просторы планеты, вселенной на понятие того, что деятельность на Земле и за ее пределами должна быть разумной, сознательной, зрелой. Достигать непрестанно в течение всей жизни роста уровня знаний, развитости мышления, в том числе и системного, во власти человека. Тут он сам определяет, быть этому или не быть. Для этого надо учиться, быть посредником и учить других пониманию цельности мира. Обретенная мудрость, пусть относительная, позволит не делать глупостей, стоящих живому жизни.

Безусловно, кризисы различных сфер жизнедеятельности человека и общества в значительной степени негативно сказались на

факторах, характеризующих уровень демографической безопасности в стране и регионах. Последствия бескровной революции еще долго будут напоминать о себе. Также очевидна взаимосвязь между стабилизацией отношений и установлением связей внутри и вне регионов и уровнем демографической безопасности.

Заметно улучшились, стали более оптимистичными настроения людей. Однако пока весьма остро стоит вопрос отсутствия среднего класса. Ситуация наличия двух крайностей: «либо пан, либо пропал» является болезненной, вызывающей и порождающей ненужные процессы в обществе. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в РФ составила в 1998 г. 23,8% от общей численности населения и в последние годы увеличивается в среднем на 2%, а в Читинской области она составила в том же году 72,5% и увеличилась в 1998 г. на 11,3%, в 1999 г. повысилась до 85,4% (на 12,9%) и согласно последним данным увеличилась с 74,2 до 77,9% (на 3,7%). Когда за год в области, где проживает 1237 тыс. человек, 4/5 населения (971,6 тыс. чел. – около 80%) находятся в таком положении, может показаться неуместным говорить о формировании ноосферного мышления. И все-таки необратимость процессов в природе, которые вызвал человек на сегодняшний день, столь очевидны и дают все больше о себе знать, что игнорировать их невозможно, не получится, как и уберечь себя от падения со срубленным собой же сука. И это не предложение выбора, а предложение системного подхода в решении проблем параллельно и с учетом их взаимосвязанности. Только так возможно обеспечить необходимый и достаточный уровень демографической безопасности личности и государства, как, впрочем, и других составляющих безопасности различного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 1999. – 621 с.
2. Концепция демографического развития РФ на период до 2015 г.: Бюллетень «Население и общество» / Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.
3. Читинская область в цифрах: Статистический ежегодник. – Чита: Облкомстат, 2001.
4. Бейдина Т.Е. Региональная социально-политическая безопасность Читинской области: Монография. – Чита, 1999. – 274 с.
5. Бейдина Т.Е. Социальная безопасность (региональные аспекты): Монография. – М., 2001. – 229 с.

Г. Шериязданова

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СМЕРТНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В 1990-е ГОДЫ (гендерный аспект)

Смертность – процесс вымирания поколений, один из двух главных процессов воспроизводства населения, массовый процесс, складывающийся из множества единичных смертей, наступающих в разных возрастах и определяющих в своей совокупности порядок вымирания реального или гипотетического поколения [1, с. 409]. Изучение смертности необходимо для представления общей картины демографического поведения населения и проведения демографической политики в этой сфере.

За 1990-е гг. в РК и ВКО произошли огромные изменения в общественно-политической, социально-экономической и других сферах жизни, что не замедлило сказаться на демографическом поведении населения. Наиболее сильно это наблюдается при рассмотрении динамики рождаемости, смертности и естественного прироста населения ВКО в 1989-2000 гг. [2, с. 8] (рис. 1).

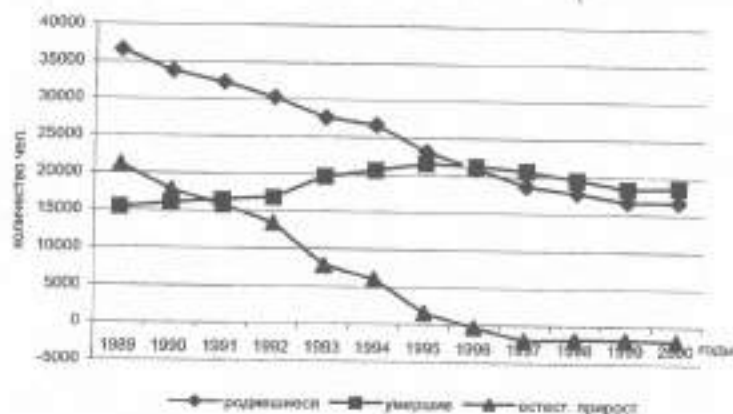

Рис. 1. Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения ВКО

В 1996 г. смертность превысила рождаемость, положив начало процессу депопуляции населения Восточно-Казахстанской области. С этого момента практически за один год естественный прирост уменьшился в 6,5 раз (с -302 до -2008 чел.). С 1998 по 2000 гг. коэффициент естественного прироста оставался примерно на одном уровне (-1,2).

Картина основных демографических процессов в Восточно-Казахстанской области была бы неполной без рассмотрения их в гендерном аспекте [3, с. 7] (рис. 2, 3).

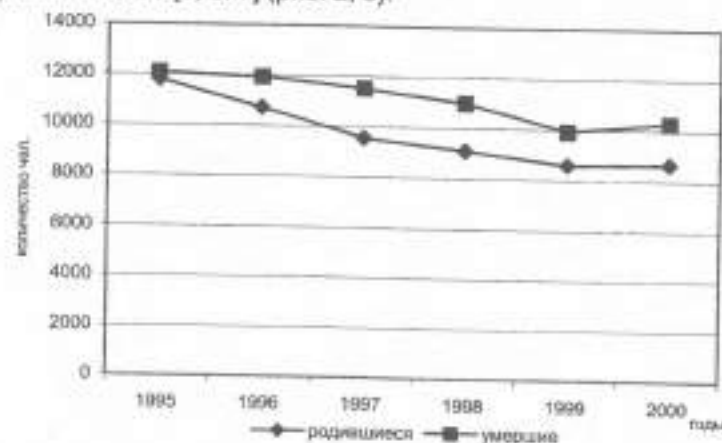

Рис. 2. Динамика рождаемости и смертности мужчин по ВКО, 1995-2000 гг.

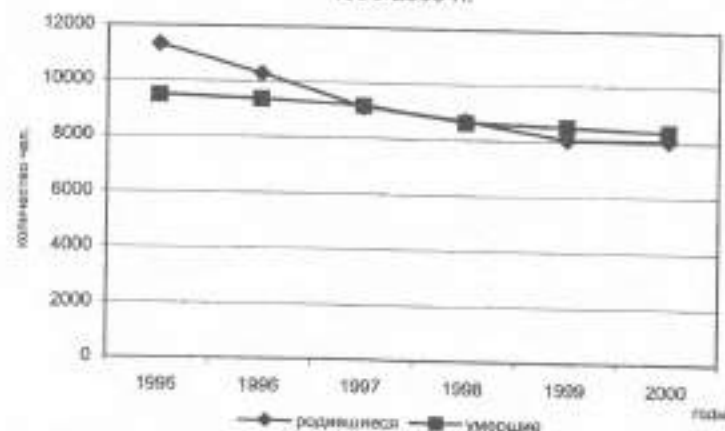

Рис. 3. Динамика рождаемости и смертности женщин по ВКО, 1995-2000 гг.

Женщины к демографическому кресту подошли на три-четыре года позже мужчин. Это связано с более высокой, чем у мужчин, продолжительностью жизни, а также с тем, что условия труда и медицинского обслуживания у мужчин обычно хуже, чем у женщин. Если у женщин смертность превысила рождаемость в 1997 г., то у мужчин уже в 1995 г. шел процесс депопуляции (коэффициент естественного прироста равен -0,34). Со временем разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин увеличивается: если в 1999 г. естественный прирост у мужчин был в 3,2 ниже, чем у женщин, то в 2000 г. в 5,5 раз.

Интенсивность процессов смертности существенно меняется с возрастом. Исходя из логики наиболее точными могут быть демографические коэффициенты, рассчитанные для однолетних возрастных групп. Однако на практике по возрастные коэффициенты смертности обычно рассчитываются по пятилетним интервалам. Но даже в одинаковых возрастных группах уровень смертности у мужчин всегда выше, чем у женщин. Поэтому возрастные характеристики смертности исчисляются отдельно для мужчин и женщин [3, с. 8] (рис. 4).

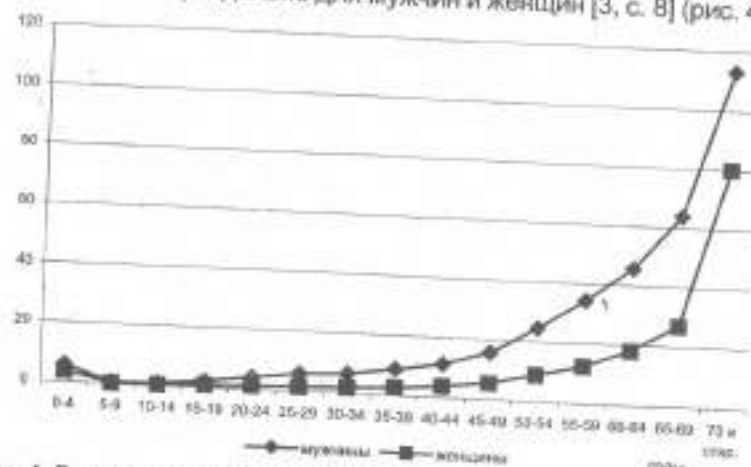

Рис. 4. Возрастные коэффициенты смертности населения ВКО за 2000 г.

У мужчин высока смертность до и после пенсионного возраста: сразу же после 50-ти лет смертность резко возрастает. Наблюдается разрыв в 5 лет между показателями 1999-2000 гг. У женщин смертность повышается скачками два раза: в возрастной группе 55-59 лет и через 10 лет – в возрастной группе 65-69 лет. Положительным моментом является сглаживание и снижение коэффициентов смертности в 2000 г. по сравнению с 1997 г. во всех возрастных группах, кроме возрастной группы 60-64 года у женщин.

Отношение возрастного коэффициента смертности мужского пола к возрастному коэффициенту смертности женского пола дает показатель, который можно назвать *индексом мужской сверхсмертности* [3, с. 8] (рис. 5).

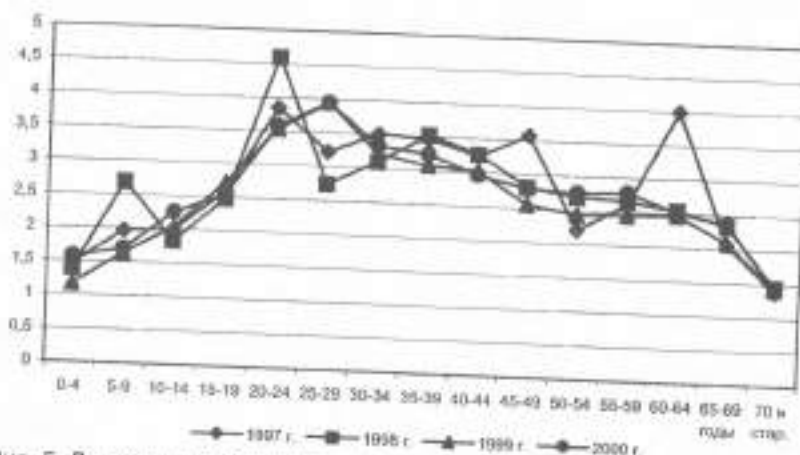

Рис. 5. Динамика индекса мужской сверхсмертности ВКО за 1997-2000 гг.

Хотя каждый год имеет свою конфигурацию кривой индекса, все же нетрудно констатировать некоторые общие черты. Они заключаются в наличии трех вершин: первой – в возрасте 20-29 лет, второй – 35-39 лет, третьей – 55-65 лет. Первые вершины объясняются, по мнению Урланиса, большим количеством случаев насильственной смерти среди молодых мужчин. Это – результат «моторизации юношества». Несчастные случаи, как известно, являются одной из главных причин смерти мужчин во многих возрастных группах, особенно среди молодежи. Женщины обычно меньше увлекаются автомобилями, мотоциклами и т.п. Нельзя также сбрасывать со счетов более тяжелые условия труда мужчин. Третья вершина является результатом преждевременного, уже патологического старения мужского организма. Именно в нем находит отражение тяжесть всей нагрузки, которая падает на мужской организм на протяжении всей жизни.* После этого подъема индекс снижается, и в годы глубокой старости различия между смертностью обоих полов менее заметны. Здесь уже происходит отбор: старости благополучно достигают наиболее крепкие мужчины, которые получают возможность «состязаться» с женщинами соответствующих возрастов.

При изучении различий смертности мужчин и женщин важно установить соотношение биологических и социальных факторов. Надо выявить роль законов природы и законов общества. Хотя на протяжении всей жизни людей решающее значение имеют социальные факторы, общественные условия, было бы совершенно неверно не учитывать биологические факторы, заметно действующие в начале и в конце жизни каждого человека.

Различия в смертности мужчин и женщин начинаются уже с момента зачатия. У человека сразу после зачатия на 100 оплодотворенных яйцеклеток, несущих женский пол, приходится примерно 117 оплодотворенных яйцеклеток, несущих мужской пол. Повышенная внутриутробная смертность мужских зародышей, а также повышенная доля мальчиков среди мертворожденных приводят к тому, что среди родившихся живыми на 100 девочек приходится 106 мальчиков. Снижение соотношения между зачатыми (117) до уровня соотношения между живорожденными (106) и является прямым результатом того, что среди выкидышей удельный вес мужского пола значительно выше женского. Этот факт неопровержимо свидетельствует о том, что уже в утробе матери мужские зародыши оказываются менее жизнеспособными, чем женские. Среди мертворожденных удельный вес мальчиков значительно выше удельного веса девочек [4, с. 301]. Из рассмотренных статистических данных вытекает, что женский организм по самой своей природе является более жизнеспособным.

По истечении периода раннего детства биологические факторы в значительной степени уже теряют свое значение и на первый план выдвигаются факторы социальные [4, с. 303]. В прошлом большое значение имели биологические факторы, связанные с генеративной функцией женщины. Именно они вследствие низкого уровня лечебной и профилактической медицины приводили к тому, что в отдельные периоды жизни мужчины в отношении риска оказывались даже в более благоприятном положении, чем женщины.

С тех пор положение резко изменилось. Мы видели, что во всех возрастах наблюдается повышенная смертность мужчин по сравнению со смертностью женщин. Возникает вопрос: неужели весь социальный, экономический и технический прогресс оборачивается против мужского пола? Нет, совсем не так. Мужчины, несомненно, также выигрывают от этого прогресса, но, по-видимому, меньше, чем женщины [4, с. 309].

Значительные изменения в структуре смертности обусловлены изменениями в соотношении между инфекционными и хронически

протекающими неинфекционными заболеваниями. Следует отметить, что социально-экономические факторы воздействуют на изменения уровня смертности и через другие демографические процессы: рождаемость, заболеваемость. На уровень смертности интенсивно влияет и старение населения [1, с. 413].

В целом надо отметить, что у населения в нашей области снижаются коэффициенты смертности как в целом, так и по отдельным классам смертности. Иначе обстоит дело с населением в трудоспособном возрасте. В этой совокупности коэффициенты смертности снизились только по причинам смерти от инфекционных и паразитарных болезней, а также от болезней органов дыхания, и то незначительно [5, с. 169].

Рассматривая причины смертности по полу, можно расставить их по местам по мере убывания и сравнить между собой: *первое место* среди основных причин смертности обоего пола занимают болезни системы кровообращения. *Второе* – смертность в результате несчастных случаев, отравлений и травм, причем у мужчин эта цифра больше, чем у женщин, в 4 раза. Такой разрыв, вероятно, связан с тем, что именно мужчины в основном занимаются трудоемкой, тяжелой работой, например, на промышленных предприятиях, где необходимо контролировать и соблюдать правила техники безопасности. Сюда же относятся алкогольные отравления и дорожно-транспортные происшествия, также вполне устранимые причины. *На третьем месте* – болезни новообразования, по этой причине в 1,3 раза мужчин умирает больше, чем женщин. *Четвертое* – болезни органов дыхания, смертность по этой причине у мужчин в 2,3 раза выше, чем у женщин. *На пятом месте* – болезни органов пищеварения, смертность у мужчин также выше смертности у женщин в 1,3 раза. *На шестом месте* – инфекционные и паразитарные заболевания. В 5 раз смертность по этой причине у мужчин выше, чем у женщин [3, с. 9].

Как видно из приведенных данных, мы имеем реальный шанс если не устранить, то хотя бы смягчить главные экзогенные причины смертности. Все они напрямую зависят от условий труда и соблюдения техники безопасности, уровня развития медицины, ведения здорового образа жизни и экологической ситуации в регионе [6, с. 9].

Приведенные выше показатели смертности характеризуют с разных сторон процесс вымирания населения, нам же желательно иметь обобщающую характеристику. Им является показатель продолжительности жизни при рождении. Его характеристика является комп-

лексным показателем выживания населения. Динамика этого показателя является комплексной характеристикой не только успеха медицины, но и социального прогресса общества. Повышается разрыв показателей продолжительности жизни мужчин и женщин, достигший в 1997 г. 12,7 лет. Разрыв обусловлен не только биологическими факторами, за счет которых можно отнести 4-5 лет такого разрыва, остальные же 4-5 лет вызваны действием ряда специфических социальных факторов [4, с. 41].

Улучшая медицинское обслуживание, условия труда и экологию, внедряя здоровый образ жизни, можно продлить среднюю продолжительность жизни у населения, которая составляет 56,8 лет у мужчин и 69,5 лет у женщин. Таким образом, будет снята проблема пенсионного возраста и послепенсионной смертности.

Число самоубийств на рубеже веков в странах СНГ резко возросло. В РФ только в 2000 году произошло по некоторым данным около 30000 актов суицида. По российским данным на одно самоубийство приходится 4 неудачных попытки. Уровень суицида в 3 раза превышает уровень убийств, причем это соотношение не меняется [5, с. 171]. Статистика показывает, что наименее низкий уровень суицида наблюдался в основном в тех странах, где сильны позиции католической церкви или прочные мусульманские традиции. Б. Дукенбаева, представляющая Казахский государственный медицинский университет имени С.Д. Асфендиярова, обработала архивный материал Алматинского филиала Центра судебной медицины за 1998 г. В тот год в Алматы было зарегистрировано 358 случаев суицида – 32,7 на 100 тысяч. По сравнению с 1991 г. показатель возрос на 25,3%. Среди всех возрастов на первом месте молодежь – 20-29 лет (22,9%), на втором – группа 40-49 лет (19%): самоповешение – 62,8%; самосотравление – 17,9%; падение с высоты – 11,2%; у 63% обнаружен алкоголь в крови. Число мужчин-суицидентов в 4 раза больше, чем женщин.

В Усть-Каменогорске в 1990-х гг. был проведен свой ряд малых исследований. Выводы во многом сходны с алматинскими: суициду больше подвержен мужчина, попавший в «черную полосу» и оставшийся без поддержки близких [7, с. 33] (рис. 6).

Более низкие коэффициенты смертности от самоубийств у женщин связаны с наличием у них так называемого «социального якоря»: дом, семья, дети, любимая собака, работа и т.д., а также с более выносливой и легко адаптируемой психикой. Большие различия связаны также с тем, что у мужчин более половины самоубийств (63%) совершается под воздействием алкоголя, а женский алкоголь-

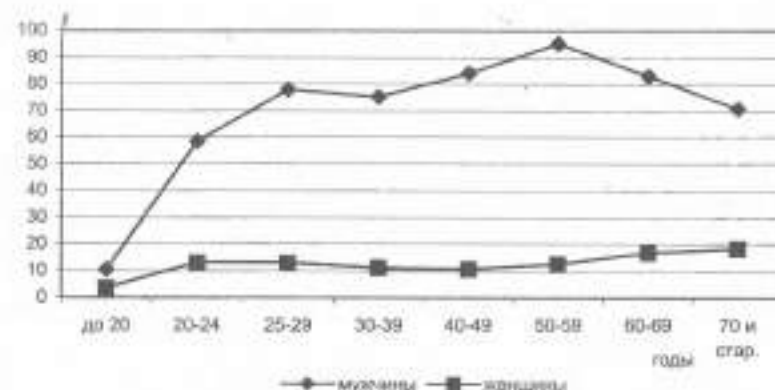

Рис. 6. Возрастной коэффициент смертности от самоубийств в РК в 2000 г.

лизм, к счастью, распространен не так сильно. В Казахстане Восточно-Казахстанская область по уровню самоубийств в 1997 г. занимала второе место после Павлодарской области, а в 1998 и 2000 гг. – первое.

Изучив картину смертности, можно сделать неутешительные выводы: на фоне старения населения в Восточно-Казахстанской области в течение 10-ти лет резко снизилась рождаемость и, как результат, наблюдается очень низкий естественный прирост, усугубившийся сильным миграционным оттоком трудоспособного населения в репродуктивном возрасте. Более высокие показатели смертности у мужчин. Связано это с условиями работы, традиционно более низкой продолжительностью жизни и медицинским обслуживанием. Улучшились показатели возрастного коэффициента смертности и коэффициенты младенческой смертности за 1997-2000 гг., но ситуация могла бы быть намного лучше за счет устранения главных экзогенных причин смертности. Необходимы существенный подъем системы здравоохранения, нормализация экологической ситуации, внедрение здорового образа жизни, улучшение условий труда и государственного обеспечения. Это позволит увеличить продолжительность жизни, уменьшить младенческую смертность по экзогенным, а возможно, и по эндогенным причинам смертности. Меры демографической политики необходимо принимать сейчас, пока существует благоприятная возрастная структура населения Восточно-Казахстанской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 608 с.
2. Демографический ежегодник Восточно-Казахстанской области. — Усть-Каменогорск: Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО, 2000. — 43 с.
3. Демографический ежегодник «Женщины и мужчины». — Усть-Каменогорск: Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО, 2000.
4. Советская демография за семьдесят лет / Отв. ред. Рябушкин. — М.: Наука, 1987. — 336 с.
5. Уровень жизни населения в Казахстане. — Алматы: Агентство РК по статистике, 2001.
6. Бедный М.С. Демографические факторы здоровья населения. — М.: Финансы и статистика, 1984. — 148 с.
7. Сиярбаев А. Черный феномен рядом // Деловой Усть-Каменогорск. — 2001. — № 9.

У.Ж. Эргешбаев

Ошский государственный университет, г. Ош

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ

В Кыргызстане, как и в других странах Центральной Азии, в конце XX-начале XXI в. произошли изменения в масштабах, структуре, причинах миграции населения.

На миграционные процессы мощное влияние оказали распад СССР и единого народнохозяйственного комплекса, системный кризис во всех сферах жизни общества, обострение межнациональных отношений.

Современные миграционные процессы в Кыргызстане приводят к глубоким социально-экономическим последствиям как в самой республике, так и в странах-реципиентах, принимающих миграционные потоки. Перемены, последствия носят многоплановый характер, они привлекают внимание не только экономистов, но и социологов, демографов, историков, психологов и др.

В данной работе сделана попытка рассмотреть последствия для социально-экономического развития республики и других стран двух

главных явлений в современных миграционных процессах в Кыргызстане: выезд русскоязычного населения из республики и трудовая миграция коренного населения. Оба этих миграционных потока объединяет направленность преимущественно в Россию и участие в этих потоках сотен тысяч граждан Кыргызстана.

Согласно данным Департамента по миграции МИД КР в 1990-2001 гг. отток населения из Кыргызстана составил около 450 тыс. человек. Для страны с населением 5 млн человек это огромная цифра. Масштабный отток русскоязычного населения привел к тому, что за период с 1990 по 2001 гг. доля русскоязычного населения в общей численности населения Кыргызстана сохранилась почти в 2 раза. Численность русских за тот же период уменьшилась с 918 тыс. человек до 520 тыс. чел., а доля русской этнической группы в населении страны снизилась с 21,2 до 12,1%. В настоящее время русские стали третьей по численности национальной группой в Кыргызстане, уступив второе место узбекской этнической группе.

В последние годы масштабы приобрела внешняя трудовая миграция населения Кыргызстана, прежде всего кыргызского. В настоящее время, по разным оценкам, в России работают от 300 до 500 тыс. граждан Кыргызстана [1]. При этом трудовая миграция из Кыргызстана «осуществляется в большей степени стихийно, неформально, нелегально» [2].

Рассмотрим социально-экономические последствия для России миграционного притока из Кыргызстана и других стран Центральной Азии.

Российские специалисты отмечают ряд положительных последствий прибытия иностранцев на заработки в Россию, такие как ликвидация дефицита рабочей силы, рост экономических показателей во многих отраслях экономики, увеличение налоговых поступлений в бюджет. Но многие из экспертов считают, что последствия миграционного притока для России скорее отрицательные [3, с. 45].

Среди негативных последствий международной миграции для России выделяются следующие:

1. Значительная часть миграционного притока обусловлена политическими и другими неэкономическими факторами. Мигранты из ближнего зарубежья не всегда имеют высокую квалификацию. Многие из них приехали в надежде на помощь со стороны российских центральных и местных властей.

2. Приток переселенцев и трудовых мигрантов происходит стихийно, отсутствует координация предложения с реальным спросом

на рабочую силу. Миграционный приток рабочей силы происходит в условиях безработицы в России.

3. Значительная часть трудовых мигрантов занята в теневом секторе экономики, они не платят налоги, что приводит к ощутимым потерям местных и федерального бюджетов.

4. Миграционный приток не содействует разрешению одной из «главных проблем российской экономики – упадок сельского хозяйства, обезлюдение деревень, сокращение населения в восточной части страны». Основная часть притока населения в Россию не идет в сельское хозяйство. Для экономического развития России необходим приток населения в сибирский, дальневосточный регионы, а он преимущественно направлен в европейскую часть страны, на Юг России, в большие города.

5. Концентрация мигрантов в некоторых сферах экономической деятельности (розничная торговля, строительство и ремонт, общественное питание и др.) приводит к монополизации этих сфер, ограничению доступа на рынки местных мелких производителей, установлению завышенных цен. Очень часто ухудшается криминогенная обстановка.

6. Из-за ощутимого притока населения в Россию происходит рост расходов на социальную сферу (растут выплаты пенсий, пособий, увеличиваются расходы на отрасли здравоохранения, образования, культуры).

Отрицательным моментом современной миграционной ситуации в России является огромный разрыв в уровне квалификации между эмигрантами и иммигрантами [3, с. 46].

В качестве положительных последствий притока населения в Россию из ближнего зарубежья исследователи прежде всего отмечают смягчение демографического кризиса в стране. Именно миграционный приток из бывших республик СССР в значительной степени компенсирует убыль населения Российской Федерации в результате депопуляции. В некоторых отраслях российской экономики ощущается нехватка рабочей силы, особенно на работах, не требующих высокой квалификации и с низкой оплатой. Трудовые мигранты частично восполняют этот недостаток.

«Иностранная рабочая сила нередко заполняет вакансии, не являющиеся престижными для российских граждан и поэтому не востребованные местным населением». Эффективность и качество труда иностранной рабочей силы достаточно высоки, а «конкуренция с ее стороны дает хорошие ориентиры и стимулы местному населению» [4].

Трудовые мигранты из Кыргызстана и других стран СНГ занимают те ниши на рынке труда, которые не являются привлекательными для местного российского населения. В целом это способствует развитию сферы услуг, положительно сказывается на качестве жизни всего населения.

Российские специалисты, обосновывая задачи демографической политики в современной России в области миграции и расселения, прежде всего выделяют задачу поиска «наиболее предпочтительных контингентов мигрантов, способных наиболее легко интегрироваться в российскую этнокультурную среду». Основным направлением деятельности становится «нормализация миграционных притоков, привлечение мигрантов, не создающих угрозу ее национальной безопасности» [5]. Специалисты указывают на необходимость «продуманной миграционной политики, не закрывающей двери для желательной по демографическим соображениям иммиграции, но и не открывающей их слишком широко и бесконтрольно» [4].

По нашему мнению, несмотря на то, что кыргызы не относятся к титульному населению Российской Федерации, приток мигрантов кыргызской национальности не противоречит интересам России, не несет угрозы ее национальной безопасности.

По данным Департамента миграционной службы при МИД Кыргызской Республики большинство трудящихся-мигрантов из Кыргызстана находятся на территории Уральского и Сибирского административных округов Российской Федерации [6, с. 6]. Таким образом, основной поток мигрантов из Кыргызстана направлен не в европейскую часть России, а в уральский и, что особенно важно, сибирский регионы. Миграционный приток из Кыргызстана способствует решению проблемы сокращения населения в азиатской части России.

Кыргызские мигранты способны относительно легко интегрироваться в российскую этнокультурную среду. Это объясняется тем, что население Кыргызстана «слабо подвержено влиянию ислама, испытывает тяготение к восточным славянам и стремится жить с ними в симбиозе» [7]. Мигранты из Кыргызстана более предпочтительны России исходя из геополитических соображений, так как Кыргызстан не имеет общей границы с Россией.

Как известно, приток мигрантов в Россию из-за рубежа очень часто приводит к ухудшению криминогенной обстановки. В этой связи можно привести мнение руководителя представительства МИД РФ по делам миграции при посольстве Российской Федерации в Кыргызской республике, который отметил, что по данным руковод-

ства МВД РФ «на территории России нет преступных группировок, состоящих из кыргызстанцев, и трудовые мигранты из Кыргызстана наиболее законопослушны по сравнению с выходцами из других стран СНГ» [6].

По данным информационного агентства «AKU press» российские власти расценивают трудовых мигрантов из Кыргызстана как «законопослушных граждан» [1, с. 7].

Социально-экономические последствия внешней миграции для Кыргызстана нужно прежде всего рассматривать в двух аспектах: последствия выезда русскоязычного населения и последствия трудовой миграции населения Кыргызстана, в основном коренного.

Масштабный выезд из Кыргызстана русскоязычного населения приводит к глубоким отрицательным социально-экономическим последствиям:

- миграция высококвалифицированных специалистов, уменьшение слоя экономически активного населения привели к резкому ухудшению производственного потенциала страны;
- в результате миграции за рубеж происходит ухудшение качества кадрового обеспечения промышленной, строительной, транспортной и других отраслей экономики, где было большое представительство русскоязычного населения (по данным бывшей ФМС РФ в республиках Средней Азии русскоязычное население составляло до 50% инженерного персонала) [8];
- в результате внешней миграции происходит «утечка умов», ухудшение интеллектуального потенциала в науке, образовательной системе, республика несет невосполнимые потери;
- массовый выезд русскоязычного населения, уменьшение русскоязычной диаспоры может усложнить этнополитическую ситуацию в Кыргызстане, привести к возникновению и обострению межэтнических региональных и клановых противоречий.

Негативная сторона отъезда коренного населения за рубеж выражается в следующем:

- уехавшие граждане Кыргызстана производят валовой внутренний и национальный продукт в принявшем их государстве, они увеличивают национальное богатство принимающей страны, а не Кыргызстана. Зарабатывая деньги за границей, эмигранты значительную часть этих средств там же и тратят;
- из Кыргызстана уходит лучшая, наиболее конкурентоспособная и предприимчивая часть населения, ослабляя тем самым национальную экономику, уменьшается слой трудоспособного населения;

- массовый отъезд молодых людей может отрицательно повлиять на демографическую ситуацию в Кыргызстане, на внутрисемейные отношения, преемственность национальных традиций;

- объемы денежных переводов и капиталов от мигрантов очень трудно определять и прогнозировать. Чем больше живут мигранты за рубежом, тем меньше становятся их денежные переводы, постепенно ослабевают связи с родиной.

Среди положительных сторон современной трудовой миграции, особенно коренного населения Кыргызстана, можно выделить следующие:

1. Выезд трудовых мигрантов коренной национальности содействует решению проблемы избытка рабочей силы в республике. На 1 января 2001 г. в Кыргызстане предложение рабочей силы превышало спрос в 40 раз [9]. Трудовая миграция приводит к сокращению уровня безработицы, происходит сокращение расходов на социальные пособия, переобучение безработных, организацию для них общественных работ, помощь их семьям.

2. Работая за границей, трудовые мигранты повышают свою квалификацию, они приобретают производственные и организационные навыки. Этот момент имеет особую актуальность для Кыргызстана, так как значительная часть населения титульной национальности имеет низкий квалификационный уровень. Находясь в стране, обладающей более передовыми технологиями, более высокими требованиями, трудовыми стандартами, мигранты из Кыргызстана повышают свой общеобразовательный и культурный уровень. Мигранты устанавливают деловые контакты, расширяют личные связи с партнерами из других государств. Мигранты набирают ценный опыт и знания, которые пригодятся им на родине.

3. Работая за границей, мигранты накапливают стартовый капитал для создания малых и средних предприятий после возвращения в Кыргызстан. Таким образом, происходит содействие формированию среднего класса.

4. Денежные переводы трудовых мигрантов в Кыргызстан являются значительным источником иностранной валюты. Доходы трудовых мигрантов, переводимые в Кыргызстан, повышают уровень жизни населения, улучшают платежный баланс республики. Мировой опыт показывает очень важную роль денежных переводов эмигрантов для целого ряда стран, особенно малых (в Буркина-Фасо – 31-42%, Кабо-Верде – 39-54%, Йемене – 23-72% от внешних валютных поступлений дают эмигранты) [10]. Если обратимся к странам СНГ, то по некоторым оценкам граждане Азербайджана обеспечивают своей родине дополнительный ежегодный доход до 700 млн

допл. США. Граждане Молдовы, работающие за рубежом, ежегодно переводят в свою страну 150-170 млн долл. США [11]. Мигрантские переводы как источник валютных доходов заметно усиливают позиции национальной валюты – сома. Опыт Турции и бывшей Югославии показывает, что эти страны «смогли сделать свою валюту конвертируемой в значительной степени благодаря тому, что их платежные балансы постоянно ориентировались на трудовые переводы» [12, с. 71]. При возвращении на родину трудовые мигранты привозят с собой ценности и сбережения. Величина этих ценностей и сбережений позволяет удвоить сумму переводов при расчете реальных поступлений в национальный доход страны-экспортера рабочей силы [12, с. 69]. Денежные переводы мигрантов повышают внутренний спрос на родине и тем самым стимулируют рост производства и занятости. За счет переводов происходит ощутимый рост уровня жизни, если не всего общества, то хотя бы некоторой его части.

5. В результате того, что кыргызстанцы в течение длительного времени находятся в России и других странах, происходит углубление, расширение торгово-экономических связей Кыргызстана с этими странами. В результате долговременного пребывания кыргызских мигрантов в других странах устанавливаются деловые контакты, возникают различные виды совместных предприятий, увеличивается товарооборот между странами.

В результате этого кризиса большинство предприятий не работает, а это привело к нарушению процессов воспроизводства рабочей силы. Трудовая миграция позволяет поправить эти нарушения, сгладить их последствия.

Современные международные миграции населения имеют очень серьезные социально-экономические последствия для Кыргызстана. Поэтому правительство Кыргызской республики должно уделять больше внимания этой проблеме. При этом государственное регулирование миграционных процессов предполагает решение многочисленных гуманитарных, экономических, юридических, национальных проблем с учетом следующих условий:

1. Для регулирования миграции населения в современных условиях не применимы административно-командные методы. Кыргызстан – это демократическое государство, которое уважает право своих граждан на свободу передвижения.

2. Ситуация на рынке труда и общее состояние экономики страны приводят к необходимости направлять избыточную рабочую силу на долговременной основе за рубеж.

3. На размеры, структуру и сальдо миграционных потоков определяющее влияние оказывают и будут оказывать уровень и темпы социально-экономического развития, этнополитическая ситуация в Кыргызстане и в странах, в которые выезжают граждане республики.

4. Необходимо комплексное изучение современных миграционных процессов, оценка их последствий и выработка эффективной государственной миграционной политики Кыргызстана.

5. Ввиду низкой квалификации основной части рабочей силы Кыргызстана, острой конкуренции на международных рынках труда внедрение на эти рынки возможно только при проведении сконцентрированной государственной экспансионистской политики, которая будет обеспечивать проникновение рабочей силы из Кыргызстана на международный рынок, защиту интересов трудящихся мигрантов за рубежом.

Миграционная политика Кыргызстана должна включать в себя следующие элементы:

- научный анализ опыта, конъюнктуры на международном рынке труда;
- развитие международного сотрудничества в области миграции населения, создание в межгосударственных соглашениях со странами, куда выезжают граждане Кыргызстана, благоприятных для них условий работы с тем, чтобы выезд на работу носил легальный характер, чтобы граждане Кыргызстана пользовались за рубежом всеми гражданскими правами и защитой со стороны государственных органов;
- защита интересов, устранение элементов дискриминации русскоязычного населения в Кыргызстане во всех сферах жизни общества;
- разработка долгосрочной программы по экспорту рабочей силы для превращения трудовой миграции в реальный источник повышения уровня жизни населения, экономического роста страны;
- создание стимулирующего механизма по привлечению средств мигрантов в Кыргызстан, создание условий для инвестирования средств, заработанных за рубежом, устранение существующих препятствий для вкладывания средств в экономику страны;
- усиление контроля за посредническими фирмами на рынке труда, стимулирование их работы путем налоговых льгот и другими мерами;
- поощрение реэмиграции граждан Кыргызстана, поработавших за рубежом, оказание им помощи в их интеграции в экономической сфере, защита интересов инвесторов-мигрантов.

ВЫВОДЫ:

1. Главными тенденциями современных миграционных процессов в Кыргызстане являются отток русскоязычного населения и трудовая миграция коренного населения. В основном оба этих потока направлены в Россию.

2. Отток русскоязычного населения и трудовая миграция коренного населения оказывают многоплановое неоднозначное влияние на социально-экономическое развитие и Кыргызстана, и стран, принимающих миграционные потоки из Кыргызстана, прежде всего России.

3. Масштабный выезд русскоязычного населения приводит к глубоким отрицательным социально-политическим последствиям для Кыргызстана: ухудшение производственного потенциала, уменьшение слоя экономически активного населения, «утечка умов», усложнение этнополитической ситуации и др.

4. Трудовая миграция граждан Кыргызстана, особенно коренной национальности, в целом выгодна Кыргызстану. Кыргызстан решает проблему избытка рабочей силы, получает валютные доходы, происходит повышение квалификации мигрантов, которые могут использовать ее по возвращении на родину.

5. Приток населения из Кыргызстана, особенно русскоязычного, благоприятен для России, он содействует смягчению действия демографического кризиса. Приток трудовых мигрантов из Кыргызстана также не противоречит интересам России, так как в экономику страны вливается дешевая и послушная рабочая сила. Мигранты из Кыргызстана более предпочтительны России исходя из геополитических соображений, так как Кыргызстан не имеет общей границы с Россией. Трудовые мигранты из Кыргызстана законопослушны, они относительно легко интегрируются в российскую этнокультурную среду.

6. В результате трудовой миграции населения Кыргызстана происходит укрепление торгово-экономических, культурных и других связей республики с Россией и другими странами СНГ.

7. Правительство Кыргызстана должно принимать энергичные меры по регулированию миграционных процессов. Насущным требованием времени является изучение экономических, социальных и других последствий перемещения населения за рубеж с целью выработки действенной государственной миграционной политики Кыргызстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дело. — Бишкек, 2002. — № 35(495).
2. Кузнецова А. Демографические процессы в Кыргызской Республике // Общество и экономика. — М., 2000. — №3/4. — С. 261.
3. Ходов Л.Г. Экономика международной миграции самодостаточного населения (мировой и российский аспекты): Учебное пособие. — М.: Международный университет, 2001.
4. Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина: Московский Центр Карнеги. — М.: Интердиалект, 2000. — С. 104.
5. Рыбаковский Л.Л. Концепция демографической политики: Методологические вопросы. — М.: Экон-информ, 2002. — С. 25.
6. Дело. — 2002. — от 4 декабря.
7. Ситнянский Г.Ю. Естественные границы: какой быть новой России // Общественные науки и современность. — 1994. — № 6. — С. 112-119.
8. Миграция специалистов в России: причины, последствия, оценки / Под ред. Ж. Зайончковской — М., 1994. — С. 28.
9. Национальная стратегия сокращения бедности до 2003 г. — Бишкек, 2001. — С. 42.
10. Ломакин В.К. Мировая экономика. — М., 1998. — С. 270.
11. Состояние рынка труда и миграция населения в СНГ. Экономика СНГ: Аналитический доклад. — М., 2000. — Вып. 4. — С. 94.
12. Экспорт рабочей силы и влияние переводов трудящихся-мигрантов на платежные балансы стран выезда: В кн. Международная миграция населения: Россия и современный мир / Под ред. В.А. Ионцева. — М.: Диалог — МГУ, 1999.

О.А. Яковенко

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам переписи населения 1999 г.)

Республика Казахстан — многонациональное государство, ставшее родиной для представителей более 100 национальностей. История немецкой диаспоры в Казахстане насчитывает несколько веков. Наибольшее число немцев попало в Казахстан в 40-е гг. XX в., что было связано с депортацией и трудовой армией. Вся последующая история немцев была пронизана стремлением восстановить правовую, социальную справедливость. Общественно-политическое движение немцев неоднократно поднимало вопрос о реабилитации

жертв политических репрессий, создании национальной немецкой автономии.

В 1990-е гг. в связи с распадом СССР и изменением политических векторов развития в новых независимых государствах, в связи со сложным политическим и экономическим положением «немецкая проблема» отошла в разряд третьестепенных. Социальная неустроенность, неуверенность в завтрашнем дне, а также возможность возвращения на историческую родину вызвали массовую эмиграцию немецкого населения. Республика теряла не просто рабочие руки, из страны уезжали высококвалифицированные специалисты.

Карагандинская область являлась и по сей день является крупнейшей областью по количеству проживающего в ней немецкого населения. Проанализировать современное состояние немецкой диаспоры (на примере Карагандинской области) дают возможность статистические данные по переписи населения 1999 г. В данной работе основное внимание будет уделено таким вопросам, как: численность немецкого населения, половозрастной состав, грамотность, образование, владение иностранными и государственным языками, занятость, состояние в браке.

Всего численность лиц немецкой национальности, проживающих на территории Республики Казахстан, составила 353 441 чел., в Карагандинской области – 57 229 [1, с. 6] (табл. 1).

Таблица 1

Численность немецкого населения Карагандинской области с 1970 по 1999 гг. (по материалам переписи населения 1999 г.)

Численность населения	1970	1979	1989	1999
Общая	1 560 466	1 713 208	1 745 448	1 410 218
в т. ч. немцев	1 472 33	1 546 02	1 592 08	57 229
из них: городское	1 151 88	1 244 47	1 250 69	46 438
сельское	32 045	30 155	34 139	10 791

Таким образом, общая численность немцев Карагандинской области к 1999 г. по сравнению с 1989 г. сократилась на 101 979 чел. (64, 1%), городское население – на 78 631 чел. (62,9%), сельское – на 23 348 чел. (68,4%) [2, с. 20].

Удельный вес немецкого населения в Карагандинской области по отношению к общей численности населения составил (в %): все население – 4,6; городское – 4,01; сельское – 4,29 [3].

Из табл. 1 также видно, что большинство немецкого населения составляет городское – 46 438 чел. Более подробное представле-

ние о немцах, проживающих в населенных пунктах Карагандинской области, дает табл. 2 [4].

Таблица 2

Численность немцев по населенным пунктам Карагандинской области (по материалам переписи населения 1999 г.)

Населенные пункты	общая	Численность немцев				В % к общему числу населения		
		в т. ч. мужчин	в т. ч. женщины	в т. ч. мужчин	в т. ч. женщины	оба пола	мужчины	женщины
г. Караганда	20 548	9 680	10 868	48,1	51,9	4,70	4,91	4,62
г. Балхаш	2 194	1 021	1 173	46,5	53,5	2,94	2,91	2,98
г. Жезказган	4 111	2 005	2 106	48,8	51,2	2,52	2,57	2,47
г. Каракан	345	165	180	47,8	52,2	1,53	1,50	1,55
г. Приозерск	106	48	58	45,3	54,7	0,96	0,90	1,02
г. Сарань	3 356	1 588	1 768	47,3	52,7	6,43	6,52	6,35
г. Темиртау	6 805	3 199	3 606	47,0	53,0	3,75	3,80	3,71
г. Шахтинск	3 559	1 731	1 828	48,6	51,4	5,34	5,41	5,28
Абайский р/н	3 227	1 565	1 662	48,6	51,5	4,94	4,99	4,90
Актогайский р/н	134	61	73	45,5	54,5	0,56	0,50	0,61
Б-Жырауский р/н	4 831	2 300	2 531	47,6	52,4	6,94	6,76	7,11
Жандарманский р/н	341	143	198	41,9	58,1	1,06	0,89	1,23
Каркаралинский р/н	253	111	142	43,9	56,1	0,48	0,42	0,54
Нуринский р/н	2 216	1 073	1 143	48,4	51,6	5,73	5,56	5,91
Осакаровский р/н	4 320	2 099	2 221	48,6	51,4	9,75	9,81	9,69
Улытауский р/н	74	34	40	45,9	54,1	0,36	0,33	0,40
Шегский р/н	809	410	399	50,7	49,3	1,49	1,51	1,46

Кроме того, из 57 229 немцев, проживающих на территории Карагандинской области, 29 796 составляют женщины и 27 433 – мужчины. Женщины преобладают в количественном плане над мужчинами по всем населенным пунктам Карагандинской области.

Возрастной состав немецкого населения Карагандинской области представлен в табл. 3 [5].

Что же касается уровня образования немецкого населения, то среди немцев, проживающих в Республике Казахстан, Карагандинская область занимает достаточно высокие показатели по лицам, имеющим высшее, среднее специальное, среднее общее образование [1, с. 244] (табл. 4).

Таблица 3

Численность немецкого населения Карагандинской области по возрасту (по материалам переписи населения 1999 г.)

Численность населения	Кол-во	Возраст, лет							
		0-9	10-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
Общая	57 229	7941	13 043	9782	7113	9441	3440	3764	2706
в т.ч.									
мужчины	27 433	4048	6509	4745	3483	4489	1559	1733	967
женщины	29796	3893	6534	5037	3630	4952	1881	2031	1838
из них:									
городское	46 438	6017	10330	8050	5757	7925	2874	3175	2310
сельское	10791	1924	2713	1732	1356	1516	566	589	395

Таблица 4

Немецкое население в возрасте 15 лет и старше по уровню образования, на 1000 чел. (по материалам переписи населения 1999 г.)

Области*	Высшее	Неза-конч. высшее	Среднее спец.	Среднее общее	Основное общее	Начальное общее	Общая числен. немцев
Костанайская	77	9	213	318	238	124	57 410
Карагандинская	67	14	234	336	228	108	57 229
Актмолинская	41	6	205	328	274	123	52 334
Павлодарская	51	7	246	320	250	107	43 835
Северо-Казахст.	41	8	188	322	263	149	41 157
Восточно-Казахст.	65	10	220	311	205	158	32 141

*Для сравнения в таблицу включены области с высоким количеством проживающих в них немцев.

Проанализировать уровень образования немецкого населения по населенным пунктам Карагандинской области позволяют данные табл. 5 [3, с. 71-282].

Таблица 5

Немецкое население Карагандинской области по уровню образования (по материалам переписи населения 1999 г.)

Населенные пункты	Общая численность населения от 6 до 80 лет и старше	Уровень образования					
		высшее	неза-конч. высш.	средн. спец-альн.	средн. общее	основн. общее	начал. общее
г. Караганда	19 113	1579	351	3807	5585	2913	3448
г. Балхаш	2065	73	12	549	500	376	390
г. Жезказган	3810	186	33	915	957	674	755
г. Каражал	326	7	2	77	93	50	68
г. Приозерск	63	5	3	29	29	14	8
г. Сарань	3128	120	13	642	774	667	673
г. Темиртау	6330	428	92	1366	1892	1157	1099
г. Шахтинск	3315	103	23	738	874	661	660
Абайский р/н	2946	114	14	546	766	630	618
Актогайский р/н	128	1	2	17	39	22	33
Б-Жырауский р/н	4383	109	14	499	1245	1126	972
Жанааралский р/н	316	5	-	55	105	54	69
Каркаралинский р/н	235	2	1	30	55	47	69
Нулинский р/н	1981	41	10	198	618	437	457
Осакаровский р/н	3835	92	14	538	917	914	932
Улытауский р/н	-	-	-	-	-	-	-
Щетский р/н	741	19	-	103	227	133	191
Итого	52745	2884	584	10109	14476	9877	10440

Таким образом, из 57 229 немцев, проживающих на территории Карагандинской области, 52 745 чел. – это население в возрасте от 6-ти до 60-ти лет и старше. Среди населения доминируют группы, имеющие полное среднее образование – 14 476 чел., начальное общее – 10 440 чел.

Распределение немецкого населения по степени владения иностранными языками показано в табл. 6, 7 [2, с. 23-26].

Таблица 6

Немецкое население Карагандинской области, владеющее языками (по материалам переписи населения 1999 г.)

	Обе пола	Из них владеют		Муж.	Из них владеют		Жен.	Из них владеют	
		1 язык	2-мя и более		1 язык	2-мя и более		1 язык	2-мя и более
Общая	1410218	800249	609969	689491	373525	295966	740727	426724	314003
в т.ч. немецкое	57229	38758	18 471	27 433	19161	8272	29796	18597	10199
из них:									
городское	46 438	31367	15071	22186	15468	6717	24252	15898	8354
сельское	10791	7391	3400	5247	3692	1555	5544	3699	1845

Таблица 7
Немецкое население Карагандинской области, владеющее языками
(по материалам переписи населения 1999 г.)

Численность населения	Кол-во	Из них владеют языком						
		своей национальности	казахским	русским	английским	немецким	французским	турецким
Общая	1410218	1199003	134700	683297	8478	4891	17	417
в т.ч. немецкое	57 229	11 435	8876	57045	195	-	-	-
из них:								
городское	46 438	9415	7087	46307	194	-	-	-
сельское	10 791	2020	1789	10738	1	-	-	-
мужчины	27 433	4811	4280	27 348	71	-	-	-
женщины	29796	6624	4616	29 699	124	-	-	-

Таким образом, из 57 229 чел. только 19,9% немцев владеют своим родным (немецким) языком. Низкий уровень знания языка своей национальности объясняется:

- ассимиляцией немцев среди общей массы населения;
- слабой культурной идентификацией;
- наличием смешанных браков.

Что же касается других языков, то казахским языком владеют 15,5%; русским – 99,6; английским – 0,3.

Среди городского населения владеют немецким 20,2%; казахским 15,2; русским 99,7; английским 0,4.

Среди сельского населения: немецким – 18,7%; казахским – 16,5; русским – 99,5; английским – 0.

На основании данных табл. 7 видно, что среди немецкого населения достаточно высоким показателем является процент владения государственным языком – 8876 чел. или 15,5%. Степень владения немецким населением государственным языком отражает табл. 8 [2, с. 38].

Из 8876 чел., указавших, что владеют государственным языком, 7609 чел. или 85,7% – это лица, слабо владеющие государственным языком, и только 1267 чел. или 14,2% могут отнести себя к лицам, в определенной степени владеющим государственным языком. Как нам кажется, при заполнении переписных анкет и реальной оценке своих знаний сыграл свою роль политический фактор.

При характеристике социального положения немецкой диаспоры одним из важных показателей является занятость населения (табл. 9) [4].

Таблица 8
Немецкое население Карагандинской области по степени владения государственным языком
(по материалам переписи населения 1999 г.)

Численность населения	Всё	Владеют	Слабо владеют	Не владеют	Владеющие в % ко всему населению	Из них слабо владеющие	Изучают казахский язык
Общая по КО	1410218	654227	127693	755 991	46,4	19,5	229591
в т.ч. немецкое	57 229	8876	7609	48353	15,5	85,7	16 042
из них:							
городское	46 438	7087	6309	39351	15,3	89,0	13 282
сельское	10791	1789	1300	9002	16,6	72,7	2760

Таблица 9
Занятое немецкое население Карагандинской области
(по материалам переписи населения 1999 г.)

Численность по Карагандинской области немецкого населения	Оба пола	Мужчины	Женщины
Общая	17 507	9981	7526
из них: городское	14569	8092	6477
сельское	2938	1889	1049

Карагандинская область по уровню занятого немецкого населения находится на первом месте по всей республике. После нее идут Костанайская (16 292 чел.) и Акмолинская области (15 598 чел.) и т. д. [4, с. 51]. Большинство немецкого населения работает в городах.

Распределение немецкого населения по группам занятий представлено в табл. 10 [4, с. 214-219].

Главным образом представители немецкой национальности работают в сфере крупных и мелких промышленных организаций. Как правило, это специалисты высшего и среднего уровней квалификации – рабочие промышленных организаций, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии, разведки недр, а также операторы, машинисты установок, слесари-сборщики и т.д. 19% от общего числа занятого немецкого населения занимают специалисты высшего и среднего уровня квалификации; 11% – неквалифицированные специалисты; 9,2% – работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственные виды деятельности; 6,9% – руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей организаций.

Таблица 10

**Занятые немецкое население Карагандинской области по группам занятий
(по материалам переписи населения 1999 г.)**

Идентификационный номер детей	Возраст, лет											
	15-19		20-24		25-29		30-34		35-39		40-44	
	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город
1	3,5	6,3	3,4	2,1	4,1	3,1	4,1	1,1	1,4	3,1	2,2	2,1
2	65,5	42,7	55,8	41,5	51	40,6	50,3	38,3	51	28,6	32,2	38,9
3	21,1	33,3	27,9	33	31	21,9	28,3	23,4	23,1	24,5	24,8	28,9
4	8,5	13,5	10,2	16	9	27,1	15,2	27,7	21	34,7	20,7	40
5	1,4	2,1	1,7	5,3	2,1	7,3	2,1	5,3	3,5	6,1	3,4	10
6	-	1	1,7	1	0,6	-	-	-	-	2	-	1
7	-	1	-	-	1,4	-	-	-	-	1	-	-
8	-	-	-	1	0,6	-	-	-	-	-	1	-
50 и старше	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город
село	3,1	3,4	3,3	3,5	3,4	3,1	3,4	3,1	3,3	3,4	3,3	3,1
город	14,6	28,1	22,1	29,3	22,1	28,9	24,1	24,1	28,1	28,1	24,1	28,1
село	18,8	7,3	1,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
город	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
село	1,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
город	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 11

**Сведения о состоянии в браке среди немецкого населения Карагандинской области
(по материалам переписи населения 1999 г.)**

Численность немецкого населения по Карагандинской области	Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководители организаций	Специалисты высшего уровня квалификации	Специалисты среднего уровня квалификации	Служащие, занятые подсобной работой, оформленные по договору, оформленные по договору, оформленные по договору	Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и общественного питания	Квалифицированные рабочие, сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства и рыбной ловли	Квалифицированные рабочие, мелкие промышленные, организационные, хозяйственные, промысловые, строительные, транспортные, связи, телеграфные и развозные	Операторы, аппаратчики, машинисты, установщики, слесари, сборщики	Неквалифицированные рабочие
Общая	1218	1600	1814	4482	1617	972	4063	3531	1934
в т.ч.									
мужчины	734	347	587	31	482	521	3283	2914	843
женщины	483	1253	1227	431	1155	451	780	617	1091
из них:									
городское	1105	1425	1661	422	1505	185	3780	2782	1498
сельское	111	175	153	40	112	787	263	749	436

Среди мужчин высокий процент квалифицированных рабочих, руководителей (представителей) органов власти и организаций – 35,3%, среди женщин – специалистов высшего и среднего уровней квалификации – 14,1%, работников сферы обслуживания – 6,5%, а также неквалифицированных рабочих – 6,2%. В среде сельского немецкого населения преобладают квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства – 26,7%, операторы, машинисты установок, слесари-сборщики – 25,4% [4, с. 218-219].

Проанализировать сведения о состоянии в браке среди немцев, проживающих на территории Карагандинской области, позволяет нам табл. 11.

Из 20 572 мужчин, достигших брачного возраста, 6555 чел. или 31,8% никогда не состояли в браке, среди 21 983 женщин в браке не состояли 5316 чел. или 24,1%. Состояли в браке: среди мужчин – 12 403 чел. или 60,2%, среди женщин – 12 281 чел. или 55,8%. Вдовы среди мужчин – 620 чел. или 3,0%, среди женщин – 2079 чел. или 9,4%. Разведенные среди мужчин – 994 чел. или 4,8%, среди женщин – 2307 чел. или 10,4%.

Таким образом, в результате анализа статистических данных переписи населения 1999 г. нам удалось отразить некоторые аспекты современного состояния немецкой диаспоры Карагандинской области.

С момента переписи населения 1999 г. прошло уже 4 года, естественно, статистические данные по немецкой диаспоре изменились, что, в свою очередь, является объективной предпосылкой для проведения нового социологического исследования среди немцев, проживающих на территории Карагандинской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный состав населения РК. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Алматы, 2000. – Т. 1.
2. Итоги переписи населения 1999 г. по Карагандинской области. – Алматы, 2000. – Т. 1.
3. Итоги переписи населения 1999 г. по Карагандинской области. – Алматы, 2000. – Т. 2.
4. Национальный состав населения РК. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Алматы, 2000. – Т. 3.
5. Национальный состав населения РК. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Алматы, 2000. – Т. 4.

С.К. Уалиева

НИИ демографии

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ФАКТОР БРАЧНОГО СОСТОЯНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК ЖЕНЩИН ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В формировании репродуктивных установок* играют роль различные факторы: экономические, социальные, психологические, культурные. В условиях современного общества определенное влияние на процессы воспроизводства населения имеет фактор брачного состояния**, роль которого меняется со временем: если для традиционного общества была характерна прямая зависимость репродуктивного поведения от вступления в брак, то в современных развитых европейских государствах данная характеристика изменилась, уступив место реализации репродуктивного поведения и без обязательной юридической регистрации брака. Для западноевропейских государств взаимодействие состояния в браке и репродуктивного поведения все больше утрачивает прямую зависимость. Об этом свидетельствует значительная доля внебрачных рождений во Франции, Великобритании, Дании, Финляндии, Норвегии, которая составляет 40% и выше [2, с. 54]. Цель настоящей работы заключается в выявлении воздействия фактора брачного состояния на формирование репродуктивных установок по материалам социологического исследования, проведенного в нашей области.

В 2003 году в рамках исследовательской программы «Стратегия демографического развития Восточно-Казахстанской области» (проект – «Изучение рождаемости») НИИ демографии ВКГУ им. С. Аманжолова проведено обследование мнений женщин по теме «Репродуктивные установки женщин Восточно-Казахстанской области». Общий массив выборки составил 2000 респондентов в возрасте 15 лет и старше. В выборке представлены казахи (48,5%), русские

* Репродуктивная установка – психический регулятор поведения, предрасположенность личности, определяющая согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей [1, с. 383].

** Брачное состояние – положение лица по отношению к институту брака, определяемое в соответствии с обычаями и правовыми нормами страны [1, с. 30].

(45,4%) и представители иных народов. Рассмотрение реального брачного состояния женщин и числа детей, имеющих или планируемых, по данным проведенного исследования позволяет выявить взаимосвязь брачного состояния и репродуктивного поведения.

По характеристике показателей брачного состояния населения Казахстана в последнее десятилетие XX века наблюдалось значительное снижение общих коэффициентов брачности. Практически, в нашей области эти показатели сократились почти вдвое – с 9,9‰ в 1989 году до 5,4‰ в 1999 году [3, с. 32]. Причинами снижения регистрируемых браков явились трудности переходного периода, проблемы социально-экономического свойства. Получили распространение незарегистрируемые браки. В ВКО за прошедшее десятилетие между переписями (1989 и 1999 годов) выросли показатели никогда не состоявших в браке как у мужчин, так и у женщин. Снизились показатели состоящих в браке мужчин в возрасте с 20-ти до 34-х лет. У женщин наблюдается значительное снижение показателей состоящих в браке почти во всех возрастных группах с 16-ти и до 44-х лет, а в отдельных возрастных группах (20-24, 25-29 лет) произошло снижение на 13% [4, с. 71]. Показатели вдовых не претерпели значительных изменений. Увеличились показатели разведенных мужчин и женщин. В последующем, начиная с 2000 года, показатели брачности имели тенденцию к некоторому росту, что связано с «демографической волной», то есть значительной долей населения молодого возраста.

Важным моментом для характеристики брачного состояния является изучение степени распространения незарегистрированных браков, что возможно определить благодаря специальным исследованиям. При разработке анкеты опроса были включены позиции не только основных характеристик брачного состояния (не замужем/холостая, замужем, разведена и вдова), а также позиции по состоянию во втором, третьем и последующих браках, раздельно живущих супругов и состоящих в незарегистрированном браке. В полученной выборке распределение по семейному положению следующее (в %): «не замужем» – 25,4, «замужем в первый раз» – 51,8, «замужем во второй, третий ... раз» – 7,0, «замужем, но живем раздельно» – 1,8, «в незарегистрированном браке» – 3,0, «разведена» – 5,5 и «вдова» – 5,5 респондентов. Таким образом, основная масса респондентов состоит в браке, что верно отражает ситуацию по состоянию в браке населения ВКО по переписи 1999 года – 55,2% женщин состоит в браке [4, с. 71]. Кроме того, результаты анкетирования обозначили наличие незарегистрированных браков.

Материалы проведенного исследования позволили выявить фактическое число детей в зависимости от брачного состояния (табл. 1). Женщины, состоящие в браке, вне зависимости от очередности этого брака в основном имеют по двое детей. Двухдетная семья остается моделью не просто идеальной, но и максимально приближенной к возможностям респондентов.

Таблица 1

Распределение респондентов по брачному состоянию и фактическому числу детей (в %)

Брачное состояние	Удельный вес женщин, имеющих детей в коп-ве							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Не замужем	85,1	10,6	4,3	-	-	-	-	-
Замужем в первый раз	26,2	37,8	22,3	8,5	3,7	0,7	0,6	0,2
Замужем во второй/третий... раз	20,6	40,4	23,6	10,3	3,7	1,5	-	-
Замужем, но живем раздельно	27,3	48,4	15,2	9,1	-	-	-	-
Незарегистрированный брак	51,2	34,9	9,3	2,3	2,3	-	-	-
Разведена	57,0	36,8	4,2	2,2	-	-	-	-
Вдова	17,3	26,0	26,0	10,6	12,5	2,9	2,8	1,9

Большинство респондентов, состоящих в первом браке, имеет по двое детей, ниже показатели имеющих одного ребенка и троих детей. Среди женщин, состоящих «во втором/третьем... браке», выше удельный вес имеющих двоих и троих детей. Повторный брак является одной из причин для рождения совместного ребенка. Женщины, имеющие четырех и более детей, относятся к категории респондентов замужних и вдовых, в основном это более взрослые люди, реализовавшие репродуктивные установки. Среди женщин, имеющих только одного ребенка, доминируют незамужние, разведенные и живущие в незарегистрированных браках. Такие факторы, как неуверенность в партнере, неспособность обеспечить ребенку необходимые материальные условия и гарантии, не позволяют женщинам иметь большее число детей. Состояние в браке по-прежнему является одним из важнейших факторов, определяющих репродуктивное поведение женщин исследуемого региона.

Показатели идеального и планируемого числа детей в семье являются характеристиками репродуктивных установок и отражением потребности в детях. Идеальное число детей – представления о наилучшем числе детей в семье вообще без учета конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений [1, с. 147]. По материалам проведенного исследования выявлено идеальное число детей в семье в сопоставлении с фактическим числом имеющих детей (рис. 1). Проведенный анализ позволяет отметить общую тенден-

цию в представлении об идеальном числе детей в семье; наибольшие показатели приходятся на двоих детей – более 40% респондентов. Следующими показателями по убывающей являются трое, четверо, пятеро детей и затем один ребенок в качестве идеального числа детей.

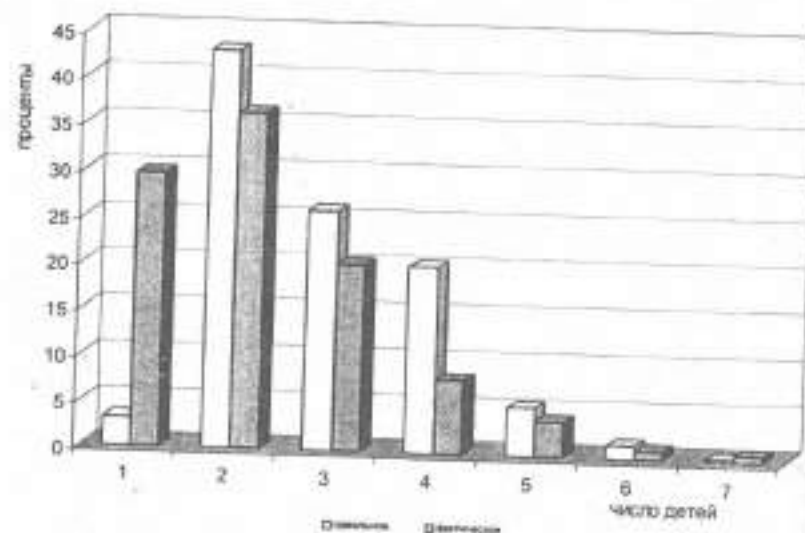

Рис. 1. Идеальное и фактическое число детей у респондентов

Интересно, что удельный вес женщин, считающих идеальным троих и четверых детей, почти одинаков. Для комплексной характеристики идеального числа детей необходимо рассмотрение данных во взаимосвязи с различными параметрами. При сопоставлении с фактическим числом детей наблюдается совпадение в отношении двоих детей. Наибольшие отличия прослеживаются в позиции по одному ребенку – разница почти в четыре раза. Роль играют разные причины, одна из которых – возраст респондентов. Более полная характеристика идеального числа детей в зависимости от брачного состояния представлена в табл. 2.

Таблица 2

Идеальное число детей у женщин по брачному состоянию (в %)

Брачное состояние	Идеальное число детей							Всего
	1	2	3	4	5	6	7 и более	
Не замужем	5,0	52,0	25,6	12,9	3,3	0,8	0,4	100
Замужем в первый раз	1,8	38,0	26,3	25,0	6,1	1,6	0,8	100
Повторный брак	3,0	39,8	25,6	19,5	7,5	3	1,6	100
Замужем, живут раздельно	2,9	51,4	22,9	20,0	2,8	0	0	100
Незарегистрированный брак	10,7	57,1	25,0	5,4	1,8	0	0	100
Разведена	1,9	59,6	22,1	13,5	2,9	0	0	100
Вдова	3,8	26,0	29,8	26,0	9,6	3,8	1,0	100
Всего	3,1	43,0	25,9	20,3	5,3	1,5	0,9	100

Анализ данных показывает, что для всех категорий общим является представление двоих детей в качестве идеального числа. Отличия прослеживаются в отношении одного ребенка, наибольший процент наблюдается у состоящих в незарегистрированном браке и у незамужних женщин. Дело в том, что в данных категориях в основном женщины молодых возрастов. Кроме того, состоящие в незарегистрированном браке имеют позиции по идеальному количеству детей: более половины – двоих детей, затем четверть среди них – троих, далее, свыше 10% – одного ребенка. По-видимому, в таких показателях играет роль статус брачного состояния женщин. Именно для замужних, состоящих в повторном браке, и вдов свойственны позиции идеального числа шестерых детей. Для других категорий брачного состояния нет показателей по данной позиции.

В зависимости от состояния в браке выше показатели идеального числа детей (табл. 2). Наиболее высокие показатели идеального числа «пять» и более детей приходятся на состоящих в браке (особенно в повторном) и на вдовых женщин, поскольку вдовы – это в основном женщины старших возрастов, в представлениях которых отражается число детей в семье, в которой росли они сами, или же представления прежних лет об идеальном числе детей.

В разрезе национальностей представления женщин по брачному состоянию об идеальном числе детей имеют разные характеристики (табл. 3). Представления о большем числе детей как идеальном свойственны женщинам казахской национальности.

Таблица 3

Идеальное число детей в представлении женщин по брачному состоянию в разрезе двух основных национальностей (в %)

Брачное состояние	Идеальное число детей											
	1		2		3		4		5		всего	
	каз.	рус.	каз.	рус.	каз.	рус.	каз.	рус.	каз.	рус.	каз.	рус.
Не замужем	2,4	7,7	39,7	65,0	30,8	20,1	19,4	6,0	5,3	1,2	97,6	100
1-й брак	1,5	2,2	23,1	55,2	29,8	22,3	33,6	15,0	6,3	3,5	96,3	98,2
Повторный брак	0	4,5	28,9	45,5	22,2	27,3	22,2	18,2	17,8	2,3	91,1	97,8
Замужем, живут разд.	6,3	0	31,3	68,4	31,3	15,8	31,1	10,5	0	5,3	100	100
Незарегистр. брак	17,6	7,7	47,1	61,5	23,5	25,6	11,8	2,6	0	2,6	100	100
Разведена	0	3,3	32,6	78,7	32,6	14,8	27,8	3,2	7,0	0	100	100
Вдова	2,2	5,2	21,7	29,3	23,9	34,5	32,6	20,7	13,0	6,9	93,4	96,6
Всего	2,0	4,2	28,7	57,1	29,4	22,5	28,6	12,1	7,9	2,8	96,6	98,7

Данные табл. 3 также показывают различные позиции в отношении числа детей в зависимости от национальности и брачного состояния. Среди незамужних в большей степени женщины желают иметь двоих детей. Для русских незамужних женщин свойственны представления о двух, трех детях, об одном ребенке по степени убывания. Незамужние казашки считают идеальным иметь двоих, троих, четверых, пятерых детей, и только потом – одного ребенка. Более половины замужних русских женщин считают идеальным двоих детей. Для замужних казашек характерно смещение акцента наибольшего показателя на позицию идеального числа – четверых детей – более 30%, затем идет позиция – троих детей, и только после этого позиция двоих детей. Отмеченные моменты свидетельствуют о прямом влиянии состояния в браке у казашек на показатели идеального числа детей.

Данные табл. 3 также свидетельствуют о том, что вне зависимости от брачного состояния казашки имеют показатели идеального числа детей выше, чем русские. На показатели русских женщин брачный статус оказывает влияние, замужние и вдовы имеют выше показатели идеального числа детей. Следует отметить, вне зависимости от национальности вдов как у казашек, так и у русских около 20-30% приходится на представление об идеальном числе троих-четверых детей. Одна из причин данной ситуации видится в возрасте вдовых женщин: раньше идеальным считалось большее число детей.

Планируемое число детей – одна из характеристик репродуктивной установки – предполагает число детей, которое хотел (планировал, собирался) иметь респондент [1, с. 320]. Число планируемых

детей не всегда совпадает с идеальным числом. Вопрос о планировании детей имел две позиции ответов: при вступлении в брак и вне брака. Разность между планируемым и фактическим числом детей есть число детей, которое в среднем намерены иметь респонденты на протяжении предстоящей репродуктивной деятельности. И чем меньше разрыв между этими показателями, тем более реализованы желания. Если число детей в семье соответствует потребностям супругов в детях, то никакое улучшение условий жизни не приведет к повышению этого числа. Но если имеющееся число детей меньше уровня потребности, тогда улучшение условий реализации этой потребности способно повысить число рождений.

Во-первых, рассмотрим позиции женщин, планировавших иметь детей в браке. Одного ребенка планировали почти одинаковый процент женщин обеих национальностей (11,9 и 12,8%). Двоих детей среди русских женщин планировало иметь половина респондентов – 51,2%, в то время как у казашек – 36,0%. В отношении троих детей наблюдается разница в позициях: у казашек в полтора раза выше (22,7%), чем у русских (16,1%). Четверых детей планировали иметь 7,0% опрошенных казашек и 3,8% русских. В основном женщины планировали иметь двоих детей. В национальном аспекте явно выражена дифференциация между двумя основными национальностями. Двоих детей планировало большинство респондентов, особенно среди русских. У респондентов казахской национальности следующей по значимости идет позиция планирования троих детей.

Рассмотрение возрастных характеристик показывает, что в возрастных группах до 35-ти лет планировало иметь одного ребенка наибольший процент – 15-18% респондентов. В последующих возрастах происходит снижение показателей – до 4,6% в 50 лет и старше. Показатели планировавших иметь троих детей колеблются от 16 до 25% в разных возрастных группах. По всем возрастным когортам наибольшие проценты приходятся на планировавших иметь только двоих детей (начиная с 15-19-ти лет – 43,3%; в 30-34 года – 50,8%; в 50 лет и старше – 34,5%). Тенденции, свойственные молодым женщинам, – планирование иметь в основном (до 50%) двоих детей, то есть простое воспроизводство. Планируют иметь одного ребенка больший процент молодых женщин в сравнении со старшими возрастными.

При рассмотрении позиций о планировании детей вне брака значительная дифференциация наблюдается в представлениях респондентов казахской и русской национальности. Не планировали иметь

детей вне брака в большей степени казахи. В три раза выше процент планировавших внебрачную рождаемость у русских женщин в сравнении с казахами: 24,4 и 8,8% соответственно планировали иметь одного ребенка (рис. 6). Именно в ответах на данный вопрос явно прослеживаются отличия в представлениях женщин основных этносов Республики Казахстан, на что, безусловно, влияют культурные традиции, менталитет и определенный этап демографического развития.

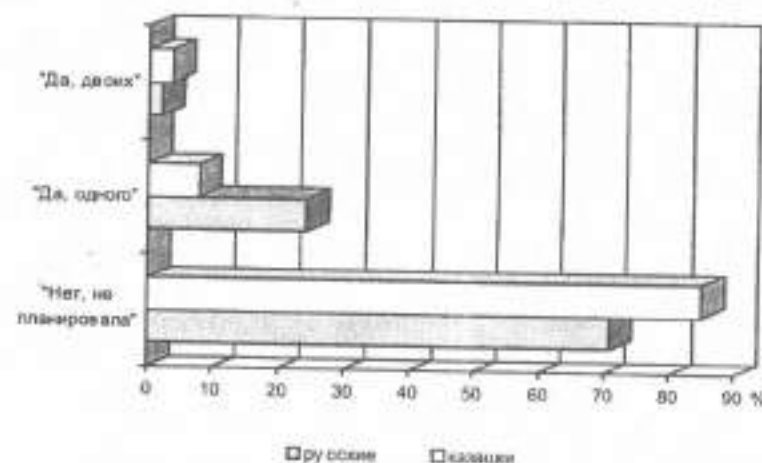

Рис. 2. Планирование рождения детей вне брака женщинами в разрезе национальностей

В возрастном аспекте позиции женщин в отношении планирования внебрачной рождаемости имеют интересную характеристику: в молодых возрастах процент планировавших рождение вне брака одного ребенка значительно выше, чем в старших возрастах (после сорока лет). Разница в позициях составляет до 20%. Следует отметить рост внебрачной рождаемости в конце 1990-х годов и более лояльное отношение к таким рождениям. В Восточно-Казахстанской области доля детей, родившихся вне зарегистрированного брака, среди всех рождений возросла с 21,0% в 1995 году до 28,6% в 2000 году. Среди городского населения данные показатели выше, чем у сельского, на 4% и в 2000 году составляли 30,2% [3, с. 26]. По данным характеристикам ВКО не отстает от России, где доля внебрачных рождений достигла 29% от общего числа родившихся в 2001 году [2, с. 50]. Следовательно, почти трое детей из десяти рожают-

ся вне брака. Одной из причин данной ситуации является распространение незарегистрированных браков.

Все обозначенные моменты выявляют взаимосвязь между брачным состоянием и репродуктивными установками и рождаемостью. Результаты анализа фактического состояния детности показывают, что замужние женщины – в первом или повторном браках – имеют большее число детей в семье в сравнении с незамужними, разведенными и состоящими в незарегистрированном браке. В формировании репродуктивных установок брачное состояние выступает в качестве определяющего фактора, что подтверждается и в разрезе национальностей. Кроме того, на современном этапе обозначились тенденции, свойственные развитым странам: увеличение доли внебрачных рождений. Несмотря на этот факт в основном женщины планируют рождение детей именно в браке, и идеальное число детей значительно выше в представлениях замужних женщин. В условиях нашего общества брачное состояние остается одним из важных факторов, влияющих на репродуктивное поведение женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликян. – М., 1994. – 640 с.
2. Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. – М., 2002. – 216 с.
3. Демографический ежегодник ВКО / Агентство РК по статистике. Управление статистики ВКО. – Усть-Каменогорск, 2001. – 48 с.
4. Итоги переписи населения 1999 года по Восточно-Казахстанской области: Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. – Алматы, 2000. – Т. 1. – 158 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Абылбева Х. Незаконная миграция в Казахстане	3
Аадева Е.Н. Гендерные особенности трудовой миграции населения в Ставропольском крае	13
Адыльбекова А.Б., Долгов Е.Г. Медико-демографическая оценка влияния экологической среды г. Усть-Каменогорска на характер донозологических изменений состояния здоровья студенческой молодежи	19
Айтказина З.Н. Сравнительная характеристика репродуктивных установок городских и сельских женщин Восточно-Казахстанской области (по данным социологического обследования)	24
Алексеев А.Н. Стратегия демографического развития Республики Казахстан: региональный аспект	33
Алексеев Н.В. Демографические последствия первой мировой войны в Казахстане	41
Аубкирова Ж.С. Опыт демографического районирования Казахстана	46
Бойко В.С. Корейская община Западной Сибири	56
Бургарт Л.А. Немецкое население Казахстана в конце XIX-XX вв.: основные этапы этнодемографического развития (по материалам всеобщих переписей населения)	59
Бурдельный Е., Кабаненко П. Некоторые аспекты миграционных процессов в Республике Молдова: прошлое, настоящее, будущее	82
Владимиров В.Н., Демкин А.В. К созданию русскоязычной исторической классификации профессий	91
Волосенкова Е.В. Миграционные процессы в Краснодарском крае: история и современность	97
Высочин М.Ю. Миграционные процессы на Украине	107
Гладких А.И. Казахи в Рубцовске в советский период	117
Григоричев К.В. Потенциал возвратной миграции из Алтайского края в Казахстан	124
Дулина Н.В., Копина О.В., Токарев В.В. Формирование, распределение и использование трудовых ресурсов в регионе (на примере Волгоградской области)	135
Жолдинова Е. Изучение процессов рождаемости в Восточном Казахстане в период с 1989 по 2000 гг.	145
Завалко Д.А. Татарская диаспора на территории Восточного Казахстана в XIX в.	151

Икамбаева К.Р. 1979-1989 жылдары санақаралық кезеңіндегі Шығыс Қазақстанның халқы	159
Калиева К.С. Материалы ЦДНИ ВКО о переписях населения в Казахстане первой четверти XX в.	166
Карачурина Л.Б. Миграционные связи России с Казахстаном в 70-90-е гг. XX в. (региональный аспект)	176
Крайнов В.В. Сезонная трудовая миграция молодежи Республики Беларусь	183
Краснобаева Н.Л. Население Казахстана по данным первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года (региональный аспект)	190
Кротова Т.П. Современные тенденции миграции населения Алтайского края: итоги десятилетия (с 1992 по 2002 гг.)	198
Лебедева С.Г. Миграционные процессы на постсоветском пространстве: общие тенденции и региональные особенности	206
Линюх С.А. Этнический фактор внутривосполитической стабильности в Республике Казахстан	217
Мухамеджанов М.А. Гаранты прав и условия развития этносов	228
Нагайцева Е.А. Современные индивидуальные модели миграционного поведения населения России (опыт социологического исследования)	238
Охотников А.Ю. Трансформация комплекса традиционной культуры поволжских немцев в условиях военной экономики, депортации и ссылки (1940-1950-е годы, север Кулундинской степи)	249
Сабаева А.Ю. Проблемы внутренней миграции в Республике Казахстан (90-е гг. XX века)	261
Семенов В. Гипотеза динамики культурных пространств	271
Силина И.Г. Демографические характеристики внешних миграций в Алтайский округ (вторая половина XIX-начало XX в.)	282
Столярова Э.О. Студенчество и проблема наркомании (анализ сопоставления данных исследований 2001 и 2002 гг. «Проблема наркомании глазами студентов ВКГТУ»)	290
Тарасова Е.В. Организационно-правовые аспекты сельскохозяйственного переселения в Казахстан в 1917-1941 гг.	297
Токарев В.В., Дулина Н.В. Миграционная мобильность населения Волгограда (по материалам социологического исследования)	304
Толстухина Н.В. Состояние демографической безопасности Читинской области	310
Шериязданова Г. Основные показатели смертности в Республике Казахстан в 1990-е годы (гендерный аспект)	326

Эргешбаев У.Ж. Социально-экономические последствия современных миграционных процессов в Кыргызстане	334
Яковенко О.А. Немецкое население карагандинской области (по материалам переписи населения 1999 г.)	343
Уалиева С.К. Фактор брачного состояния в формировании репродуктивных установок женщин Восточно-Казахстанской области	353

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

*Материалы V Международной
научно-практической конференции
(г. Усть-Каменогорск, 20-21 октября 2003 г.)*

Ответственный за выпуск *Н.К. Сагымбаева*
Редактор *Т.И. Новоселова*
Художественный редактор *Ю.Б. Ершова*
Технический редактор *Х.Ж. Рахметуллин*

Подписано в печать 05.03.2004. Формат 60х84/16. Усл.-печ. л. 23,9
Уч.-изд. л. 26,2 Тираж 300 экз. Заказ 122 Цена договорная

Издательство «Медиа-Альянс»
492000, г. Усть-Каменогорск, ул. Бажова, 52
Отпечатано в типографии ТОО «Медиа-Альянс»

